

ISSN 0027-8283

我们的同时代人

аш

овременник

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

文学杂志

特刊 2025年5月

Специальный выпуск

Май 2025

Специальный выпуск – май 2025

特刊 2025年5月

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1956 года

Главный редактор Карина СЕЙДАМЕТОВА

文艺和政论月刊

1956年创刊

主编 卡琳娜·谢达梅托娃

Редакция:

Приёмная — (495) 621-48-71

Сергей Куняев —
генеральный директор,
отдел публицистики —
(495) 625-88-28

Я. В. Сафронова —
зав. отделом критики
(495) 625-30-47, ns-kritika@yandex.ru

Д. А. Лагутин —
редактор отдела прозы —
(495) 625-30-47, ns-proza@yandex.ru

редактор отдела поэзии
ns-poetry@yandex.ru

Е. Н. Евдокимова —
зав. редакцией — (495) 621-48-71

编辑部:

接待室 — (495) 621-48-71

总经理、政论部
谢尔盖·库尼亚耶夫 —
(495) 625-88-28

文艺批评部主任
雅娜·萨弗罗诺娃 —
(495) 625-30-47, ns-kritika@yandex.ru

小说部主任 德米特里·拉古京 —
(495) 625-30-47, ns-proza@yandex.ru

诗歌部主任 ns-poetry@yandex.ru

编辑部主任
叶列娜·叶夫多基莫娃 —
(495) 621-48-71

Над выпуском работали: Андрей Куняев, Гуань Сюэцзюань, Юэ Жунъюань, Ли Силу, Чай Сюйдун, Сун Сюэкунь, Ван Линь, Ма Хэяо, Лю Шуминь, Тун Цзинтао, Сюй Баоцяо, Юй Сяотин, Чжан Фанли, Ма Вэйхун, Ли Ялань, Алексей Родионов, Роман Шапиро, Ли Цзюньтун, Марина Кушнарченко, Наталья Грибанова, Римма Матусихис, Дарья Рогова, Полина Мананникова, Юлия Сорокина, Полина Кикеля, Мария Никитина, Ксения Варавко, Анастасия Калякина, Екатерина Перерва, Анастасия Подарева. Редактор-переводчик Оксана Родионова. Вёрстка – Геннадий Мараканов, корректор Светлана Артамонова.

本期工作小组: 安德烈·库尼亚耶夫、关秀娟、岳蓉媛、李希卢、柴旭东、宋雪坤、王琳、马赫遥、刘淑敏、佟静涛、徐宝俏、于晓婷、张芳丽、马卫红、李雅兰、阿列克谢·罗季奥诺夫、罗曼·沙皮罗、李俊彤、玛琳娜·库什娜连科、娜塔莉娅·格丽芭诺娃、叶卡捷丽娜·佩列尔娃、里姆玛·玛图西希斯、达丽娅·罗戈娃、阿娜斯塔西娅·波达列娃、波莉娜·玛南妮科娃、尤莉娅·索罗金娜、波莉娜·基克莉娅、玛丽娅·妮基季娜、克谢妮娅·娃拉夫科、阿娜斯塔西娅·卡莉娅基娜

翻译审校 奥克莎娜·罗季奥诺娃

排版 根纳季·马拉卡诺夫、校对 斯韦特拉娜·阿尔塔莫诺娃

Адрес редакции: Москва, 127051, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Сайт в интернете: <https://журнал.наш-современник.рф>, эл. почта: n-sovrem@yandex.ru

编辑部地址: 莫斯科127051七彩林荫路32号2栋

网站 <https://журнал.наш-современник.рф> 电子信箱 n-sovrem@yandex.ru

Содержание номера

Слово редактора 3

Проза

А ЧЭН
Вóроны. *Рассказ* 13

ВЕРА ГАЛАКТИОНОВА
Мы будем любить. *Повесть* 37

ЧИ ЦЗЫЦЗЯНЬ
Белый снег,
Черные вóроны.
Отрывок из романа 108

ЮРИЙ КОЗЛОВ
Догоняющий сон.
Фрагмент из романа
“Враждебный портной” 119

ДУН СИ
Компенсация. *Рассказ* 143

РОМАН СЕНЧИН
Рассказы 159

АЛАЙ
Цветки софоры. *Рассказ* 186

ИЛЬЯ БОЯШОВ
Эдем. *Рассказ* 199

ДМИТРИЙ ЛАГУТИН
Температура плавления.
Рассказ 219

САНЬ САНЬ
Поздняя весна.
Отрывок из рассказа 224

ФУ ЮЭХУЭЙ
Ночной сторож.
Отрывок из рассказа 238

АЛЕКСАНДРА КЛИМОВА
Рассказы 245

ВАН ВЭЙЛЯНЬ
Городская медуза.
Отрывок из рассказа 271

ХОУ ЛЭЙ
Мастер по ремонту велосипедов.
Отрывок из рассказа 289

ГУ ВЭНЬЯНЬ
Искусственное озеро.
Отрывок из рассказа 302

ЧЖОУ КАЙ
Эхо. Отрывок из рассказа 315

Поэзия

МАО СЮПУ
Стихи 90

ЕВГЕНИЙ ЧЕПУРНЫХ
Стихи 103

ЯН СЮЛИ
Стихи 130

КАРИНА СЕЙДАМЕТОВА
Стихи 134

ЧЭНЬ ЛЯН
Стихи 175

ЕВГЕНИЙ СЕМИЧЕВ
Стихи 183

ИАНА КАН
Стихи 234

ЛИ ЦЗЮНЬТУН
Стихи 214

ДУАНЬ ЦИНЦИН
Стихи 258

НАТАЛЬЯ ДОБАРКИНА
Стихи 262

ГРИГОРИЙ МЕДВЕДЕВ
Стихи 284

САДИГ МАМЕДОВ
Стихи 295

МИХАИЛ СЕРЕБРИНСКИЙ
Стихи 326

Критика

ЯНА САФРОНОВА
Пора лихолетий 332

Очерк и публицистика

Юй ЦЮЮЭ
Солнечный остров осенью 356

Память

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ
Дао Тун 364

本期目录

编辑寄语 3

小说

阿成 乌鸦
(短篇小说) 13

薇拉·加拉克季奥诺娃
将爱 (中篇小说) 37

迟子建
白雪乌鸦 (长篇小说节选) 108

尤里·科兹洛夫
追逐的梦
(节选自长篇小说
《敌对的裁缝》) 119

东西
私了 (短篇小说) 143

罗曼·先钦
短篇小说 159

阿来
槐花 (短篇小说) 186

伊利亚·博亚索夫
伊甸园 (短篇小说) 199

德米特里·拉古京
熔点 (短篇小说) 219

三三
晚春 (短篇小说节选) 224

甫跃辉
夜眼 (短篇小说节选) 238

亚历山德拉·克里莫娃
短篇小说 245

王威廉
城市海蜇 (短篇小说节选) 271

侯磊
修车大师 (短篇小说节选) 289

顾文艳
人工湖 (短篇小说节选) 302

周恺
回响 (短篇小说节选) 315

诗歌

毛秀璞
诗 90

叶夫根尼·切普尔内赫
诗 103

杨绣丽
诗 130

卡琳娜·谢达梅托娃
诗 134

陈亮
诗 175

叶甫盖尼·谢米切夫
诗 183

李俊彤
诗 214

狄安娜·坎
诗 234

缎轻轻
诗 258

娜塔莉亚·多巴尔金娜
诗 262

瓦西里耶维奇·格里高利
诗 284

萨迪格·马梅多夫
诗 295

米哈伊尔·谢列布林斯基
诗 326

评论

雅娜·萨弗罗诺娃
动荡时期 332

随笔和政论

于秋月
秋天的太阳岛 (散文) 356

回忆

亚历山大·卡津采夫
道统 364

Дорогие читатели!

С волнением и надеждой представляем вам специальный выпуск нашего журнала, посвящённый двум великим странам России и Китаю, их истории и современности, раскрываемым средствами художественной прозы, поэзии, критики и публицистики.

Этот выпуск реализуется «Нашим современником» в рамках проекта «Российско-китайские созвучия» при поддержке Президентского фонда культурных инициатив. У наших народов столь много общего — от многотысячекилометровых границ по высоким горам, полноводным рекам и суровым пустыням до сходства исторических судеб, преисполненных борьбой за национальное самостояние, за великое право идти своим путём к процветанию.

Специально для китайских читателей считаем уместным сказать короткое слово о «Нашем современнике», чей номер вы держите сейчас в своих руках.

Предметом особой, незабываемой гордости и великой ответственности нашей является прямое духовное и творческое родство с пушкинским «Современником», который был создан гением русской культуры 189 лет тому назад. Верность пушкинской традиции — неизменный принцип нашего журнала.

Известно, что сам Александр Сергеевич при жизни очень хотел посетить Китай, но осуществить своё желание ему так и не довелось. В 1829 году он напишет такие строки:

*Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я...
Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножию ль стены далекого Китая,
.....
Повсюду я готов. Поедем... но, друзья,
Скажите: в странствиях умрет ли страсть моя?
Забуду ль гордую, мучительную деву,
Или к ее ногам, ее младому гневу,
Как дань привычную, любовь я принесу?*

Зима 1829 года выдалась для Пушкина трудной. Тогда он вернулся в Москву из путешествия в Арзрум, увидел в печати отрицательный и несправедливый отзыв на его «Полтаву», да ещё и на брак с Гончаровой надежды пока не было. Друзья советовали ему отвлечься от горестных раздумий и уехать. В начале января 1830 года он просил у Бенкендорфа разрешения о посещении Европы или «Если же на это не будет согласия, — писал Пушкин, — я просил бы соизволения посетить Китай с миссией, которая собирается туда отправиться». Но разрешения на отъезд, как известно, Пушкину не дают.

Приведённое автобиографическое стихотворение было опубликовано в “Московском вестнике” лишь в мае 1830 года, только когда поэт становится официальным женихом Натальи Николаевны. Ситуация, описанная Пушкиным в этих стихах, переросла мгновения частной жизни, утратив личную остроту, но тем самым стала достоянием общественности.

Пу-си-цинь — так на китайском языке звучит имя Пушкина. И не менее символично, что первым переводом русской классики на китайский язык стала в 1903 году именно пушкинская повесть “Капитанская дочка”. Позже появились другие переводы. Литературовед Цюй Цюбо восхищался “величайшим творением Пушкина – романом в стихах «Евгений Онегин»”. Во многом через Пушкина Китай знакомился с русской культурой в её историческом контексте.

В 1937 году, к 100-летию со дня гибели поэта, в Шанхае на “Улице луны” был открыт памятник Пушкину. “*От потрясенного Кремля До стен недвижного Китая...*” Это говорит не только о дани уважения, но и о взаимном влиянии на культурную и общественную жизни двух стран. Памятник восстанавливался несколько раз.

И когда в середине XX столетия праправнучка поэта Елизавета Дурново выйдет замуж за китайца Родни Лю — знать бы Пушкину, что его потомка, рождённого от этой пары, назовут Александр Лиу! Русское имя соединилось с китайской фамилией. Слово бы иероглифы и кириллица сплелись в единую древнюю вязь.

* * *

Вот уже более шестидесяти лет “Наш современник” служит Слову, неуклонно осуществляя отбор и сплочение самобытных, талантливых авторских сил. И потому закономерно, что практически все крупнейшие, выдающиеся русские писатели второй половины XX века почитали за честь публиковать свои произведения в журнале. Гордимся, что лучшие свои рассказы, а также всемирно известную киноповесть “Калина красная” печатал в “Нашем современнике” знаменитый народный писатель, артист и режиссер Василий ШУКШИН. Это ему принадлежат заветные для каждого значительного литератора слова: “Хочешь быть мастером, махай своё перо в правду. Ничем другим больше не удивишь”.

Большую правду о русской революции, о Великой Отечественной войне, о судьбах деревни поведали на страницах журнала миллионам читателей в своих романах и повестях мастера русской прозы, чьи имена известны повсюду, в том числе и в Китае: Фёдор АБРАМОВ и Василий БЕЛОВ, Виктор АСТАФЬЕВ и Юрий БОНДАРЕВ, Евгений НОСОВ и Валентин ПИКУЛЬ. Не хочется никого забыть — но невозможно всех перечислить... Любовь к литературе, правда о народной жизни — вот что одухотворяет и сегодня, в непростые для России времена, всех, кто верен ей и верит в неё.

Высокие литературно-творческие позиции журнала, завоёванные старшими поколениями писателей, прочно удерживают их последователи, чьё творчество расцвело, набрало большую этическую силу. Выделим здесь лишь несколько ярких, самобытных талантов. И начнём этот ряд с ключевого для нас имени — Валентин РАСПУТИН. Начиная с 70-х годов его

произведениями зачитывался весь просвещенный мир, включая, конечно же, и китайских ценителей подлинно художественной литературы. Преодолев потрясение, вызванное крушением СССР, прозаик вновь обрёл духовно-творческие силы и создал новые, пронизанные светом добра и веры, рассказы о современном трагическом состоянии российского общества — “В ту же землю”, “Нежданно-негаданно”, “Изба”, “На родине”. Все они впервые напечатаны в “Нашем современнике”. Их автор был бессменным членом редколлегии журнала...

Назовем, наконец, ещё несколько ярких имён, чьё творчество, видимо, ещё не столь известно китайскому читателю — ведь так надолго были “разведены мосты”, соединяющие берега наших культур... Радуют глубиной постижения российской истории, современной народной жизни прозаики Юрий КОЗЛОВ, Роман СЕНЧИН, Вера ГАЛАКТИОНОВА, Владимир ЛИЧУТИН, поэты Евгений ЧЕПУРНЫХ, Юрий КАБАНКОВ, Евгений ЭРАСТОВ, публицисты Андрей ФУРСОВ и Михаил ДЕЛЯГИН, Валерия ОЛЮНИНА и Владимир ШУЛЬГИН.

“Видимо, ещё не столь известно китайскому читателю...” — сказали мы о творчестве новой плеяды русских писателей; и тут же подумали: а что знают у нас, в России, о современной китайской литературе? Будем откровенны — знают огорчительно мало. И этот специальный выпуск для российских и китайских читателей — глоток нового живительного знания из не иссякающего на протяжении тысячелетий родника двух великих миров. Мы далеки от иллюзий об особой значимости нашей культурной акции; и тиражи сейчас не те, однако не зря говорили древние, что капля камень точит. И потому важны любые усилия, любые действия, чтобы отринуть, в конце концов, все возможные непонимания, препятствующие укреплению дружбы, согласия, взаимного уважения между нашими народами.

Значительную часть тиража данного спецвыпуска мы передаём китайским читателям, знающим либо изучающим сегодня русский язык. Важно подчеркнуть, что все публикуемые нами произведения китайских и русских авторов выходят на русском и китайском либо впервые, либо в новых переводах. Надеемся, что это поможет китайским русистам (а их, к счастью, по-прежнему много!) и русским китаистам глубже и точнее проникнуть в тайны столь разных и равно могучих языков, явственнее ощутить духовное родство наших народов и литератур.

А “...О современной китайской и русской литературах можно сказать, что они служат «зеркалом» друг друга. У России и Китая много общего. Дружба между китайцами и русскими, фундамент которой заложен в пятидесятые годы и уже столь глубоко вошла в гены китайцев, что передаётся из поколения в поколение. Но за этой дружбой необходимо «ухаживать». Эта включённость нашей творческой молодёжи в мировой литературный процесс, продолжающей классические традиции русской литературы необходима как отечественным, так и зарубежным читателям”. — это слова из беседы профессора шанхайского университета Чжэн Тиу с прозаиком Еленой Тулушевой (опубликованная в майском номере “Нашего современника” за 2018 год).

Вновь и вновь обращаясь мыслью и сердцем к литературе России и Китая, мы открываем свой спецвыпуск блестящими прозаическими произведениями Веры ГАЛАКТИОНОВОЙ и А ЧЭНА, эти тексты, дают возможность с

максимальной полнотой приблизиться к постижению “тайны” русского характера и осознанию китайского взлёта к вершинам справедливого общественного жизнеустройства, понять их истоки, смысл и сущность. Не будет преувеличением сказать, что этот великий взлёт сопоставим по своим масштабам и темпам только с ускоренным социалистическим строительством СССР в 30-е годы. Однако тогда, в Советском Союзе, в силу исторической неизбежности доминировали военно-мобилизационные рычаги преобразования экономики. Китай 80—90-х годов сумел обеспечить планомерный и гармоничный подъём, который ощутимо, с нарастающим эффектом выразился в неуклонном росте материального благосостояния и культуры широчайших масс трудящихся.

Было время, когда китайцы осваивали опыт революционной борьбы и социалистического строительства Советской России и Советского Союза. Наступил час, когда нам, русским, надлежит — чтобы выжить, окрепнуть и расправить плечи — глубоко и полно осмыслить трагический и победоносный опыт великого Китая. Пора, пора нам учиться у китайского народа, как выходить из, казалось бы, безвыходных тупиков, как обращать поражения в победы, как наращивать темпы научно-технического прогресса, не поступаясь животворными народными традициями и сокровищами культуры, уходящими в глубь тысячелетий.

Мы всей душой разделяем замечательно сформулированные и высказанные в адрес России тезисы Главы МИД КНР Ван И: *“Россия — страна с блестящей культурой. Великолепная российская литература и искусство оказывают далекоидущее влияние на развитие мировой цивилизации. А русские — сильная и выносливая нация, которая консолидирует мощные патриотические силы в критический момент, когда Родина находится на краю пропасти или под внешним давлением”*.

“Еще в начале 90-х годов прошлого века Китай и Россия взяли за основу двустороннего сотрудничества принципы равенства, взаимной выгоды и взаимодополняемости преимуществ. С начала XXI века принцип сотрудничества и взаимной выгоды утверждён как руководящая норма для практической кооперации двух стран по всем направлениям.

Спустя несколько десятилетий, сегодня китайско-российские отношения обрели качественно новое содержание и размах. Сотрудничество отличается не только высоким уровнем, но и доступностью для простых людей, приносит реально ощутимую выгоду нашим народам и даёт огромную пользу другим странам мира”.

Ван И также выразил твёрдое мнение в том, что мужественный русский народ справится со всеми трудностями, его ждут *“уверенные шаги и яркие подвиги на пути к государственному развитию и национальному возрождению”*.

Но вспоминается в этой связи и давний рассказ одного из наших авторов, специалистов по Китаю, о беседе с бывшим генсеком ЦК КПСС М. Горбачевым в разгар перестройки. В ответ на призыв внимательно изучать китайские реформы “архитектор” развала СССР высокомерно бросил: “Не призывайте нас учиться у бедной и отсталой страны”. Как дорого обошлось русским это “цивилизованное” высокомерие... С лихорадочной, безоглядной быстротой были сокрушены все несущие конструкции прежней системы.

Да, они были несовершенны: да, они срочно нуждались в модернизации, упрочении, развитии. Но что Россия получила взамен?! Бедность, “девятый вал” преступности, коррупции, невиданного падения производства. Великая страна откатилась на задворки индустриального мира, сменила гордые постулаты справедливости на тусклые, недостойные нашего народа призывы к “выживанию”...

Но всё это в прошлом. Теперь, когда договору о дружбе и взаимном сотрудничестве между СССР и КНР в прошедшем году исполнилось 75 лет, мы планомерно следуем “путем укрепления дружбы и сотрудничества”.

Вот почему для “Нашего современника” упрочение духовных и культурных связей с Китаем, его замечательными писателями — вопрос не политической конъюнктуры, не мероприятие “для галочки”, как говаривали когда-то. Это — вопрос стратегии движения России к возрождению с учетом бесценного китайского опыта — разумеется, с “русской спецификой”.

В декабре 1997 года мы первые (и единственные) из всех литературных журналов России откликнулись на проведенные тогда в нашей стране Дни китайской культуры, опубликовав большую подборку произведений китайских писателей и общественных деятелей. Теперь — специальный выпуск. Перспективы наших взаимопользных контактов, консультаций, совместных изданий поистине неисчерпаемы. Главное — искренне стремиться к общению.

И последнее. Наш журнал живёт и борется в атмосфере неопределённости и немалой тревоги перед будущим, охватившей значительную часть российского общества. В таких условиях главное — спасти, сохранить драгоценные семена родной культуры, оградить от поглощающей многое бездуховной “массовой культуры” великие традиции своего народа, его душевный строй, его веру и любовь, его национальную гордость. Так в годы войны в блокадном Ленинграде сотрудники знаменитого Института растениеводства, умирая с голоду, хранили свой “золотой фонд” — элитные зёрна для будущих высоких урожаев на родных полях.

Мы же, со своей стороны, будем делать всё, чтобы светлый праздник в конце концов пришёл и на нашу российскую улицу!

И как справедливо в своей статье “Дао тун” о передаче пути (традиций) написал много лет назад Александр Казинцев “О Китае с завистью и любовью”: *“Земля приподнялась и расступилась — и гигантский разлом заполнили могучие воды. Во всю ширь они золотятся на солнце, привольно обтекают полуостров Пудун и, легонько покачивая многопалубные корабли, устремляются на восток — в эстуарий Янцзы, к близкому — всем существом ощущаешь здесь — океану”.*

Перспективы наших взаимных полезных контактов, диалога, совместных изданий поистине неисчерпаемы. Главное — искреннее стремление к общению и обретению в российско-китайских литературных созвучиях перекрёстной мелодии речи ради могучего течения рек яркой и самобытной прозы; эпической, философской и лирической поэзии; яростной критики и острой публицистики, устремившихся к океану всеобъемлющей русско-китайской мысли во благо современной мировой литературы.

главный редактор журнала “Наш современник”,
руководитель проекта “Российско-китайские созвучия”
Карина СЕЙДАМЕТОВА

亲爱的读者们！

我们满怀激动与期待的心情来向您介绍我们杂志社精心策划的特别刊物，该刊聚焦于俄罗斯和中国两个文化大国，通过散文、诗歌、评论与政论的多元文体形态来展现两国的历史底蕴与时代风貌。

这一刊物由《我们的同时代人》杂志在“俄中文化的共鸣”项目框架下推出，并获得了俄罗斯总统文化倡议基金的支持。中俄两国人民之间有着深刻的共鸣——我们两国都拥有绵延数千公里、跨越山岳江河与荒漠的辽阔边疆，在历史的长河中也都有着为争取民族独立而抗争，并始终致力于探索符合自身国情的发展道路，为实现国家繁荣而不懈奋斗的相似历程。

谨向中国读者简要介绍一下您此刻手中的这本《我们的同时代人》杂志。

俄罗斯文学巨匠普希金于1836年创办的《同时代人》杂志，与《我们的同时代人》杂志在精神传承与创作理念上有着深厚渊源。这份珍贵的文化积淀，不仅是我們引以为傲的精神财富，更赋予了我们传承文明的时代使命。坚守普希金的文学精神，始终是我们办刊的立身之本。

众所周知，亚历山大·谢尔盖耶维奇·普希金本人在世时非常渴望造访中国，但终其一生未能实现这一夙愿。在1829年，他写下了这样的诗句：

“我们走吧，无论上哪儿我都愿意，
朋友们，随便你们想要去什么地方，
为了远离骄傲的人儿，我都愿意奉陪：
不管是到遥远中国的长城边上，

.....

哪里我都愿去。走吧……但朋友们，
请问我的热情在漂泊中可会消亡？
我将要忘却骄傲而折磨人的姑娘，
还是仍要到她跟前忍受她的怒气，
把我的爱情作为通常的献礼奉上？”

1829年的冬天，普希金陷入困境。从阿尔兹鲁姆返回莫斯科后，他接连遭受打击：一方面报刊上充斥着对《波尔塔瓦》的苛责与非议，另一方面与冈察洛娃的婚姻也前景未明。朋友们纷纷劝他暂时离开莫

斯科以疏解烦闷。在1830年1月初，普希金向本肯多夫提交赴欧申请，他写道：“如果此事未获批准，请允许我随同使团前往中国。”但众所周知，他的离境请求未获批准。

直到1830年五月，在亚历山大·谢尔盖耶维奇·普希金正式成为娜塔丽娅·尼古拉耶夫娜·冈察洛娃的未婚夫后，这首自传体诗作才最终刊载于《莫斯科先驱报》得以面世。普希金在诗句中所描绘的境遇，已然突破了私人领域的边界，当个人情感的锋芒褪去，诗歌便成为了社会公共的文化财富。

pǔ xī jīn（普希金PU XI JIN）——这是俄国诗人亚历山大·谢尔盖耶维奇·普希金的中文音译。颇具象征意义的是，1903年首部被译介至中国的俄罗斯经典文学作品正是普希金的中篇小说《上尉的女儿》。此后，他的其他作品也陆续被引入中国。文学评论家瞿秋白曾盛赞普希金的“最伟大杰作——诗体小说《叶甫盖尼·奥涅金》”。从某种程度上说，中国正是通过普希金及其作品，在历史语境中了解了俄罗斯文化。

1937年，为纪念诗人逝世100周年，上海市政府同各界人士在当时的法租界祁齐路（现岳阳路）与毕勋路（现汾阳路）交汇处建立了普希金纪念碑。普希金曾在诗歌中写道：“从受到震惊的克里姆林宫到岿然不动的万里长城脚下……”这不仅体现了对彼此的敬意，更展现了中俄两国文化与社会生活的深远交融。这座纪念碑历经数次修复，至今仍矗立于上海街头。

二十世纪中期，诗人普希金的玄孙女伊丽莎白·杜尔诺沃与美国华裔罗德尼·刘缔结婚姻——倘若普希金泉下有知，定会惊叹于这对夫妇诞育的来孙被命名为亚历山大·刘！俄罗斯名字与中国姓氏在此交融，恰似汉字与西里尔字母编织出的文明的古老纹样。

* * *

《我们的同时代人》杂志六十多年来始终致力于文学事业，坚持不懈地发掘与凝聚独具特色的作家人才。正因如此，二十世纪下半叶几乎所有最杰出的俄罗斯作家都在本刊发表作品为荣。我们倍感自豪的是，著名的人民作家、演员兼导演瓦西里·舒克申曾在《我们的同时代人》上发表了最优秀中短篇小说，以及享誉世界的电影小说《红莓》。他曾留下一句箴言，被众多文豪奉为圭臬：“若想成为大师，就将你的笔浸入真理之中。除此之外，再无他法能令人惊叹。”

在杂志的版面上，以长篇和中篇小说的形式向数百万读者讲述俄国革命、伟大卫国战争、乡村命运的历史真相的，是那些享誉世界的俄罗斯文学巨匠们：费奥多尔·阿布拉莫夫、瓦西里·别洛夫、维克多·阿斯塔菲耶夫、尤里·邦达列夫、叶夫根尼·诺索夫、瓦连京·皮库利。我们不愿遗漏任何人，但实在无法一一列举……这份对文学的热忱，对人民生活真相的执着坚守——在俄罗斯面临艰难考验的当下，正是这种精神力量激励着所有忠实于文学并相信文学的人们。

老一辈作家为杂志奠定了崇高的文学创作地位，他们后继者始终坚定延续着这一传统。后辈作家蓬勃的创作中始终贯穿着强大的道德

力量，我们谨列举几位最具代表性的作家。首先要提到的便是对我们而言至关重要的人物——瓦连京·拉斯普京。自上世纪70年代起，他的作品便受到国际文坛的广泛关注，也在中国文学界引发深刻共鸣。这位作家在历经苏联解体带来的冲击后，重新焕发创作活力，创作了多部充满人道主义关怀、反映俄罗斯社会当下悲剧境遇的新作——《去那同一土地》、《突如其来》、《木屋》、《在故乡》。这些作品均首刊于《我们的同时代人》。拉斯普京曾作为该杂志的常任编委，始终与杂志保持深度的精神共振……

让我们最后再列举几个值得关注的名字。这些作家对俄罗斯历史与当代人民生活的深刻洞察，必将为读者带来思想的启迪，他们的创作或许尚未被中国读者熟知——毕竟横跨我们文化之岸的桥梁曾长期断绝。他们分别是：小说家尤里·科兹洛夫、罗曼·先钦、薇拉·加拉科季奥诺娃、弗拉基米尔·利丘京；诗人叶夫根尼·切普尔内赫、尤里·卡班科夫、叶夫根尼·埃拉斯托夫；以及评论家安德烈·富尔索夫、米哈伊尔·杰利亚金、瓦列里娅·奥柳尼娜和弗拉基米尔·舒利金。

“显然，中国读者还不太熟悉……”——我们这样谈论着俄罗斯新一代作家的创作；随即想到：那么在俄罗斯，人们对中国当代文学又了解多少呢？坦率地说——所知甚少，这令人遗憾。而这期为俄中读者特别策划的专刊，正是从两个伟大文明千年不竭的泉眼中掬取清冽的思想甘露。我们深知当下的文化行动难言振聋发聩，如今的发行量也难复往日盛况，但古人云“水滴石穿”确有道理。因此，任何努力、任何行动都至关重要，唯有如此才能最终消除一切可能的误解，这些误解正影响着我国两国人民之间友谊、和谐与相互尊重的巩固。

我们将本期特刊重点面向通晓或正在学习俄语的中国读者。需要说明的是，所有刊载的中俄作家作品均为首次以俄汉双语或全新译本形式呈现。我们希望这能帮助中国的俄语学习者（令人欣慰的是，这一群体规模依然庞大！）以及俄罗斯的汉学家们，更深入、更精准地领悟这两种迥异而同样瑰丽的语言的奥妙，更真切地体会到中俄两国人民通过文学建构的深刻的精神共鸣。

“……可以说，当代中国文学和俄罗斯文学互为‘镜子’。中俄两国有着诸多共同之处。两国人民的友谊始于上世纪五十年代，这份情谊早已深深融入中国人的文化血脉，代代相传。但这份友谊需要不断‘浇灌’。我们的青年作家积极融入世界文学发展进程，同时继续秉承俄罗斯文学经典传统——这样的创作对国内外读者而言都是不可或缺的。”以上是上海大学教授郑体武与俄罗斯作家叶莲娜·图卢舍娃对谈时所言（该访谈刊载于2018年第五期《我们的同时代人》杂志）。

怀着对俄罗斯文学与中国文学的深入思索与持久热忱，我们以薇拉·加拉科季奥诺娃和阿成这两位杰出作家的散文佳作作为特刊的开篇。这些作品让我们能最大限度地领悟俄罗斯民族性格的“奥秘”，理解中国追求社会公平正义的崇高理想及其渊源、内涵与本质。可以毫不夸张地说，这一伟大进程的规模与速度唯有苏联三十年代加快社会主义建设可堪比拟。然而当时苏联基于历史必然性，主要依靠军事

动员手段推动经济转型。而中国在八九十年代则实现了有计划、协调的发展，这种发展最显著的体现就是广大劳动群众的物质生活水平与文化素养持续提升，成效日益彰显。

曾几何时，中国人民学习苏联的革命斗争和社会主义建设经验。如今，到了俄罗斯人民——为了生存、发展和复兴——深刻而全面地理解中国在艰难探索中取得胜利的时候。是时候了，是时候向中国人民学习如何突破无解的僵局，如何化败为胜，如何在加速科技进步的同时，坚守千年积淀的民族传统，守护生生不息的文化瑰宝。

我们完全赞同中国外交部长王毅关于俄罗斯的精彩论述：“俄罗斯也是一个拥有灿烂文化的国度，璀璨的文学和艺术博大精深，对世界文明发展具有深远影响。俄罗斯更是一个意志坚韧的民族，往往在国家生死存亡或者面对外部打压的紧要关头，迸发出无比强大的爱国力量。”

“上世纪90年代初，两国确定了平等互利、优势互补的合作原则。进入21世纪后，合作共赢原则成为指导两国开展各领域务实合作的基本遵循。

经过几十年发展和经营，中俄关系的内涵和外延都得到极大丰富和扩展，“高大上”和“接地气”的合作交相融合，为两国人民带来了实实在在的好处，也让世界分享到中俄合作的巨大红利。”

王毅还表示，他坚信：“坚韧不拔、自强不息的俄罗斯人民必将战胜各种困难和挑战，在国家发展和民族振兴的道路上迈出更坚实的步伐，取得更大的成就。”

但与此相关，我不禁想起我们一位中国问题领域的专家多年前讲述的故事。在苏联改革高潮时期，他与前苏共中央总书记戈尔巴乔夫交谈时，这位“苏联解体的总设计师”对“认真研究中国改革经验”的呼吁傲慢回应道：“别叫我们向‘贫穷落后的国家’学习！”。这种自嘲“文明人”的傲慢，最终让俄罗斯付出了惨痛代价——旧制度的所有支柱结构被疯狂而不计后果地摧毁。诚然，原有体制并不完善，亟需现代化改造、巩固和发展。但俄罗斯得到的回报是什么？！是贫困，是犯罪、腐败和生产暴跌的“滔天巨浪”；是这个曾傲立于工业文明前沿的国度，一步步倒退向工业世界的边缘地带，甚至将引以为豪的公平正义信条替换成灰暗的、有损民族尊严的“生存”口号……

但这一切都已成为过去。在《中苏友好同盟互助条约》签署75周年之际，我们正有计划地沿着“加强友谊与合作的道路”稳步前行。

因此，对于《我们的同时代人》杂志而言，巩固与中国及其优秀作家的精神文化联系，既非政治问题，也非所谓的“应景之举”。这是俄罗斯借鉴中国宝贵经验走向复兴的战略性问题——当然，要带有“俄罗斯特色”。

1997年12月，《我们的同时代人》作为俄罗斯所有文学期刊中首个（且迄今唯一）响应当时在我国举办的中国文化日活动的杂志，出版了中国作家和文化名人的作品选集。如今我们再次推出特刊。中俄双方的互惠合作、文化交流、与联合出版项目前景广阔。而实现这一切的关键，在于始终秉持真诚的沟通意愿。

行文至此，我们的杂志在充满不确定性与深切未来忧虑的氛围中

生存和奋斗——这种集体性焦虑已渗透进了俄罗斯社会的大部分群体。当此之际，我们比任何时候都更重要拯救并保存本土文化的珍贵种子，守护民族的精神世界：那些伟大的传统、神圣的信仰、永恒的爱与不可动摇的民族自豪感，使其免受吞噬一切的“大众文化”的侵蚀。这令人想到战争期间被围困的列宁格勒，植物学家们在饥饿濒死之际，仍守护着他们的“黄金储备”——那些为祖国田野未来丰收准备的优质种子。

我们将尽最大努力，让这场盛大的文化盛典在俄罗斯大地上圆满呈现！

正如亚历山大·卡津采夫多年前在《道统》（传统传承）的文章《怀着羡慕和热爱的心情谈中国》中写道：“大地隆起又裂开——巨大的裂谷被汹涌的江水填满。浩荡江流在阳光下泛着金光，绕着浦东半岛自由地流淌，轻轻地摇晃着多层甲板的巨轮，一路向东奔流——穿过长江入海口，向着近在咫尺——在这里你能用整个身心感受到——的大洋奔涌而去。”

俄中两国在文化交往、学术对话和联合出版领域有着广阔的前景。最重要的是——我们始终秉持着真诚的交流意愿，致力在文学对话中寻找深度共鸣：这里有鲜明独特的散文；史诗、哲理诗和抒情诗；犀利的评论和尖锐的政论文章。让奔腾不息的文学长河汇入俄中思想交融的海洋——这些跨文化的创造性对话，必将为世界文学的发展注入新的活力。

《我们的同时代人》杂志主编
“俄中文化的共鸣”项目负责人
卡琳娜·谢达梅托娃

译者：佟静涛

А ЧЭН

А Чэн (р. 1948, наст. имя Ван Ачэн) — известный китайский прозаик и сценарист, председатель Союза писателей Харбина, лауреат национальных литературных премий, включая всекитайскую премию за лучший рассказ (1988) и премию имени Лу Синя (1996). Перу А Чэна принадлежат семь романов, более двух десятков сборников рассказов и эссе, более сорока кино-сценариев. Его произведения переведены на многие языки мира.

阿成

阿成（出生于1948年，原名王阿成）- 中国著名作家和编剧，哈尔滨市作家协会主席，获得中国最佳短篇小说奖(1988)、鲁迅文学奖(1996)等国家级文学奖。阿成著有7篇长篇小说、20多部短篇小说集和散文集，40部电影剧本。他的小说译成多种外国语言。

ВÓРОНЫ

(рассказ)

Мой друг Дун Цзюнь собрался съездить в Ванкувер.

Жена и дочь Дун Цзюня уже несколько лет как официально обособились там. Его жена была полукровкой с европейскими и азиатскими корнями. Между войнами и сразу после Второй мировой таких метисов в Харбине было много: китайско-русские, китайско-японские, китайско-французские, китайско-итальянские, русско-французские, итало-немецкие, а также датские и американские — полукровки попадались на каждом шагу. Но мой друг Дун Цзюнь иностранных корней не имел. Прежде мысль о поездке в Канаду лишь мимолетом вспыхивала у него в голове, но теперь она была близка к воплощению. Мешанина кровей у жены и личные неурядицы наводили на него тоску.

После долгих уговоров жены и дочери Дун Цзюнь тоже решил уехать за границу, хотя мне не казалось, что его решение окончательное. Он сказал, что хочет съездить в Ванкувер, чтобы прочувствовать тамошнюю жизнь.

Все-таки с родной землей расстаться непросто.

Перед отъездом вместо проводов мы сходили с ним в бар, которому вскоре предстояло разориться. В прошлом мы частенько туда наведывались.

Бар находился в неприметном переулке. Его интерьер был оформлен в эвенкийском стиле: оленьи рога, шаманские украшения, бубны, резные тотемные маски, макеты чумов, берестяные плоски, козы шапки, одежда из оленьих шкур, улы*, капканы, столы и стулья из березы, ритуальные столбы, луки, шкуры, а еще в стены были вставлены горящие факелы. Все это создавало атмосферу таинственности.

Я выбрал для встречи это место потому, что отец Дун Цзюня, Батыр, был эвенком. Вот только вскоре этот бар ждало банкротство, а хозяина — возвращение на родину: он был с правобережья Аргуни в предгорьях Хингана. К западу же от Хингана раскинулась бескрайняя Хулунбуирская степь, — там его, своего всадника, ждала белая лошадь.

В баре Дун Цзюнь впервые заговорил со мной об умерших отце и матери, а еще о давно исчезнувшем народе, из которого была его мать, — о негидальцах.

Дун Цзюнь рассказал, что негидальцы были угрюмыми людьми. Они не любили общество и, повзрослев, укрывались в лесах, заперевшись в своих бревенчатых избах. На душе у них никогда не было радости. Кроме того, они трусоваты, словно стайка пугливых оленей. Их единственным развлечением было напиться в кабачке в близлежащей деревне, словно только так они могли скрасить свое унылое существование.

Я пошутил:

- Ты, дружище, тоже чем-то похож на негидальца.
- Пожалуй.
- А твоя мать еще жива?

* Улы — вид кожаной обуви у народов Дальнего Востока.

– Она умерла, когда я был маленьким. Угрюмые люди долго не живут. Я глубоко вздохнул.

Он продолжал:

– Негидальцы, как и эвенки, солоны, гольды, маньчжуры, это те же тунгусы. Но если другие отличались смекалкой, отвагой, умом, живостью, широтой души, крепким здоровьем и любовью к приключениям, то родственные им негидальцы были совершенно другими. У них не было ни увлечений, ни умений, которыми можно было бы гордиться, они пребывали в плохом настроении, пили целыми днями, а со здоровьем что у мужчин, что у женщин было совсем скверно.

Я не знал, что на это сказать, в таких вопросах я был профаном.

Помолчав, Дун Цзюнь вдруг спросил, есть ли в Ванкувере вороны.

Несколько лет назад я ездил в Ванкувер. Я сказал, что, во-первых, в Ванкувере много китайцев, поэтому одиноко ему не будет. Кроме того, индейцы — коренные жители тех мест — поклоняются ворону как божеству, поэтому в Ванкувере вороны не только есть, но их еще и охраняют.

– Слышал, что индейцы внешне похожи на китайцев, это так? — спросил Дун Цзюнь.

– Да, говорят, их предками были китайцы. В эпоху Инь* по неизвестным причинам они переправились через Берингов пролив в Северную Америку. Слово «индейцы» по звучанию похоже на «инь ди ань», то есть «мир земле Инь», — так местные приветствовали пришедших из земли Инь. Братец, почему ты спрашиваешь об этом?

– На северном берегу реки, где я живу, много воронов.

Должен сказать, что Дун Цзюнь был нелюдим, ему нравилось оставаться одному, в одиночестве ловить рыбу, ухаживать за деревьями, выращивать цветы, читать и пить — все нелюдимы любят выпить. Он жил за счет того, что сдавал помещение на южном берегу реки. Раньше его жена держала там ресторанчик, готовили блюда восточноевропейской кухни. У нее в роду были и русские, ей ничего не стоило приготовить все что угодно, и дело процветало.

Однако эта полукровка была не очень довольна мужем и как-то сказала мне: «Дун Цзюнь такой угрюмый, просто мочи нет».

После того как жена уехала в Канаду, Дун Цзюнь сразу сдал ресторан в аренду. Он жил на спокойном северном берегу и не очень жаловал южную сторону. Впрочем, жизнь его была вполне насыщенной.

Мы вышли из бара уже на рассвете.

При расставании он протянул мне связку ключей и предложил:

– А Чэн, ты поживи у меня, еды в холодильнике хватит по крайней мере на неделю. А в шкафу на кухне есть коробочка первосортного «Лунцзина»**, можешь пить. Вот только...

Тут он замялся.

– Что «только»?

– Во дворе у меня стоит лохань, не мог бы ты каждый день бросать туда фарш и зерно?

* Эпоха Инь — в китайской историографии период XVII-XI вв. до н. э.

** Лунцзин — известный сорт зеленого чая.

– Зачем?

– Воронов кормить.

Я покосился на него, но промолчал.

А он добавил, мол, тебе будет хорошо заниматься творчеством в тишине и покое. И вдруг нервно рассмеялся.

Похоже, он сильно переживал.

Я взял ключи и крепко пожал ему руку:

– Не унывай, дружище!

Мы расстались.

Я чувствовал, что ему не хотелось уезжать, ладони его были влажными от пота. Чему радоваться, когда снимаешься с привычного, дорогого сердцу места и отправляешься в совершенно чужую страну.

Стоял сезон затяжных дождей, улицы ранним утром были покрыты ковром из золотых листьев, между небом и землей повисла бесконечная осенняя печаль. Попрощавшись, мы разошлись в разные стороны. Я знал, что тысячи дождевых нитей размоют в наших сердцах образы друг друга. Без всякого сомнения, лайнер с Дун Цзюнем уже взмыл в небо. Пусть же ослепительные лучи солнца, царящие над дождевыми облаками, подарят другу хорошее настроение.

Ох уж этот сын негидальской женщины!

В пятидесятых мы с Дун Цзюнем вместе учились в начальной школе у реки. Он жил на северном берегу, и отец каждый день на лодке привозил его и забирал из школы. Помню, на шее у Дун Цзюня всегда висела головка деревянного человечка, обернутая в шкуру косули (говорят, усы и борода были из медвежьих шерстинок), — это был его амулет. Много позже я узнал, что у эвенков такой обычай.

В те годы в нашем городе часто встречались дауры, ороконы, монголы и другие нацменьшинства, и амулеты у всех были разные.

Дун Цзюнь рос молчаливым и необщительным. Много лет спустя я случайно встретился с ним в ресторанчике его жены и с тех пор стал часто бывать там, или же мы вместе ходили в бар, открытый эвенком, посидеть, выпить, поболтать. Но обычно Дун Цзюнь был немногословен.

Поплотнее запахнув пальто, я пошел к себе. Хотел собрать вещи, чтобы сегодня же вечером перебраться в дом Дун Цзюня. Ведь действительно, в эти дни, как он сказал, я мог бы поработать в тишине и покое.

Надоедливый осенний дождь шел без остановки.

В четыре часа пополудни я с сумкой в руках вышел из дома, сел в такси и отправился на северный берег.

Дворники без устали смахивали частые капли с ветрового стекла, здания по обеим сторонам дороги промокли от осеннего дождя. Братец, оставшийся на земле А Чэн желает тебе счастливого пути!

Такси остановилось у Девятой станции, где была переправа. Взяв сумку, я вышел из машины и спустился на причал, чтобы сесть на паром.

Пелена дождя скрывала поверхность реки. Ветер над водой пронизывал до костей, — похоже, промозглая осень подходила к концу.

В том эвенкийском баре Дун Цзюнь как-то рассказал мне, что в прежние времена на берегу Сунгари в мае ежегодно устраивали «торжище племён». Сюда по воде и по суше съезжались представители малых народов. В те дни на отмели громоздились горы пушнины, стояли гурты скота, а люди, прочертив на песке границы, раскладывали олени шкуры, кости калуги, целебные травы, лесные орехи, мех соболя, рыси, выдры, белки, а также поделки из бересты. Все это обменивалось на ружья, соль, водку, чай, керосин, шелк и продукты.

В такие дни на берегу везде стояли чумы и шесты предков. Шесты обвязаны сосновыми ветками, наверху приделана поперечина, на одном конце которой висел небольшой деревянный веер, трепетавший на ветру, а на другом — фонарик. Ночью дул ветер, качались фонарики, бурлила река, а небо, земля и люди пребывали в покое и неприкосновенности.

Отец и мать Дун Цзюня стали супругами на таком вот торжище. Торговля закончилась, все разъехались, а молодая пара осталась и стала жить рыболовством и охотой.

Ныне следы торжища исчезли словно сон, все урбанизировалось.

Пассажиров на пароме можно было пересчитать по пальцам. Я закурил. В салоне так пахло соляжкой, что першило в горле, кто-то чихал. Стекло иллюминатора затянула белесая пелена, капли дождя вслед за ветром то тише, то громче стучали по металлической крыше. Вспомнилась эвенкийская песня, которую напевал хозяин бара:

*Серебристая Ялухэ
Катит свои волны, блестящие, как чешуя.
Небесная река Сунгари, подобная зеркалу,
Ипускает золотистое сияние.*

*Так воспоем эти реки,
Родину нашу — эвенков!
Здесь наши предки промчались
Верхом на гнедых скакунах.*

Из салона не видно удалявшихся громад современных зданий на южном берегу. Лишь слышен плеск воды о борт парома да его пронзительный гудок.

— Как только река встанет, этот пароход сразу спишут, — пробормотал капитан. И с грустью добавил: — Паром красивый, по этой реке ходит уже более полувека. Второго такого красавца не будет.

Молочно-белый корабль под дождем на осенней реке — настоящая картина, но и ей суждено исчезнуть.

— Через пару дней начнется ледостав, — продолжал капитан. — Уже сейчас в воде есть льдины, только вы их не видите. Прозрачные, острые, как ножи, они разбиваются о борт корабля. Живого места уже не осталось... А-а, все равно мне тоже на пенсию...

Никто из пассажиров не подхватил разговор, все просто смотрели в спину капитана, ведущего судно. На носу корабля застыл ворон.

Паром пришвартовался. На берегу поджидал клиентов трехколесный моторикша. Над сиденьем был устроен брезентовый навес, защищавший пассажира от дождя и ветра. Когда я сел и назвал адрес, водитель обернулся и внимательно посмотрел на меня. Я махнул рукой, мол, я друг старины Дуна.

Он хмыкнул в ответ и тронул с места.

На северном берегу Сунгари жителей было немного, вдоль реки стояло лишь несколько домов. Ясное дело, все местные знали друг друга, иначе водитель не отреагировал бы на имя Дун Цзюня. Дома в русском стиле, в основном старые, одноэтажные или малоэтажные, остались от живших здесь когда-то русских. Рядом река, вокруг множество протоков, поэтому в каждом доме имелись лодки. Весной, летом и осенью их привязывали у берега, а зимой оттаскивали к дому и держали во дворе за забором.

Дун Цзюнь рассказывал, что в детстве по ночам часто с отцом отправлялся на лодке в протоки. Под серебристой луной вода походила на зеркало. Весла опускались, лодка рывками двигалась вперед, и в нее запрыгивала испуганная рыба. За один раз набиралось больше десяти фунтов: голян, таймень, чернобрюшка, троегубка. Каждый раз, когда они добирались до середины реки, отец говорил: «Сынок, попей водицы, ту, что у берегов, женщины испортили стиркой». И тогда Дун Цзюнь наклонялся, зачерпывал воду руками и пил — она была очень вкусной. Дун Цзюнь помнил, как однажды отец сказал: «Сынок, когда умру, положи меня в эту лодку и пусти вниз по течению, чтобы дошла до Амура». По словам отца, всюду по берегам рек Ялухэ, Алунихэ, Гэньхэ, Номиньхэ, Мохэ, Тэнихэ, Цзилюхэ, Цзиньхэ встречались поселения эвенков. Им нравилось жить у воды. Дун Цзюнь не хотел исполнять волю отца, он надеялся, что отец упокоится рядом с его давно умершей матерью. Дун Цзюнь вспоминал, что иногда они причаливали к Тайяндао* и разводили на берегу костер от комаров. Отец рассказывал о традиционных танцах эвенков — «нугали», «йохор», о пантомиме «борьбы с кабаном». Танцевали обычно вечером, люди из одного племени собирались вместе, становились в круг по семь, восемь, а то и по двадцать человек и, взявшись за руки, двигались вокруг костра по ходу солнца, исполняя песни и приплясывая. И так до рассвета... Тут отец обычно пускался в пляс и запевал:

*Братья и сестры, встреча столь дорога,
Давайте вместе станцуем!
Вскоре нас ждет разлука опять,
Так давайте для удачной охоты,
Для новой счастливой встречи
Весело станцуем!*

*Давайте весело станцуем!
Я плохо пою, но не надо смеяться!
Отдайтесь танцу со всей душой!*

* Тайяндао (досл. Солнечный остров) — большой остров на реке Сунгари, в черте Харбина.

*Распрямитесь, руками взмахните,
Притопните с силой ногами,
Танцуйте, пока не покроетесь потом!*

Когда отец умер, Дун Цзюнь похоронил его на заднем дворе под большим вязом, где уже покоилась мать, и положил в могилу, как требует обычай эвенков, нож, острогу и палочки для еды.

Водитель, не отрывая глаз от дороги, сказал:

– Старина Дун говорил, что вы писатель.

– Как, он говорил с вами обо мне?!

– Ну да. Когда вы согласились пожить здесь, у него на душе полегчало — будет кому кормить его воронов.

Я усмехнулся: мать его, вот, оказывается, в чем дело.

Водитель продолжал:

– Он в душе хороший человек, только немного нелюдимый. Может, из-за того, что женился на русской.

– Вообще-то его русская жена отлично говорит по-китайски.

– Не в этом дело, не в этом. Жена у него очень общительная, попеть любит и посмеяться. Он же какой-то вялый, только с воронами своими и любит разговаривать. Как говорится, утка не уживется в курятнике. — Все это время водитель неодобрительно качал головой.

– Ну, у каждого свой характер.

– Старина Дун со мной договорился: если потребуется пиво там или сигареты, вы мне скажите, я привезу. Здесь купить что-то не так просто, как на южном берегу. Особенно с наступлением холодов: паром уже не ходит, пешком далеко, да и замерзнешь. За пачкой сигарет не пойдешь, приходится терпеть.

– Спасибо большое, если понадобится, потревожу вас.

Моторикша свернул на дорожку из каменных плит, засыпанную опавшими листьями. Мы прибыли к дому Дун Цзюня.

Это был одноэтажный оштукатуренный домик в русском стиле. Двор за забором усыпан мокрыми листьями. И ведь уехал хозяин только вчера, а сразу такая заброшенность. Неужто и растения чувствуют? Вокруг дома много вязов, среди них — редкие березки, будто оказался в лесу. На ветках вязов — множество вороновых гнезд. Вдруг мелькнула мысль: неужели такие гнезда спасают в суровые морозы?

Когда моторикша остановился у калитки, несколько воронов, сидевших на заборе, встревоженно взлетели. Крылья у них, я заметил, иссиня-черные. Воронов было полно повсюду — и на крыше дома, и на трубе. Проголодались, наверно, подумалось мне.

– Не страшно тут будет в одиночку?

– Ничего, я часто путешествую один, привык.

Водитель получил плату, оставил мне номер своего пейджера и сразу уехал.

Я открыл калитку и вошел.

В доме было довольно уютно.

Одна стена была завешана всякими диковинами: лук и стрелы с костяными наконечниками, каменный нож, сумка из рыбьей кожи, самодельные лыжи, острога, факел, седло на оленя, куртка из меха косули, трубка с длинным чубуком, резак, распиленный бревно, на котором кровью оленя был изображен священный лик тигра, кисет и кошелек из тюленьей кожи. А еще в два ряда висели маленькие человечки, пришитые на голубую холстину: верхние из тонкой жести, а нижние из латунной фольги. Видимо, это всё эвенкийские вещицы, подумал я. Хотя, возможно, было и что-то негидальское. Этнические безделушки для человека как его тень: где он, там и они.

Старомодная печка-голландка, похоже, была исправна. Рядом с ней я заметил две горки дров, предусмотрительно наколотых Дун Цзюнем, и подумал: вот жена его уже давно за границей, а он сидит тут один перед этой печкой в окружении бессловесных предметов на стенах — как же ему одиноко!

А вот что меня особенно порадовало, так это дубовый письменный стол опять же в русском стиле — его наличие оправдывало все. И я чуть слышно пробормотал: «Спасибо, братец».

Сняв пальто, я разыскал корм для воронов. Дун Цзюнь заготовил целую деревянную бочку. Ну и ну, мать его! Ладно уж, сделаю, как просил. Я зачерпнул немного и, несмотря на дождь, вышел во двор, где бросил корм в лохань. Устроившиеся на ветках, на крыше и трубе вороны тут же спорхнули вниз, сгрудились вокруг нее и стали клевать в льющемся из окон свете. Все происходило в полной тишине, лишь изредка слышалось карканье.

Вернувшись в дом, я сначала направился на кухню, вскипятил воды в фиолетовом эмалированном чайнике русского образца, нашел в шкафу коробку «Лунцина» и заварил чай. Затем достал из сумки ноутбук и сел за письменный стол.

Мать его, карма у меня, что ли, такая — и понять ее не поймешь, и сопротивляться нет возможности.

Снаружи шуршал осенний дождь, и задувал ветер с реки. Шум дождя сливался с шелестом листьев, и казалось, что идет настоящий ливень. Северный берег действительно ближе к природе, не удивительно, что Дун Цзюнь не хотел жить к югу от реки.

Я как раз писал статью по истории Харбина. Приходилось поторапливаться, ведь за последние годы город менялся так же быстро, как мода, и если не успеть запечатлеть увиденное и прочувствованное, все исчезнет без следа. Важно понимать, что в творчестве недостаточно опираться лишь на детские воспоминания и бурное воображение. Личный опыт хотя и односторонен, но это все-таки опыт.

Разумеется, писал я еще и для того, чтобы содержать себя и семью. Мужчинам в жизни приходится нелегко.

Дождь шел, ветер дул, река текла, текла и жизнь, а я набирал текст. Такой вот получается невыразительный образ летописца родного города.

В полночь раздался стук в дверь.

Мелькнула мысль: может, это чудак Дун Цзюнь передумал уезжать?

Он ведь как раз из тех, кто любит менять планы. Его полукровка-жена как-то сказала, что Дун Цзюнь дома покоя себе не находит: сегодня стол передвинет, завтра кровать переставит, еще и на стенах все постоянно

перевешивает. «А Чэн, — жаловалась она, о — ты не думай, что Дун Цзюнь человек покладистый, неугомонный он, измучил меня так, что скоро с ума сойду».

— Может, все эвенки такие?

— Да как же этот чудак мог вернуться?! На Сунгари ночью переправа не работает. Пришлось бы делать большой крюк и пешком добираться через новый мост. Помнится, он мне как-то рассказывал о такой ночной прогулке. Я его тогда спросил, коли жена все равно за границей, так зачем обязательно ночевать дома, разве нельзя остаться на одну ночь на южном берегу? Теперь-то я понял, что он, наверное, переживал за своих некормленных ворон. Разумеется, жизнь наполняется теплом, только когда есть о ком заботиться.

Я открыл дверь. Передо мной стоял незнакомый мужчина небольшого роста.

— Здравствуйте, — поприветствовал он меня.

— Здравствуйте.

— Похоже, вы тот самый друг Дун Цзюня?

— А вы?

— Я тоже его друг, живу здесь неподалеку. Он обо мне не рассказывал?

Я молча улыбнулся.

— Ну ничего. — С этими словами он вошел в дом.

— У меня опять бессонница. Увидел, что свет горит, вот и зашел поболтать. Не помешал?

— Нет, не помешали.

Незнакомец хотя и не был крупным мужчиной, но казался крепким. У него был низкий лоб, широкие скулы, выступающий клинышком подбородок, короткий нос с вывернутыми ноздрями, полные губы и густые, жесткие волосы. Над верхней губой и на подбородке виднелась редкая растительность. В своем старомодном темном драповом пальто он казался человеком из прошлого. Конечно, чтобы все в городе перестроились на новый лад, требуется время.

Лицо показалось мне нездоровым: зеленоватое и изможденное, в глазах кровяные прожилки. Сразу видно, что страдает от бессонницы. Вот только возраст его было трудно определить.

Я налил ему чаю:

— С сахаром?

Он махнул рукой: мол, не надо. Приняв чашку, гость покосился на текст на экране:

— Пишешь?

— Да, жить на что-то надо.

— А о чем пишешь?

— Об истории этого города...

Он проникновенно заявил, что история городов начинается с мифов, и Харбин не исключение.

При этих словах я невольно вздрогнул.

Глотнув чаю, он вдруг поинтересовался, нравятся ли мне вороны. Я подтвердил, что нравятся.

Столь же взволнованно он изрек, что вороны — предки этого города, с них и нужно начинать статью.

– Я об этом и не слыхивал.
– Да, сейчас уже никто о них не помнит.
– А вот мой друг Дун Цзюнь воронов любит.
– У него к воронам особое отношение. А приступая к этой статье, вы не просили совета у Дун Цзюня?

Я улыбнулся:

– Он литературным творчеством не интересуется.
– Вы так считаете?

Он встал и, глядя на предметы, развешанные по стенам, продолжил:

– Если писать о Харбине, обязательно надо было расспросить Дун Цзюня. Его народ — эвенки — был одним из прародителей этого города. Посмотри, здесь немало вещей — свидетелей истории, а он ведь еще и об исчезнувших негидальцах много знает.

– Мать Дун Цзюня была из этой народности.

– Верно, а Дун Цзюнь очень похож на мать.

– Так вы знали его мать?

– Конечно, мы много лет живем по соседству.

– А сами вы кто по национальности?

– Эвенк.

– А что значит слово «эвенк»?

– Оно означает «люди, живущие в горном лесу». У них не было письменности, в древних книгах говорится, что их поселения были разбросаны в горных долинах. С луком и стрелами они охотились на диких зверей. А еще они привязывали себя к дереву, чтобы не поддаться страху, и так могли подстрелить медведя и тигра. Кроме того, речь у эвенков была звучной, как у жителей столицы.

– То есть как у пекинцев?

– Верно. Пили они в основном молоко верблюдов, лошадей и коров.

При этом все любили курить...

– Ах да, вы хотите курить?

– Нет, спасибо.

– Я знаю об эвенках лишь то, что они умеют обращаться с оленями, — сказал я, вспомнив, как однажды в баре, принадлежащем эвенку, пил водку с оленьей кровью. — Однако вряд ли их прародиной является Харбин.

– Родина эвенков у реки Лена. Она такая широкая, что даже воронам ее не перелететь. Эвенки — люди добрые и общительные. У них бытуют такие выражения, как, например, «под шапкой голова худая, в штанах ноги ломаются». Они очень гостеприимны. Эвенки говорят: «Чужак не может взять в дорогу жилище, и ты, отправляясь в путь, тоже не унесешь на спине свой дом. Если не приветить гостя, то и о тебе никто не проявит заботы».

– Что-то я от Дун Цзюня такого радушия не видел, — усмехнулся я. — Он никогда не приглашал меня в гости. Сейчас вот позвал присмотреть за домом, да и то, чтобы я кормил его воронов.

– Может, вы и правы, но Дун Цзюнь все же наполовину негидалец, а это народ необщительный. Эвенки другие. Если приходит гость, они всегда поделятся лучшим куском оленины или лосятины, требухой, оленьим молоком.

– А как эвенки оказались в здешних местах?

– Они переправились через реку Цзилюхэ, что во Внутренней Монголии, затем шли вдоль Аргуни, Гэньхэ, Хайлархэ, Номиньхэ, Алуньхэ, Ялухэ, перебрались через вал Чингисхана...

– Вал Чингисхана?

– Да, это пограничная стена из камня, она шла вдоль хребта Большой Хинган. Они спустились к западу по левому берегу Гэньхэ, вплоть до ее впадения в Аргунь, затем вниз по Аргуни, мимо города Солунь и далее до Цицикара*. И наконец пришли к Харбину.

– Такой долгий путь? Наверняка утомились?

– Конечно. Не говоря о хищных зверях, по дороге везде топкие болота, водопады и горные потоки, скалистые горы, извилистые реки. По этому, казалось бы, непроходимому пути мои сородичи, словно улитки, наперекор всему шли вперед. Иногда над головой собирались грозовые тучи, а полчища мошкары, комаров, оводов бросались на лошадей и оленей. Реки переходили по висячим мостам, которые за раз выдерживали только одну-две повозки, а под ними бурлила стремнина. Иногда не только людям нечего было есть, даже острохвостым стрижам приходилось искать насекомых, невзирая на дождь... К тому же передвигаться приходилось по ночам при свете факелов, ведь только ночью на оленей можно было навьючить поклажу...

– Да, досталось им. Вы так рассказываете, будто сами это пережили.

– Эвенки передают эти истории из поколения в поколение. Понимаете, что значило их странствие для этого города?

– Какое?

– Благодаря им этот город и зародился...

– Харбин?

– Именно.

Он снова сел и продолжил пить чай. Я устроился напротив:

– Ну а что негидальцы?

– Мать Дун Цзюня была последней представительницей этого народа. С ее смертью негидальцы исчезли.

– Неужели народ может так просто исчезнуть?

– Да. Негидальцы всегда находились в подавленном настроении. А если добавить сюда эпидемии, страсть к спиртному, то народ, в котором и тысячи-то не было, незаметно исчез. Мать Дун Цзюня перед смертью просила его остаться здесь, не уезжать. Она говорила, что здесь был рай, подаривший ей мужа и сына...

В это время с реки донеслись гудки ночного парохода. Эти редкие гудки подчеркнули безмолвие вселенной, вручившей себя дождю.

Исчезновение народа тронуло меня до глубины души.

– Позже Дун Цзюнь и его отец окончательно осели здесь. Когда Дун Цзюнь вырос, он все свои силы стал отдавать на поиск истоков этого города. Он по крупицам собирал не только историю эвенков и негидальцев, но и историю Харбина. Посмотрите на стены, это часть мозаики, еще не до конца собранной им...

– Я ничего об этом не слышал, знаю лишь, что он любит воронов...

Дрожащими пальцами я зажег сигарету, мне было неловко.

* Цицикар — город на северо-востоке Китая.

– А что вы знаете о Харбине? Что, например, значит само слово «Харбин»? — спросил гость.

– В монгольском языке это может означать «равнина» и «темный берег»; в маньчжурском — «черная вода», «место, где сушат сети», а также «деревушка рыбаков», «бедная деревушка»; в русском — «могильный курган»; в тунгусском — «переправа». Кроме того, в языке чжурчжэней* это может означать «слава», «мечта», «остров Алэцзинь», «лебедь», а еще и имя маньчжурского героя. Столько значений, что смешно становится, не находите?

– Да нет. Дун Цзюнь мне тоже говорил об этих смыслах.

– Вы часто беседовали по ночам?

– Да.

– Но он вроде бы не очень разговорчив.

– Это вы просто не нашли общей темы.

Я согласно кивнул.

Дождь за окном усилился, вороны гнезда на деревьях, наверное, промокли насквозь. «Мать его, — сокрушался я в душе. — Как же мало я знаю!»

Гость снова заговорил:

– Дун Цзюнь рассказывал мне вот какую историю. Во время сражения между племенами князь Нурхацзи** был разбит и попытался спастись бегством, но упал с лошади. В этот опасный момент стая воронов своими крыльями скрыла его под вязом. Подоспевшие преследователи увидели под деревом лишь воронов, спокойно чистивших перья, и проскакали мимо. После этого Нурхацзи дал клятву, что прикажет почитать воронов и вязы священными.

– А почему вороны спасли его?

– Потому что в них перерождаются души предков, которых по обычаю хоронили под вязами. После смерти люди превращаются в воронов и живут рядом с потомками.

– Я где-то читал, что одна русская женщина, побывавшая в Харбине, сказала, будто здесь каждый вяз напоминает прекрасное надгробие.

– Сейчас в городе вязов все меньше и меньше. Души предков не находят пристанища. Вороны отправляются странствовать, забыв, где их родина. А теперь и Дун Цзюнь уехал. Бедные вязы, бедные вороны...

Похоже, я действительно плохо знал Дун Цзюня. Раньше я всегда считал его человеком простым и недалеким.

За окном было черным-черно, белели лишь омываемые ночным дождем березы.

– Раз вороны — священные птицы, а вязы — священные деревья, то к значениям слова «Харбин» нужно добавить «священный город».

– Он и есть священный.

В этот момент с потолка опустилась молочно-белая гусеница-висельница. Мой гость быстрым движением схватил ее и проглотил.

Заметив мое потрясение, он пояснил, что в этих гусеницах много белка. Они ему нравятся, особенно с чаем.

Я сказал, что до сих пор полагал, будто гусениц считают за лакомство только африканцы.

* Чжурчжэни — народ, населявший Маньчжурию в X-XV вв., предки современных маньчжуров.

** Нурхацзи (1559–1626) — маньчжурский правитель, основатель династии Поздняя Цзинь.

Мы замолчали, прислушиваясь к шелесту дождя за окном. Капли ударились о подоконник и разлетались во все стороны, завывал ветер.

В комнате стало прохладно.

Я спросил:

– Не затопить ли печь?

– Неплохо бы.

Я стал разжигать дрова. Занимаясь растопкой, я заговорил о том, что мой дед работал на КВЖД* и очень любил печи, а еще прятал за их облицовкой золото.

– А ведь именно железная дорога и испортила эти места, — сказал гость. — Не по душе мне эти печи, оставшиеся от русских, лучше костер в лесу.

Я понимающе кивнул.

– Как думаете, Дун Цзюнь вернется? — вдруг спросил он.

– Кто знает, а если вернется, то как быть с семьей? Захочет ли он из-за этих воронов оставить жену и дочь?

Услышав мой ответ, он понурился и пробурчал, что все-таки по крови Дун Цзюнь наполовину негидалец и если он уедет, этот народ окончательно исчезнет из здешних мест.

Я подошел долить ему чаю.

Гость поднялся со словами, что чаю больше не хочет, игра в мозаику на сегодня закончена, его уже клонит в сон, пора домой.

– Если хотите, можете переночевать здесь, — предложил я, подумав, что сегодня я очень расширил познания.

Он отказался и простился со мной.

Открыли дверь — оказалось, что дождь усилился.

– Возьмите зонт.

– Да не надо.

– А завтра придете?

– Может быть. Кстати, если будете перезваниваться или переписываться с Дун Цзюнем, то передайте, что я по нему скучаю. Буду по его плану составлять ту мозаику, что он не успел завершить. Пусть не забывает, что он не только сын эвенкийского народа, но и потомок негидальцев. Его мать не хотела, чтобы сын покидал родные места.

– Хорошо, — пообещал я, — Дун Цзюнь обязательно скоро позвонит, и я слово в слово всё ему передам. Простите, а как ваше имя?

– Батыр.

Я был поражен. Батыр?! То есть герой. Отец Дун Цзюня!

На моих глазах, приблизившись к калитке, мой собеседник вдруг оборотился вороном, взмахнул крыльями и улетел прочь.

Сентябрь 2002 г. – 23 марта 2003 г., Харбин

* КВЖД (Китайско-Восточная железная дорога) — железнодорожная магистраль в Северо-Восточном Китае. Построена Россией в 1897–1903 гг., передана Китаю в 1952 г.

乌鸦

(短篇小说)

我的朋友董君准备去温哥华一趟。

董君的妻子和女儿于几年前已经在那里正式定居了。董君的妻子是一个欧亚混血儿。两次世界大战期间（及战后），相类似的混血儿在哈尔滨是很多的，中俄、中日-、中法、中意，俄法、意德、丹麦和美国的混血儿，随处可见。我的朋友董君并不是混血儿。先前，去加国的想法仅仅是在他的头脑里倏忽地一闪，而今欲成现实了。这种纠结不清的血缘重组与个人的不幸，相当沉重。

在妻女的再三催促下，董君也打算移居过去了（我还是感觉他没有下最后的决心）。他跟我说他先去温哥华感觉一下.....

毕竟故土难离。

临走之前（算是为他送行），我们去了那家即要倒闭的酒吧里坐坐。那家酒吧是过去我们常去的地方。

酒吧在一条很隐蔽的巷子里。酒吧里的装饰完全是鄂温克风格的，鹿角、萨满的服饰、鼓、各种木刻的图腾脸谱、缩小的撮罗子模型、桦皮碗、狗头帽子、鹿皮衣服、乌拉鞋、狩猎的套绳、白桦树的桌子、椅子、神仙柱、弓箭、兽皮，还有斜插在墙柱上熊熊燃烧的火把等等，使得咖啡屋里充满了一种神秘的气氛。

我之所以选择这个地方，是因为董君的父亲巴特尔就是一个鄂温克人。只是，这家酒吧快要黄了，老板要回家了，他的家在兴安岭额尔古纳河的东面。岭北以西是一望无际的呼伦贝尔大草原，那儿有一匹白马等着他骑呢。

在酒吧里，董君第一次跟我讲到了他死去的父亲、母亲，以及他母亲所属的那个早已消失的民族——涅吉达尔族。

董君说，涅吉达尔族是一个忧郁的民族。这个民族的人不喜欢有伴儿，成年躲在森林里，将自己关在用圆木搭成小屋子里，从来没有一丝高兴的心情。而且，他们的胆子很小，像一群容易受惊的鹿。他们惟一的消遣，就是去附近村庄的小酒馆饮酒，好像只有那样才能让他们忘却荒凉的环境.....

我笑着说，伙计，其实在你身上也有涅吉达尔族人的影子啊。

他说，是的。

我问，你母亲还在么？

他说，母亲在我很小的时候就死掉了。忧郁的人是不可能长寿的。

我听了，长长地叹了一口气。

他说，涅吉达尔人同鄂温克人、索伦人、赫哲人、满族人都属于通古斯人。而那些民族的人，敏捷、勇敢、机智、活泼、豪放、体格健壮、具有冒险精神，而同属一脉的涅吉达尔族人则不同，他们既没有什么爱好，也没什么值得骄傲的技艺，精神状态从来不佳，终日沉醉于酒精，无论男女，身体状况都相当糟糕.....

我不知道说什么好，对此，我是一个外行。

沉默了一阵之后，董君突然问我，温哥华有乌鸦么？

几年前，我曾经去过温哥华。

我告诉他说，首先，温哥华的华人很多，你不会感到孤独的。另外，在温哥华，乌鸦是当地的土著印地安人的神，不仅有，而且它们受到了很好的保护。

董君说，我听说印地安人长得很像中国人，是吗？

我说，是，据说他们的祖先是中国人。在殷代，因为一个不被后人所知的原因，他们被迫穿过白令海峡去了北美。“印地安”的谐音即“殷地安”。据说，那是远放之人对殷地的一句问候。兄弟，你怎么想起问这个？

他说，在江北，我住的那个地方就有很多乌鸦。

准确地说，董君是一个孤僻的人，喜欢一个人呆着，一个人钓鱼、种树、养花、看书和饮酒（孤僻的人都喜欢饮酒）。他的经济来源，是靠出租江南的那幢门市房。那幢房子是他妻子的。先前，他妻子曾在那儿开了一家小型西餐馆。经营地道的、东欧风味的西餐。他妻子的身上有俄罗斯血统，一切不必刻意去做，生意就很好。

不过，这个混血女人不大喜欢他的丈夫。她曾经跟我说过，“董君太忧郁了，唉，我都快喘不气来了。”

妻子去加国之后，董君便把西餐馆的房子租了出去。他住在寂静的江北，他不喜欢江南。不过，董君的日子过得还算充裕。

天快亮的时候我们才离开那家酒吧。

临分手的时候，他把一串钥匙交给了我，说，阿成，你就住在我那儿吧，冰箱里的东西至少够你吃一周的。另外，橱柜上有盒上好的龙井，你就喝吧。还有……

他吞吞吐吐起来。

还有什么？

他说，我的院子里有一个木盆，你想着每天往里放些碎肉和高粱米……

干什么？

喂乌鸦。

我瞟了他一眼，没说什么。

他说，你在我那里写东西非常安静的。说完，他突然神经质地大笑起来。

看来，他的心很脆弱。

我收了钥匙，用力地握了握他的手说，朋友，开心点。

然后我们就分别了。

我知道他并不想走，他手心上有很重的汗水。把一个人从他熟悉的、有感情的环境中挤出去，射到一个完全不熟悉的异邦，那并不是一件令人愉快的事。

……

这是个秋雨连绵的季节，凌晨的街道被金黄色的落叶所覆盖，天地间呈现出一派悲秋无限的情调。彼此分手以后，我朝反方向走去。

我知道，此时此刻，万道的雨丝把我们彼此心里的了望变得更加朦胧了。毫无疑问，载着董君的客机已经在这样雨天里起飞了。但愿乌云之上的灿烂的阳光能给他一个好心情。

这个涅吉达尔人的儿子！

50年代，我和董君是江沿小学的同学。他住在江北，每天，他的父亲都划着船接送他上下学。记得，董君的脖子上总是挂着一个用狗皮包着的小木人的脸（据说，小木人的胡须是用熊毛粘上去的），那是个护身符。我后来才知道那是鄂温克人的风俗。

50年代，在这座城市里能经常看到达斡尔人、鄂伦春人、蒙古等少数民族的人，他们每个人的身上都有一个形状各异的护身符。

那时候董君就是一个沉默寡言的孩子。多少年以后，在他妻子的西餐馆里，我与他偶然相遇。由此，我经常到他的西餐馆，或者去那个鄂温克人开的酒吧里坐坐，喝点酒，彼此聊一聊。但是，在通常的情况下，他的话不多。

我裹紧了大衣向自己的住址走去。我回去准备一下，今晚就住到董君的家去。或许真的像董君说的那样，这一段时间我可以静下心来写点什么了。

缠绵的秋雨一直在不停地下着。

.....

下午四点钟，我提着手提袋走出了家门，截了一辆出租车去董君江北的住宅。

出租车上的雨刮器不断地刮着风挡玻璃上的密密匝匝的雨点，街道两旁的建筑被秋雨浇得湿湿的。老兄，地面上的阿成祝你一路风顺。

出租车在九站码头停了下来。我提着手提袋下了车，下大堤去坐渡船。

雨雾使得江面上的气氛变得迷蒙起来。江风刺骨了，看来，湛蓝的秋季就要结束了。

在那个鄂温克人开的酒吧里，我曾听董君讲过，先前每年的五月，在松花江边有一个“互市”活动。许多少数民族从旱路或者水路，赶到这儿来贸易。董君说，到了那样的日子，松花江边的沙滩上皮货山积，牛马蔽影，人们在河滩上划沙为界，将他们带来的皮张、鳊鱼骨、药材、山货、貂皮、猞猁、水獭，灰鼠等猎品以及桦皮工艺品，摆在沙滩上进行交换，换回他们所需的火枪、盐巴、酒，茶叶、煤油、丝绸、粮食.....

董君说，那时，江边上布满了“撮罗子”和“祖宗竿”。祖宗竿上缚着一束松树毛，顶端穿着一根横木，一头是一个木制的小风扇，随风作簪，另一端挂着一盏风灯。夜晚时，江风吹，风灯摇，江水涌，天、地、人，又宁静又神圣。

董君说，他的父亲母亲就是在这样的贸易活动中结为夫妻的。集市散了以后，其他的人都走了，这对年轻的夫妻留了下来，打鱼、打猎为生。

.....

而今，董君所描述的昔日江上“互市”的情景，已像梦一般地消失了，一切都城市化了。

渡江的汽船里并没有几个乘客。我点了一棵烟吸着。船舱里的柴油味很浓，呛人，有人在咳嗽。舷窗的玻璃被一层乳白色的冷雾遮盖着，雨点随着江风时紧时松地敲打着船顶上的铁皮。这时候，让我想起了酒吧老板唱的那支鄂温克人的歌：

银白色的雅鲁河，
泛起了鱼鳞般的银波
如镜子一样明净的天河（松花江），
闪着黄色的光芒。
提起这条河啊，
是我们鄂温克人的家乡！
是我们的祖先，
骑着枣红马，曾驰骋过的地方。

.....

坐在船舱里看不到渐渐远离的、耸立在南岸上的那些幢现代化的高楼，只能听到轮渡行水的声音，以及凄厉的汽笛声。

船长自言自语地说，入冬封江之后，我这条船就该报废了。接着，他不无惆怅地说，这船很漂亮啊，它在这条江上行驶半个多世纪了，以后再也没有这样漂亮的船喽。

这只乳白色的汽船航行在秋雨秋江之上，的确像一幅油画（想不到这幅美丽的图画也要消失了）。

船长说，再过几天，松花江就要跑冰排了。其实现在江水里就已经有冰排了，你们看不见就是了，一片片都是透明的，像锋利的刀子在江水里漂，被船一碰就碎了，我这条船已经遍体鳞伤了.....唉，反正我也快退休啦——

船上没人搭腔，都在看着船长开船的背影。一只乌鸦伫立在船头。

汽船靠岸了。上了岸，我坐上了一辆在江边接客的机动三轮车。这辆车上安装着简陋的帆布雨篷，客人坐在里面可以遮风挡雨。三轮车司机听了我要去的地址后，回过头来认真地看了我一眼。我打了一个手势说，我是老董的朋友。

他“哦”了一声，就开车出发了。

松花江北岸的住户不多，仅在沿江一线有零星星的几户（显然，这里的住户彼此都认识，不然司机不会知道老董这个人）。这些房子大都是早年俄国人遗弃的俄式风格的旧房和旧楼。由于临近江边，或者河汊多的缘故，家家都有一条舢舨船。春、夏、秋三季将船拴在江边，到了冬天便把木船拖回家，放在栅栏院里。

董君讲，他小的时候，夜里经常随着父亲划船去江汉子。银月下

面，江汉子的水平得像镜子似的，双桨一悬一悬地击水，船头一冲一冲，水里的鱼受惊后直往船上跳，有虫虫，哲罗，黄姑子和麻口，一次能收获十几斤。每当船划到了江汉中央的时候，他的父亲总要说，儿子，喝口江心的水吧，江边的水被妇女们洗衣服都弄脏了。于是，董君便哈下腰用手捧着喝，那水非常甘冽。董君说，记得有一次，我父亲说，“儿子，我死后，你就把我的尸体放在这条船上，让船顺江而下，就能一直漂到黑龙江去。”父亲告诉他，雅鲁河，阿伦河，格尼河，诺敏河，莫合尔图，特尼河，贝尔茨河，金河流域都有鄂温克人的部落。鄂温克人喜欢择水而居。但是，董君并没有这么做，他希望父亲留下来与早故的母亲做伴儿。董群说，有时候，父亲将船泊靠到太阳岛上，为了驱赶蚊子，父子俩在岸上拢上一堆篝火。父亲给他讲鄂温克人跳的努哈勒、阿伯罕和爱哈达喜楞舞（与野猪搏斗舞）。父亲说，这种舞都是晚上跳，部落里的人聚在河边，七、八人或者二十个人手拉手形成一个圆圈，围着那堆篝火，按照太阳运行的方向转动，载歌载舞，一直到天明……董君说，每尘这个时候，父亲就会跳起来，唱起来：

兄弟姐妹相见是多么宝贵，
来，让我们跳舞吧！
不久，我们又要分手，
为了祝福狩猎的丰收，
为了幸福的重逢，
我们欢乐的跳舞吧！
我们欢乐地歌唱吧！
我唱的并不好请不要笑！

跳舞要用力！
挺起腰，振起臂，
脚要用力，
把地踏出坑来，
跳到全身出汗。

……

父亲死后，董君将父亲埋在后院的大榆树下（他的母亲就埋在那里）。并将鄂温克人每人必备的一刀，一叉，二箸，也一同埋在了地下。

司机一边开车一边说，老董说你是个作家？

我说，怎么，他跟你说起过我？

他说，是啊。你来住他就放心了，他的那些乌鸦就有人喂了。

我笑着说，妈的，原来是这样。

司机说，他这个人心眼儿挺好的，就是有点不合群。可能跟他娶了那个俄国媳妇有关吧。

我说，他的俄国媳妇中国话说的不错呀。

司机说，两回事，两回事。他媳妇非常活泼，又唱又笑的。他呢，

蔫不叽的，就喜欢跟乌鸦对话。一句话，鸡鸭不同圈哪。说着，司机不断地摇起头来。

我说，嗨，一个人有一个人的个性。

司机说，老董跟我说，你需要什么东西，酒哇，烟呀，你就跟我说一声，我给你捎过来。这里买东西不像江南那么方便。特别是天冷之后，船又停航，路又难走，天儿又冷，出去老远买一包烟不值得，遭罪。

我说，谢谢。到时候少不了麻烦你。

机动三轮车拐过一条落满枯叶的方石小路，就到董君的家了。

董君的家是一处独门独院，是那种老式的俄罗斯风格的板加泥平房。栅栏院里满都是湿漉漉的落叶（人走了才仅仅一天便如此的荒凉。难道草木通情么）。房子周围的榆树特别多（间或有几株白桦树，感觉像一处微型的森林）。榆树枝上是一团一团的老鸱窝。我心里想，这种窝过严冬能解决问题么？

机动三轮车停在栅栏院的门口时，几只落在栅栏上的乌鸦惊飞而去。我看到这些乌鸦的羽翼上泛着幽蓝色的光。我还发现，房子的房顶上、烟囱上都落满了乌鸦。我想，它们可能都饿坏了吧。

司机问，你一个人住不害怕么？

我说，没关系，我经常一个人在外旅行，习惯了。

司机收了车钱，又给我留下了他的传呼机号，之后就开车走了。我打开院门走了进去。

房间里还好。

一面墙上挂满了奇奇怪怪的饰物：骨箭头的弓箭、石刀、鱼皮的口袋、自制的简易滑雪板、渔叉、火把、鹿鞍、狗服、长筒烟管、刀子，用鹿血画出五官的山神爷的半只木墩，用海豹皮做的烟丝袋、钱夹。还有一排排小木人（上面几个是用薄铁皮做成的，下面几个是用黄铜皮做成的），并缝在了蓝色的土布上。这大约是鄂温克人的东西，我想，其中也会有涅吉纳尔人的物品。民族的东西总是像一个人的影子一样，人走到哪里它们就跟到哪里。

屋子里的老式壁炉显然还在使用。在壁炉边，我看到了董君准备的两摞劈好的新柴（我想，妻儿去国多年，他一个人坐在壁炉前伴随这些无声的饰物，一定很孤独）。

但是，我最满意的，是那张橡木的俄式写字台——有它就足够了。我自言自语地说，谢谢，老兄。

我脱了外套之后，找到喂乌鸦的食料（他整整准备了一大木桶。太不可思议了。妈的，尊重他的习惯吧）。我舀了一些，冒雨来到了院子里，将食物放到那个木盆里。这时，栖息在树梢、房顶和烟囱上的乌鸦纷纷地翔落下来，借着窗子射出的光亮，围在木盆那儿吃了起来。一切都静悄悄的，偶尔有几声鸦啼。

回到屋子里，我先去厨房，用那把紫色的俄式瓷壶烧了开水，又在厨柜上找到了那盒龙井，冲了茶。然后，从旅行袋里取出手提电脑，坐在写字台前开始写。

这他妈的是一个人的宿命，我既无法解释也无法抗拒。

外面的秋雨仍在刷刷地下着，江风的声音很响，雨声和树叶的飒飒声融在一起，像似外面下着极大的雨。江北的确更加接近大自然，难怪董君不愿到江南去居住。

我正在写一篇关于哈尔滨历史的文章。我得抓紧写，这几年，城市像流行时装一样更新得很快，如果不及时地把我的闻见和感受记录下来，它们很快就会消失掉。要知道，写作单靠少儿时的记忆和激情想象是不够的。历史上的亲历性尽管片面，但终究是一种亲历。

当然，我也需要稿费来维持我和我家人的生活。男人只要活着，就很辛苦。

雨在下，风在拂，江水在流，历史也在流，我在键盘上写着。这就是一个渺小的、没人在意的城市记录者的形象。

午夜时分，我听到了敲门声。

我想，可能是董君这家伙又改变主意了。

他就是这样一个人喜欢临时改变主意的人。我曾经听他的那位欧亚血统的妻子说过，董君在家里总是来回地折腾，今天把桌子摆在这里，明天又把床换到另一个地方，包括他挂满墙的各种饰物，总在不断地变换位置。他妻子说，阿成，你不要以为董君是一个老实人，他太喜欢折腾了，我都快让他给折腾疯了。

这难道是鄂温克人的特点么？

.....

这家伙是怎么回来的？松花江没有夜渡船。他只能绕个大弯子，徒步从新江桥上走回来了。记得，他曾经跟我讲过他夜行江桥的经历。我还跟他说，你老婆又不在国内，为什么必须回去，在江南住一夜不是一样么？现在看来，他大约是放心不下这些嗷嗷待哺的乌鸦了。当然，一个人活着总得关心点什么，那才是温暖的生活。

我打开门，一个陌生的矮个子男人站在了我的面前。

他说，你好。

您好。

他说，看来，你就是董君的那位朋友了？

您是？

我也是他的朋友，就住在附近。他没跟你说起过我吗？

我微笑地看着他。

他说，没关系。

说着，他进了屋。

他说，我又失眠啦，看到你屋子里的灯还亮着，就过来跟你聊聊。不妨碍你吧？

我说，不妨碍，没关系。

这个陌生人身材虽不魁梧，但很结实，扁脸，宽颧骨，楔形的下巴宽而突出，短鼻子的鼻孔敞露着，厚嘴唇，头皮浓且硬，上唇和下颏的髭须稀稀疏疏，身上穿着一件老式的黑呢子大衣。这种不和时宜

的打扮看上去有些陈旧。当然，要想把全城的人都彻底更新，那还得需要时间。

我发现，他的脸色并不好，发青，有些憔悴，眼睛里挂着血丝，一看就是一个典型的失眠者。只是我还一时还无法判断他究竟有多大岁数。

我给他冲了一杯茶。并问，放糖么？

他摆了摆手。

他接过茶杯，歪过头看了看手提电脑上的文字说，你在写文章？

是，为了稿费。

写什么方面的？

我说，是关于这座城市的历史.....

他颇有感慨地说，城市历史的源头应当从神话开始，哈尔滨的历史也不例外。

我听了，不觉吃了一惊。

他呷了一口茶后，突然问我，你喜欢乌鸦么？

我说，喜欢。

他感慨地说，乌鸦曾经是我们这座城市的祖先哪，你的文章应当从这儿开头。

我说，这我可是闻所未闻。

他说，现在没人记得它们了。

我说，不过，我的朋友董君非常喜欢乌鸦。

他说，董君对乌鸦有一种特殊的感情啊。对了，写这篇文章你没请教一下董君吗？

我笑着说，他对写作不感兴趣。

他说，你这样认为？

说着，他站了起来，看着墙上的那些饰物。

他说，写这座城市的历史，你应当请教一下董君。他的民族——鄂温克，就是这座城市的先祖之一。你看，这座城市的历史不少都在这面墙上挂着呢，还有那个早已消失了的涅吉达尔族的历史。

我说，董君的母亲就是涅吉达尔人。

他说，对，董君很像他的母亲。

我说，你认识他的母亲？

他说，是的，我们是多年的邻居。

我问，您是哪个民族？

他说，鄂温克。

我问，鄂温克是什么意思呢？

他说，“鄂温克”的意思就是“住在大山林中的人们”。他们没有文字，古书上说，他们散居在山谷里，挽强命中，洞兕虎。能自缚于树，射熊虎洞穿。而且，鄂温克人所发之音，圆亮浑厚，俨然京音。

你是说像北京话？

他说，是的。他们喝的饮料多是白驼和牛马的乳汁，而且人人都喜欢吸烟.....

我问，对了，你吸烟么？

他说，不。谢谢。

我说，我只知道鄂温克人善于驯鹿，我曾在一个鄂温克人开的酒吧里喝过鹿心血酒。我想，哈尔滨肯定不是他们的第一故乡吧？

他说，鄂温克最早的故乡在勒拿河。勒拿河宽得连鸟儿都飞不过去。鄂温克人是善良的，团结的。在鄂温克的部落里有这样的一句话，“头破破在帽子里”、“脚断断在裤子里”。他们对客人到来都非常热情。鄂温克人说“外来人不会背着自己的房子走路，你出去同样不能背走你的家。如果不招待外来的客人，你出门也没人照顾你。”

我笑着说，我可从未从董君身上看到过这种热情，他也从未请我到 he 家里做客。这次他让我来给他看家，目的是让我帮他喂乌鸦。

他说，也许你说的对，毕竟在董君的身上还有一半是涅吉达克人的血统，而那个民族不喜欢交往。鄂温克人不一样，客人来了，他们会把鹿、麋鹿的胸口肉、脊骨肉、肥肠以及驯鹿奶献给客人享用。

我说，那么，这个民族是怎样到这里来的呢？

他说，他们渡过内蒙古的激流河，顺着额尔古纳河、根河、海拉尔河、诺敏河、阿伦河、雅鲁河，穿过成吉思汗边墙.....

我说，成吉思汗边墙？

他说，对，那座边墙是用石头建成的，成吉思汗边墙的走势几乎与大兴安岭平行。他们沿着根河左岸向西，直到河口，再沿着额尔古纳河，经索伦城，一直到齐齐哈尔，然后，来到哈尔滨。

这么远？一定很辛苦？

他说，当然。豺狼虎豹就不必说了。一路上，泥泞的沼泽，飞瀑的山溪，险峻的山峦，曲折的河道，在几乎封闭的路上，族人们像蜗牛似地逆流而上。有时候，头上是浓厚的暴雨云，吸血蝇、蚊子、牛虻，像密集的云一样扑向马和驯鹿。渡河的时候，木栈子一次只能运送一辆车，水流又那样的急，很危险。有时候不要说人什么吃的没有，就连大群的针尾雨燕也不顾天下着雨出来寻找昆虫.....而且，他们只能夜间举着火把赶路，只有夜晚，驯鹿才能够顺从地驮东西.....

我说，这太辛苦了。好像您亲身经历过一样。

他说，鄂温克人的历史，是通过一代又一代人的讲述，流传下来的。

他说，你知道，他们长途跋涉的这条路对这座城市意味着什么吗？什么？

他说，孕育了一座城市.....

哈尔滨？

是的。

说着，他回到了座位上，继续喝茶。

我坐在了他的对面，问，那么，纳吉达尔人呢？

他说，董君的母亲是最后一个涅吉达尔人，她死了，这个民族也就消失了。

我说，一个民族就这样轻而易举地消失了？

他说，是的。涅吉达尔人的思想总是处在压抑状态，再加上疾病，酒精中毒，一个不足一千人的民族，就这样一点一点地消失了。董君的母亲在临终之前对儿子说，要他留在这里，不要再走了。她说，这里是天堂，给了她一个家，丈夫和儿子.....

这时，从江上传来了夜航船的汽笛声，罕罕的汽笛声把雨下的世界衬托得更加寂静了。

我的心里为一个民族的消失感到难过。

他说，后来，董君和他的父亲就定居在这里了。董君长大以后，几乎在用全部的精力寻找这座城市的源头。他不仅是鄂温克和涅吉达尔民族历史的拼图者，也是哈尔滨这座城市的拼图者。你看，墙上挂的这些东西，就是这幅拼图中的一部分，到现在他还没有完成这幅拼图呢.....

我说，这我一点儿也不知道，我只知道他喜欢乌鸦.....

我哆哆嗦嗦地给自己点了一支烟，我觉得自己有点难堪。

他说，你对哈尔滨你知道多少呢？知道“哈尔滨”的含义吗？

我说，哈尔滨这三个字的解释，有蒙语“平地”、“黑色的岸滩”、满语“黑水”、“晒网场”、“水草渔村”、“贫寒的小村”；俄语“大坟墓”，通古斯语，“渡口”，除此之外还有女真语“光荣”或“梦想”、“阿勒锦”、“天鹅”以及满语“英雄的名字”等等，我说这些是不是有点可笑？

他说，不。这些董君也说过的。

我问，你们在夜里常聊吗？

是的。

我说，可他并不太健谈哪。

他说，那是你们没找到共同的话题。

我点点头。

窗外的雨下得急促起来，树上的那些老鸱窝都被淋透了吧。我心猿意马地想，妈的，我还很浅哪。

他说，董君曾给我讲过这样的一个小故事，部落打仗，努尔哈赤战败后逃上了绝路，并从马上摔了下来，危难时，一群乌鸦密密麻麻地落了他一身，把他隐藏在榆树下。追兵赶到了，发现乌鸦们在榆树下安详地梳理羽毛，追兵就离开了。事后，努尔哈赤发誓，他一定要封乌鸦和榆树为神。

我说，乌鸦为什么要救他呢？

他说，因为，乌鸦是先祖魂灵的化身。先人死后都葬在榆树之下，然后变成一只乌鸦，与祖先在一起生活。

我说，我看到一份资料，一个到过哈尔滨的俄国女人称这里的每一棵榆树都是一座艺术的陵墓。

他说，现在，城市里的榆树愈来愈少了。先祖的亡灵们已经没了去处，很多乌鸦不知何处漂泊，不知乡关何处。董君也走了，这些可怜的榆树，可怜的乌鸦呀.....

看来，我真的不了解董君。过去我一直以为董君是一个愚钝的人呢。

窗外黑黑的，只有夜雨中的白桦树闪烁着水样的光泽。

我说，如果乌鸦是神鸟，榆树是神树的话，那么，对于“哈尔滨”的解释还应当再加上“神的城市”一说。

他说，它的确是一座神的城市。

这时，从天棚上垂下来一只乳白色的“吊死鬼儿”。我看见他

迅速地把这只纤丝垂吊的昆虫抓在自己的手中，吃掉了。

看到我惊鄂万分的样子，他说，这种昆虫的蛋白质很丰富，我喜欢吃，特别是喝茶的时候。

我说，在我的印象里只有非洲人才喜欢吃昆虫。

我们沉默起来，听着窗外的雨沙沙地下，雨水打在窗台上劈叭叭地四溅着，风飒飒地刮着。

屋子里有点冷了。

我说，我把壁炉生上火行么？

他说，好啊。

我开始点燃壁炉里的劈柴。

我边点边说，我爷爷就是老中东铁路上的一名员工，他很喜欢壁炉.....还在壁炉的铁皮里藏过碎金子呢。

他却说，要知道，是铁路破坏了我们的家园。我不喜欢俄国人的壁炉，我喜欢森林里的篝火。

我理解地点点头。

他突然问我，你认为董君还会回来吗？

我说，谁知道呢，如果回来，那他的家庭怎么办？他会因为这些乌鸦舍弃自己的妻子女儿吗？

他听了我的话便低下了头，喃喃地说，毕竟在董君的身上还有一半涅吉达尔人的血液，他要是走了，这个民族就彻底的消失了。

我过来替他斟上茶水。

他站起来说，不喝了，今天的拼图游戏就做到这儿罢，我有些倦了.....该回去了。

我说，你可以睡在这里.....我觉得我今天的收获特别大.....

他说，我回去了。

说着，他就告辞了。

推开门，秋雨似乎更大了。

我说，我给你找一把伞吧。

他说，不必了。

我问，您明晚还来么？

他说，或许吧。对了，你要是跟董君通话、通信，请你转告他，我很想念他。我会和他一道完成他未完成的拼图的。让他别忘了，他不仅是鄂温克人的子孙，也是涅吉达尔人的子孙。他的母亲不希望她的儿子离开这里。

我说，我知道。我相信他很快会给我打电话的，我会把您的话一字不差地告诉他。请问，您叫什么名字？

他说，巴特尔。

我不觉大吃一惊，巴特尔？英雄！董君的父亲！

我看到他走到栅栏院的门口时，瞬间变成了一只乌鸦扑愣愣地飞走了。

.....

2002年9月~2003年3月23日二稿·哈尔滨

译者：罗季奥诺夫

ВЕРА ГАЛАКТИОНОВА

Галактионова Вера Григорьевна родилась в г. Сызрани. Окончила Литературный институт имени А. М. Горького. Прозаик, публицист, лауреат литературных премий имени И. Шухова, А. Платонова, И. Бунина, А. Дельвига. Автор романов “Зелёное солнце”, “На острове Буяне”, “5/4 накануне тишины”, “Спящие от печали”. Собрание сочинений в трёх томах и ряд её книг содержат повести, рассказы, исторические очерки. Художественные и публицистические работы печатались в журналах “Наши современники”, “Дружба”, “Юность”, “Даугава”, “Москва”, “Простор” и других. Произведения В. Галактионовой обсуждались критиками и литературоведами на Международных литературных конгрессах и научных конференциях Москвы, Кембриджа, Кракова, Варшавы, Сорбонны, Шумена, Минска, Херсона, Армавира, Краснодара, Сеула, Ставрополя, Калининграда. Член Союза писателей России. Живёт и работает в Москве.

薇拉·加拉克季奥诺娃

薇拉·格里戈里耶夫娜·加拉克季奥诺娃，俄罗斯作家协会成员，出生于塞兹兰市，毕业于高尔基文学院，现居莫斯科。小说家、评论家，曾获舒霍夫奖、普拉托诺夫奖、布宁奖、德尔维格奖等文学奖项。著有小说《绿太阳》、《在布扬岛上》、《5/4在寂静前夕》、《悲伤中沉睡》等作品，及收录多部中短篇小说和历史随笔的三卷本作品集。其文学和评论作品发表于杂志《我们的同时代人》、《友谊》、《青春》、《道加瓦河》、《莫斯科》、《广阔》等杂志。薇拉·加拉克季奥诺娃的作品曾在莫斯科、剑桥、克拉科夫、华沙、索邦、舒门、明斯克、赫尔松、阿尔马维尔、克拉斯诺达尔、首尔、斯塔夫罗波尔、加里宁格勒等地的国际文学大会和学术会议上被评论家和文学研究者们广泛讨论。

МЫ БУДЕМ ЛЮБИТЬ

(повесть)

Кто-то отодвигал полог малой палатки, входил, пригнувшись, и молчал подолгу. Мария знала, что это Павел. Лицо её некрасиво напрягалось. Она не поднимала век, резко-белых на багровом от жара лице. И скорчившаяся под байковым одеялом тело её хранило всё ту же неловкую скованную позу.

Павел мог бы сказать, что Марии надо к врачу, в посёлок. Но в словах этих не было толка сейчас, а ни о чём другом он не думал. Потоптавшись, Павел уходил из малой палатки в большую — людную; в тусклый неразборчивый говор и полумрак. Однако медлил перед входом под дождём.

Небо дымилось, набрякшее влагой. Сизое и тяжёлое, оно ползло над раскисшей степью, такой бескрайней, что казалось: вся земля — одна только степь, и не бывает на свете ничего другого. Всё другое — снилось, чудилось и не существовало никогда и нигде. И иного времени, кроме этого бесконечного холодного дня, не было тоже и не будет. А степь дымилась так же, как небо, — тем же сизым низким туманом, и уже давно не могла впитывать бурные водяные токи: дождь лил четвёртые сутки. Уставшая захлёбываться, плоская степная безбрежность покорила неизбежному и теперь превращалась в топь, пахнущую холодом и мокрой продрогшей полынью.

Ничей взгляд не сумел бы приметить, чем отличается небо от земли. Лишь верхние непроницаемые дождевые дымы стлались и ползли в одну сторону, земные же — в другую, противоположную небесным. Но и те, и другие почти сливались между собой в дождевом кипении меж небом и землёй. И только две брезентовые палатки, почерневшие от дождя, — огромная, двадцатиместная, и малая, — чудом держались на бурых кольях, вбитых в текучий земной туман, и оставались странно недвижимыми меж двух движущихся сфер.

Резкий скипидарный запах обдавал на самом входе в большую палатку. По несколько раз на день старик Учёный в своём углу озабоченно растирал мутной жидкостью нывшие в ненастье длинные жёлтые ступни. Потом он обматывал их байковыми портянками — бережно и ловко, как пеленают младенцев. Потрогав непросохшие кирзовые сапоги изнутри, Учёный рассеянно произносил что-нибудь важное для общей жизни:

— Человек мёрзнет не оттого, что на нём мало одежды, а оттого, что он — мёрзнет.

Потом лицо его озарялось тревожным вдохновеньем.

— Надо прежде всего перестать зябнуть! — торопливо оставлял он в звуковом пространстве над землёю важную свою мысль. — Ибо тогда одежда перестаёт играть функциональную роль. А вера в теплоту одежды есть глупость самоуспокоенья.

Никто в палатке не стремился понять его, потому что ему этого не требовалось: он был человеком, одиноким во всём. Учёный не знал, что студенты прозвали его “Ибо” — единственным словом, которое охотно воспринимали они из его возбуждённых речей и которому улыбались, переглядываясь.

Вынужденное безделье томило молодых и ещё не закончивших обучения археологов. Их лица утратили живость. И слабый отпечаток тупости и лени отметил их взгляды, потухшие теперь от непомерно долгого сна.

Но Учёный, руководивший экспедицией, был неспокоен — он возился в своём углу, прошёптывал длинные цифры и тщательно кутал ноги спальным мешком, совсем не замечая ни механических жестов своих, ни шёпота: раскопки уже подтверждали многие его предположения.

Шесть девушек из малой палатки скучали здесь же. Закутанные в кофты и куртки, они были подкрашены не в спешке — более старательно, чем всегда, и словно затянувшееся ожидание праздника, а не непогоду переживали теперь. Четверо из них сидели спина к спине и переговаривались между собой, двое полулежали, и одна спросила про Марию:

— Как там она?..

Но спросила не потому, что думала о ней. А потому, что думала про Павла. И он ей не ответил. Только Учёный деловито осведомился у девушки:

— Она?.. Там?.. — и задумался о чём-то, опустив толстые морщинистые веки, похожие на скорлупки грецкого ореха.

— ...У неё — доклад в сентябре! — рассердившись, прокричал наконец Учёный непреклонным тонким голосом, исключаяющим из жизни всё, кроме науки, в том числе и болезнь. — По ранней бронзе!

Он решительно заявил это не для кого-то, а для словесного обозначения цели. Словесное, точное обозначение цели считал он половиною дела. И все промолчали, потому что их это — не касалось.

...Когда кончался озноб, Мария переставала слышать невнятные голоса и тонущие во влажном кипении пространства глухие гитарные аккорды, долетавшие отсюда. В большой палатке кто-то всё время трогал струны, потерявшие тугую весёлую звонкую силу, но не собирался играть, должно быть, а может, и не умел вовсе.

Голоса и аккорды истаивали. И тогда начинала сильно гудеть самоварная труба — она гудела от алого пламени в глубине своей. Длинный шлейф светлого дыма стлался по земле, взбегал на крыльцо и окутывал босую Марию, улыбающуюся сокровенному теплу жизни, совсем молодому по весне. Слабые лепестки отцветающей яблони подрагивали над самоварной трубой. Чтобы не закашляться, Мария зажимала рот руками, липкими от сосновой смолы, и радостно думала, что всё самое страшное на свете лишь кажется страшным до тех пор, пока не подступит совсем близко. И пока не обретёт свои реальные, нестрашные черты.

Щурясь от утреннего солнца и обжигаясь, она хватала раскалившуюся трубу старой варежкой с рыжими пятнами подпалин. Железная и тяжёлая, труба долго падала с низким басовитым звоном: она падала вечно. И звон уже не прекращался. А только то слабел, то усиливался, но был необычайно певуч и истончался, взлетая. И в самом высоком своём звучании вдруг становился стройным и мелодичным и уже выпевал хорошо узнаваемое, раскачивающее, предсонное: “Девчо-онки, беда-а-а — рубашо-о-онка худа...” “...Надо денежки копи-и-ить... рубашоно-очку купить...” — летал, качался колыбельный напев над яблоневым опадающим цветом.

Мария тёрла глаза и бросала сосновые шишки прямо в ясное пламя самовара, тут же охватывающее алым и голубым тёмные крепкие чешуйки.

Самовар чадил сильнее, чешуйки корёжились, топырились — и распускались в огненные светящиеся цветы, обдавая лицо жаром и горячим восторгом. Восторг этот не позволял оторвать слезящегося взгляда от пламени, тело блаженно немело. А смоляные огненные соцветья разрастались и становились уже огромными и подрагивающими сквозь слёзы. Звон падал — и взлетал, и выговаривал, горевал беспечально молодым материнским голосом на самой заоблачной своей высоте — “...рубашо-онка худа...”

“Надо денежки ко-опи-и-ить...”

Но потом накатывал мокрый озноб — и холодная явь, непривычно серая и призрачная...

Месяц назад, после двухдневного пути с ночёвкой на окраине аула, слабо различимого во тьме, партия высадилась на плоской Белой горе, бугрящейся цепью давно осевших, но великих когда-то курганов. Сначала Белая гора лишь проступила в тёмно-синем, почти лиловом, дневном мареве, закрывая горизонт, словно обозначенная неуверенной кистью художника-недоучки, — она длинно изгибалась и почти не приближалась несколько часов кряду. Но моторы двух грузовых машин заработали наконец труднее — и смолкли вскоре на длинной плоской вершине.

— Двадцать семь! — прокричал старик Учёный, пробежав под самым небом мимо грузовиков и потыкав в синее пространство пальцем. И, уже невидимый, торжественно и резко проговорил за кабиной: — Они! Двадцать семь!..

И студенты сверху засмеялись ему в ответ:

— “Ибо”!..

Засидевшийся народ стал спрыгивать с машин и разбредаться на воле меж могильных курганов в синем поднебесном безмолвии. Мелкие серые змеи волнисто шелестели и ускользали из-под ног в сухих травах. Ни единой птицы не было в пустой вышине.

На отшибе от строгой цепи великих курганов, в стороне, возвышался один, едва приметный. Мария ушла к нему, чтобы смотреть на что-нибудь не общими глазами и чувствовать всё только самой, не сообщаясь ни с кем. Она не сильно удивилась его неровности. Глубокая впадина на скате заросла бледной полынью, пустившей побеги сквозь старые узловатые и давно иссохшие стебли.

— Грабили... — объяснила себе Мария. И оглянулась: тишина вокруг была такой глубокой, будто на слово кто-то безликий и всемогущий наложил многовековой запрет. И тишину эту странным образом не нарушали — не могли нарушить — собравшиеся вокруг Учёного ребята-однокурсники. Старик сидел на холме, аккуратно вытянув ноги, толковал о чём-то над картой и насторожённо всматривался в неё сам, склонив голову к плечу.

Прошлым вечером, перед ночёвкой в пути, к их костру подошли из темноты, со стороны аула, трое немолодых казахов. Они плохо говорили по-русски, однако их все поняли: в меловом карьере из Белой горы выходят золотые бляхи. Редко, правда. Но двадцать три года тому назад работал там один бульдозерист, так тот сам говорил и показывал всем — сильно похоже на золото. Но зачатое, должно быть, как всё могильное. Потому что вскоре, как раз на второе мая, сильно захотелось этому бульдозеристу нырнуть в речку. Он не выплыл. А вытащили его со дна — баграми. Люди знали про

высокий камень, торчащий под водой, и он знал, а вот однако же на него и наткнулся. Такое на бульдозериста после той бляхи нашло помраченье.

А хороший, сильный был парень. В войну рождённый неизвестно кем. “Родом из детдома”, — говорил и руку жал каждому незнакомцу. И это значит, подмосковный детдом был его елимай. Да, его род — такой, что состоял из безродных... Весёлый сирота, выучившийся в городе, даже не успел жениться, чтобы было кому оплакивать и жалеть его как следует на этом свете. Вот так-то...

Здесь, возле курганов, на всех находит помраченье. И лучше бы не работать никому в том карьере, да когда нужен бывает мел в хозяйстве, партийный баскарма посылает тех, кто всех моложе и глупее. Только самых что ни на есть глупых и посылает; потому что умные — отказываются... Случается, что и сходит кое-кому с рук эта работа — если только не показалась на глаза копателю золотая безделушка. Бывает, что и сходит. Но до поры до времени, конечно...

Жалко, что нет среди приезжих умельцев по электричеству. Пэтэушник из детдома умел чинить проклятый движок — норовистый попался механизм, совсем как дурная лошадь. К тому же состарился сильно движок с той поры; заводится — но не тянет от дряхлости и старческой лени. Чихает, перхает по-овечьи, стучит дробно, как стучит пробегающее стадо сайгаков своими копытами, и глохнет потом насовсем. А совхозный моторист переехал в город. И вот которую неделю аул сидит без света... Нет, на Белую гору люди постарше не ходят. И лучше бы там никому не работать...

Что ж, дело, конечно, хозяйское... Вот так же и человек безродного рода не послушал здешних людей. Надел фуражку козырьком назад — и своротил, смеясь и насвистывая, бешеной своей машиной угол Белой горы. И получилось, что безродным родился — безродным ушёл на тот свет, как и не было его на земле никогда...

Учившимся людям смешно бывает такое слушать, конечно. Но здешние старики всё равно считают: не зря закапывают мёртвое подальше от всего живого, поглубже, чтобы оно не вырывалось наружу... А если тронуть его, оно, того и гляди, утянет живое к себе, в смерть. Потому что иногда мёртвое становится сильнее живого. А становится оно сильнее живого, когда сильно понравится живое — мёртвому. Да. То живое, которое понравилось мёртвому, мёртвое не оставит ходить по земле, а заберёт себе. Любой мертвец норовит захватить себе с этого света *подушку* — так предостерегают молодых почтенные белобородые старцы, скупые на слова.

Зачем? Зачем таким молодым, здоровым людям откапывать прошлое? Прошлое — это умершее. Прошлое — смерть. Изучать прошлое, копаться в прошлом — значит сообщаться со смертью всё время. Умер миг, скончался день, погас год, догорел век — туда уже нет хода живому... К чему открывать смерть, которая уснула под землёй и успокоилась там навсегда? Пусть себе дремлет. Пусть никто из вас не понравится ей. Пусть больше никому не выйдет из Белой горы золотая бляха, на которой выбита лупоглазая птица с голой тощей головой. Да — лупоглазая лысая птица!

И лучше чинить самые дряхлые и дурные движки, чем отбирать у мертвецов ушедшее с ними в землю... А такая работа, — насильно возвращать успокоившееся золото из смерти снова в жизнь и распоряжаться

имуществом недвижимых покойников, как своим, — жаман. Плохая, значит, работа. Совсем, совсем жаман...

Пожилые казахи покивали в подтверждение всех своих слов и, предупредив приезжих, ушли во тьму — к аулу, который умел освещать безродный пэтэушник. А молодые археологи лишь посмеялись тому, что их принимают здесь, должно быть, за обычных кладоискателей — за алчных мечтателей, падких на ничьё.

Мария прислушалась. Что-то мгновенно изменилось вокруг малого кургана. Лёгкое дуновенье ветра прошло над горой, сорвалось — и помчалось, и вся воздушная синева понеслась, пригибая травы, неведомо куда — и так же неожиданно остановилась. Но само остановившееся движение явно естественно звучало, звучало без голоса:

...Есть другие планеты, где ветры певучие тише,
Где небо бледнее, травы тоньше и выше,
Где прерывисто льются переменные светы...

Мария закрыла глаза и вспомнила мерзкого человека по фамилии Баршин.

В два институтских года Мария научилась красить лицо, совсем как шесть городских девушек на их курсе. И однажды во время танцев, на вечеринке в общежитии, на виду у всех целовалась с Баршиным.

А Баршин, институтская знаменитость, учился на курс выше. Непонятная, ядовитая ухмылка блуждала обычно на его широком, изжелта-нечистом лице — от сальных анекдотов Баршина корёжило даже отслуживших в армии и поживших ребят. Он умел говорить гадости о девушках-студентках, и охотнее и грязнее, чем о прочих, говорил в институтских коридорах — о ней, о Марии. Она знала об этом. И выходило, что именно потому — целовалась. Во время одного танца. И другого. И третьего. И было странным ощущение мстительной власти над ним, уже — не насмешливым, лишь криво и кротко улыбающимся. У него дрожали плечи, когда он прижимал Марию к себе. Тонкая блуза на спине становилась мокрой от его рук.

Самые неглупые, видные ребята курса стояли в ряд вдоль стенки, и среди них — Павел. И все они смотрели на Марию. И Баршина. Недоумённо... Слегка брезгливо... Немного оскорблённо... Но, в общем, и равнодушно. Тихо звучала музыка в прибранной комнате общежития. И в полумраке лампы, закутанной в оранжевое полотенце, проплывали их близкие лица. И чередовались на них — недоуменье... брезгливость... равнодушие...

Один только Павел смотрел на неё, как прежде, — как на лекциях, как в перерывах, — долгим, спокойным взглядом. Он смотрел точно так, как прежде.

И он был единственным, о ком спросила Мария на первой же, ещё вводной, лекции.

— Кто это? — сразу спросила она хохотушку-старосту.

— А-а, профессорский сынок. Золотая молодёжь! — беспечно ответила староста, норотившая незаметно надкусить булку. И объяснила потом, дохнув тёплой ванилью: — Историю со мной сдавал... Вообще-то умный. Сильно.

После той вечеринки Мария часто видела в институтской толпе лицо Баршина, недоброе, хмурое, всегда — обращённое к ней; подходить Баршин не решался... Видела низкорослую, нескладную его фигуру. И в повороте шеи, выжидающем и принуждённом, и в том, как безмолвно стоял он, было уже что-то жалкое. И однажды, после стипендии, она рассмеялась, увидев его, вышедшего к ней навстречу из тёмных кустов с бледным полузадушенным тюльпаном в руке. Она оглянулась от дверей общежития и громко спросила про цветок:

— Он сильно пищал, прежде чем смолкнуть навеки?

Баршин торопливо осмотрел тюльпан — поникший, нераспустившийся, с полураскрытым бледно-жёлтым клювиком, — и ещё туже сдавил цветок под слабым его горлом. Потом смял его — и швырнул в кусты. И цветок криво улетал на двух своих зелёных помятых крыльях из света — в тьму. Он улетал криво и долго. А Баршин уходил прочь, хромая. Должно быть, какой-то ботинок натирал ему ногу...

И ничего не изменилось в её жизни после той вечеринки. Городские уверенные в себе девушки и прежде не жаловали Марию. Лишь едва ощутимая волна бережного вниманья, шедшая раньше от ребят — к ней, шедшая привычно и ровно, незаметно отхлынула, иссякла, как и не было её никогда. Волна истаяла бесследно. В тот самый вечер. Под тихую музыку. Когда все они стояли у стенки. И когда чередовались на их близких лицах — недоумение, брезгливость, равнодушие.

...Есть иные планеты,
Где мы были когда-то,
Где мы будем потом,
Не теперь, а когда, потеряв —
Себя потеряв без возврата...

Она не любила мимолётной власти Бальмонта над собой — и легко уклонялась от неё, как и от всякой другой. И потому, наверно, слова звучали без голоса не в ней — а вне, в пространстве. Они набегали, самовольные и непрошенные, как набегают слабые тени быстрых облаков, не смущая всеобщего покоя и пропадая без следа...

Резко засигналила машина, замахал руками старик Учёный и, быстро сгорбившись, прыгнул в кабину. И заходил, зашумел, засвистал над плоской вершиной синий сухой ветер, овевая курганы и прижимая травы к белой земле...

Партия спустилась в низину, к тёмному редкому кустарнику, где не было такого количества волнисто шелестящих в полыни змей и стремительных ядовитых каракуртов и где скорее можно было добраться до воды, — в тот же день она заколыхалась в наспех вырытом колодце, ещё пахнущем свежей мокрой землёю.

А к вечеру была сооружена неказистая печь из камней и глины. И четырёхугольная канава, замкнувшись, обозначила земляной обеденный “стол”, с которого совковыми лопатами счистили траву. И низкий щит из досок и куса толя отгородил от нескромных глаз, поодаль, яму с перекладиной посередине. Под весёлыми взглядами группы никто не решался пройти к перекладине первым. Потому что любой второй поведал бы об увиденном в яме всем остальным. И это служило бы поводом для насмешек над

несчастливым первым весь летний сезон. Тогда, непонимающе покрутив головой, туда двинулся старик Учёный. Он торжественно провозглашал на ходу:

– Пусть — я. Пусть же и в этот раз обновлю нужник — я!

А студенты смеялись ему вслед, требуя продолженья:

– ...Ибо!

И внимательно слушали потом суровое, долгое рассуждение старика, глухо доносящееся из-за толя:

– ...ибо кому-то предопределено судьбою быть — пионером! Во всём! На любом поприще. В том числе, соответственно, и — на бытовом... Ибо всё достойное слагается в мире — из соответствий!.. А из несоответствий — слагается одно лишь уродство, нежизнеспособное в принципе!..

Вернувшись, Учёный смиренно сидел за “столом”, опустив ноги в канаву, и светло и рассеянно смотрел в небо поверх новых, туго натянутых палаток... Улыбок он не замечал так же, как и смеха, и ему было хорошо в своих минувших тысячелетях, давно им обжитых и удобных. И никто из живущих не умел помешать ему находиться там подолгу в любое время.

По утрам над кромкой степи, ещё не проснувшейся, ещё дремлющей под холодными густыми тенями, ещё сумрачной и по-ночному тихой, поднимался огненный спрут солнца. Дрожащие, ликующие, сливающиеся в единое сиянье щупальца его разрастались с каждым мигом — и выгорала вокруг фиолетовость утреннего неба. Лишь в самой вышине долго ещё просвечивал воздух запредельной космической синевой, просвечивал едва ли не до полудня.

Но выгорал добела зенит, когда ликующее светило, разрастаясь, достигало середины небесного пути, и тогда всё небо, почти до самого горизонта, становилось одним сплошным текучим огнём. И под этим огнём двигались на Белой горе маленькие фигуры девушек и парней, хозяйничающих на могильнике и явившихся невесть откуда через тысячелетия, в которые мало кто забредал сюда. Они долбили тяжёлыми кирками, вспыхивающими на взмахе, спекшиеся пласты мела и глины, — весёлые, обожжённые солнцем люди.

Светилу открывались тёмные могильные пятна под чисто снятыми курганами, резко выделяющиеся на белой земле горы. Тогда молодой народ суетился пуще, бегал и ползал с разлинованными рейками, делая свои замеры и отчего-то волнуясь. Щёлкал фотоаппарат, жужжала кинокамера, запечатлевающая выравниваемую всякий раз и выметаемую дочиста площадку, с каждым новым снятым слоем становящуюся глубже и глубже...

Шесть городских девушек работали в светлых панاماх и в одних только купальных костюмах. И им совсем не стыдно было того, что чужие взгляды касаются их тел — то, что должно было открываться взгляду лишь одного, открывалось взглядам многих.

Мария, повязанная платком, тоже старалась смотреть без смущенья на их полуобнажённые, влажные от пота, шелушащиеся тела — глаза не подчинялись ей и норовили помимо воли задержаться на мелких комьях грунта, отлетающих под тупыми ударами кирки. А на соседних курганах распрямлялись при взмахе и разбивали спёкшуюся почву парни в плавках, и красные их спины оведал синий ветер.

– Грунт одиннадцатой категории! — с гордостью провозглашал Учёный, появляясь то тут, то там в своей трухлявой остроконечной шляпе из

редкой соломы. — Это вам — не огородная грядка! Осторожней. Важней всего — керамика, керамика, керамика. Древний битый горшок куда красноречивей золота! Он рассказывает об эпохе точнее металла. Глядим в оба, ибо!..

— В оба, ибо, — послушно соглашались студенты.

И Учёный в обвислом трико убежал трусцой к другому кургану, быстро унося на старой своей голове малое подобье шалаша — в даль.

Когда же расплавившееся за день и растекшееся по краю земли солнце, убывая, оставляло лишь нежное алое свечение гаснущих небес, когда печальный полынный запах сгущался понемногу над медленно остывающей степью, когда дежурные ещё гремели и стучали алюминиевыми мисками у самодельной печи, парни и девушки уходили за низкие холмы. И с наступлением темноты яснее становились шелесты, шорохи, тихий смех и шёпот, словно ни у кого из них не было кровавых мозолей на ладонях и словно плечи их не болели от солнца и работы. И Белая гора светилась под луной, в трёх километрах от объятий, поцелуев, и глядела в близкие звёзды тёмными ямами вскрытых погребений.

Однажды к Марии, сидящей на холме и слушающей издали песни парней, которым не с кем было удалиться в темноту от низкого дымного костра, подошёл Павел. И она вспомнила сразу постыдное: про себя — и Баршина. Спина её тоскливо выпрямилась.

— Пойдём погуляем, Мария, — сказал Павел.

Она подняла глаза. Время шло, а она ещё не верила его словам. Но Павел подошёл к ней в полутьме и легко сказал их, присаживаясь рядом и отбрасывая сломленную с куста ветку.

Он коснулся её запястья — прикосновение было долгим и осторожным:

— Пойдём погуляем, Мария.

Совсем рядом она видела внимательные и спокойные его глаза, и нашла в себе силы улыбнуться, но улыбнулась неуверенно; огромное расстояние пролегало меж ними, и непонятно было, в чём измеряется оно — в годах, километрах, веках... Слишком огромное для того, чтобы можно было не усомниться, что именно он станет отцом её детей когда-нибудь. Достанет ли у него сил и охоты пройти это расстояние навстречу к ней... Мария усмехнулась. Ведь без этого всё, что случится с ними, будет лишь скорым подобьем того, что могло бы быть. Малым и скомканным, полуразрушенным подобьем — великого.

“Нет”, — молчала Мария.

Но думала: “Могло бы быть, могло бы быть...”

Стали слышнее шорохи травы, оживающей в ночной прохладе.

— ...А я давно искал такую,

И не больше — и не меньше,

А я давно искал такую... —

пели у низкого костра ребята, сидящие плечом к плечу, и грустно раскачивались в такт песне.

— Я не нравлюсь тебе? — спросил он, отстраняясь.

Мария, вдруг озябнув, сказала единственное, что могла она сказать вопреки очевидному:

— Нет.

Он не поверил ей. И чтобы не продолжать разговора, Мария поднялась и пошла к низкому дымному пламени костра. Он окликнул её, — негромко и не сразу, — и на оклик этот что-то ликующе отозвалось в душе. И, обрвавшись, заболело.

Павел не заговаривал больше в этот вечер, хотя сидел у костра совсем рядом. Но на следующий остановил Марию недалеко от палатки. Он сказал гораздо более неумело, чем всегда:

— Знаешь, а мне понравилось... Ты сказала вчера, что я тебе... не нравлюсь. Мне понравилось, что ты так сказала.

Она посмотрела на него с благодарностью, зная, что он уйдёт после этих слов и не скажет больше ничего сегодня, и тогда расстояние, пролегающее меж ними, станет, может быть, короче.

— ...А всё же, пойдём, погуляем.

Он настаивал на невозможном. Он настаивал — на скором и малом подобье великого. Тогда она ушла, не оборачиваясь.

В пустой палатке пахло гарью — перед сном их окуривали дымящейся польнёю от мошкеры. И было слышно, как в соседней, большой, намучившийся за день старик Учёный размеренно всхрапывал, словно захлёбывался от блаженства — от неведомого блаженства, набегавшего волнами...

Мария не выходила из брезентовой духоты на песни, и свет костра, и музыку транзистора, льющуюся под звёздами.

Стихали шорохи. Ночное глубокое безмолвие охватывало остывшую степь. Поодиночке возвращались с гулянья девушки, шушукались между собой, укладываясь в тесной палаточной тьме. С пугающей Марию откровенностью они рассказывали в подробностях о лёгком своём переменчивом счастье и, забываясь, смеялись расслабленными голосами, а староста хохотала громко и подолгу. Это были отзывчивые, откровенные девушки, не прощающие одного — когда на их откровенность не отвечали откровенностью. И ни Мария, ни они — никто не был виноват в том, что люди разными рождаются на этот свет.

“...Они — другие, — тосковала Мария, слушая городских весёлых девушек. — ...У них нет разницы между любовью и блудом... Мне нет места среди них...” И понимала: “А — Павел — он — один — из — них. Он — из — них”.

Так думать и жить было больно. “Мне нет места среди них...”

“Я мало люблю их... Это нехорошо. Надо всех любить такими, какие они есть, любить невысокомерно!.. — учила она себя, досадуя и сердясь, и запинаясь, словно падала на быстром бегу: — ...Баршин”.

Ведь был же — Баршин! А это гораздо ниже, гаже, чем то, что у них. Этого никогда не поправить. Хуже... Гаже... Она и Баршин... Никогда!..

Она старательно содрогалась от отвращения к себе. Но где-то глубоко, в самом существе её, слегка теплилось и светилось что-то совсем крохотное, словно бы свечечка, которое не принимало и совсем не понимало этого обращённого к себе “ниже”, “гаже”. Оно ни на минуту не верило этим её словам про себя, и тогда получалось, что размышления её — лживы.

Но Мария упрямылась: “Надо любить людей. Надо любить — всех!” И беспомощно спрашивала неизвестно кого: “А как? Как — любить?”

И кто-то невидимый — сверчок ли, кузнечик? — звонко трещал в

предрассветной тьме палатки, стрекотал, передразнивая: “Как любить?”, “Как любить?”, “Как любить?”.

Потом, сквозь дрему, ей вспоминалась толстая староста, но не эта, спящая рядом, а та, подозрительно разглядывающая Марию на семинарских занятиях, — разглядывающая, спрашивающая не сразу:

– ...Откуда ты это знаешь?

– Что? — не понимала Мария.

– Ты же ничего не учишь. То, что ты сейчас отвечала по хурритам — где ты это раздобыла? У вас что — в вашей деревне, Ленинка была?

Мария пожимала плечами. Но оправдывалась:

– Я — думала. И читала кое-что... Из хурритских источников, — припоминала она. — “...Человек этот глух — ничего он не слышит, человек этот слеп — ничего он не видит: милосердия нет у него!...” Вот.

– Угу. Знание само приходит. Но только — в обмен на милосердие. Бартер? Да? Заливай больше!.. А про сирийских селевкидов в прошлый раз? — жёстко допытывалась и жевала что-то сладкое подозрительная староста. — Этого же нет в наших учебниках. Где ты это берёшь?.. Откуда?

Мария терялась, потому что не могла вспомнить сразу — откуда. И от растерянности — смеялась.

Но после первого же colloquiuma, на котором они отчитывались обе, староста и вовсе пересела от Марии.

– Умная сильно, — пробормотала староста. Суеверно озираясь, она прихватила свой портфель, набитый булками, и ушла за свободный стол, не дождавшись звонка...

Тонкий сон раскачивал Марию в палаточной тьме и подсказывал, и убеждал, успокаивая: городские люди — грубее, проще, бестактней, и хорошо, что ей нет места среди них. Тонкий сон пояснял: слишком проворные в своей корысти, городские люди потеряли за то уже многие, очень многие человеческие способности к познанию сущего, ибо за всё приходит расплата, падающая на многие, очень многие, затем, поколенья... Ибо... Ибо...

Они тоже чувствуют, что они — другие, — убаюкивал её сон, тёплый, словно парное молоко или летний туман, — и ты никогда не будешь там своей. Вспомни весну — эту весну: тебе — к — ним — не — надо... Тебе — к — ним — нельзя.

“Я одна среди них. А к кому же тогда..?” — терялась Мария.

К себе подобным. Или ни к кому. Ибо... Ибо...

“Ибо всё достойное в мире складывается из соответствий! — перебивался сон беспрекословным голосом Учёного. — А из несоответствий — слгаается одно лишь уродство, нежизнеспособное в принципе”.

И снова знакомый, горячий восторг знания охватывал Марию. Ползучее, хищное, сорное Аккадское царство испивало, усваивало, поглощало беззащитные соки чужого, шумерского, величья — и насильственно сливалось с ним воедино. И так происходила эта беспощадная невидимая схватка народов в Двуречьи — неуклонно, неотвратимо. Схватка, похожая на насильственное, нерасторжимое объятие — на объятие скрытой и смертельной ненависти... Так происходило это в третьем тысячелетии до нашей эры, на месте бывшего рая, в долинах всеобщего счастья — поглощённого, переваренного и исторгнутого пришельцами в навоз за каких-то двести лет...

Где он теперь, золотой век Шумера? “И страх пришёл туда, где не было страха. И ужас пришёл туда, где не было ужаса. Вражда пришла туда, где не знали врагов”... Ещё счастливая от знания, Мария наткнулась взглядом на лицо экзаменаторши, отяжелевшее в весеннем свете. Профессориня встала. Деревянной походкой она прошла — сквозь весенний весёлый сквозняк — к столу, за которым только что готовилась к экзамену Мария. Обшарила весь стол, залитый ласковым светом... Сверху — снизу... Перерыла исторические тяжёлые карты... И Мария оторопела, поняв наконец, что та ищет — она ищет нечто, что уличило бы Марию — в списывании... Ничего не найдя и пряча глаза, профессориня раздражённо поставила ей “хорошо”. Не “отлично”, а только — “хорошо”. И Марии было невероятно стыдно за неё, великолепную, недосыгаемую, унизившуюся вдруг — до обыска. До обыска, до заниженья оценки... И жар бросался Марии в лицо, словно язык пламени вырвался на миг из преисподни и достиг лица...

Профессориня — не извинилась, всё ещё не верила происходящему Марии. Даже не извинилась...

“Почему — они — такие?” — разрывала она тонкий свой сон, выбираясь из него — к ясности. Из мягкого сна — к жёсткой ясности: ...Зачем?”

“А он — живёт — среди них — без них!..” — вдруг радостно догадалась она про старика Учёного.

И тогда Мария успокоилась. И улыбнулась Учёному на расстоянии — как своему. И покорилась сну безропотно. Но помнилось всё время, но ощущалось во сне — тревожное: совсем недалеко от тёплого дыхания живых, вознесённые Белой горой к самому предрассветному небу, зияют разверстые потревоженные могилы. И под навесом катакомб стыннут коричневые, наполовину очищенные от земли скелеты скифо-сарматского племени, отвоевавшего, смиренного временем, сгинувшего в веках. И вот уже два тысячелетия тонкие кости фаланг не могут дотянуться до рыхлых позеленевших мечей... И давно истлели колчаны, принадлежавшие тем, бывшим живыми. Лишь мохнатые наконечники стрел жалкой кучкой впились в плотный покров белой земли; они будто летели сейчас зелёным роем в подземном своём пути, потеряв и древко, и оперенье, — летели, не двигаясь с места, в спрессованном бело-глиняном остановившемся времени...

Но вот стало заметно холоднее. Уже бряцало ведро. Плескалась, лилась вода. Дежурные по кухне, поднимавшиеся загодя, переговаривались негромко, позёвывали вслух и окликали друг друга, и горьковатый запах дыма уже проникал в палатку. Это означало, что с минуты на минуту раздастся стук расставляемых мисок, и трое дежурных вот-вот прокричат, приставив ладони ко рту, во всю мощь лёгких резкое “Подъём!..”, и долго ещё будут колотить ложкой по пустой, гулкой бадье.

Девушки работали на том самом небольшом кургане, выбившемся из цепи великих — на малом кургане с грабительской воронкой, ничего интересного не ожидая в этом раскопе. Но старик Учёный в своей дотошности был последователен и упрям:

— Остатки стенки склепа из нетёсаных камней — это уже кое-что. Зачистить их перед съёмкой как следует — и осторожно. Мы должны отработать все версии, ибо захоронение более позднее, к каковым, без сомнения,

принадлежит этот курган в отличие от прочих, даст историческую картину в динамике, в своём развитии и...

Заблудившись окончательно в лабиринте витиеватой мысли, старик оцепенел, опустив морщинистые веки. Казалось, однако, что он рассматривает прорехи на своих обвислых штанинах, испачканных белыми пятнами густой пыли.

— Я похож на чудака? — неожиданно спросил он Марию, поднимая веки по-птичьи и словно просыпаясь под своей шляпой. — Вы смотрите на меня так неподвижно, потому что я похож на чудака?

— Нет, — покачала головой Мария. — Вы похожи на гжель.

Учёный снова устался в глубоком недоумении на синее своё трико, продранное на коленях. Он немного постряхивал с него мел.

— Непостижимо! — раздражённо пожал он плечами. — Такой тяжёлый взгляд — и такие легковесные мысли... Кстати, отчего у вас такой тяжёлый взгляд, младая госпожа? У вас была тяжёлая жизнь?

— У меня была лёгкая жизнь, — ответила Мария равнодушно.

— ...Значит, на лёгкой работе здесь останетесь — вы! — решил тогда Учёный, деловито ткнув пальцем в полумрак раскопа. — Ибо всё должно быть в полном соответствии!

— Ох: ибо, ибо, — согласились недовольные городские девушки, уставшие взмахивать кирками.

Вскоре груда перепутанных тёмных костей обнаружилась на могильном дне. И работа пошла та самая, лёгкая: с кисточкой и ножом, — по сантиметру, по миллиметру освобождать их, не тревожа, от земли. Марию оставили здесь одну — шесть девушек с кирками на плечах ушли на великий Третий, самый большой в общей цепи курганов.

Народ переходил и на Четвёртый, и на Пятый, оставив в погребальных ямах по одному человеку — дочищать, выметать, пропитывать клеем то, что легко могло разрушиться при прикосновении. На Третьем же великом уже рылся пробный шурф, и в самом этом пробном шурфе, в стороне от кургана, странным образом вышла нежданная здесь керамика. Черепки уложили в огромные и просторные пока ящики для находок, чтобы зимою, в кабинетах, составлять и склеивать их, на ощупь, по изломам, угадывая очертания древних сосудов.

Мария выбиралась из ямы и подолгу смотрела в сторону великого Третьего, на вершине которого только начиналась работа. Под двенадцатиметровым слоем земли покоились в великом Третьем останки воина. И так же, как в первых двух курганах с одиночными захороненьями, под правой рукою его лежал боевой бронзовый акинак, а под левой зеленела груда наконечников стрел. Но рядом с его скелетом должны были обнаружиться ещё два — женских, поражающих своей непохожестью.

Один из них принадлежал женщине необычайной красоты. Она была высокой и стройной — узкий, ладный костяк говорил о том, — и, вероятно, большеглазой, что можно было легко определить по черепу, небольшому, с огромными глазницами. В изголовье её сохранились ещё впечатавшиеся в грунт следы истлевших прутьев корзины. Но в совершенной целостности были и бронзовое отполированное зеркало на длинной ручке, изрядно позеленевшее, и сточенные кусочки охры и мела — то были её румяна и

белила. И Мария откуда-то хорошо знала про то... Её румяна и белила...

Ещё Мария знала про нефритовую россыпь мелких просверленных камешков под правым её запястьем — про россыпь, бывшую когда-то браслетом, и про странные круглые серьги — крупные, пробитые зеленью, из золотой тонкой проволоки, плотно намотанной на бронзовые кольца...

Скелет же другой был широк, основателен и мал. А низкий таз, искривлённые кости ног и грубоватые скулы напоминали о земном облике женщины, в которой, вероятно, было много жизни, силы и сноровки. Ни единого украшения не ушло с нею в могилу, а лишь короткий боевой меч да колчан со стрелами. Это была женщина-воительница, хорошо, должно быть, скакавшая на коне и сопровождавшая мужчину-воина в его походах...

Но скелет первой находился рядом со скелетом хозяина подземного, последнего их пристанища. Скелет — той, тонкой...

Кто из них больше любил себя — первая ли, вторая ли? И кого из них больше любил он, воин с низким лбом и на диво сильной челюстью? Верно ли угадали люди, захоронившие их и положившие тонкую красавицу — ближе? И это было то, чего Мария не знала. Она — не знала, и переживала: которую — из двух?.. И когда думала, что всё-таки красавицу, то улыбалась от радости.

Но Мария мрачнела и хмурилась: ей не нравилось, что при мужчине эта, красивая, — не одна... Потом, за работой, она запоздало догадалась: единственной могла быть только красавица-воительница... Чтобы быть единственной, нельзя быть только красавицей — или только воительницей... Тогда ей стало спокойно, как становится спокойно человеку от совершенного пониманья, даже если это пониманье никогда не воплощается в видимой жизни.

Археологам, работавшим там, на великом Третьем, ещё только предстояло дойти до пустого могильного дна и потерять его, наткнувшись на естественные чередования пластов грунта, полностью совпадающие с пластами пробного шурфа на той же глубине. И лишь потом определить катакомбный отсек, небывалый по своей площади, и углубиться в сторону. Марии же предстояло ждать и смотреть издали, не выдавая ничем странного своего и точного знания, обнаруживать которое среди прочих людей было — нельзя. И по-прежнему мгновенный сильный ветер пролетал над вершиной и оставлял рассеянное в синеве звучание, кочующее над Белой горой — то оживающее, то смолкающее, монотонное как века.

*...Есть иные планеты,
Где мы были когда-то,
Где мы будем потом,
Не теперь, а когда, потеряв —
Себя потеряв без возврата,
Мы будем любить
Истомлённые стебли
Седых шелестящих трав,
Без аромата,
Тонких, высоких, как звёзды печальных...*

В могильной яме, однако, было заметно прохладней, чем на солнце-пёке, под близким огненным небом. И Мария охотно спрыгивала в неё по меловым высоким ступеням. И однажды её нож, подчищавший коричневые позвонки, наткнулся на невидимое препятствие. Он проскрежетал чуть приметно и мягко.

Мария удивилась — и быстро освободила от белой глины неровный круг, который можно было принять за большую толстую монету. Однако это была не монета. Забыв, что предметы запрещено сдвигать с места, она легко подцепила тусклый грубый круг ножом.

— Дайте сюда! — услышала Мария над головою.

Старик Учёный стремительно лёг на край раскопа. Он протягивал руку вниз и торопливо перебирал пальцами воздух:

— Бляшку — сюда!

— ...Я же говорил — это более позднее захороненье! — прокричал он сверху, лёжа на животе.

Потом Учёный нюхал круг и подносил его к глазам:

— Вот! Серебро. Талисман. Смотрите! Дырка для верёвки... Костяк — мужской. М-да, неказистый, надо сказать... Тип — нечистый, смешанный: монголоидный с европеоидным. Видите — наклон черепа не типичный? Скифо-сарматские племена — сплошь европеоиды, отметили?.. Среди чистого племени он был пария, без сомненья! — быстро поглядывал Учёный мимо круга вниз. — М-да: человек трудной судьбы... Кстати, почему вы позволили себе выдернуть этот талисман из земли? Он должен лежать там, где вы его нашли! Положите как можно точнее, немедленно!.. Безобразия. Впрочем, дайте нож. Здесь — изображение. Кажется, лотос... Что же, связи с Востоком или?..

Учёный стал нежно водить лезвием по мельчайшим линиям и выбоинам круга — и вскричал вскоре обескураженно:

— ...Нет! Здесь — изображение, напоминающее тюльпан!.. Тюльпан! М-да. Задал он нам задачу — этот пария... Ну, кладите же... Для фотоаппарата и кинокамеры. Так... Так... Вы уверены, что точно запомнили место, куда вы сейчас пытаетесь приткнуть бляшку, или вы суёте её наобум, как домохозяйка суёт в шкаф на своей кухне всё, что подвернётся под...

Договорить взволнованный Учёный не успел. Задетый им верхний тяжёлый камень со стены склепа сорвался легко и бесшумно. Он падал в раскоп. Падал медленно. Падал точно на голову склонившейся Марии.

Вдруг Мария, сидящая на дне могильной ямы, вздрогнула — и дёрнулась в сторону. И камень ударил её по голове вскользь.

Потом она и свесившийся Учёный смотрели друг на друга во все глаза в полном оцепененье. И мирный стрёкот кузнечиков в траве стал пронзительным и оглушительно громким. Белый, как всё вокруг, старик вскочил и, едва не падая, кинулся по меловым ступеням в могильную яму.

— Да что же это... Да как же это... — бормотал он, разматывая ситцевый платок Марии, скупо окрашенный кровью.

— Больно? — быстро ощупывал он её голову жёсткими пальцами. — Потерпите. Больно? ...Что за нелепая женская привычка — отрачивать такие длинные, путаные волосы? Зачем вам это жёлтое помело?!.. Вот это вот всё — зачем?!.

Мария молчала.

– Уф-ф... — отдуваясь, Учёный уселся на дне рядом с костями. — Надо же — только чуть сбило кожу. Уф-ф.

Он и Мария сидели в яме как в лодке — кеды к кедам. Учёный медленно приходил в себя.

– Понимаете? Я чудом не убил вас! — изумлялся он. — Почему вы вздрогнули? Камень падал неслышно. А у меня парализовало гортань — я всё равно не успел бы вам крикнуть. Почему вы вздрогнули? Вы же не могли ничего слышать.

– Я не слышала.

– Но — почему? — не понимал он. — Вы дёрнулись — почему?

Мария не знала этого тоже.

– Дайте сюда, — Учёный расцепил её сведённые пальцы и вытащил тусклый круг. — Это небольшой шок. Марш к машине! Бегом! Пусть вам немедленно зальют всю голову зелёной! Погуще! Здесь надо помнить о древних инфекциях. Похороненные вместе с людьми, они дремлют тысячами, но оживают, попав на живое.

– Зелёной? Голову? — удивилась Мария — и помрачнела. — ...Нет. Не пойду.

– Лучше гибель, да?! — грозно прокричал Учёный. — Гибель?

– Лучше — спирт. Он бесцветный.

– А чем вы будете мыть руки после работы? Ну ладно, спиртом, залейте рану — спиртом! Что мы торгуемся, в самом деле, когда дорого каждое мгновение? Да бегите же скорей к машине, чумичка вы эдакая!

– Не смейте обзывать меня, — она боялась прижиганья и медлила от того. — ...Особенно теперь, когда я сижу на пороге вечности, быть может.

– Типун вам на язык, мерзавка. Прекратите болтать! Шевелите вашими крошечными кедами! Не заставляйте меня поднимать вас с этого порога вечности насильно! — толкал он её ногой.

– А руки можно зелёной, — выбиралась из раскопа Мария.

Учёный лёг. Он растянулся на дне могильной ямы рядом с костями, и шляпа его свалилась.

– Уф-ф... — слабо отдувался он, хватаясь за сердце, словно потерял его в тайном нагрудном кармане и теперь вылавливал судорожно и нетерпеливо. — Труп, был бы — труп...

– Все мы — будущие мертвецы, — засмеялась Мария, разглядывая его сверху. — Я принесу вам валерьянки. Потерпите.

– Нет... Она решила довести меня до инфаркта.

Учёный вскочил, будто под ним запылало.

– Бегом!!! — страшно затопал он ногами по дну могилы. — Спирт! На голову! Немедленно!

– Конечно, спирт, — пожала плечами Мария. — Что же я бы ходила с зелёной головой, как Змей Горыныч...

– О! — Учёный снова растянулся на дне во весь свой рост.

– Гибели моей она хочет! — завалился он на бок и жаловался нетипичному черепу, лежащему перед его лицом. — ...Гибели! — и вытирал старые глаза тыльной стороной дрожащей ладони.

По пути к машине Мария проводила взглядом серую гадюку, неторопливо ускользнувшую из-под ног в полынный куст, и посидела на корточках перед крошечной гладкой воронкой. Подумав, она раскопала воронку пальцем. Со дна её, из мягкой светлой пыли, извлеклась бурая жёсткая подвижная козявка.

— Кому быть повешену, тот не утонет. Не утонет, если даже очень этого захочет, — сказала Мария козявке. — Или ранний уход человека, попавшего не в своё время, закономерен?

Сбросив её в пыль, Мария смотрела, как та, проворно перебирая короткими проволочными ногами, зарылась снова с головой — и утонула совсем, образуя новую воронку, гладкую и ровную, будто половинка песочных часов — без песка. Может быть, в часах песчано-пыльного плотного мира должна перетекать из воронки в воронку — пустота? А зарывшаяся бурая козявка уже разгребает, невидимая, и создаёт там вторую их полусферу?

Пустота — великое вечное Ничто...

— Тьфу! — весело возразила этому Мария, отряхивая ладони. — Пустота — это великое вечное Что! А Ничто — это то, чего не было, нет, не будет...

Фляжка со спиртом лежала в кабине машины. Шофёр спал в духоте, растянувшись на сиденьях и открыв обе дверцы, чтобы лучше продувало. Он мечтательно и быстро шевелил бровями во сне. Будить его Мария не стала. Вылив себе на голову весь спирт, она порадовалась немного, что ей почти не больно, а только прохладно. Однако старик Учёный стоял уже рядом и подозрительно всматривался в её лицо. Потом он молча притянул её голову за уши и обнюхал со всех сторон.

— Так! — удручённо сказал он.

Внезапно Учёный притянул шею Марии согнутой рукой, будто железным крюком, к своему плечу и закричал в сторону:

— Аптечку — мне! Зелёнку — мне!

Шофёр, тонко охнув спросонья, вскочил, беспорядочно засуетился. Но Мария вывернулась из-под жёлтой руки старика и отбежала прочь, потирая освобождённое горло.

— Тьфу. Не хочу, — сердилась она, топала ногой и хмурилась издали. — И так ничего не будет. Я знаю!.. Я не могу, когда некрасиво. Правда.

— Я ощупывал вашу рану пальцами, понимаете? — по-хорошему уговаривал её Учёный — и приближался вкрадчиво. — Держал вещь из захоронения — и этими же пальцами ощупывал ваш глупый красивый череп, паршивка, чтоб вам ни дна ни крышки. Домой прогоню! Практику не зачту — со всеми вашими пятёрками! На второй год оставлю!..

Наконец они столкнулись на валерьянке. Мария подставила голову. Но Учёный тряс ещё на неё для верности валокордин из флакона, и корвалол — тоже, и путался в волосах, злясь и ругаясь непрерывно.

— ...О, вы — единственная дама из живущих, на которой я мог бы жениться, — бранился он. — Жениться — дабы избить вас безнаказанно! Избить!! Избить!!! ...Ибо сильный ум и непомерная бабья капризность — скверное сочетание для будущего учёного. Отвратительное, опасное сочетание, молодая госпожа. Проклятье, волосы у вас — гуще, чем у собаки... Разве учёному нужны такие волосы? Состричь к следующему семестру! И... крайне полезно было бы вас всё же — избить!

— К счастью, мы разминулись с вами во времени, — вытиралась платком и морщилась от лекарственных запахов Мария.

— Не лгите себе! — холодно заметил Учёный. — Ибо времени как такового в нематерьяльном мире — не существует. Матерьяльное — пустяк. Матерьяльное — тлен. Но нематерьяльная суть — вечна. И вы это знаете. А лжёте — из капризности. Назло мне, назло себе, скверная... Уж вам-то известно, сколь оно подвижно и неустойчиво — время. Оно позволяет себе забегать вперёд или отпрянуть назад. Даже в нашем, матерьяльном мире, времени скучно всегда соответствовать мигу... И время иногда даёт нам понять, что оно — только грань вечности. Только — грань. А вовсе не самостоятельная субстанция. Нет, мы живём — не во времени. Мы живём — в вечности... — уходил он к раскопам по травам, выгоревшим от жары, и успокаивался на своём пути, забывая про Марию. И уже не видно было, как вылетают, выстреливают из-под его ног стремительные пегие кузнечики...

В долину на обед группа отъехала раньше обычного. Однако прежде каждый подчинился суровому требованию Учёного:

— Так. Дыхните. Премного благодарен. Свободны. Следующий — будьте любезны... Дыхните внятно!

Подходившие с курганов студенты оживлялись — и дышали в голос: хо! А шофёр широко разводил руками:

— Свечи маслом закидало! Надо же... — и рылся глубоко в моторе.

Вечером Учёный собрал всех у костра.

— Личная безопасность — прежде всего! — вдруг провозгласил он, величественно глядя в закат.

Потом Учёный сноровисто показывал на себе, как примерно следует подрезать и прижигать спичками надсечённую ранку от укуса каракурта. Чёрные и быстрые пауки в это время года были необычайно ядовитыми.

Студенты для практики прижигали себя тоже, но самую малость, однако стонали — сильно, по очереди изображая боль, корчи и различные торопливые судороги. Старик же ещё приказал дежурным не пропускать отныне в машину тех, кто не прихватил с собою на раскопки коробок со спичками и личный нож.

— ...Ибо я должен привезти вас в город всех — невредимыми! — объявил он ворчливо. — Независимо от интеллекта каждого индивидуума — и от его потенциальной значимости для науки. К сожалению.

Уже на следующее утро распоряжение было забыто всеми. Рассвет выдался студёный и пасмурный, пахнувший снегом. Группа собиралась на завтрак необычайно долго, и каждый, кроме Учёного, норовил надеть на себя всё, что имелось у него из одежды. В кузове машины уже никто не ехал стоя. Студенты сидели, угрюмо прижавшись друг к другу, укрываясь от ветра за бортами.

Работали неохотно, хотя на великом Третьем уже обнаружили катакомбный отсек и очистили, рядом с мужским, удивительно тонкий женский скелет с любопытными круглыми серьгами — сквозь витую золотую проволоку пробивалась зелень бронзового основания. Под запястьем у женщины обнаружилась россыпь нефритового браслета.

К великому Третьему сбегались от других курганов, чтобы рассмотреть всё это поближе и побездельничать немного. Но Мария только внимательно

выслушала разговоры, однако к Третьему — не пошла, а спустилась в свой раскоп.

К ней в яму спрыгивали тоже — взглянуть на серебряную бляшку с дыркой и изображением. Лишь Павел спрыгнул просто так.

— Отчего вы никогда ни с кем не заговариваете? — спросил он, посидев рядом без дела.

— О чём? — пожала она плечами, вода кисточкой по белой земле гораздо медленней, чем обычно.

— Нам с вами не о чем говорить?.. Я, например, приветствую головокружительное буйство прогресса и всеобщей свободы. Я — ценитель раскованности. А вы?.. Мне не на что надеяться?

Она промолчала.

— ...Тогда погладьте меня, пожалуйста, по щеке, — попросил Павел, откашлявшись.

— Сколько раз?

— ...Четыре, — ответил он.

— У меня руки в древних инфекциях.

— Инфекции — это лучше, чем ничего.

Наверху поднимался ветер. И стало слышно в тишине, как осыпается в раскоп крупная белёсая пыль.

— ...Из вас не получится прилежной исполнительницы супружеского долга, — сказал Павел. — Но это не меняет моего отношения к вам.

Сверху над ними нависла вдруг соломенная шляпа Учёного. Потом пропала.

— Тот самый талисман? — спросил Павел, кивая на круг. — Все толкуют о тюльпане. Но это же — птичья голова... Голая птичья голова.

— Разве?

Мария удивилась, поражённая сходством. Однако заупрямилась:

— Это — тюльпан.

— Вам нравится поступать вопреки себе?

— Не нравится, — как следует подумав, ответила Мария. — Но иногда мне кажется это необходимым.

— Тогда взгляните на меня, если вам не трудно. За то хотя бы, что я перешёл с вами на “вы”.

— Пожалуйста.

Павел сначала смотрел ей в глаза. Потом — на губы. Потом сказал:

— ...Большое спасибо.

Напряжённо насвистывая, он выбрался из раскопа.

В ночь перед ливнем, в студёную ветреную ночь, девушки почти не спали. Они зябли и спорили из-за одеял: кто-то недосчитался одного и требовал, чтобы староста навела порядок. До самого пасмурного рассвета сквозь мимолётный сон ощущался и не давал забыться холод. Чтобы было теплее, шесть девушек улеглись к рассвету по две, тесно прижавшись друг к другу и укрывшись сразу шестью одеялами.

Спальный мешок при сборах достался один на группу. Его уступили старику Учёному. Он пробовал отказаться, но группа уже знала про его суставной ревматизм, как знала и кастелянша, женщина с молодым лицом и пожилыми глазами.

– Долго раскачивались. Отдала ещё в марте, пятому курсу, в Крым. Те все с мешками поехали. По два одеяла вам положено. Да уж больно тонкие. По три вам даю. Может, кто спасибо скажет, когда приедете, — безмятежно говорила она и улыбалась, работая на раздаче. Лишь глаза её немного жалели отъезжающих. — Ох, лучше бы на биофаке учились, так — нет, на могилки едут...

Потом она появилась во дворе рядом с Марией, стоящей уже без дела. Кастелянша стягивала на горле ворот старой вязаной своей кофты, протёртой на локтях, сутулилась и примечала, как загружаются машины.

– До обеда не управятся, — говорила она в пустоту. — Четвёртый ловчее таскал. А выехали в двенадцать.

И оглушительно трещал около них мотоцикл заезжего юного зеваки в помятом оранжевом шлеме. И, стоя в голубоватом выхлопном чаду, сокрушённо качала головою кастелянша.

– Нет, не управятся... Дыму-то! Дыму!.. — махала она рукой, словно отгоняла от себя большую привязчивую муху. — И так у меня сын ночами курит. Вот... Приучился.

– ...На биофаке-то — гербарии! А у вас что? — спросила она вдруг Марию. — А ну как пристанут — сниться будут, мертвяки-то?.. Ох-х, нашли с кем связываться.

Расстроившись, кастелянша махнула рукой и отвернулась. Потом неподвижно смотрела вслед отъезжающим машинам. А староста, устроившаяся в кузове возле кабины, нагнулась к Марии и сказала ей громко на ухо:

– Это — мать — Баршина!

Баршин? Кому-то дорог?.. И кто-то, в тревоге за его судьбу, мается, печалится, надеется на лучшее... Потрясённая этим открытием, Мария оцепенела. Все — люди — дети... Все, даже очень плохие, это — чьи-то дети, дети живущих... Все, даже очень старые, существуют не сами по себе, они — чьи-то дети, дорогие для умерших...

Тогда староста повторила ей, как глухой. Показывая на неподвижную женщину пальцем и отирая сдобные крошки с розовых губ, она кричала Марии в ухо, покраснев от натуги:

– Это — твоего! — Баршина! — мать!

...Скрестив руки на старой кофте, женщина стояла в памяти — и пристально смотрела в эту ночь, заботливая хозяйка казённых клетчатых одеял, спящая, должно быть, сейчас в домашнем тепле. И Марии снова было неловко перед нею, как бывает неловко богатому человеку перед нищим: скаредному — ничем не желающему делиться с бедняком.

– Тьфу... — изругала себя Мария за неспособность сделать доброе Баршину, а значит — женщине.

– Тьфу! — расстроилась она из-за себя и уснула.

Новое утро выдалось ещё более холодным и непривычно тёмным. Закутанные, невыспавшиеся девушки двинулись к грузовику, отвозившему археологов на Белую гору. Там, на сквозном ветру, группа дольше обычного не расходилась по курганам. Девушки снова ссорились, и пустая жестяная бочка, в которой обычно привозили воду для питья, забытая со вчерашнего дня на горе и сваленная набок, под напором ветра то вкатывалась вверх по холму, то, под собственной тяжестью, не удерживаясь, катилась вниз, против ветра, и слабо погромыхивала.

Мария спустилась в раскоп. Но жаркая тяжесть в руках была непривычной и неудобной. Она вяло поработала, сидя на земле, прислонившись спиной к бугристой стенке. Подумала, что куда холоднее сейчас девушкам, работающим на курганах, открытых ветру. И через время поняла, что проснулась.

Старик Учёный стоял перед нею всё в том же продранном трико и шляпе. Только шляпа теперь была подвязана под подбородком грязными тесёмками. Он молча размотал её платок и осмотрел голову.

— Так. Заживает на вас — тоже как на собаке. Всё в полном соответствии... Собачья живучесть — оч-чень неплохое качество для археолога. Очень! И помните — вашу работу по ранней бронзе кроме вас не сделает никто. В таком ключе у нас эпоха не исследовалась. Так что не вздумайте сбежать в болезнь! Навык преодолевать болезнь, кстати, можно выработать. Или же — ей можно не подчиниться. Не подчиниться болезни — да и всё. Просто так, внаглую!

Ветер завывал над Белой горой. Совсем низко ползли непроглядные тучи. Платок Марии, брошенный Учёным, валялся у неё в ногах, коричневым пятном — наружу, а самого старика уже не было в раскопе. Так и не успев ничего понять, Мария заснула снова. И начался дождь, похожий на вселенский потоп.

Группа вернулась в низину. Рассорившиеся девушки мало разговаривали между собой и сразу забрались под одеяла, стараясь согреться. Мария же долго искала третье своё одеяло, но так и не нашла.

У неё хватило сил выйти вместе со всеми к обеду, в большую палатку, и прожевать кусок тушёнки с твёрдыми крупинками жира. Воротившись последней, она сразу и без удивленья увидела на своём матрасе одно-единственное тонкое одеяло, сиротливо валявшееся в ногах.

Никто не разговаривал с Марией. Помирившиеся девушки лежали, укрывшись, по двое, но даже простые вопросы и ответы, которыми обменивались они обычно, словно выдуло из палатки. И глухой шум дождя был ровен по-осеннему, как бывает лишь в октябре, в предзимнюю, но ещё мокрую пору.

Ночью Марии не спалось. Таблетки из походной аптечки не сбивали поднимавшегося жара. Сонное равнодушие сменилось лихорадочным возбуждением. И было теперь необычайно важным не позволить себе думать плохо о них, озябших, закутанных, спящих рядом. Потому что не любить всех означало уже — не жить.

В кромешной тьме она куталась в негреющее влажное одеяло и прислушивалась к жизни тела, охваченного ознобом, — к жизни тела, с такой беспрекословной властью навязанного ей природой во всей ощутимой каждую минуту болезненной реальности.

Мария бесшумно плакала, жалея тело своё за то, что ему предстояло через силу и не единожды выживать, трудно вынашивать в чреве детей — и изнашиваться, и стариться, как старится данное раз и навсегда неснимаемое платье. Она плакала оттого, что жить надо было ещё долго, и что весь непостижимо длинный этот путь насквозь, наперёд был прошит одним — преодолением покоя.

Холодные слёзы стекали из углов глаз и неприятно заполняли ушные раковины. Тогда Мария ту же прижимала головной платок и промокала их,

чтобы не глохнуть. И натягивала единственное негреющее одеяло до подбородка. “Как много надо сил, чтобы любить их”, — плакала Мария.

И, прислушиваясь к дыханию спящих, в недоуменье спрашивала себя: “Любить — теперь?..”

И понимала покорно, стараясь шмыгать носом как можно тише: “Всё время будет трудно любить. Всё время”.

Мария снова промокала слёзы в ушах и нашаривала под плоской подушкой таблетки. Её колотило от стужи. Потом набегал высокий горячий дым из самоварной трубы, колышавший слабые, опадающие лепестки яблоневого цвета, и чистый, прозрачный материнский голос без усталости выпевал в недостижимой выси: “...девчо-о-онки — беда-а-а ...рубашо-о-онка худа... надо денежки ко-опить... рубашоно-очку ку-упить...”

И однажды, в сером холодном и пустом дне, над нею вдруг стал звучать настойчивый, жёсткий голос Учёного.

Учёный, мокрый от дождя, сидел в пустой их палатке и разговаривал с Марией давно, должно быть.

— ...тогда не ответили. Почему вы так беспардонно пытались подорвать саму основу учения о матерьялистах древнего Китая, младая госпожа? Как куратору группы, Лазарь Антоныч жаловался мне на вас... Что вы имели в виду, когда публично заявили, что даосы — вовсе не матерьялисты?

— Ну, видно же. По текстам, — с трудом ответила ему Мария, роняя самоварную раскалившуюся трубу.

— Ваш любимый аргумент — “видно же”. Это недопустимо! — рассвирепел Учёный, и яблоневые лепестки растаяли совсем.

— ...У иероглифа “дао”, — старательно и медленно стала выговаривать Мария, — оказалось около ста толкований. Я выписала все переводы иероглифа “дао”... — шептала она. — У нас это переводится всюду только как “путь”. Но слово “Бог” и “Путь” — это один и тот же иероглиф... Путь — это Бог. Бог — это Путь.

— Потрясающе! — резко восхитился Учёный. — А ведь, если бы не я, Лазарь Антоныч закатил бы вам тогда пару! Потрясающе. Но... что побудило вас отыскивать другие толкованья? Почему вы усомнились в общепринятом переводе? Да не молчите же вы, лентяйка! Вы спите беспробудно который уже день! Должен же я хоть с кем-то разговаривать во время дождя?.. Понимаете ли вы, временно безмолвная, что если я уясню для себя этот ваш побудительный мотив — перепроверять общепринятое именно там, где это необходимо, — я научусь засесть его, мотив то есть, в массовом порядке! Вселять в умы!.. И — мои учёные будут лучшими учёными мира. Лучшими учёными вселенной. Лучшими учёными всех народов! ...Ну? Что? Отвечайте, когда вас спрашивают!

— Как — что... — облизывала пересохшие губы Мария. — Видно же.

— Впрочем, так и быть, выздоравливайте! — недовольно приказал он. — Бог — Путь... Выздоровливайте немедленно! И сразу же сосредоточивайтесь на ранней бронзе... Что это — у вас только одно одеяло? В такой холод?

— Мне жарко, — ответила Мария.

Склонившийся над нею Учёный молчал, опустив толстые веки.

— Сквозь ваше смирение я вижу ваше тщеславие! — сурово погрозил он пальцем над её лицом. — Да, да! Вашу глупую надменность! ...А помните ли вы, между тем, поучения Птаххотепа? “Не будь высокомерен из-за учёности

своей. Советуйся с незнающим. У неискушённых совета ищи. Как изумруд, скрыто разумное слово. Находишь его между тем у рабыни, что мелет зерно!”

Учёный жёстко сжал ладонь Марии:

– Советую и вам не забывать это, лжесмиренная госпожа.

– Да, — благодарно кивнула она. — Конечно!..

– Вы согласились со мной? — вдруг удивился он, шурясь близоруко и доверчиво. — Вы — согласились?

– Да, — улыбнулась ему Мария. — С Птаххотепом.

Учёный стих — и улыбался тоже чему-то.

– ...А отчего, позвольте спросить, вы перестали красить ресницы в дурацкий болотный цвет?.. Вам очень шло. Человеку науки это, разумеется, ни к чему — чтобы вокруг глазных яблок торчали ресницы-травки, будто вокруг двух болотных кочек, но... Иногда вы бываете очень забавной. Учитесь выздоравливать. Хотя бы с пустяков.

Учёный погладил её руку своей холодной рукой — и сконфузился.

– Хм... Бог — Путь... — бормотал он, поднимаясь. — Всего Чжуан-цзы надо перечитывать по-иному... Мало того, что эти дураки вечно упускают из вида: образ великого Лао создан скромным Чжуан-цзы, так они ещё, оказывается, и наворопятили с переводом...

На другой день, под вечер, в палатку несколько раз заходил Павел. Заходил он и в четвёртый день ливня. Мария знала, что это он, лицо её, отёкшее в болезни, напрягалось.

Между полусном и явью начинался озноб, и тогда слышнее становились глухие голоса переговаривающихся в большой палатке. Там всё время кто-то трогал гитарные струны. Аккорды плохо пробивались сквозь влажное кипение пространства — дождь не стихал.

К полудню по привычке забарабанили в миску: металлический грохот означал, что дежурные открыли банки с тушёнкой. Мария поднялась и пошла под дождём в большую палатку, не понимая того.

Каждому досталось совсем немного мяса на этот раз — припасы подошли к концу. За хлебом в посёлок не ездили уже четверо суток, и не было никакой возможности отварить под дождём макароны и вскипятить чай. Невесёлый этот обед закончился, едва начавшись, разговаривать никому не хотелось. Уставшие от сна и безделья люди сидели в битком набитой палатке, и кто знает, где блуждали их мысли.

– Дать тебе куртку? — негромко спросил Павел.

Мария покачала головой, неверным движеньем поправляя выбившиеся из-под платка волосы. Но Учёный уставился на неё — и гулко стукнул себя алюминиевой ложкой по голому темени:

– Со-стрич-ч-чь!!!

И пригрозил разоблачительно:

– К осени — состричь, иначе я решу, что вы готовите себя не для науки, а для выданья. Стыдитесь, молодая госпожа.

– ...А это — несовместимо? — улыбнулся Павел.

– Нет! — резко обернулся к нему Учёный. — Это — все эти кудри и пудри, — свирепо вихлял он руками вокруг старого своего лица, — совместимо лишь с игрой в науку. А не с черновой тяжкой работой!

Павел не возразил ему. И тогда Учёный зло сузил глаза.

– Зачем – мне – игрунья? – требовательно спросил он у Павла. – Их на свете и так хватает. Вон! Вон! Вон!..

Он сердито указывал Павлу на девушек поочерёдно. Они переглянулись между собою, слабо усмехаясь.

– ...И – там! – не мог успокоиться Учёный, делая широкий жест вокруг. – Сколько угодно! – рисовал он рукою гигантские воображаемые сферы. – В других местах! Обращайте ваши взоры туда, куда надлежит их обращать именно вам, юноша. Всё жизнеспособное слагается в мире из соответствий, ибо!.. Так-то, молодой человек...

Но непривычная тишина уже стояла в степи. Археологи не сразу заметили её. Лишь ветер, крепчая, хлопал отстегнувшимся пологом палатки.

Вдруг старик Учёный выпрямился. Насторожённо прислушиваясь, он был похож теперь на часового, которому померещилась мгновенная и ещё неосознаваемая никем перемена. Натянув кирзовые сапоги, он осторожно прошёл к выходу и, почти крадучись, выглянул в степь. Дождь кончился.

Старик быстро втянул палец в рот, потом поднял его над головою.

– Завтра будет дорога, – ещё не веря себе, провозгласил он. – Западный ветер называется у тюркских племён ветром с гнилого угла. Ибо первым из четырёх углов жилища сгнивает западный угол!.. Западный ветер, несущий дождь, сменился!

Молодые археологи вряд ли обратили внимание на его слова; их лица были безучастны, и тогда, вернувшись на место и усевшись, Учёный повторил возбуждённо:

– Завтра будет дорога!

И он посмотрел на всех близорукими доверчивыми глазами. Тогда вдруг всё пришло в движение. словно очнувшись разом, толкаясь и спеша, студенты выбежали из палатки. Они возвращались поодиночке, сбивая с обуви ошметки грязи, и кричали вразнобой – в палатке ли, в степи ли, – кричали, не слушая друг друга:

– Да что – завтра?! При таком-то ветре! К вечеру, точно! К вечеру почва будет держать...

Мария плохо различала лица говоривших и кричавших, не успевая переводить взгляда, слабо подчиняющегося ей. А кто-то, особенно уставший от безделья, уже ворчал в углу:

– Озеро под боком, а мы второй месяц выбраться туда не можем. Так и сезон пройдёт, уедем ни с чем.

И два голоса сразу же радостно поддержали:

– Девять километров, всего-то! Кто на Челкар?

Большинство ещё хранило молчанье.

– Кто пойдёт на озеро?

– К вечеру разве...

– К вечеру. Сейчас не пройдем... – нерешительно отзывались немногие.

– А кто говорит, что сейчас?.. К вечеру, конечно.

И только старик бормотал сам для себя, уставившись в одну точку:

– Хм... Бог. Есть. Путь.

Вместе с повеселевшими девушками, отводившими глаза, Мария вернулась в палатку и легла: ей стало хуже. И так же сразу наступил сон, страшноватый, тягучий, в котором призраки палаток плыли по текучим

степным холмам, а самих палаток и людей в них уже давно, уже столетия как не было над этими холмами.

Призраки палаток плыли над Белой горой, над курганами — над царством мёртвых, и были мертвы сами.

- Мы будем любить истомлённые стебли седых шелестящих трав...
- Тонких, высоких, как звёзды печальных...
- Над нашей могилою спящих...

Мария оборачивалась на быстрые голоса, неведомо кому принадлежащие. Они говорили все разом:

- ...И тихо, так тихо под луной шелестящих...

И, ещё раз обернувшись, она увидела Павла. Девушек не было в палатке. А он сидел рядом и будто дремал.

Голоса действительно звучали — то оживлённо перекликались рядом с палатками те, кто собирался на озеро.

– Хочешь, пойдём сейчас в посёлок, — сказал Павел. Он поглядел сверху в её отёкшее, тяжёлое лицо. — Туда тоже девять километров. Только в другую сторону — и под ветер. Я помню дорогу. Если даже идти потихоньку, то к ночи будем в больнице. Но у тебя жар... Лучше, конечно, завтра.

Она не знала, что отвечать, и что думать — не знала тоже.

– Машина сегодня ещё не пройдёт. Я отвезу тебя завтра... Но может быть, пойдём сегодня?

Мария закрыла глаза, чтобы он ушёл. Она думала о том, что каждый выживает в одиночку и что люди могут сейчас только помешать выживанию.

Сообща — живут, понимала она. Выживают — в одиночку.

– Ну... Как хочешь... — негромко сказал Павел.

Вскоре всё стихло. И потянуло дымом; дежурные пытались растопить отсыревшую печь, разбив небольшой деревянный ящик из-под бутылок с клеем.

Мария поднялась и постояла, согнувшись. Она отодвинула полог — и никого не увидела подле. Только следы ушедших на озеро были отчётливо видны на ещё скользкой, хотя и подветренной земле — следы, вмявшие полынные стебли в грязь. Да ещё неясные силуэты восьми человек маячили мерно вдаль, и можно было различить, как все они двигались, наклонившись вперёд и опустив головы, словно старательно выполняли трудную работу, — сильный ветер дул им навстречу.

Потом фигуры стали едва различимы. И тогда Мария пошла — по их отчётливым следам, по качающейся и вздрагивающей неровными толчками земле.

Так продолжалось долго. Пока время не расплылось, сделавшись малоощутимым. И Марии стало легче. Земля, медленно раскачиваясь, пришла в соответствие с раскачивающимся от слабости туловищем, и в этом совпадении ритмов можно было идти и почти не задыхаться от ветра. Мария обернулась — безбрежная и голая степь качнулась, поднялась — и опустилась: ни палаток, ни людей не было видно вокруг. Но оставались следы. Проходило головокружение, и прежний ритм ходьбы мало-помалу возвращался...

Иногда она садилась в грязь, мягкую и холодную, и, кажется, засыпала на мгновенье. Но сразу, уцепившись обеими руками за кусты полыни, поднималась, стояла — и снова шла, не огибая гигантских луж.

Ближе к вечеру она поняла: теперь надо уйти в сторону от следов. Ушедшие на озеро вернутся рано или поздно той же дорогой, и тогда не избежать ненужной встречи с ними. Ей важно было не встретиться с ними... Не встретиться ни с кем. И Мария взяла вправо.

Совсем медленно брела она против ветра — и останавливалась; ей удалось всё же устоять под его толчками. Вдруг вдалеке обозначилась тёмная группа возвращающихся — обозначилась быстрее, чем можно было ожидать. Мария снова села. И отдыхала в холодной грязи, уже не торопясь, сцепив ладони на коленях и положив на них голову.

Люди прошли стороною и вскоре скрылись из виду.

Мария двинулась дальше, стараясь опять выйти на следы прошедших и вернувшихся... Водная гладь гигантского озера, которое древние именовали морем Челкар, давно должна была открыться перед глазами. Иногда Мария видела её: вздымаясь и раскачиваясь, она, зеркальная, подступала совсем близко, но вдруг резко обрывалась, и Мария едва успевала остановиться на самом краю раскопа, в головокружительной глубине которого можно было различить хорошо знакомые перемешанные кости разграбленного малого кургана — кости парии... И раскоп уступал место раскачивающейся сырой степи — тогда долго не верилось, что можно ступить вперёд и не упасть в тёмную глубину, где тускло поблёскивает серебряный круг.

Всё чередовалось — водная гладь, раскоп, степь. А ветер, бьющий в лицо, сдувал, усиливаясь, всё то, что уже не имело отношения к будущей жизни. Он сдувал прошлое.

Но неожиданно показалась впереди, во впадине, сплошная тёмная чаща. Нигде не было просвета в глухо шумящей стене камыша. Волнующиеся под ветром, заросли простирались, насколько хватало глаз, скрывая озеро надёжно и непреодолимо для человека.

Следы, глубоко впечатавшиеся в прибрежный ил, прервались тут же, задолго перед чащей. Восемь человек постояли здесь, должно быть, разочарованно, прежде чем развернуться и двинуться в обратный путь ни с чем — от Челкара, не открывающегося взорам.

Она не остановилась. Движение, подчинившее её себе, толкало Марию дальше, и она уже была не властна над ним. Камышовая чаща медленно и неуклонно приближалась к ней, с трудом вытаскивающей ноги из чавкающего, засасывающего ила, глянцево блестящего и зловонного.

Она вошла в мрак, в камыши, тусклая вода захлопала под ногами. Сквозь отяжелевшие от грязи кеды ощущалось, как ломаются, подворачиваются полусгнившие острия отмерших камышовых стеблей — и как тугие мощные их корневища пружинят и... держат.

Мария двигалась, вытянув руки, отстраняя деревянные высокие стебли с режущими тёмными листьями. Раскачивались камыши, раскачивалась холодная, по колено, вода, глухой шум ветра шёл поверху, мотая каучуковые палки вершин высоко над головою. Она не оглядывалась больше и не видела извилистого, взмутнённого следа, тянувшегося за нею по воде, размывающегося, текущего.

Конца зарослям не было. Только мрачнее становилась чаща. Раздвигая камыши, Мария промахивалась — они двоились, троились и были везде одними и теми же. И уже давно не она сама, а только озноб нёс тело сквозь

трясину, сквозь заросли, сквозь размеренно всхлипывающую ледяную воду, по илистому глубокому дну в невидимых корнях.

Обессилев, Мария стала опускаться в воду. Она закрыла глаза, ощущая холод и плеск её у подбородка. Три слова прозвучали в её сознание напоследок. “Вот и всё”. Потом их осталось два: “Это — всё”.

Но что-то огромное забилося, заворчалось в зарослях, совсем рядом, и оглушительно заплескалось. Мария вздрогнула — и поднялась. Большая серая цапля пыталась расправить крылья в тесных камышах и взлететь, но лишь билась без толку в ужасе и бессилии... Тогда Мария стала продвигаться в сторону от бьющейся цапли, чтобы та перестала её бояться.

Цапля взлетела вскоре, и низкий полёт её был виден недолго над шумящими камышами. И снова бесконечные заросли подступали плотнее, и были только они да качающиеся клочки пасмурного, темнеющего неба над головой, и был путь, становящийся только труднее. И уже давно ничего на свете не существовало кроме того — ни вымокшей одежды, ни цапли, ни предыдущей жизни Марии. Ни чужой любви, так похожей на блуд, ни собственного мучительного стыда, ни пропавших одеял, ни зла, норотившего подчинить её себе когда-то, ни надвигающейся ночи... Всё рассеялось невесть где и почему. Не было ничего, кроме пути.

Её тело больше не ощущало себя. Отторгшееся — жило ли оно когда-нибудь? Давно. Давно... Огненный шар головы плыл сквозь высокую чашу и не клонился, не опускался, не замедлял ровного своего движенья — огненный шар беспрепятственно плыл сквозь чашу.

Вдруг резкий, ясный холод обдал Марию. Стена расступилась. И камыши остались далеко позади.

Свинцовая гладь огромной волнующейся воды уходила в свинцовую гладь огромного темнеющего неба. И царственно плыли перед Марией ослепительно белые птицы. И в медленном их движении посреди бескрайнего неба, посреди бескрайней воды было столько недостижимой красоты — той, что никогда не открывается человеку, потому что не способно постичь её, не способно вместить её, строгую и грозную, беспомощное, потрясённое человеческое сердце.

Лебеди плыли перед нею — вольно и величаво — на диком сквозном просторе без берегов и горизонта. Они плыли — меж днём и ночью, меж светом и тьмой.

Мария стояла в воде, доходившей до плеч. Прохладный голубоватый свет поднимался от ног её к затылку и уходил ввысь. И сумбурному мареву болезни не было больше места в ровном и сильном свечении, охватившем лёгкое бестелесное тело.

Посреди свинцовой воды, посреди свинцового неба вечно плыли белые птицы.

将爱

(中篇小说)

有人掀开了小帐篷的门帘，弯着腰进来，久久沉默不语。玛丽亚知道这是帕维尔。她的脸因紧张而显得不自然。她没有抬眼——眼睑在因高烧而泛红的脸上显得格外苍白，而蜷缩在毛毯下的身体也依旧保持着那种不自在的僵硬姿势。

帕维尔本可以说玛丽亚需要去村子里看医生，但现在说这些毫无意义，而他也没想到别的。踌躇了一会儿，帕维尔从小帐篷里出来，走向了大帐篷——那里人多。昏暗的光线下，模糊的交谈声此起彼伏。然而，他在雨中迟迟没有进去。

天空雾气氤氲，因饱含水汽而显得阴沉。灰蒙蒙的、沉重的云层在泥泞的草原上缓缓移动，草原如此辽阔，仿佛整个世界只有这片草原，别无他物。其他的一切——都是梦，是幻觉，从未存在过。除了这无尽寒冷的白昼，其他时光仿佛既不曾有过，也不会再有。和那氤氲的天空一样，此刻的草原也同样淹没在低沉的灰雾之中，早已无法再容纳更多水源：雨已经下了整整四天。疲惫不堪的辽阔草原屈服于这不可避免的命运，变成了一片沼泽，散发着寒冷和湿漉漉的艾草气息。

此时谁难以找到天空与大地的分界线。高处的雨雾向一个方向弥漫，而地面的雾气则向相反的方向弥漫。这些雾气几乎在天地之间融为一体。唯有两顶被雨水淋得发黑的帆布帐篷——一顶可容纳二十人的大帐篷，以及那个小帐篷——奇迹般地立在深深扎进地面流动雾气中的褐色桩子上，在上下两个涌动的“迷雾”之间，异常突兀地静立着。

一进大帐篷，刺鼻的松节油味道扑面而来。每天总有那么几次，老学者在自己的角落里，忧心忡忡地用一种浑浊的液体揉搓着他那双因潮湿而疼痛的黄色大脚掌。然后，他会用毛毯仔细而灵巧地裹住它们，就像给婴儿裹襁褓一样。学者摸了摸里面还没干的橡胶靴，漫不经心地说了句对集体生活很重要的话：

——“人感到冷，不是因为穿得少，而是因为他——感到冷。”

接着，他的面庞因迸发一丝焦虑的灵感而变得焕然有光。

——“首先得停止发冷的感觉！”他匆匆留下了这句箴言。“只因衣服不再起功能性作用。而相信衣物保暖是一种自我安慰的愚蠢表现。”

帐篷里没人试图理解他，因为他并不需要别人理解：他是一个孤独的人。学者不知道学生们给他起了个外号叫“只因”——这是那些激动的话语中唯一一个他们愿意接受并会心一笑的词。

这种别无选择的无所事事让这些年轻的、还未毕业的考古系学生们感到厌倦。他们的脸上失去了生气。长时间的睡眠让他们的目光变得呆滞，脸上都是懒散的神情。

但带领这次考察的学者却不消停——他在一旁忙活着，低声念叨着长长的数字，仔细地用睡袋裹住双脚，完全没有注意到自己机械的动作和低语：此次挖掘工作证实了他的许多猜想。

小帐篷里的六个女孩也在这里无聊地待着。裹着毛衣和夹克的她们，化妆比平时更仔细，仿佛在拉长等待某个节日，而不是在忍受恶劣的天气。四个人背靠背坐着，互相交谈，两个人半躺着，其中一个问起了玛丽亚的情况：

——“她怎么样了？”

但她问这个问题并不是因为关心玛丽亚，而是想和帕维尔搭话。但帕维尔没有回答。只有学者认真地问那个女孩：

“她？……那儿？”——然后垂下厚厚的、像核桃壳一样的眼皮，陷入了沉思。

“……她九月份有个报告！”学者终于用他那不容置疑的尖细声音喊道，仿佛除了科学，其他一切——包括疾病——都不存在。“是关于早期青铜器的报告！”

他坚定地说出这句话，不是为了别人，而是为了明确目标。他认为，明确的目标是成功的一半。大家都沉默了，因为这和他们无关。

……玛丽亚没打寒战了，但也不再听到模糊的声音和从潮湿的空气中传来的沉闷吉他声。大帐篷里有人一直在拨弄琴弦，琴弦失去了原本清脆有力的声音，但那人似乎并不打算演奏，或者根本不会弹。

声音和琴声渐渐消失。接着，茶炊嘴开始发出嗡嗡声——它烧得正旺。悠长的白雾沿着地面飘动，爬上台阶，包裹着赤脚的玛丽亚，她微笑着，感受着生命中那像春天一样年轻的隐秘温暖。凋谢的苹果树花瓣在茶炊嘴上微微颤抖。为了不被呛到，玛丽亚用沾满了松脂的手捂住嘴。她愉快地想着，世界上最可怕的事情只有还未真正逼近时才会显得可怕，而一旦它靠近，它就会展现出真实、不可怕的面貌。

玛丽亚眯着眼睛躲避刺眼的晨光，她用一只有烧焦棕色斑点的旧手套抓住被晒得发烫的茶炊直筒。坚硬的铁管因掉落而发出低沉声，这声音好似什么东西一直在掉落。这低沉声一直没有停止，只是时而减弱，时而增强，但异常悦耳，逐渐变得高亢，最终变成了熟悉的、悠扬的摇篮曲：“姑～娘～们，糟～了……衬～衫～破～了……”“……得～攒～钱……买～件～新～衬～衫……”这首摇篮曲在凋谢的苹果树花瓣上飞着、飘荡着。

玛丽亚揉了揉眼睛，把松果径直扔进茶炊明亮的火焰中，火焰瞬间裹住那些乌黑坚实的松壳，泛起红里透蓝的光。茶炊呼呼作响，响声更大了，松壳烧焦、迸裂，化作燃烧着的璀璨火花，散发出热量和炽热的喜悦。这种喜悦让她无法将目光从火焰中移开，身体沉浸在幸福的麻木中。那些松脂燃起的火焰透过她眸中的泪珠如花朵般绽放，变得越来越大，闪烁摇曳。那坠落又升腾的声响，在极高处肆意燃烧着，用无忧无虑的、如母亲般的年轻嗓音唱着——“……衬衫破了……”

“攒～钱～吧……”

但接着，湿冷的寒战袭来——冰冷的现实，灰暗而虚幻……

一个月前，经过两天的旅程，队伍抵达了一个在夜色中几乎看不清的村庄边缘，随后在白山的平顶上扎营，山上散布着一连串早已沉寂但曾经宏伟的古墓。起初，白山只是在一片深蓝、近乎紫色的暮色中隐约可见，仿佛一个不熟练的画家用不确定的笔触勾勒出的地平线——它蜿

蜿蜒曲折，几个小时都走不完。两辆卡车的引擎终于吃力地运转起来——不久后便在这片平坦的山顶上熄火了。

——“二十七！”老学者喊道，他从卡车旁跑过，手指指向蓝色的天空。接着，他消失在视线之外，庄严而急促地在驾驶室后面说道：“它们！二十七！……”

学生们在卡车上笑着回应他：

——“只因！……”

坐在车上的人们纷纷跳下车，在那片湛蓝苍穹下、古墓群之间自由散开。小小的灰蛇蜿蜒游走，发出沙沙声响，从人们脚下窜入干枯的草丛，消失不见。空旷的高空，不见一只飞鸟。

在高大的古墓排的边缘，有一个几乎不起眼的小古墓。玛丽亚走向它，想独自用不同于众人的眼光去看待它，感受它。她并不太惊讶于它的不规则形状——斜坡上的一个深坑长满了苍白的艾草，艾草的嫩芽从古老而干枯的茎秆中钻出。

——“被盗过……”玛丽亚自言自语道。她环顾四周：周围的寂静如此深沉，仿佛某个无形的、全能的存在对它施加了千年的禁令。而这寂静没有被——也无法被——围在老学者身边的同学们打破。他坐在一个小坡上，双腿伸直，对着地图讲解着什么，接着脑袋歪向肩膀一侧，专注地地低头看着地图。

前一晚，在途中扎营的时候，三个年长的哈萨克人从黑暗中走来从村子那边的黑暗中，朝他们的篝火走来。他们的俄语说得不好，但大家都听懂了：在白山的采石场里，偶尔会挖出金色的饰片。虽少见，但会有。二十三年前，有个推土机司机在那里工作，他自己说过并给大家看过——那东西很像金子。但可能是被诅咒的，像所有坟墓里的东西一样。因为不久后，就在五月二日，那个推土机司机突然就要往河里跳。结果他一去就没有再上来，人们用钩子把他从水底捞了起来。所有当地人知道水下有一块突出的大石头，他也知道，可偏偏就撞上了。那个推土机司机自从挖到那块饰片后，就变得神志不清。

那是个健壮的好小伙。生于战乱，父母不详。“孤儿院出来的”，他常说，并和每个陌生人握手。这意味着他的家乡是莫斯科附近的孤儿院。没错，他的家族——是由无家可归的人组成的……这个乐天的孤儿，在城市里受过教育，还没来得及结婚，以至于在这世上没有人为他哀悼和惋惜。就这样了……

在这古墓附近，所有人都会变得神志不清。最好别在采石场工作，但当村里需要石灰时，支书会派那些最年轻、最没心眼的人去。专挑那些最傻的人派，因为机灵点的都不去……有时，有些人能侥幸逃脱——只要他们没有挖到金色的饰品。有时，确实能逃脱。但只是暂时的，当然……

可惜，来的人里没有懂电学的行家。只有孤儿院出来的技校生会修理那该死的发动机——那是个顽固的机器，像匹坏脾气的马。而且，自从那时起，发动机就老化了；能发动起来，可就是因为太破旧，使不上劲儿。它像羊一样咳咳喘喘、哆哆嗦嗦，发出细碎的声响，像奔跑的赛加羚羊群用蹄子敲击地面，然后彻底熄火。而集体农庄的机械师搬到了城里。于是，村庄已经好几周没有电了……不，年纪大

些的人不会去白山。也最好谁都别在那里工作.....

唉，这事儿啊，说到底是为了生计..... 那个无父无母的人也是如此，没听当地人的劝。他把帽檐往后一翻，大笑着、吹着口哨，用他那疯狂的机器铲平了白山的一角。结果，生来孤苦伶仃的他，离去时仍孑然一身，仿佛世上从未有过这号人.....

当然，受过教育的人听到这些会觉得好笑。但当地的老人认为：把死人的东西埋得远离活人，埋得深一些，是有道理的，这样它们就不会被挖出来..... 如果谁挖到了它们，瞧着吧，它们可能会让这个人丧命。因为有时候，死人的力量是比活人大；当死人特别喜欢某个活人时，它们就会变得比这个活人更强大。没错。那个被死者青睐的活人，死者不会让他继续在人间呆着，而是会把他带走。每一个死者都想从这个世界带走一个陪葬品——这是那些沉默寡言、留着白胡子的长者对年轻人的警告。

为什么？为什么这些年轻力壮的人要挖掘过去？过去——就是已死之物。过去——就是死亡本身呢。研究过去，反思过去——意味着一直与死亡连接。瞬间消逝，白昼终结，岁月流逝，世纪燃尽——活人再也无法回到过去..... 为何要唤醒那沉睡在地下、永远安息的死亡？让它沉睡吧。愿你们中没有人被它青睐。愿再也没有人从白山中挖出那块刻着突眼秃鸟的金色饰片。是的一——突眼秃鸟！

即便是去修理最老、最破的发动机，也比从死者那里抢夺陪葬要好..... 而这种工作——强行将安息于地下的黄金重归现世，将逝者的财物据为己有随意处置，这是罪孽。也就是说，这是份糟糕的工作。完完全全，彻头彻尾的罪孽.....

哈萨克族长者们连连点头，证实他们自己所说的每一句话。他们告诫完这些外来者后，便消失在黑暗中，朝那个被孤儿技校生修好电路的村庄走去。而年轻的考古者们笑了，因为他们显然被当地人看成了普通的寻宝者，被当成了贪婪的、觊觎他人财物的空想家。

玛丽亚仔细听着四周的动静：这座小古墓周围，瞬间有了些微妙的变化。一阵轻风从山上吹过，疾驰而去——夜色中，所有空气随之流动，压弯了草地，不知去向——然后又出人意料地戛然而止。但这停止的运动本身却清晰地发出声音，无声地回响：

..... 还有其他星球，那里的风更轻柔，
那里的天空更苍白，草更细更高，
那里的光断断续续地流淌.....

玛丽亚闭上眼睛，想起了那个令人厌恶的巴尔申。

在学院学习的两年里，和同年级的六个城里女孩一样，玛丽亚学会了化妆。有一次，在宿舍的舞会上，她和巴尔申在众人面前接吻。

巴尔申是学院的名人，比她高一级。他那张宽大、泛黄的脸上总是挂着一种难以捉摸的、恶毒的笑容——巴尔申的黄色笑话甚至让那些服过兵役、见过世面的男生都感到不适。他擅长编排女学生的坏话，在学院走廊里，讲起她们来，尤其是讲起她——玛丽亚的时候，更是格外起劲，言辞也格外下流。玛丽亚知道这个，也正因为如此——在一次舞会上，她和他接吻了。之后还有第二次，第三次。那种感觉很奇特，她有一种报复性的掌控力，而他呢，像换了一个人似的，不再

嘲讽别人了，常带着扭曲又谦卑的笑容。当他把玛丽亚紧紧搂在怀里时，肩膀都在颤抖。他的手贴着玛丽亚的后背，她单薄的衬衫都被他的手汗浸湿了。

年级上最机灵、最显眼的男生们靠墙站成一排，帕维尔也在其中。他们都看着玛丽亚和巴尔申，眼神里满是疑惑……带着一丝轻蔑……还有些被冒犯的意味……但总的来说，又有些漠不关心。学生宿舍那间布置过的房间里，音乐轻柔地流淌着。台灯上裹着橙色毛巾，在其昏暗的光线下，男生们熟悉的脸庞在阴影中缓缓浮现，疑惑……轻蔑……冷漠……这些神情在他们脸上交替出现。

只有帕维尔像以前一样看着她——像在课堂上，也像在课间——用那种长久而平静的目光看着她。和以前一模一样。

而他，是玛丽亚在第一堂导论课上唯一打听过的人。

——“这是谁？”她当即问那个爱笑的班长。

——“啊，教授家的公子。天之骄子呐！”班长漫不经心地回应着，还想悄悄咬口面包。随后，班长口中夹杂着温暖的香草气息解释道：“我们俩一起考过历史……是个聪明人，相当厉害。”

那次舞会之后，玛丽亚经常在学院人群中看到巴尔申那张不怀好意、阴沉着脸，还总是对着她；巴尔申不敢靠近……她只看到他矮小、笨拙的身影。他扭头时那种既期待又无奈的模样，还有他默默伫立的样子，已然透着几分可怜。有一次，领了奖学金之后，她看到他从昏暗的灌木丛中朝自己走来，手里拿着一朵苍白、半蔫的郁金香，玛丽亚不禁笑了起来。她从宿舍门口转过身，大声问道：

——“在彻底枯萎之前，这朵花是大喊大叫过吗？¹”

巴尔申赶忙看了看那朵郁金香——它尚未完全绽放，就已经蔫了，半开的花蕊透着苍白的黄色。他依旧把花攥在自己细瘦的喉结下方。随后，他松开手，将花扔向灌木丛。那朵花歪歪斜斜地，扇动着两片绿色的、皱巴巴的“翅膀”，从亮处飞进了暗处。它歪歪扭扭地飞了很久。而巴尔申蹑脚地走开了，大概是某只鞋磨脚……

那次舞会之后，她的生活没有任何改变。那些骄傲的城里女孩们以前就不喜欢玛丽亚，而男生们对她的那股不易察觉、带着呵护的关注，原本平稳而自然地流淌着，此刻却悄然退去，消散得无影无踪，仿佛从未存在过。那股关注的浪潮，就在那个夜晚，在轻柔的音乐声中，彻底消逝了。当他们所有人都靠墙站着时，当他们的脸上交替着困惑、轻蔑和冷漠时消失得无影无踪。

……在其他星球上，

我们曾涉足其间，

日后也将再度前往，

不是此刻，而是在某个时候——

那时，我们将永远迷失自我……

她不喜欢巴尔蒙特诗句瞬息的影响——她能轻易摆脱这种影响，就像避开其他任何影响一样。也许正因为如此，那些诗句并非在她内心无声地回响，而是在外界的空间里。它们不请自来，肆意奔涌，如

¹ 讽刺郁金香蔫儿了——译者注

同快速飘过的云朵投下的淡淡影子，丝毫不惊扰这万物的宁静，而后又消失得无影无踪.....

突然，汽车喇叭响了，学者挥舞着双手，迅速弯下身子，钻进驾驶室。与此同时，一阵干涩的蓝色疾风呼啸着掠过平坦的山顶，席卷过一座座古墓，将草丛紧紧压在白色的地面上.....

队伍下到洼地，来到一片稀疏的灌木丛中，这儿不像艾草丛中有那么多蜿蜒爬行的蛇和迅捷的毒蜘蛛，也更容易找到水源——当天，匆忙挖出的井里就涌出了水，井中还弥漫着新鲜的湿土气息。

傍晚时分，大家用石头和陶土砌了一个简陋的炉子。他们把一个方形沟渠围合起来，用鹤嘴锄把上面的杂草清理干净，就筑成了一个土“餐桌”。再用木板和一块油毡做了个低矮围挡，有了这个围挡，就可以把那些盯着“茅坑”的、不怀好意的目光隔开了。可是，在众人嬉笑的目光下，没有人敢第一个用这个“茅坑”。因为不管是谁第一个去，他后面看到具体情形的人就会把“坑中”所见告诉其他人，这会让第一个倒霉蛋成为整个夏天的笑柄。就在这时，学者晃着脑袋，一脸茫然地走了过去，一边走，一边郑重宣布：

“那我来吧。让我也出点儿力！我来！”

学生们在他身后哄笑着，等着他继续说：

“.....只因！”

随后，他们聚精会神地听着老人从屏风后传来的严肃而冗长的论述：

“.....只因有些人注定要成为——先锋！在任何事上！在任何领域。相应地，日常生活中也一样.....只因世间一切珍贵的事物，皆是由契合汇聚而成！“而那些由不契合拼凑起来的，不过是些怪胎，从本质上来说，根本无法存活。”

归来后，学者神色平静，坐在“餐桌”旁，把腿伸进沟渠里，明亮而散漫的目光越过新搭的、扎得紧紧的帐篷望向天空.....他没有察觉到众人脸上的笑容，也没留意到哄笑的声音。对他而言，过往千年的时光，漫长而熟悉，让人惬意。没有人能阻碍他长久地沉浸于此。

清晨，在仍未苏醒的草原边缘，大地还在清冷浓重的阴影下沉睡，一片昏暗，静谧如夜。此时，初升的太阳射出火舌般的光线。那光线如触须般颤动、闪耀，瞬息间不断伸展，汇聚成一片光辉——周围的紫色晨空逐渐褪去。唯有至高处，几乎直到中午，那片深邃得近乎宇宙的蓝色天空，久久透着微光。

然而，当那光芒四射、不断延展的太阳升至中天，天顶亮得发白，此时，几乎直到地平线的整片天空，都化作一片流动的火海。在这片火海之下，白山上出现了一些年轻男女的小小身影，他们在墓地上劳作，不知从何处穿越千年时光而来，毕竟这千年来鲜有人涉足此地。他们挥动沉重的石杵，石杵扬起时火星四溅，砸向已烤干的白垩和黏土，——这些人在阳光下快乐地劳作，皮肤被晒得黝黑。

在纯净的天空下，被清理干净的古墓，在白山白色的土地上，显露出一块块深色的墓址。此时，年轻的考古队员们更加忙碌起来，他们带着测量工具跑来跑去，或爬行丈量，兴奋地做着测量工作。相机快门咔嚓作响，摄像机嗡嗡运转，记录着那一次次被整平、清扫得干

干净净的场地，随着每一层新土被挖掘，这个场地也变得越来越深

.....

六个城里的姑娘头戴浅色巴拿马帽，仅身着泳衣劳作。她们丝毫不在意旁人打量自己身体的目光，本应只让自己得见的身姿，此刻却暴露在众人眼前。

用头巾裹着头的玛丽亚，也努力神色坦然地看着她们近乎裸露的身体和汗水浸湿的脱皮肌肤。然而，她的目光不受控制，总是不由自主地被鹤嘴锄钝重敲击下飞溅起来的细碎土块吸引。而在相邻的古墓丘上，身着泳裤的小伙子们扬起手臂，奋力砸向干结的土地，他们红色的脊背在蓝色疾风的吹拂下，起伏如浪。

“这是 XI 类土！”老学者头戴那顶用珍稀芦苇编成、破旧且帽尖细长的帽子，在各处现身，骄傲地宣布，“这可不是你们家菜园里的菜畦！小心点。重中之重是陶器，陶器，陶器。一个古老的碎陶罐，远比黄金更能诉说往昔！它对一个时代的描述，比金属还要精准。只因我们二者都要关注.....”

“只因，二者都要关注。”学生们乖乖应和道。

学者穿着宽松的运动衫，像个胆小鬼似的，朝另一座古墓丘跑去，他那苍老的头顶上，那顶形似小棚屋的旧帽子，也随着他的跑动快速远去。

当那白日里炙烤大地、光芒四溢的太阳渐渐西沉，只留下渐暗天空中一抹柔和的玫瑰色余晖，当那带着忧伤的艾草香气在缓缓冷却的草原上悄然弥漫，当值班的人还在自制的炉灶旁，叮叮当地敲着铝制餐盘时，小伙子和姑娘们便朝着低矮的山丘走去。夜幕降临，沙沙声、低语声、轻柔的笑声和呢喃愈发清晰，仿佛他们中没有人手掌上磨出了血泡，仿佛他们的肩膀也没有因日晒和劳作而酸痛。而那座白山在月光下闪耀着，距离那些拥抱、亲吻之处仅有三公里，墓穴敞开的黑洞像深邃的眼眸，凝视着近处的星辰。

有一次，玛丽坐在小山坡上，听着远处小伙子们唱歌。天色渐暗，他们没处可去，便守在那冒着青烟的矮矮篝火旁。这时，帕维尔朝玛丽走了过来。她立刻想起了难堪的往事：想起自己，也想起了巴尔申。她的脊背一下子不自在地挺直了。

“咱们去走走吧，玛丽亚。”帕维尔说道。

她抬起眼眸。时间一点一点过去，可她依然不太相信他的话。但帕维尔在半明半暗中走到她身边，轻松地说出那些话，在她身旁坐下，随手扔掉了那根从灌木丛中折下的树枝。

他轻轻触碰她的手腕，那触碰长久而又小心翼翼：

“咱们去走走吧，玛丽亚。”

玛丽亚看到他专注且平静的双眼近在咫尺，她努力挤出一丝微笑，却笑得有些不自然；他们之间仿佛横亘着巨大的鸿沟，这距离不知该如何衡量——是岁月、里程，还是时代.....距离太过遥远，以至于她难以相信，眼前这人终将成为自己孩子的父亲。他是否有勇气和力量，跨越这遥远的距离，向她走来.....玛丽亚自嘲地笑了。毕竟，若做不到这些，他们之间发生的一切，都不过是美好愿景的匆匆幻影，是伟大事物那残缺不全的缩影。

“不了。” 玛丽亚没有说话，只是在心里默默回应。

但她又想：“本来是有可能的，本来可以……”，
草丛在夜晚的凉意中苏醒，沙沙声越来越清晰。

“…… 我寻觅许久，
不多不少，恰是这般，
我寻觅许久……”

坐在低矮篝火旁的年轻人肩并着肩，轻声唱着歌，随着歌声的节奏，忧伤地轻晃着身体。

“你不喜欢我吗？” 他稍稍退开，问道。

玛丽亚突然一阵紧张，违背内心真实想法，说出了唯一能说的话：
“不喜欢。”

他并不相信她。玛丽亚不想再聊下去，便站起身，朝着那冒着浓烟、火势低矮的篝火走去。他唤了她一声，声音不大，也没立刻喊出口。可这一喊，却在她心中激起了一股莫名的悸动。她停下脚步，心中一阵刺痛。

当晚，帕维尔没再开口说话，尽管他就坐在篝火旁，离她很近。但第二天，在离帐篷不远处，他叫住了玛丽亚。他说话的语气比平时更加笨拙：

“你知道吗，我挺喜欢…… 你昨天说…… 你不喜欢我。我喜欢你这么坦率。”

她感激地看向他，心里明白，说完这些话，他就会离开，今天不会再说什么的了。或许，他们之间的距离，会因此稍稍拉近一些。

“…… 不管怎样，咱们还是去走走吧。”

他执着于一件不可能的事。他坚持的，不过是伟大之事的短暂、渺小的幻影。于是，她头也不回地离开了。

空荡荡的帐篷里弥漫着艾草的气味——睡前，人们会用燃烧的艾草熏赶蚊虫。还能听到隔壁大帐篷里，劳累了一天的老学者正有节奏地打着呼噜，仿佛沉浸在某种莫名的愉悦中，幸福感如潮水般向他涌来……

玛丽亚没有走出闷热的帐篷，去听那些歌声、看篝火，也没有去感受在星光下流淌的收音机音乐。

草丛的沙沙声渐渐平息。夜晚，深沉的寂静笼罩着渐冷的草原。姑娘们散步归来，三三两两回到小帐篷，在黑暗中低声交谈，准备就寝。她们带着让玛丽惊讶的坦率，详细讲述着自己易得而又变幻无常的幸福，说着说着便忘乎所以，放松地笑出声来，而班长更是放声大笑，笑了许久。这些姑娘们热情又坦率，若是她们的坦诚得不到回应，她们可不会善罢甘休。但玛丽亚也好，她们也罢，谁都没有错，毕竟人生来就各不相同。

“…… 我和她们不一样，” 玛丽亚听着这些快乐的城里姑娘说话，心中满是惆怅，“…… 对她们来说，爱与放纵并无区别…… 我和她们格格不入……” 她心里明白：“而帕维尔，他也是她们中的一员。他和她们是一类人。” 这样想，这样活着，实在痛苦，“我和她们格格不入……”

“我不太喜欢她们…… 这样不好。应该接受每个人本来的样子，

不带偏见地去爱！……”她一边自责，一边懊恼，甚至发起脾气来，仿佛在疾跑中突然摔倒一样，她的思绪猛地顿住：“……还有巴尔申。”

毕竟，巴尔申的事是个坎儿！这比这些姑娘们的问题更不堪、更令人不齿。这事儿永远无法挽回。更糟糕……更恶劣……她和巴尔申……永远都不可能！

她拼命地因自我厌弃而颤抖着。但在灵魂的最深处，有个极其微小的东西在微微发热、闪烁微光，宛如一支摇曳的小蜡烛。这个“小东西”无法接受，也根本不理解“糟糕”“恶劣”这类自我批判的话语。它始终不相信她对自己的评价，如此一来，她的这些想法便显得言不由衷。

但玛丽亚固执己见：“应该去爱别人，应该爱——所有人！”她无助地询问着不知何方的存在：“可该怎么做？该怎么——去爱？”

这时，某个隐匿于黑暗中的小家伙——不知是蟋蟀，还是蝓蝓？——在黎明前黑暗中清脆地鸣叫，叽叽喳喳，仿佛在故意嘲弄：“该怎么去爱？”“该怎么去爱？”“该怎么去爱？”

后来，在半梦半醒间，她的脑海中浮现出那个胖胖的班长的模样。不过，并非此刻睡在她身旁的这位，而是在研讨课上，用怀疑目光反复打量她的那个。当时，那班长紧盯着玛丽亚，过了好一会儿才开口问道：

“你从哪知道这个的？”

“什么？”玛丽亚一脸茫然。

“你平时根本不怎么学习。可刚才你回答关于胡里特人的那些内容，是从哪儿知道的？你们那儿——在你们村子里，难道有列宁图书馆吗？”

玛丽亚无奈地耸了耸肩，还是辩解道：

“我思考过这些问题，还读了一些相关资料……是从胡里特人的文献里看到的，”她努力回忆着，“……‘这人耳聩目盲，毫无怜悯之心！’就是这样。”

“……你从哪里知道这些的？”

“嗯哼。知识会主动找上门来。但前提是——得用怜悯之心来交换。这就像是以物易物，对吧？接着讲！……上次说的叙利亚塞琉古人又是怎么回事？”那个满心怀疑的班长严厉地追问着，嘴里还不停地嚼着甜甜的东西，“这些内容，我们的教科书里可没有。你怎么知道的？……从哪儿知道的？”

玛丽亚慌了神，因为她一时间实在想不起来这些知识的来源。一紧张，她就笑了。

但在两人都参加了第一次学术讨论会后，班长彻底搬离了玛丽亚旁边的位置。

“这人太聪明了。”班长小声嘟囔着。她疑神疑鬼地环顾了一下四周，抓起装满面包卷的包，没等下课铃响，就走向一个空桌位。

轻柔的梦在帐篷的黑暗中轻轻摇晃着玛丽亚，向她低语，耐心劝说着她，温柔安抚着她：城里人更粗俗、更浅薄、更没分寸，她与她们格格不入，这样反倒挺好。这梦还细细解释道：城里人在追逐私利

时，总是过于急切，为此他们已经丧失了许多感知世间万物的能力，毕竟凡事皆有代价，而这代价会落在一代又一代人的身上..... 只因..... 只因.....

“他们也能感觉到自己和你不是一路人，”这梦如同温暖的热牛奶，又似夏日里的朦胧雾气，轻柔地哄着她，“你在他们那儿永远找不到归属感。想想今年的春天吧：你没必要和他们在一起..... 你根本就 不应该和他们在一起。”

“我在他们中间格格不入。那我又该归属于谁呢？？” 玛丽亚满心迷茫。

归属于与你相似的人。或者谁都不属于。只因..... 只因.....

“只因世上所有可贵之物皆源于契合！”梦中，学者那不容置疑的声音响起，“而那些由不契合拼凑起来的，不过是些怪胎，从本质上来说，根本无法存活。”

那种熟悉的、对知识的强烈渴望，再度如潮水般将玛丽亚淹没。贪婪、掠夺成性的阿卡德帝国，肆意吞噬、吸收、同化着苏美尔人那毫无防备的伟大精髓——并强行与之融为一体。就这样，在美索不达米亚这片土地上，不同民族间这种残酷而隐秘的争斗，不可阻挡、无法逃避地展开了。这场争斗，恰似一场充满暴力、无法挣脱的拥抱，又像是隐藏着致命仇恨的相拥..... 这一切，发生在公元前三千年，在那曾经被视作天堂的地方，在那本应充满幸福的山谷里——却在短短两百年间，被外来者无情地吞噬、消化、掠夺殆尽，最终化为粪土.....

苏美尔的黄金时代如今何在？“恐惧降临到原本安宁的地方。惊骇笼罩了原本平静的角落。仇恨出现在原本不知敌人为何物的土地上。”..... 玛丽亚还沉浸在知识带来的喜悦之中，目光却撞上了女考官的脸。在春日阳光的映照下，那张脸显得格外沉重。女教授缓缓站起身来，迈着僵硬的步伐，穿过春日里那欢快的微风，走到玛丽刚刚准备好考试的那张桌子前。她将洒满温柔阳光的桌子翻了个遍..... 从上到下仔细查看..... 还翻动着那些厚重的历史地图..... 玛丽亚终于回过神来，明白她在找什么——她在找能证明玛丽亚作弊的证据..... 可是什么都没找到，女教授便避开玛丽亚的目光，不耐烦地给了她一个“良”。不是“优”，仅仅只是——“良”。玛丽亚为她感到无比羞愧，这个曾经无比卓越、令人敬仰的人，此刻却自贬到搜身、随意降低分数的地步..... 玛丽亚的脸瞬间涨得通红，仿佛有一团火焰从心底猛然蹿出，直烧到脸上.....

女教授并未道歉，玛丽亚无法相信眼前发生的一切。甚至连一句道歉的话都没有.....

“为什么——他们——是这样的人？”玛丽亚打破了轻柔的梦境，从睡梦中苏醒，走向清醒的现实。从温柔的梦乡，踏入残酷的现实世界：“..... 这到底是为什么？”

“而他——却出淤泥而不染！”她突然欣喜地想到了那位老学者。

于是，玛丽亚的内心渐渐平静下来。她远远地朝老学者微笑，仿佛他是同类。随后，她毫无挣扎地再次陷入梦乡。可她始终无法忘怀，

在梦中也能清晰地感受到——那种深深的不安：在离那些鲜活、温暖的生命气息不远处，在被白山托举到黎明前天空的地方，一排排被惊扰的坟墓阴森地敞开着大口。在地下墓穴的屋檐下，半掩于土中的斯基泰——萨尔马提亚部落的褐色骷髅，因岁月的侵蚀而消瘦。这个部落曾征战四方，却被时间驯服，消逝在历史长河中。两千年来，细长的指骨再也触碰不到那生锈的铜剑..... 那些曾经属于鲜活生命的链甲早已腐朽。唯有长满苔藓的箭头，已不复往昔的磅礴，深深地扎进白色大地那厚实的土层里；它们仿佛此刻正以绿色的阵形，在地下的路径上飞驰，虽已失去箭杆和尾羽，却仍在那被压制的、白垩质的凝固时间里，原地飞驰.....

然而，这时明显冷了起来。水桶里的水开始晃动起来，不断溅出、流淌着。提前起床的厨房值班人员在低声交谈，还不时大声打着哈欠，相互呼唤着。刺鼻的烟味也顺着风飘进了营帐。这一切都意味着，随时都会响起摆放餐盘的声音。那三名负责后勤的人马上会用手掌围成喇叭状，用尽全身力气喊：“起床！.....”接着还会用勺子长时间地敲打着空荡荡的锅，回响不断。

姑娘们在那座小古墓上劳作，它脱离了一连串大型古墓，里面还有个盗墓贼挖的坑洞。大家本不指望这次挖掘能有什么惊人发现，但那位细致入微的老学者，既坚持又执拗：

“这座用毛石砌成的棚屋的墙壁遗迹——已经算是有所发现了。挖掘前要好好清理，务必小心。我们必须考虑到所有的可能性，只因这座墓葬的年代相对较晚，它无疑能为我们呈现出历史发展的动态图景，以及.....”

老学者完全陷入了错综复杂的思绪迷宫，他愣在原地，眼皮低垂。看起来，他仿佛在审视自己那条松垮垮、溅满厚厚白尘斑点的旧裤子上的破洞。

“我像个怪人吗？”他冷不丁地问玛丽亚，像鸟儿般眨动着眼睑，仿佛刚刚在帽子下睡醒，“您一直这么盯着我，是觉得我像个怪人吗？”

“不，”玛丽亚摇了摇头，“您看起来像精美的格热尔陶瓷摆件。”

学者又一脸困惑地盯着自己膝盖处破了洞的蓝色毛衣，轻轻抖落上面的灰尘。

“真让人费解！”他烦躁地耸耸肩，“眼神这么深沉，想法却如此浅薄..... 话说回来，这位年轻的女士，为什么您的眼神如此沉重？是经历了什么坎坷吗？”

“我过得一直挺好。”玛丽亚淡淡地回答。

“..... 那好，留在这儿干轻松的活儿吧——就您！”老学者当机立断，说着用手指果断地指向挖掘现场的半明半暗处，“只因凡事都应完美契合！”

“哎呀，又是‘只因’，又是‘只因’，”那些厌烦了挥舞鹤嘴锄的城里姑娘们不满地附和道。

没过多久，在墓底就发现了一堆杂乱的深色骨头。于是，那份“轻松”的工作开始了：用小刷子和小刀，一厘米一毫米地把骨头从

土里清理出来，动作要轻，不能有丝毫损坏。玛丽亚被留在这儿独自工作——其他六个姑娘扛着鹤嘴锄，前往三号墓，那是这片墓群里最大的一座。

人们又转战到四号和五号墓，每个墓坑留一人负责仔细清理和去除杂物，并给那些稍一碰触就可能损坏的物件刷上加固剂。而在三号墓，已经开始了试探性挖掘，就在这试探性挖掘的过程中，在远离墓冢的一侧，竟意外挖出了此地罕见的瓷器。大家把陶瓷碎片小心翼翼地放进大而宽敞的文物收纳箱，这样到了冬天，在室内就可以通过碎片拼接、触摸感知，还原古代容器的轮廓。

玛丽亚从墓坑里出来，久久地望向那座巨大的三号坑方向，那里的挖掘工作才刚刚拉开序幕。在三号古墓十二米深的土层下，埋葬着一名士兵的遗骸。和前两座单人墓葬一样，在他的右手边放着一把青铜战斗匕首，左手边则是一堆已泛绿的箭头。然而，在他的骸骨旁，还应该能发现另外两具——截然不同的女性骸骨。

其中一具骸骨的主人，是一位容貌出众的女子。她身材高挑、体态婀娜——小巧精致的骨架便是最好的证明。而且，她的头骨小巧，但眼眶极大，因此可以推断，这很可能是个大眼美女。在她头骨周围的土壤里仍残留着腐朽的篮子细枝压痕。保存完好的还有一把长柄抛光青铜镜子，如今已明显泛绿，还有研磨好的赭石和铅粉碎块——那是她曾经用的胭脂和香粉。不知为何，玛丽亚对这些细节了如指掌……对她的胭脂和香粉……

玛丽亚还知道，在这女子右手腕下方，有一堆细小的穿孔玉石珠子——那原本是一条手链。她也知道，女子戴着奇特的圆形耳环——大大的耳环因铜绿侵蚀而斑驳，是用细细的金线紧密缠绕在青铜环上制成的……

而另一具骸骨，骨架宽阔结实，却身材矮小。扁平的骨盆、弯曲的腿骨以及粗糙的颧骨，让人不禁联想到一个充满活力、力量十足且勇敢无畏的女性形象。她下葬时，身上没有佩戴任何首饰，只有一把短战刀和一个装着箭矢的箭囊。这显然是一位女战士，想必她骑术精湛，常常陪伴丈夫出征……

然而，第一具骸骨，也就是那具纤细的骸骨，就紧挨在墓穴主人旁。

她们当中，谁更爱自己呢？是第一个，还是第二个？而这位额头低窄、下巴出奇有力的战士，又更钟情于她们中的哪一个呢？那些埋葬他们的人，把这位苗条的美女放在离战士更近的位置，他们的判断正确吗？这些问题的答案，玛丽亚一无所知。她满心疑惑，为此苦恼不已：他到底更爱她们中的谁呢？……每当她觉得战士更爱那位美人时，便会欣喜地微。

可玛丽亚很快又陷入了忧郁，眉头紧锁：她不喜欢这位美人儿并非男子身旁的唯一。后来，工作之余，她终于恍然大悟：唯一的，只能是那位女战士……想要成为独一无二的存在，不能仅仅依靠美貌——或者仅仅凭借勇气……想到这儿，她的内心平静了下来，就如同一个人彻底领悟了某件事之后，那种油然而生的平静，哪怕这份领悟永远不会在现实生活中体现。

在三号墓工作的考古学家们，还需要继续挖到墓底。但最终他们可能一无所获，因为他们会遇到与试掘坑同一深度处完全一致的自然土层。之后，他们才能确定那片面积罕见的地下墓室区域，并继续向侧面深挖。而玛丽亚只能耐心等待，远远观望，不能让任何人察觉她那精准而独特的认知，因为在众人面前暴露这一点是绝对不行的。依旧是那瞬间而至的强风，从山顶呼啸而过，在蓝天中留下一阵飘散的声响，盘旋回荡于白山上空——时起时伏，如同岁月一般单调。

..... 还有其他星球，
我们曾在那里停留，
日后也会前往，
不是此刻，而是当我们，
无可挽回地迷失自我，
那时我们将会爱上
那些疲惫的茎秆，
属于沙沙作响的灰白色野草，
没有芬芳，
纤细修长，仿若哀伤的星辰.....

然而，墓穴之中明显比在烈日高悬之处凉爽。玛丽亚总是兴致勃勃地沿着石灰质的高台阶，轻快地跳进墓坑。有一天，她用来清理褐色椎骨的小刀，碰到了一个看不见的障碍物，发出轻微而柔和的刮擦声。

玛丽亚吃了一惊，赶忙将那片白色黏土清理掉，露出一个不规则的圆形，乍一看，像一枚大大的厚硬币。可仔细一瞧，这并不是硬币。她一时忘记了文物不能随意挪动位置的规定，轻易地用小刀挑起了这个暗淡粗糙的圆环。

“把它给我！” 玛丽亚听到头顶上方传来喊声。

老学者迅速趴在墓坑的边缘，向下伸出手，手指急切地在空中抓挠着：

“把那个圆环—— 给我！”

“..... 我早就说过，这是一个年代更晚的墓葬！” 他趴在地上，大声叫嚷着。

接着，学者拿起圆环闻了闻，又凑到眼前仔细查看：

“看！是银的。这是个护身符。瞧！还有个穿绳子的洞..... 从骨骼特征判断，这是男性的。嗯，不得不说，这人长得可不怎么样..... 人种也不纯，是混血：有蒙古人种和欧罗巴人种的特征。看到了吧——头骨的倾斜度不太典型。斯基泰 - 萨尔马提亚部落可全是欧罗巴人种，这点要注意！..... 在这个纯种部落里，他肯定是个异类！” 学者匆匆瞥了一眼圆环，又看向下方，“嗯，这人命途多舛..... 话说回来，您怎么能擅自把这个护身符从土里挖出来？它就该待在你发现它的地方！马上把它放回原位，越精确越好！..... 太不像话了。算了，把小刀给我。这里 —— 有个图案。看起来像莲花..... 难道这和东方有什么联系？”

学者小心翼翼地用刀刃沿着圆环上最细微的线条和凹槽划动 —— 很快，他就沮丧地叫了起来：

“…… 不对！这里的图案，看着像郁金香！…… 郁金香！
嗯。他——这个异类，给我们出了个难题…… 好了，把它放回去
…… 准备拍照和录像。就这样…… 就这样…… 您确定记清了
这个圆环的位置吗？还是您就像家庭主妇往自家厨房柜子里塞东西一
样，不管不顾地乱塞……”

激动的学者话还没说完，被他碰到的一块大石头，从坑壁上方松
动脱落，悄无声息地掉进了墓坑。它落得很慢，却直直地朝着正埋头
的玛丽亚头顶砸去。

坐在墓坑底部的玛丽亚猛地一颤，迅速侧身一闪。石头擦着她的
脑袋砸了下去。

紧接着，她和同样惊得呆若木鸡的学者对视着，两人都完全不知
所措。草丛中蟋蟀原本平静的鸣叫声，此刻变得尖锐刺耳。这位白发
苍苍的老者，像周围的一切一样白得耀眼，他猛地站起身，差点摔倒，
然后沿着石灰台阶，急匆匆地冲进了墓坑。

“这是怎么…… 怎么会这样……” 他喃喃自语，轻轻解开
玛丽亚血迹斑斑的印花头巾。

“疼吗？” 他用粗糙的手指迅速按了按她的头，“忍着点。疼得
厉害吗？…… 女人为什么总喜欢留这么长、这么乱的头发？您留这
一头金发有什么用？！为什么要留这样的头发？！”

玛丽亚紧闭双唇，没有说话。

“呼……” 老学者喘着气，在墓坑底部挨着骸骨坐下，“哎呀，
还好，就擦破点皮。呼。”

他和玛丽亚像坐在船里一样，脚对着脚坐在墓坑里。学者慢慢缓
过神来。

“您知道吗？我差点把您砸死！” 他惊叫道，“您为什么会突然
一躲？石头掉下来一点儿声音都没有。我当时嗓子都吓哑了，根本来
不及喊您。您怎么会突然一躲呢？您根本不可能听到什么动静啊。”

“我什么都没听见。”

“但是——为什么呢？” 他不明白，“您躲开了——为什
么？”

玛丽亚也不知道原因。

“给我。” 学者掰开她攥紧的手指，取出那个黯淡的圆环，“这
算轻度休克了。赶紧去车上！跑过去！让他们马上用碘酒把您的头整
个擦一遍！多擦点！这儿的古代病菌可不能小觑。它们随逝者一同入
土，沉睡千年，一旦接触活体，就会苏醒。”

“用碘酒擦头？” 玛丽亚惊讶地皱起眉头，脸色沉了下来，
“…… 不，我不去。”

“您宁愿死，是吧？！” 学者愤怒地吼道，“找死吗？”

“用酒精更好。酒精没有颜色。”

“那您工作完用什么洗手？算了，用酒精擦伤口——就用酒精！
我们在这儿磨蹭什么，每一秒都很宝贵！赶紧跑到车那儿去，您这
个小糊涂虫！”

“别骂我。” 她害怕激怒学者，犹豫道，“…… 尤其是现在，
说不定我正站在鬼门关上。”

“您这个懒鬼，少啰嗦！动动你那小短腿！别逼我把您从这鬼门关硬拽走！”他用脚轻轻踹了她一下。

“手可以用碘酒擦。”玛丽亚一边说着，一边从墓坑里爬出来。

学者躺了下去。他在墓坑底部的骸骨旁边舒展开身体，帽子也掉了下来。

“呼……”他虚弱地喘着气，手捂着胸口，仿佛心丢在了隐秘的胸前口袋里，此刻正焦急又急切地摸索寻找，“要是砸到了，人就……就没了……”

“我们都终究会死。”玛丽亚从上面看着他，笑了起来，“我给您拿点绷带，忍着点。”

“不……她这是想把我气出心脏病啊。”

学者猛地跳起来，就好像脚下突然着了火。

“跑着去！！！”他在墓坑底部疯狂地跺脚，“拿酒精！擦头上！快点！”

“当然用酒精。”玛丽亚耸了耸肩，“我可不想顶着个绿色的脑袋，像三头蛇戈耳工一样……”

“哦！”学者又舒展开身体，躺在地上。

“她就是想害死我！”他侧身倒下，对着面前那个模样怪异的头骨抱怨起来，“……想害死我！”说着，他用颤抖的手背揉了揉自己苍老的眼睛。

在往车上走的半路，玛丽亚看到一条灰色的蜥蜴，正慢悠悠地从她脚边爬进一丛滨藜里。她在一个小小的光滑沙坑前蹲下，想了想，用手指挖了挖沙坑。从坑底那柔软的浅色沙子里，爬出一只还会动的褐色硬壳小虫子。

“大难不死，必有后福。就算一心求死，也死不了。”玛丽亚对小虫子说道，“或许，一个人不合时宜地早早离去，这是命中注定的吗？”

她把小虫子扔回沙子里，看着它用细小的腿迅速地刨着沙子，然后一头扎进去，彻底消失了，留下一个新的沙坑，光滑又平整，就像半个沙漏——只不过没有沙子。也许，在这充满沙子和尘土的密实世界里，沙漏里的空虚会从一个沙坑流到另一个沙坑？而这只钻进去的褐色小虫子，正在黑暗中挖掘，又创造出了另一个半球形的空间？

空虚，是永恒的虚无……

“呸！”玛丽亚欢快地反驳道，甩了甩双手，“空虚是伟大而永恒的存在！而虚无，则是过去不曾有、现在不存在、将来也不会有的东西……”

装酒精的瓶子在汽车驾驶室内，司机在闷热中睡着了，四肢伸展地躺在座椅上，两边车门都敞开着，好让风吹进来。他在睡梦中轻轻地动着眉毛，似在遐想。玛丽亚没叫醒他，把整瓶酒精都倒在头上，心里略感欣喜，因为伤口几乎不疼，只是凉凉的。然而，老学者已经站在旁边，怀疑地盯着她的脸。接着，他一言不发地揪住她的耳朵，把她的头拉过来，从各个角度闻了闻。

“果然！”他有些无奈地说。

突然，学者用弯曲的手像铁钩一样，勾住玛丽亚的脖子，把她拉

到自己肩头，朝一旁大喊：

“把医药箱给我！碘酒也拿来！”

司机被这喊声叫醒，一下子跳起来，手忙脚乱地找东西。但玛丽亚挣脱了老人那只发黄的手，揉着被松开的脖子，跑开了。

“呸。我不要。”她生气地跺着脚，远远地皱着眉头，“这样根本没用。我知道！……涂上太丑了，我不要。真的。”

“我手碰过您的伤口，您明白吗？”学者试图好好劝说她，一边悄悄靠近，“我拿过从墓里挖出来的东西，然后又用手碰过您那漂亮又愚蠢的脑袋，您这个小糊涂蛋，我可饶不了您。要是不涂药，我就把您送回家！这次实习也不算分了——就算您其他考试每次都拿5分也没用！还得让您留级一年！……”

最后，他们在绷带上较上了劲。玛丽亚把头伸过去，但学者为了保险起见，又往她头上抖了些碘酒，嘴里还不停地嘟囔着，一边揉揉她的脑袋，一边生气地骂个不停。

“……哦，您是这世上唯一一个，能让我有冲动娶回家的女人。”他气呼呼地说，“娶了您，就能名正言顺地揍您了！揍您！揍您！……只因聪明的头脑加上任性的脾气，对一个未来的学者来说，是糟糕透顶的组合。令人厌恶、危险至极的组合，年轻的女士。真是倒霉，您的头发比狗毛还厚……一个搞学问的人要这么厚的头发有什么用？下学期把头发剪了！还有……真该好好揍您一顿！”

“幸好，我们在时间上错过了彼此。”玛丽亚用手帕擦着脸，闻到药味皱了皱鼻子。

“别自欺欺人了！”学者冷冷地说，“只因在非物质的世界里，时间根本不存在。物质的东西，都是虚无。物质会腐朽。但非物质的本质是永恒。您也清楚这一点。您说谎，不过是出于任性。既跟我作对，也跟自己过不去，真不像话……您应该知道，时间是多么的变幻莫测。它可以往前走，也能往后退。就算在我们这个物质世界里，一直跟着时间走也挺无聊的……时间有时候会让我们明白，它只是永恒的边界。只是边界而已。它根本不是独立的实体。不，我们并非活在时间里。我们生活在永恒之中……”他沿着被烈日烤得滚烫的小径，朝着挖掘现场走去，一路上渐渐平静下来，把玛丽亚抛诸脑后。很快，就看不见那些从他脚边飞窜而出的草蜢了……

午餐时分，队伍比往常更早前往山谷。不过，在此之前，每个人都得服从学者严苛的要求：

“来，呼吸。非常好。好了，下一个……用力深呼吸！”

从古墓里下来的学生们活跃起来，大声地呼气：“呼！”司机则夸张地张开双手：

“蜡烛都被油浸满了！真是的……”说着，他便钻进发动机舱里忙活起来。

傍晚，学者把大家都叫到篝火旁。

“个人安全至关重要！”他突然宣称，威严地望向落日。

随后，学者神气活现地向众人展示，被黑寡妇蜘蛛咬伤后，大致该如何割开伤口，并用火柴灼烧割开的地方。每年这个时候，黑色的

毒蜘蛛毒性都异常强烈。

学生们也跟着练习，不过只是轻轻点一下，却一个个大声惨叫，依次装作痛苦万分的样子，又是扭曲身体，又是做出各种急促的抽搐。老学者还吩咐值班的人，以后没带火柴盒和小刀的人不许上车去挖掘现场。

“……只因我必须把你们都平平安安地带回城里！”他嘟囔着说，“不管每个人的智力如何，也不管他对科学有没有潜在的价值。真没办法。”

然而，到了第二天早上，大家就把他的命令忘得一干二净。黎明时分，天气寒冷又阴沉，空气中弥漫着雪的气息。队伍花了很长时间才集合起来吃早饭，除了学者，每个人都恨不得把自己所有的衣服都穿上。车厢里已经没人站着了，学生们挤在一起，愁眉苦脸地靠着彼此，躲在车厢侧板后面避风。

虽然在伟大的三号墓，他们发现了一个地下墓室隔间，并清理了一番，但其实大家的工作热情都不高。在一具男性骸骨旁，有一具女性骸骨，其纤细程度令人称奇，骸骨上还戴着别致的圆形耳环——青铜底子已泛绿，中间穿过的是盘绕的金线。在女性骸骨的手腕处，还发现了一些散落的绿松石手镯碎片。

其他墓坑的人都跑到三号墓，想近距离看看这些发现，顺便偷个懒。但玛丽亚只是认真听着大家的讨论，并没有去三号墓，而是回到了自己的挖掘现场。

这期间也总有人跳进她的墓坑，想看看那个带孔和图案的银色圆环。只有帕维尔是无缘无故跳下来的。

“你为什么从不和别人聊天呢？”他无所事事地在一旁坐下，开口问道。

“聊什么？”她耸了耸肩，用小刷子在白色土层上慢慢刷着，比平常慢了许多。

“咱俩就没什么可聊的？……比如说，我欣赏那令人目眩的进步热潮和普世的自由。我崇尚率性而为。你呢？……我应该没什么盼头了？”

她没有回答。

“……那请你摸摸我的脸吧。”帕维尔咳嗽了一声，请求道。

“摸几下？”

“……四下。”他回答。

“我的手可能沾了古代的病菌。”

“有病菌也比什么都没有强。”

这时，上面起风了。在寂静中，可以听到挖掘现场有大片白色的尘土簌簌落下。

“……你肯定不是个尽责的另一半。”帕维尔说，“但这并不影响我对你的感情。”

突然，学者的帽子出现在他们上方，然后又消失了。

“这就是那个护身符吗？”帕维尔指着圆环问道，“大家都说是郁金香图案。但这明明是个鸟头……光秃秃的鸟头。”

“是吗？”

玛丽亚吃了一惊，觉得还真有点像。但她还是坚持说：

“这是郁金香。”

“你喜欢跟自己对着干吗？”

“不喜欢。” 玛丽亚想了想，回答道，“但有时候我觉得这是必要的。”

“那如果不麻烦的话，看着我。就当是我跟你改用‘您’称呼的回报。”

“好的。”

帕维尔先是看着她的眼睛，然后又看向她的嘴唇。最后他说：

“..... 非常感谢。”

他紧张地吹着口哨，爬出了墓坑。

暴雨前夜，冷风飕飕，寒意袭人，姑娘们几乎没睡着。她们冻得瑟瑟发抖，还因为被子的事争吵起来：有人发现少了一条，就要求班长来主持公道。直到天色阴沉的黎明，在半梦半醒之间，寒冷始终挥之不去。为了暖和些，六个姑娘在黎明时分两两挤在一起，用六条被子把自己裹得严严实实。

集合时，队伍只分到了一个睡袋。大家把它让给了老学者。他想拒绝，但队伍的人都知道他有有关节炎，负责管理物资的女管理员也知道，她是个面容年轻，眼神却透着沧桑的女人。

“这睡袋用了很久了。我三月份在克里米亚实习的时候就发了，当时大家都带着睡袋。你们每人按规定能领两条被子，可这被子太薄了，我给你们每人三条。也许等你们回来的时候，会有人道声谢呢。” 她平静地说着，微笑着分发物品，只是眼睛里流露出一丝对大家离去的不舍，“唉，你们要是在生物系上学就好了，可现在呢，跑去那些古墓.....”

随后，她在院子里看到无所事事的玛丽亚，便走了过来。女管理员紧了紧旧毛衣领口，胳膊肘处都磨破了。她微微弯着腰，看着人们往车上装东西。

“中午前肯定忙不完，” 她自言自语道，“四号车运得快，但十二点才出发。”

这时，一个戴着皱巴巴橙色头盔的年轻骑手，骑着摩托车轰鸣着来到他们身边。女管家站在泛着蓝色的尾气中，沮丧地摇了摇头。

“对，赶不上了..... 就是这烟！这烟！.....” 她挥了挥手，好像在赶走一只讨厌的大苍蝇，“我儿子晚上也抽烟。就这么染上的烟瘾。”

“..... 在生物系能做标本！那你们系呢？” 她突然问玛丽亚，“等你们回去，晚上会梦到死人吧？..... 哎哟，他们可找到搭上线的人了。。”

她有些心烦意乱，挥了挥手，转过身去，一动不动地望着渐渐驶远的车辆。班长坐在车厢里靠近驾驶室的地方，探过身来，对着玛丽亚的耳朵大声说：

“是巴尔申的妈妈！”

巴尔申？对某人来说很重要的人吗？..... 有人会为他的命运担忧、烦恼，盼着他一切都好..... 玛丽亚被这个发现惊得呆若木鸡。

所有人——都是别人的孩子……所有人，哪怕是罪大恶极之人，也是某些在世之人的孩子……所有人，哪怕是风烛残年之人，也并非孤立存在的，他们是某个人的孩子，是逝去之人心中的宝贝……

这时，班长像个聋子一样，又对她重复了一遍。她指着那个一动不动的女人，用手指擦了擦嘴角的面包屑，涨红了脸，对着玛丽亚的耳朵大喊：

“是你的！——巴尔申的！——妈妈！”

……那女人双手交叠放在旧外套上，就那样伫立着，沉浸在回忆里——在这个夜晚，她是个操心的管理员，负责政府发的方格被子。往常的此刻，她大概正睡在家中温暖的被窝里。在她面前玛丽亚又感到一阵不自在，就像富人在穷人面前会有的那种不自在：心怀愧疚，不想和穷人分享任何东西。

“呸……”玛丽亚因为自己没能为巴尔申的妈妈做点什么而自责，毕竟她也是个女人。

“呸！”她因自己而感到伤心，然后就睡着了。

新一天的清晨，格外寒冷，天色也异乎寻常地暗沉。姑娘们裹着衣服，睡眼惺忪，朝着送考古队员去白山的卡车走去。在呼啸的风中，一行人在墓群边耽搁的时间比往常久。姑娘们又吵了起来。平日里运饮用水的铁皮空桶，头天忘在山上，此刻被碰翻在地，在风力的作用下，时而沿着山坡向上滚动，时而又因自重失控，顶着风往下滚，发出微弱的声响。

玛丽亚下到挖掘现场。然而，手中工具那炙热的沉重感让她感到既陌生又不便。她无精打采地坐在地上，背靠着坑洼不平的坑壁忙活着。她心想，现在在墓上面、暴露在风中的姑娘们肯定更冷。过了一会，她才意识到自己刚才睡着了。

老学者站在她面前，还是穿着那件破了洞的毛线衫，戴着帽子。只不过，现在帽子用脏兮兮的带子系在下巴下面。他默默地解开她的头巾，检查她的头。

“伤口愈合得非常快。完全符合……像狗的顽强生命力一样，对考古学家来说是非常好的特质。非常好！记住，早期青铜时代的研究工作，除了您没人能做。我们还没有从这个角度研究过这个时代。所以别想着一生病就打退堂鼓！并且，克服疾病的能力是可以培养的。或者说，可以不向疾病屈服。别屈服于病痛，就是这样，硬着头皮扛过去！”

狂风在白山上呼啸，浓云紧贴着地面缓缓移动。被学者扔到一旁的、玛丽亚的头巾，在她脚边打着滚，棕色的那面朝外。此时，老学者已经不在挖掘现场了。玛丽亚还没来得及弄清楚怎么回事，便又沉沉睡去。紧接着，大雨倾盆而下，仿佛世界末日来临。

队伍回到了山谷。姑娘们一路上吵个不停，这会儿却不怎么交谈，一回来就钻进被子里，想暖和暖和身子。玛丽亚找她第三条被子找了很久，却怎么也找不到。

她好不容易打起精神，和大家一起去大帐篷吃午饭，她嚼着一块带着硬邦邦肥油粒的炖肉。等她最后一个回到自己的帐篷，她一眼就看到自己床垫上孤零零地扔着一条薄毯子，毯子可怜巴巴地耷拉在床

尾，对此她竟也没觉得意外。

没人跟玛丽亚说话。姑娘们已不再争吵，两两裹着被子躺着。哪怕是平日里那些有一搭没一搭的聊天内容，此刻也仿佛被风卷出了帐篷，消失得无影无踪。此时雨的沉闷声，像秋雨声一般，好似那十月里初冬前带着潮气的雨。

夜里，玛丽亚难以入眠。行军药箱里的退烧药也不大好使。昏昏欲睡的麻木感被发烧带来的亢奋所取代。此刻，她极力不让自己对身边那些瑟瑟发抖、裹着被子熟睡的人产生不好的想法，这变得非常重要。因为不爱任何人，就意味着没在这个世界活着。

在一片漆黑中，她蜷缩在冰冷潮湿的毯子里，感受着被寒战侵袭的身体，每一分钟都真真切切地沉浸在病痛的现实里，大自然竟如此肆意地将这一切强加于她。

玛丽亚无声地哭泣着，心疼自己的身体。它不得不一次次艰难地挺过难关，艰难地孕育孩子，然后像一件永远无法脱下的衣服，渐渐磨损、老去。她哭泣，是因为人生之路还很漫长，而这无尽漫长的道路，从始至终都充满了对安逸的挑战。

冰冷的泪水从眼角滑落，积在耳朵里，让玛丽亚感到很不舒服。她赶忙用头巾去吸干泪水，不让自己那么难受。她把唯一的薄被拉到下巴处。“要付出多少心力，才能去爱他们啊。”玛丽亚哭着想。

她倾听着熟睡者的呼吸，满心困惑地自问：“现在，就去爱吗？……”

她无奈地明白过来，努力让擤鼻涕的声音越轻越好：“去爱，始终都是一件艰难的事。一直都是。”

玛丽亚又一次用头巾擦干耳朵里的泪水，在扁平的枕头下摸索着药片。她被冻得直打哆嗦。接着，从茶炊烟囱中冒出高高的热气，摇曳着那脆弱、逐渐凋零的苹果树花瓣，而一个纯净、澄澈的母亲的声音在遥不可及的高处，不知疲倦地唱着：“……姑娘们，真是可怜……衣服都破旧了……得攒钱……买件新衣服……”

在一个灰暗、寒冷又寂寥的日子里，她耳边突然响起学者执拗、严厉的声音。

这位学者，浑身湿透，坐在他们那间空荡荡的帐篷里，看起来已经和玛丽亚聊了很长时间了。

“……您当时没有回答。您为何如此放肆地想推翻古代中国唯物主义者的学术根基呢，年轻的女士？小组负责人拉扎尔·安东内奇向我告您的状了……您公开宣称道家根本不是唯物主义者，这是何用意？”

“嗯，从文本来看很明显啊。”在玛丽亚艰难回答这个问题的时候，她把烧得滚烫的茶炊烟筒碰掉了。

“您最常用的论据就是‘很明显’。这可不行！”学者生气地大喊，苹果花般的思绪花瓣彻底消散了。

“……‘道’这个汉字，”玛丽亚吃力而缓慢地说道，“有近百种解释。我把‘道’字所有的译法都记录了下来……”她低声说，“俄语里，它通常只被翻译成‘道路’的道。但‘神’和‘道’是同一个汉字……道即神。神即道。”

“惊世骇俗！”老学者突然赞叹道，“要不是我，拉扎尔·安东诺维奇当时肯定要给您点颜色看看！太惊世骇俗了。但是……是什么促使您去寻找其他解释的呢？您为什么会为通用的译法产生怀疑？别不说话了，懒丫头！您都昏睡好几天了！下雨天我总得找个人说话吧？……您明不明白，暂时不想说话的人，要是我弄清楚您的动机——重新审视那些约定俗成的认知——我就能学会将这个动机广泛传播！让其深入人心！……那么我的学生们将会成为世界上最优秀的学者。全宇宙最优秀的学者。全人类最优秀的学者！……嗯？怎么样？说话啊，我在问您呢！”

“怎……怎么了……”玛丽亚舔了舔干裂的嘴唇，“很明显啊。”

“好吧，不管怎样，祝您早日康复！”学者不满地命令道，“神即道……您快点儿好起来！然后立刻专注于早期青铜时代的研究……怎么回事，您只有一床被子？这么冷的天！”

“我觉得热。”玛丽亚回答。

学者俯下身盯着她，厚厚的眼皮垂了下来。

“透过您的谦卑，我看到了您的虚荣！”他严肃地用手指着她的脸威胁道，“没错，就是您的愚蠢和自负！……您还记得《普塔霍特普箴言录》吗？‘别因自己有学识就趾高气昂。要与无知者商议，要向无经验者讨教。智慧之语如翡翠般珍贵，却能从舂谷的女仆那里寻得。’”

学者紧紧握住玛丽亚的手：

“建议您牢牢记住这几句话，假谦逊的女士。”

“好的。”她感激地点点头，“当然！……”

“您同意我的话？”学者突然惊讶地眯起眼睛，带着一丝怀疑又有几分期待地问，“您……同意？”

“是的。”玛丽亚微笑着回答，“我同意普塔霍特普的话。”

学者愣了一下，然后也笑了，像是想到了什么。

“……还有，您为什么不再把睫毛涂成那种傻乎乎的、像沼泽一样的颜色了？……其实还挺适合您的。当然，对搞学术的人来说，眼睛周围翘着像两丛沼泽草似的睫毛，实在没什么意义，但是……有时候您还挺有趣的。学着快点康复。哪怕从这些小事做起。”

学者用冰冷的手摸了摸她的手，然后变得有些不知所措。

“嗯……神即道……”他喃喃自语着，站起身来，“看来得重新研读庄子了……那些蠢货一直都没意识到，伟大的老子形象是由谦逊的庄子塑造的，不仅如此，现在看来，他们从翻译就开始错了……”

第二天傍晚，帕维尔好几次走进帐篷。在暴雨的第四天，他又来了。玛丽亚知道是他来了，病中浮肿的脸都绷紧了。

在半梦半醒之间，玛丽亚打起了冷颤，这时大帐篷里人们交谈的低沉声音变得更清晰了。一直有人在拨弄吉他弦，但和弦声很难穿透潮湿而沉闷的空气——雨一直下个不停。

中午时分，按照惯例，有人开始拿什么东西敲着碗边：金属的敲

击声意味着今天做饭的人打开了炖肉罐头。玛丽亚起身，在雨中走向大帐篷，一脸茫然。

这次每个人分到的肉少得可怜——物资已经捉襟见肘了。已经四天没去村子买面包了，且下雨天也没法煮通心粉、烧茶。这顿沉闷的午饭刚开始就结束了，没人有心情聊天。人们因无聊和困倦而疲惫不堪，坐在拥挤的帐篷里，谁也不知道他们的思绪飘向了何方。

“把我外套给您呀？”帕维尔轻声问道。

玛丽亚摇了摇头，用一个不自然的动作理了理从头巾下露出来的头发。然而，学者紧盯着她——接着用铝制勺子重重地敲了敲自己光秃秃的脑门：

“剪——掉！！！”

然后带着威胁的口吻，仿佛要揭露什么似的，说道：

“秋天之前把头发剪了，否则我会认为您无心科研，而是另有所图。您该感到羞愧，年轻的女士。”

“……这两者冲突吗？”帕维尔微笑着问。

“当然冲突！”学者猛地转身面向他，“这些卷发和脂粉气，”学者的双手在自己那张沧桑的脸旁愤然挥舞，“只适合把学术当儿戏的人，而不是从事艰苦学术研究的人！”

帕维尔没有反驳。学者恶狠狠地眯起眼睛。

“我要这些小把戏有什么用？”他质问帕维尔，“世上这种人已经够多了。这个是！这个是！这都是！……”

他生气地依次向帕维尔指着姑娘们。姑娘们面面相觑，勉强笑了笑。

“……那儿！还有！”学者激动得难以平复，大幅度地挥了挥手，“要多少有多少！”他用手在空中比划着巨大的想象中的范围，“在别的地方！年轻人，把你的目光投向该看的地方。只因！世上万物的生存皆源于相互契合，……就是这样，年轻人……”

然而，草原上不知何时已安静得出奇。考古者们并没有立刻注意到。风越刮越猛，吹得帐篷的门帘啪啪作响。

突然，老学者挺直了身子。他警觉地侧耳倾听，此刻的他就像一个哨兵，敏锐捕捉到那瞬间发生却无人察觉的变化。他穿上皮靴，小心翼翼地走到门口，几乎是蹑手蹑脚地探出头，望向草原。雨停了。

他迅速把手指放进嘴里，然后又把手指举过头顶。

“明天路就能走了。”他不可置信地大声宣告。“突厥部落把西风叫做‘腐角之风’。因为房屋的四个角中，最先腐朽的就是西边的角落！……带来降雨的西风已经变向了！”

年轻的考古学生们几乎没听他的话；他们一脸漠然。学者回到座位上，坐下后，又激动地重复了一遍：

“明天路就能走了！”

他用近视但充满期待的眼神望向众人。刹那间，一切都动了起来。学生们仿佛同时惊醒，推推搡搡、火急火燎地冲出帐篷。他们又陆陆续续独自返回，抖掉鞋子上的泥块，七嘴八舌地叫嚷着——不管是在帐篷里，还是在草原上——谁也不听谁的：

“什么——明天?!这么大的风!肯定是傍晚!傍晚的时候路就能走了.....”

玛丽亚很难分清那些说话叫嚷的人都是谁,她目光游离,难以聚焦。某个因无所事事而烦闷至极的人,已在角落里嘟囔起来:

“湖就在旁边,可我们都两个月了还去不了。这样下去,等季节过了,我们就只能空手而归。”

随即有两个声音兴奋地响应:

“才九公里而已!谁要去沙尔卡尔湖?”

大多数人还是保持沉默。

“谁要去湖边?”

“傍晚之前恐怕.....”

“傍晚就能去。现在肯定不行.....”只有寥寥几人犹豫着回应。

“谁说现在去?.....当然是傍晚。”

只有学者凝视着一个点,自顾自地喃喃低语:

“嗯.....神即道。”

玛丽亚和兴奋的姑娘们一起回到帐篷,那些姑娘们左顾右盼,目光流连。玛丽亚躺了下来,她感觉愈发难受。很快,她就陷入了一个可怕而疲惫的梦境,在梦中,帐篷的幻影飘浮在如水流淌的草原山丘之上,而这些山丘之上,帐篷与人早已消失,仿佛已历经数个世纪。

帐篷的幻影飘过白山,飘过古墓——飘过冥界,幻影自身也是死寂的。

“我们会爱上那些疲惫的茎干,属于沙沙作响的灰色野草.....”

“纤细而高耸,如同悲伤的星辰.....”

“在我们沉睡的坟墓之上.....”

玛丽亚被一些不知从何而来的急切声音吸引。他们异口同声地说着:

“.....在月光下,静静地沙沙作响.....”

她又一次转过身,看到了帕维尔。帐篷里没有其他姑娘。他坐在旁边,似乎在打盹。

确实有声音传来——那些准备去湖边的人在帐篷旁兴奋地交谈着。

“想去村子的话,我们现在就去吧。”帕维尔说。他低头看着她浮肿而沉重的脸,“去村子也有九公里远。只是方向相反——还顶风。我记得怎么去医院,就算慢慢走,晚上也能到。但是您在发烧.....当然,还是明天去更好。”

她不知道该如何作答,也不知道该怎么想。

“今天车还是过不去。我明天开车送您.....或者,我们今天走着去?”

玛丽亚闭上眼睛,希望他离开。她想着,每个人都在独自挣扎求生,而此刻旁人的介入或许只会徒增干扰。

她明白,群居,是为了生存。但活着,终究是一个人的事。

“嗯.....随您.....”帕维尔轻声说。

很快,一切都安静了下来。接着飘来一阵烟味;今天负责做饭的

人正试着点燃那快要熄灭的炉灶，他们劈开了一个装胶水的小木箱当柴烧。

玛丽亚起身，弯着腰站着。她掀开帐篷门帘——外面一个人也没有。只有去湖边的人的脚印清晰地留在仍然湿滑但已经有些干燥的地上——脚印把滨藜的茎压进了泥里。远处，八个模糊的身影有节奏地移动着，还能看出他们都向前弯着腰、低着头，仿佛在努力做着一件艰难的工作——大风正迎面吹向他们。

过了一会儿，那些身影几乎看不见了。于是玛丽亚沿着他们清晰的脚印走去，脚下的土地起伏不平，大地在狂风中似乎也跟着颤抖。

就这样过了很久。时间一点一点消逝，变得难以被察觉。玛丽亚感觉轻松了一些。大地缓缓起伏，与她因虚弱而晃动的身躯相呼应，在这种节奏的契合中，她能继续前行，也不再因狂风而喘不过气。玛丽亚回头望去——广袤无垠、空荡的草原起起伏伏，时而隆起，时而落下：周围既没有帐篷，也不见人影。但脚印仍在。她一阵头晕目眩，不过，先前的步伐节奏又慢慢回来了……

她时不时会一屁股坐在那又软又冷的泥地里，似乎只一瞬间就打起盹来。但她会立刻用双手抓住滨藜丛站起来，也不再避开那些巨大的水洼，继续向前走。

临近傍晚，她意识到：现在得偏离地上脚印的方向走。去湖边的人迟早会沿着原路返回，到时候就难免会碰到他们。她不想见到他们……不想见到任何人。于是玛丽亚向右走了。

她迎着风，步伐极为缓慢——她时不时停下来，努力在风中站稳。突然，远处出现了一群黑影，正往回走——他们出现的比她预想的要快。玛丽亚坐了下来。她在冰冷的泥地里休息，不再着急，双手交叉放在膝盖上，头枕在双手上面。

那群人从一旁走过，很快便消失在她的视线中。

玛丽亚继续向前走，试图再次远离那些来而复返之人的路线……那片巨大湖泊的水面——古代人称之为切尔卡尔湖¹——早就该出现在眼前了。有时玛丽亚觉得自己看到了它：湖面波光粼粼，起伏不定，像镜子一样，似乎近在咫尺，但又突然消失，玛丽亚好不容易才在墓坑的边缘停住脚步，在墓坑中那令人目眩的深处，能辨认出一座遭洗劫的小古墓里那些早已熟悉的混杂骸骨——那个异类的骨头……挖掘坑之后是起伏不定的泥泞草原——很长一段时间，她都不敢相信自己可以向前走而不会掉进黑暗的深渊，在那里，银色的圆环正隐隐闪烁。

一切都在交替变换——湖面、挖掘坑、草原。而迎面吹来的风越来越强劲，将所有与未来生活不再相干的事物席卷而去。它吹散了往昔。

但突然，在前方的洼地里，出现了一片茂密的深色灌木丛。在那片幽深作响的芦苇墙中，不见一丝缝隙。在风中摇曳的芦苇丛一望无际，把湖泊遮得严严实实，人类根本无法穿越。

湖边淤泥里的深脚印，在离灌木丛很远的地方中断了。想必那八

¹ 现称沙尔卡尔湖

个人曾在此驻足，满心失望，随后一无所获地转身踏上归途——离开了那始终未映入他们眼帘的沙尔卡尔湖。

玛丽亚没有停下脚步。支配她前行的力量，推着她继续向前，她已无力抗拒。芦苇丛缓缓却又决然地向她逼近，她艰难地把脚从那粘稠、吸人的淤泥中拔出，那淤泥油光锃亮，散发着腐臭。

她走进了黑暗的芦苇丛，浑浊的水在脚下涌动。透过沾满淤泥变得沉重的鞋子，她能感觉到那些半腐烂的芦苇茎的尖端在折断、弯曲——而它们粗壮坚韧的根茎则富有弹性地紧紧抓住地面……支撑着。

玛丽亚向前走着，伸出双手拨开那些又高又硬、叶子锋利的芦苇茎。芦苇丛摇晃着，齐膝深的冷水也跟着晃动，风在头顶呼啸，将芦苇顶端如橡胶棒般的部位吹得高高扬起，在她头顶上方肆意摆动。她不再回头张望，也看不到身后蜿蜒、浑浊的脚印，那脚印在水中渐渐消散，随波而去。

芦苇丛似乎没有尽头。只是越来越茂密、越来越黑暗。玛丽亚拨开芦苇，却总是扑空——它们看起来一模一样，到处都是。很久以来，早已不是她自己在走，而是寒颤驱使着这具躯体，穿过摇晃的芦苇丛，趟过冰冷刺骨、有节奏起伏的水，在满是落叶的湖底，于看不见的芦苇根间艰难前行。

玛丽亚渐渐体力不支，开始往水里沉。。她闭上眼睛，感受着寒冷和水溅到下巴的感觉。最后，三个字在她意识中回响：“结束了”。接着，只剩下两个字：“结束”。

但就在这时，附近的芦苇丛中突然传来一阵巨大的扑腾声，水花四溅。玛丽亚猛地一颤，随即站起身来。一只大灰鹭在茂密的芦苇丛中拼命拍打翅膀，想要飞起来，却只是在恐惧和无助中徒劳地挣扎……见状，玛丽亚朝远离挣扎着的鹭鸟的方向走去，好让它不再害怕。

鹭鸟很快就飞起来了，它低飞的身影在沙沙作响的芦苇丛上方一闪而过。无尽的芦苇丛再次紧密地围拢过来，眼前唯有它们，还有头顶上方那片阴霾、渐暗的天空中摇曳的云朵，以及那条愈发难行的路。不知从何时起，世间万物仿佛都已不复存在——玛丽亚湿透的衣衫、那只鹭鸟、她过往的生活，都没了踪迹。那看似爱意实则虚幻的感情，那让自己饱受折磨的羞耻感，那丢失的被褥，那曾妄图掌控她的恶意，那即将降临的黑夜……一切都不知去向，不知缘由地消散了。除了这条路，什么都没有了。

她的身体仿佛已失去知觉。这具躯壳，它真的有过鲜活的生命吗？那似乎是很以前，很久以前的事了……她的脑袋像一团燃烧的火球，在高高芦苇丛中穿行，既不摇晃，也不低垂，保持着稳定的速度——这团火球毫无阻碍地在芦苇丛中前进。

突然，一阵刺骨的寒意袭来，将玛丽亚笼罩。芦苇墙豁然分开。芦苇丛被远远地甩在了身后。

铅灰色的湖面，波涛起伏，与铅灰色的暗沉天空融为一体，向远方延展。在玛丽亚面前，一群洁白如雪的鸟儿庄重地游弋着。在这无

垠的天空与无尽的湖水之间，它们舒缓的游动姿态中，蕴含着一种凡人难以企及的美——这种美，凡人无法洞悉，无力承载，它冷峻而威严，令人类那颗无助且震撼的心，只能望而兴叹。

天鹅在她面前游弋——自在而庄重——在这没有岸际与地平线的广袤荒野之上。它们游弋着——于白昼与黑夜之间，于光明与黑暗之间。

玛丽亚站在齐肩深的水中。清冷的淡蓝色光芒，从她的双脚向上蔓延至颈背，然后向天空升腾而去。在这匀净而强烈的光辉中，那纷扰的病态幻景再无容身之处，光辉笼罩着她轻盈、仿佛脱离尘世的身躯。

在铅灰色的水面上，在铅灰色的天空之下，洁白的鸟儿永恒地游弋着。

1986 年

译者：李希卢

МАО СЮПУ

Мао Сюпу родился в 1955 году, национальный литератор первой категории. Обладатель Ордена международной дружбы Правительства РФ. Член Ассоциации китайских писателей. Профессиональный писатель Федерации литературных и художественных кругов Циндао. В пятнадцать лет был принят в художественную труппу Железнодорожного корпуса Народно-освободительной армии по специальности «танец». В семнадцать лет начал писать и публиковать стихи. Его ранняя работа «Смерть лебедя» в 1981 году удостоилась «Премии за выдающуюся работу» от «Пекинской литературы». Изданы сборники стихов «Время назад», «Черные волосы матери», «Вечный Курск» (на русском и китайском языках), «Сто восемь новых стихотворений» и «Здравствуй, Россия!» (на русском и китайском языках) и т. д. Главный редактор масштабного сборника документальной прозы «Душа непоколебимого солдата», поэтических сборников «Глядя на Вэньчуань», «Китайская и русская поэзия нового времени на китайском и русском языках» и др. Некоторые работы переведены и опубликованы на русском, английском, польском языках. Поэтический сборник «Вечный Курск» в переводе Клары Ключевой получил широкое признание среди русских читателей.

毛秀璞

毛秀璞，1955年生。国家一级作家。俄罗斯联邦政府“国际友谊勋章”获得者。中国作家协会会员。青岛市文联专业作家。十五岁考入解放军铁道兵文工团，从事舞蹈专业。十七岁开始写诗并发表。早期作品《天鹅之死》获《北京文学》1981年“优秀作品奖”。出版诗集《倒流的时光》《母亲的黑头发》《“库尔斯克号”挽歌——中俄文对照》《一百单八将新诗谱》《你好！俄罗斯！——中俄文对照》等。主编大型纪实文学《铁血兵魂》诗选《凝望汶川》《中国当代诗选——中俄文对照》等。部分作品翻译成俄文、英文、波兰文等发表。2004年在莫斯科，由俄中友好协会授予“俄中友谊勋章”。由克拉拉翻译的《“库尔斯克号”挽歌》在俄罗斯读者引起广泛好评。

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ХАЙНАНЬ

*Кокосы, упавшие двадцать лет назад,
Все так же лежат в сени ветвей.*

*Мох, выросший двадцать лет назад,
Все так же зеленеет на каменных ступеньках.*

*Поступь гусей все так же нетороплива,
И у старых буйволов все такие же добрые глаза.*

*Зеленая змея, как и двадцать лет назад,
Все так же, что-то замышляя, таится в мелководье.*

*Там, где двадцать лет назад я читал письмо,
Все так же волнуются пальмы.*

*Здоровяк-муравей так же, как и тогда,
Несмотря на зной, трудится прилежно.*

*Глубокой ночью ко мне пришёл
Тот же светлячок, что и двадцать лет назад,
И сказал: «Посреди тьмы лишь мерцай и молчи».*

ОКНО С ВИДОМ НА МОРЕ

*Только здесь далекие паруса —
Настоящие.*

*Только здесь возвышающиеся острова —
Настоящие.*

*Пришедшая издали волна жалуется мне:
Как бы высоко ни летали птицы,
Но из неба в памяти одного человека
Им не улететь.*

*Прибой отступает всё дальше и дальше,
Но и он не смоеет
Воспоминания одного человека о первой любви...*

МАГНОЛИЯ НА РАССВЕТЕ

*Не различишь,
Где птицы,
Где цветы.*

*Но с дерева
Три голоса слышны.*

*И вдруг
Цветы — взлетели,
Птицы — наземь пали...*

МАМИНЫ ЧЕРНЫЕ ВОЛОСЫ

*В ту далекую зиму мама ушла.
Когда она ушла, ее волосы оледенели,
Ее незабываемые густые черные волосы.
С тех пор в солнечных лучах
Всегда таится черный цвет.*

*Сегодня муза поэзии снизошла ко мне.
Я смотрю, как мама идет от Великой реки,
Волны плещут, колышатся посевы,
И над селом поднимается дымок, как в былые годы...
Я бросаюсь к маме, к ее черным волосам,
И вижу — весь черный сосновый лес так и не покрылся
снегом...*

МАМА: ВОСПОМИНАНИЯ О СТАРОЙ ФОТОГРАФИИ

*Это было начало весны 1971 года в Пекине.
Снег только-только прошел, и пришла весна.*

*Мы с мамой пришли по влажной улице Сичананьцзе на
площадь,
Как и многие другие люди.
Перед воротами Тяньаньмэнь мы запечатлели на па-
мять
Это незабываемое мгновение.*

*Под солнцем мама улыбалась, и я улыбался.
На тихой площади лежала грудa снега.
Большая грудa снега, который еще не успел растаять.*

*Помню, я под красивым выдуманым предложением вы-
звал маму в Пекин.
Я слышал, что в день ее прибытия
В Циндао шел дождь, очень мелкий дождь,
И море кротко лежало под пеленой дождя.*

*Это единственное совместное фото нас с мамой
И последнее совместное фото.*

*Зимой того года мама ушла.
В прощальном стихотворении я написал:
«В тот день, когда моя мама ушла,
Ее черные волосы оледенели...»*

*Это единственное совместное фото нас с мамой.
Мама улыбалась, потому что рядом был я в военной
форме.
Я улыбался, потому что рядом была моя мама и ее
тепло.*

*Сейчас за окном снова начался дождь, очень мелкий
дождь.
Но здесь никогда не шел снег.
Ни разу так и не выпал тот снег.*

*На этой старой фотографии снежная гряда на пло-
щади
Так и не тает вот уже тридцать лет...*

МАМИН ПЕСЧАНЫЙ СКЛОН

*Тот мамин песчаный склон за деревней
Был мягче, чем морские пляжи с самым мелким песком.
В детстве мама часто считала звезды на этом склоне,
И ночной летний ветер навевал сон...*

*Тот мягкий песчаный склон
Насеялся из лунного света.
Каждый раз,
Когда мама скучала в городе по родным местам,
Песчаный склон вставал над рощей.*

*О, мамин песчаный склон,
Нанесенный ветрами древней реки,
Только мама знает,
Сколько таится в этом песке тоски по речному руслу...*

*Мама в свои последние мгновения
О своем склоне рассказала мне еще раз
И, договорив,
Закрыв глаза, ушла спать на песчаный склон...*

РОЖДЕНИЕ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

*В полночь он вновь провалился в мир сновидений.
Мама ушла — как той далекой зимой,
Что он описал в стихах, мама ушла.
Когда она уходила, ее волосы оледенели.*

*Первая любовь тоже оледенела,
Это он сам себя заморозил.
В чахлой пустыне остался лишь он один,
Спрятав за пазуху незаконченные стихи.
Та рукопись тоже оледенела...*

*А потом он хотел вернуться домой,
Но все дороги не были дорогой к дому.
Но все двери не были дверью его дома.
Все дороги и двери тоже оледенели...*

Море сжалось подо льдом и снегом.

*Очнувшись, он написал один стих.
Никто не знает, что,
Очнувшись от ледящего холода,
Он написал вдруг теплый весенний стих.*

*Никто не знает, что
Поднявшийся с самого дна души его теплый поток
Пробудила маленькая птичка за окном,
Ее мимолетное беспечное щебетание.*

СОЛНЕЧНОЕ УТРО. 6 ИЮНЯ

*К 221-й годовщине
со дня рождения А. С. Пушкина*

*Незабвенным июньским утром 1799 года
Солнце встало —
Необычно яркое солнце.
Поднялось над Москвой,
Теплом согрело всё вокруг,
Лучами весь мир осветило.*

*То солнце дружило с поэзией.
Каждый луч его
Нёс людям
Добро и пожелание счастья!*

*Все сердца, обращенные к свету,
Окропило надеждой и верой.
Прежде этот светоч витал
По-над берегом моря.
Он пеной морской написал
Незабвенные строки
Прекрасной поэмы “К морю”.
Из них я в родном Циндао
Осознал истинный цвет
Нашего бескрайнего моря...*

*Это было очень доброе солнце.
Горячим стихом
Растопило оно границы,
Людям разных рас принесло
Утешенье, любовь
И золотую мечту.*

*Но сегодня это не обычное солнце.
Оно, в дни пандемии,
Мучающей весь мир,
Каждым своим лучом,
Подобно мечу, поражает вирусы.
Вселяет отвагу в людей,
Пробуждает желание жить,
Заставляя болезнь отступить.
Под лучами животворного солнца
К страдальцам возвращается жизнь.*

*Я благодарен этому солнцу,
Я хочу громко сказать:
“Жизнь может тебя обмануть,
Но справедливость восторжествует!”.
И, если зло кинжал направит на тебя,
Не щит железный будет вам защитой,
А справедливость общества всего!
На зло обрушатся огонь и штык!*

*Да, Александр Сергеевич!
Вы не только
Солнце поэзии всей России,
Но и наше солнце.
Вот сегодня я —
Китайский поэт —
Пишу на берегу воспетого вами моря,
В стихах я приветствую вас!*

Да!

Вы — поэт и России и Китая!

Вы — первый, открывший нам путь!

Солнце, поднявшееся 6 июня,

Это яркое наше солнце

Для всех тех,

Кто любит и стремится к свету!

重返海南岛

二十年前掉下的椰子
依然在树荫里躺着

二十年前长出的苔鲜
依然在石阶上绿着

鹅的步子还是那样慢
老水牛眼睛还是那般温柔

青蛇还象二十年前
心怀阴谋，在浅水里潜伏

二十年前读信的地方
依然有椰子树长浆激情划动

壮硕的蚂蚁，依然象当年
顶着烈日，东奔西忙

深夜，二十年前那只萤火虫又来了
告诉我在黑暗中，只闪光别说话——

临海的窗

这里望见的帆
才是真正的帆。

这里耸起的岛屿
才是真正的岛屿。

远道而来的海浪诉我
鸟飞的再高
也离不开一个人
记忆的天空。

潮水退的再远，再远
也退不出
一个人初恋的视野

清晨玉兰树

分不清
哪一朵是鸟儿
哪一只 是花儿

至少有三个声部
在树上

突然
有花朵飞了
有些鸟儿
落了下来

母亲的黑头发

遥远的冬天，母亲走了，
母亲走的时候头发上结了冰。
难忘那满头黑黑的发丝啊，
从此，太阳的光线，
总是有黑颜色在闪动。

如今诗神降临，母亲从大河上走来，
河浪飞舞庄稼摇曳村庄升起早年的炊烟。
我扑向母亲，扑向母亲的黑头发，
我看见 -
所有的黑松林一直都没有被白雪覆盖。。。

母亲：一帧旧相片的回忆

那是1971年初春，在北京
一场雪刚刚飘过，春天就来了

我和母亲
沿着潮湿的西长安街来到广场
和许多人一样
在天安门前留下了这难忘的一瞬

阳光下，母亲笑着，我也笑着
静静的广场上有一堆雪

一堆很厚的积雪还未来得及融化
记得我是用了一个美丽的谎言
让母亲到北京来的，听说
母亲来的那天青岛正在下雨，很细的雨
大海在雨线中安稳地躺着

这是一张我和母亲唯一的合影
也是最后的合影

这年冬天，母亲走了
我在一首悼念的诗中写着：
母亲走的时候
黑黑的头发上结了冰……

这是我和母亲唯一的一张合影
母亲笑着，因为身边穿军衣的我
我也笑着，因为身边温暖的母亲

现在窗外又开始下雨了，很细的雨
但是，在这之前并没有下雪
一直也没有下，那雪

在这张旧照片的广场上堆着
三十年来一直也没有融化……

母亲的沙岭

村后的那片沙岭，
比最细的海滩还要柔软。
母亲儿时常在沙岭上数点星斗，
让夏夜的风，吹拂睡眠。。。

那一岭一岭的柔软，
是从月光中筛下来的。
在城市，每当母亲想念故乡，
那沙岭就从树丛中升起来。

哦，母亲的沙岭，是古老的河风吹来的，
只有母亲知道，
那一岭一岭的沙子埋着多少河床的思念。
那是世界上最深情的沙丘。

母亲最后的时刻，
又一次向我讲述说她的沙岭，
说完后，
闭上眼睛到沙岭睡觉去了。。。

一首诗的诞生

午夜他又坠入梦境
母亲走了，像他诗里写的
——遥远的冬天母亲走了
母亲走的时候，头发结了冰。

初恋也结了冰
是自己给自己凝结的冰
枯萎旷野只剩下他一个人
怀里揣着没写完的诗
那张诗稿也结了冰

后来，他想回家
所有的路，都不是回家的路
所有的门，都不是家的门
所有的路和门
都结了冰

大海在冰雪中缩卷着

醒来后他写了一首诗
谁都不知道
他从冰寒中醒来
写下的
却是一首暖春的诗

谁都不知道
他心底涌起的暖流
来自窗外小鸟
那几声不经意的鸣叫

《六月六日的太阳》

一一纪念普希金诞辰221周年

难忘1799年6月6日
有一颗太阳
一颗特殊的太阳
从莫斯科冉冉升起
给世界带来了
特殊的温暖与光亮

这是一颗会写诗的太阳
每一道光线
都曾经给人间带来
温馨的祝福
给所有渴望光明的心
洒下过信心与希望

这是一颗
曾经在海岸徘徊的太阳
他用浪花写下的《致大海》
让我第一次见到了
与我家乡同样颜色的无边海洋

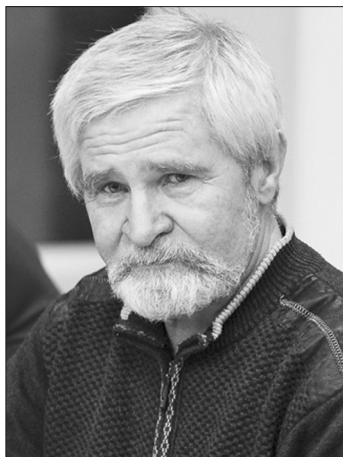
这是一颗善良的太阳呵
用诗的烈火
溶化了所有的国界
给不同肤色的人
带来爱情，安宁
与金色理想

这是一颗神奇的太阳
今天，面对肆虐的瘟疫
我相信，每道光线
都是刺向病毒的利箭
每一片亮光
都会给人类带来勇气
带来生命的顽强
让重症变成轻症
让感染者在阳光下
恢复安康

我们感谢这颗太阳
假如生活欺骗了你
会帮助讨回公道
假如罪恶匕首刺向你
不仅是盾牌
还是捍卫正义
还击敌人的火炮与钢枪

呵，亚历山大，普希金
你不仅仅是
俄罗斯诗歌的太阳
也是我们的太阳
今天，6月6日
俄罗斯诗歌的太阳
又一次
从莫斯科
从东方
从我的家乡升起

译者：库什娜连科

ЕВГЕНИЙ ЧЕПУРНЫХ

Чепурных Евгений Петрович родился в 1954 году в г. Чапаевске Куйбышевской области. Учился на филологическом факультете Куйбышевского государственного университета, в Литературном институте имени М. Горького. Работал грузчиком, составителем поездов на железной дороге, монтировщиком сцены в театре, корреспондентом многотиражной и областных газет. Первая же его публикация состоялась в “Юности” в 1978 году, она отмечена литературной премией журнала. Лауреат всероссийских литературных премий имени А. Прокофьева, имени И. Дмитриева. Автор восьми поэтических сборников. Член Союза писателей России. Живёт в г. Самаре.

叶夫根尼·切普尔内赫

叶夫根尼·彼得罗维奇·切普尔内赫 于1954年出生在库比雪夫州（现萨马拉州）的恰帕耶夫斯克市。他曾在库比雪夫国立大学（现萨马拉国立大学）语文系和高尔基文学院学习。他从事过多种职业，包括搬运工、铁路编组员、剧院舞台装配工，以及多家报纸的记者。他的首次作品发表于1978年的《青春》杂志，并获得了该杂志的文学奖。他是全俄文学奖——А. 普罗科菲耶夫奖和I. 德米特里耶夫奖的得主。他出版了八本诗集，是俄罗斯作家协会的成员。目前居住在萨马拉市。

* * *

*Дождику капать и капать.
Фокусник, слёзы мои...
Дай поносить твою шляпу
(если там нету змеи).*

*Дунь на бумажную розу,
чтоб ожила снова.
Вынь мне сверкающий козырь
из своего рукава.*

*Взмахом платочка заветным
шарик проветри земной.
Стань, наконец, человеком,
шулер ты праздничный мой.*

*Стань поглупее немножко,
и, усыпив наяву,
я покажу тебе стёжку
от мастерства к волшебству.*

*Дай мне, как дождик, пропеться,
смыть с тебя гримы твои;
дай заглянуть в твоё сердце
(если в нём нету змеи...)*

ВДОХ

*А ночью я опять вставал,
бродил по дому, как по свету,
пил чай, позорно своровал
у внучки сушки и конфету.
Писал стихи о ворожке,
сливался с обморочной высью.
И как-то жил сам по себе
кошачье-птичьей, вольной жизнью.
Всплывал в окне (я иль не я?),
плыл по узорчатому инею.
И был похож на воробья,
вселившегося в птицу синюю.
И над теплом земным скользя,
вдруг выпил ночь единым вдохом...
И обнял всех. И понял вся...
И никому не сделал плохо.*

НА ТОЙ ЕДИНСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ

*Скачет красный отряд. Скачет белый отряд.
И с испугу молчат соловьи.
Скачет в красном мой брат. Скачет в белом мой брат.
Скоро встретятся братья мои.*

*Не поют соловьи. Не зовут соловьих.
И не кончится дело добром.
Слишком острые сабли у братьев моих,
и сердца заросли серебром.*

*Встрепенется трубач и застынет, трубя,
обнажат мои братья клинки.
Так они возлюбили, Россия, тебя,
что тебя же и рвут на куски.*

*Помолчим, брат мой, брат. Догадаться — не труд.
Русский узел никто не разрубит.
Те, кто любит, те первые нас и убьют
(а потом уже те, кто не любит).*

ПАСТБИЩЕ ЧУДЕС. ДНЕВНИКОВОЕ

*Сберегу тишину на лугу,
лошадь белую с небом во взоре
на большом, как Земля, берегу
бесконечного черного моря.*

*Черным гребнем взметнется волна
над минутной идиллией сладкой.
Устоит ли моя тишина?
Не помрет ли со страху лошадка?*

*Дожужжит ли пчела над цветком?
Не замолкнет ли шмель от испуга?
И успеет ли ангел с письмом
добежать вот до этого луга?*

*Берегу тишину на лугу.
Ангел мой, улыбнись на удачу.
Ты не сможешь — так я добегу,
доползу,
дотянусь
и доплачу...*

* * *

雨水滴滴下落。
魔术师啊，我泪眼婆娑……
给我带上你的帽子，
（假若里面没有毒蛇）

对玫瑰吹一口气，
便让它再次婀娜。
抽一张闪光的王牌，
从衣袖里闪转腾挪。

只一挥奢华的手帕，
让地球也为之喷薄。
最后，你也成个人吧，
你，我轻佻的障眼者。

还要请你变笨些许，
在清醒中钻进被窝，
我给你指一条明路，
从淫巧通向魔法之国。

就让我像雨水一样，
洗去你的浓妆艳抹；
就让我一窥你的心底，
假若里面没有毒蛇。

一口入魂

夜里终究难以入眠，
我起身徘徊，周游房间。
喝过茶，再去行窃，
偷来孙女的零食、糕点。
我又为占卜谱写诗篇，
与晕眩的高空一起融炼。
就自在自为地生活，
如猫似鸟，逍遥随便。
我在窗中浮现（我还是旁人？），
滑行在花纹般的霜面。
我像一只雀燕，
被蓝鸟的羽翼遮掩。
掠过大地的温暖，
一口气饮尽夜的黑暗……

我拥抱了所有人，也理解了万般.....
不曾伤害任何一人。

在那场唯一的内战

红骑兵在飞驰。白骑兵在飞奔。
夜莺因恐惧而默缄。
我的兄弟在红队中飞驰。我的兄弟在白队中飞奔。
我的兄弟们很快就要相见。
夜莺不再歌唱。雌莺不再呼唤。
事情怎能皆大欢喜。
兄弟们手里太过锋利的刀剑，
心却被白银装点。
号角声起，昙花一现，
我的兄弟们把刀剑拔出。
俄罗斯啊，他们都爱你至深，
以至于要将你撕成碎片。
沉默吧，我的兄弟，兄弟啊。猜到也并不难。
俄罗斯的结没人能解。
那些爱我们的人会先杀了我们
（然后才轮到不爱我们的人）。

牧场的奇迹·日记体

我将守护牧场上的静穆，
一匹白马凝视着天空，
站在地球般巨大的岸边，
面对无尽的黑海。
黑色的浪尖掀起波浪，
打破这短暂的甜美田园。
我的宁静能否坚守？
小马是否会因恐惧而死去？
蜜蜂是否还会在花间嗡嗡？
大黄蜂是否会因惊吓而沉默？
天使带着信件，
能否及时赶到这片牧场？
我守护着牧场上的宁静。
我的天使，请微笑以求好运。
如果你不能——我会跑过去，
爬过去，伸手过去，并支付代价...

译者：柴旭东

ЧИ ЦЫЦЗЯНЬ

Чи Цзыцзянь (р. 1964), выдающаяся современная китайская писательница, уроженка северо-востока Китая, заместитель председателя Союза китайских писателей, председатель Союза писателей провинции Хэйлуцзян, лауреат главных литературных наград Китая – премии имени Мао Дуня (2008) и Лу Синя (1998, 2001, 2007). Ее прозу отличает обращенность к истории родного края, глубокое погружение в обычаи народной жизни, размеренность повествования, музыкальный язык, умение показать чувства на фоне исторических и природных катастроф. К главным произведениям Чи Цзыцзянь относятся романы «Утренний колокол звучит до сумерек» (1997), «Марионеточное Маньчжоу-го» (2000), «Правый берег Аргуни» (2005), «Белый снег, черные вороны» (2010), «Верхушки гор» (2015), «Огни и дым города» (2020). Произведения переведены на многие языки мира.

迟子建 (出生于1964年) 中国当代杰出作家, 东北人, 现任中国作家协会副主席、黑龙江省作家协会主席, 获得茅盾文学奖 (2008)、鲁迅文学奖 (1998、2001、2007) 等中国重量级文学奖。迟子建的小说特别注重本土历史, 深入民俗, 叙述有度, 语言富有音乐性, 善于表现历史和自然灾害背景下的情感。她的代表性的作品包括《晨钟响彻黄昏》(1997)、《伪满洲国》(2000)、《额尔古纳河右岸》(2005)、《白雪乌鸦》(2010)、《群山之巅》(2015)、《烟火漫卷》(2020)等长篇小说。迟子建的作品译成多种外国语言。

БЕЛЫЙ СНЕГ, ЧЕРНЫЕ ВОРОНЫ

(отрывок из романа)*

Синькова жила в здании на Саманной улице, что на Пристани, у дома имелся отдельный двор. Фундамент особняка сделали из гранита, а само здание соорудили из кирпича и дерева. Стены покрашены желтым, крыша имела темно-зеленый цвет. Желто-зеленое деревянное кружево, напомиравшее изящную бахрому, украшало карнизы. Снаружи сложно определить, два в доме этажа или три. За два этажа говорило то, что только на двух уровнях имелись окна, и, очевидно, там и находились жилые комнаты. Против двухэтажности возражали две башенки, слева и справа, выступавшие из дома, словно деревянные статуи. В башенках окон не было, видимо, там не жили. Окна у этого особняка отличались от высоких, однообразных, закругленных наверху, что имелись в других русских домах. Здесь же все окна были выполнены в разных стилях. Восточное окно на втором этаже в верхней части было скошенным, а западное имело форму ромба. В общем, здание походило на разряженную шалунью-девчонку, наивную и в то же время диковатую. Таких домов вам точно не встретить на соседних улицах, где жило много русских, — Конной, Коммерческой, Ямской, Короткой и Аптекарской.

Возможно, из-за того, что этот особняк напоминал романтический цветок, во всей Пристани именно его двор более всего привлекал бабочек. Конечно же, за низеньким заборчиком и в самом деле имелся овальный садик, где росли желтые и белые хризантемы, розовые и красные розы, а еще пурпурные ирисы. Цветы были самого разного цвета, и прилетавшие бабочки им в этом не уступали, тут можно было встретить бабочек всех расцветок — желтых, белых, пурпурных, черных. От пестроты и так уже в глазах рябило, но бабочкам этого словно было недостаточно, тела их были украшены красными, зелеными и желтыми крапинами, а крылышки пестрели, словно палитра художника.

По мнению Ван Чуньшэня, подобный дом годился только для Синьковой. Ведь обликом она тоже походила на бабочку. Конечно, кроме Синьковой здесь еще жили ее муж — Излукин, дочь — Наташа и отец — Лушкевич.

Рослой Синьковой было за тридцать, у нее были длинные ноги, стройная талия, большая грудь и пышный зад: воистину, все, что должно быть стройным, было у нее стройным, что должно быть пышным — было пышным. Возможно, из-за работы на сцене ее мимика была крайне выразительной, глаза словно покрыты туманной поволокой, губы при смехе колыхались, словно их приласкал ветерок, а ямочки на щеках перекатывались мелкой рябью.

Прямой нос у русских женщин — это и их достоинство, и их недостаток. Достоинство заключается в том, что он придает четкость контурам

* Печатается с согласия издательского дома «Гиперион» по изданию: Чи Цзыцзянь. Белый снег, черные вороны. СПб.: Гиперион, 2024.

лица, такой нос — словно высоко подвешенный фонарь, бросающий свет на дорогу. Недостаток же в том, что кончик носа слишком длинен и расположен близко ко рту, а это лишает облик мягкости. Однако у Синьковой нос не производил неприятного впечатления. Во-первых, у нее был необычно острый подбородок, который хорошо сочетался с большим носом; в такой-то компании ее уста казались озером, окаймленным горами; имелось в таком нечто невыразимо изящное. А еще Синькова, осознанно или нет, любила подпирать щеку правой рукой — для носа это было все равно что поместить дерево в тень. Тень на женском лице совершенно необходима. Она привлекает взор и душу, а нос в подобном случае не кажется слишком выступающим.

Волосы у Синьковой, золотые с рыжеватым отливом, немного напоминали кукурузную метелку. Цвет их был как будто бы жаром извлечен из солнечного света. Обычно она оставляла их распущенными, кольца опускались до плеч. Словно огненные облака, они окаймляли ее щеки и шею, подчеркивая лицо, сиявшее яркими красками, словно солнце на закате.

Во дворе рядом с садиком стояли два низеньких деревянных стула каштанового цвета. Когда Синькова сидела там и пила чай или читала газету, то прическа ее была именно такой. Но когда она выходила в город, то собирала волосы в пучок, оставив на лбу челку. В такие минуты ее лицо напоминало полную луну в зимний день, оно подавляло холодной красотой.

Ван Чуньшэнь никогда не бывал в театре, в дни выступлений он лишь довозил Синькову до переливающегося огнями входа в театр и сразу же уезжал. И хотя он никогда не видел ее на сцене собственными глазами, однако из русских газет, что продавал Сисуй, знал, насколько она великолепна. Все любители музыки в Харбине благоговели перед ней и были без ума от ее пения. Когда Ван Чуньшэнь вез ее в своей коляске, то неоднократно слышал, как она тихонечко напевает. Если она направлялась в церковь, то пела что-то умиротворенное и нежное, а если же в театр — то что-то трагическое.

Каждый воскресный день Синькова непременно посещала два места, одним из них был Свято-Николаевский собор, что располагался неподалеку от железнодорожного вокзала, а другим — часовая мастерская в Новом городе на Хорватском проспекте. Похоже, ее часы никогда не шли точно, приходилось часто сдавать их в починку. Возница слышал, что часовщиком был хромоногий еврей, который никогда не выходил из дома; его младший брат в оркестре играл на скрипке.

Ван Чуньшэнь испытывал к Синьковой чувства, которые не мог описать словами. Они походили на снежинки, летящие между небом и землей, на вид шумные и кипучие, а на самом деле тихие и безмолвные. Он знал, что Синькова подобна богине, а он всего лишь лакей. Она — одухотворенная бабочка, а он — жалкий муравьишка, копошащийся среди цветов. Но всякий раз, когда Ван Чуньшэнь вез в своей карете Синькову по улицам и переулкам Харбина, он забывал об огромной пропасти, их разделявшей. Вознице казалось, что тихонько напевавшая позади Синькова была девочкой, прижавшейся к его спине. В такие минуты он ощущал, что в его жизни есть счастье, ведь перед ним был любимый черный конь, а позади — женщина, разлука с которой даже на несколько дней заставляла его невероятно

тосковать. Цоканье подков под аккомпанемент пения составляли единственный свет в его тусклой жизни. Удивительно, но эти звуки были для него и путями — ведь когда он собирался отвести душу в борделе, они невидимыми нитями удерживали его. Из-за этого в последнее время он все реже посещал такие заведения. Дошло до того, что хозяйка борделя, в который он раньше частенько наведывался, поехала в его карете в район Сыцзяцзы, а когда добралась до места, то ни медяка ему не заплатила, упрекнув: Ван Чуньшэнь-де охладел к ее девочкам и наверняка переметнулся в другое заведение, поэтому она и должна отомстить за обиду своих питомиц.

Муж Синьковой Излукин был высокого ранга чиновником в Управлении КВЖД. Он приехал в эти места, когда строительство железной дороги только началось, а штаб стройки ещё размещался в винокурне Тяней, поэтому стал свидетелем тому, как с каждым днем рос Харбин. На Пристани, там, где находится Китайская улица, изначально никакой дороги не было, но когда из Владивостока корабли стали привозить в порт на Сунгари материалы для строительства железной дороги, то рабочие день за днем, перетаскивая на плечах и перевоза на лошадях грузы, протоптали тут путь. Когда на КВЖД запустили движение, русские называли эту дорогу Китайской улицей. Жившие у реки китайцы продолжали заниматься своими делами. Однако поскольку теперь тут возникла иностранная концессия, то из хозяев они превратились в постояльцев. Управление КВЖД учредило земельный отдел, теперь китайские торговцы, чтобы занять землю и построить дом, должны были обращаться в этот земельный отдел. После регистрации следовало ежегодно вносить за землю арендную плату и только тогда можно было вести торговлю. Арендная плата из года в год увеличивалась, недовольные этим торговцы постоянно роптали.

Ван Чуньшэнь помнил, как прошлой осенью водочный завод, принадлежащий русским, подал прошение о сокращении налогов и получил соответствующее разрешение; в конечном итоге ему уменьшили выплаты на тридцать пять процентов. Увидев это, китайские коммерсанты тоже подали заявку на сокращение налогов, но не только не получили согласования, а еще и нарвались на рейд полиции, что вызвало у китайцев повсеместное возмущение. Поэтому, когда в один воскресный день Ван Чуньшэнь у дверей кофейни на Пристани наткнулся на Излукина, а тот захотел отправиться в его коляске в парикмахерский салон «Прима», открытый одним евреем на Новоторговой улице, то возница покачал головой в знак отказа и сообщил, что уже ожидает клиента. Ван Чуньшэнь опасался, что если он повезет Излукина, то схлопочет косые взгляды китайских лавочников.

В глазах Ван Чуньшэня Излукин был недостойн Синьковой. Рост он имел хоть и высокий, но сутулился, а сутулые люди смотрятся старше. Да и облик у него был не из приятных. Маслянистые волосы зачесаны назад, и, хотя брови у него были густыми, а глаза большими, лицо выглядело каким-то безвольным. Он смотрел на людей как-то искоса, под глазами его набрякли мешки, а сами глаза были словно растения, выросшие на куче мусора, чувствовалось в них что-то нечистое. Кроме того, его усики смотрелись довольно комично, казалось, какая-то рыба забралась ему в носовой проход, а хвост ее не прошел и застрял над верхней губой, вот и приходится ему круглый год ходить с рыбьим хвостом напоказ. Излукин жил на

Пристани, а работал во внушительном каменном здании в Новом городе, поэтому ему каждый день приходилось челноком сновать между двумя районами. Он ездил в коляске, иногда за ним приезжала машина — обычно это случалось, когда Управление КВЖД проводило торжества или приемы. На службу он отправлялся в отглаженном мундире, при галстуке, в кожаных ботинках, а еще с тростью.

Ещё одной причиной нелюбви возницы к Излукину было то, что тот тайне от Синьковой встречался с еще одной женщиной. Много раз по вечерам Ван Чуньшэнь видел, как Излукин выходит из дома японки на Участковой улице. Женщину эту звали Митико, роста она была небольшого, чуть пухленькая, с тонкими бровями, маленькими глазками и ртом-вишенкой; её лицо словно покрыли слоем сливочного масла — белого и жирного. Муж Митико по имени Като Нобуо занимался разной коммерцией, круглый год был в разъездах. Ван Чуньшэнь неплохо его знал, так как в Фуцзядяне у японца имелось два заведения: японская аптека и недавно открывшееся на 4-й улице производство соевого соуса. У японцев соус не очень соленый, но имеет ароматное послевкусие и этим очень нравится некоторым людям. Стоило ему появиться, как он ослабил положение соевого соуса из лавки «Сяньхихао», что занимал половину рынка в Фуцзядяне. Владельцу «Сяньхихао» Гу Вэйцы приходилось раз за разом понижать цену, чтобы бороться за продажи с японским соусом, и всего лишь за год он оказался на грани убытков. Поэтому стоило Гу Вэйцы заметить Като Нобуо, он словно видел перед собой краба-разбойника, которого хотелось схватить и бросить в чан с соевым соусом «Сяньхихао» и замариновать заживо.

Из-за Синьковой вознице Митико не нравилась. Когда прошлым летом в жаркий день она в его коляске отправилась в Японское собрание, так он специально двинулся по колдобинам, протряхнул женщину так, что она всю дорогу по-вороньи жалобно каркала. Обычно за такую короткую поездку достаточно было двадцати пяти копеек, а он, когда добрались до места, потребовал с нее пятьдесят. На лишние деньги он выпил два стакана холодного чая. С тех пор Митико больше никогда не садилась в коляску Ван Чуньшэня.

Иногда Ван Чуньшэню казалось, что люди его ремесла почти что сыщики. Ожидая у ворот ресторана, видишь, кто с кем пошел обедать, начинаешь думать, они вместе поднимают бокалы из-за дружбы или же ради какой корысти. А уж у кого с кем роман, часто обнаруживалось по ночам, когда проезжал в неурочное время чей-то дом.

Транспортные средства в Харбине — это главным образом рикши и экипажи, запряженные лошадьми. Машины тоже имелись, например французские «рено», но позволить себе ездить на них могли только большие чиновники и знатные особы, таковых было мало. Рикши в основном бегали в пределах одного района, а вот коляски ходили и между районами. Зимой некоторых лошадей запрягали в сани, но большей частью по улицам разъезжали экипажи на колесах. Коляски эти бывали двухколесные, бывали и четырехколесные. К четырехколесным в основном относились дрожки, которыми управляли русские. К ним обычно полагалось две лошади, а в двухколесную коляску запрягали одну. Экипаж с парной упряжкой ехал быстрее, поэтому и стоил намного дороже. Двухколесная коляска Ван

Чуньшэня, запряженная одной лошастью, нравилась людям из-за того, что, во-первых, черный жеребец был резвым и не уступал в скорости паре лошадей; во-вторых, сама коляска была броская, с резными окнами со всех сторон, а на потолке имелась резьба с изображением ивовых ветвей и сорок, что дарило ощущение счастья; ну а в-третьих, Ван Чуньшэнь никогда не жадничал при взимании платы. Например, поездка от Саманной улицы до вокзала стоила для парного экипажа один рубль, а для одинарного — пятьдесят копеек, он же брал только сорок копеек. Кроме того, по правилам извоза, накануне Рождества и Пасхи, на Новый год и Праздник весны плату следовало взимать вполтину большую, а Ван Чуньшэнь увеличивал оплату сугубо символически. Если время ожидания клиента превышало десять минут, он редко просил за это дополнительные деньги. Конечно, если кто-то настаивал, то он деньги брал. Он полагал, что залог прибыли в том, чтобы были хорошие отношения, много клиентов, больше поездок.

Синькова часто брала его экипаж, и вовсе не из-за дешевизны. Прежде всего ей нравился черный жеребец: он был резвым и элегантным, поступь его была уверенной, и он хорошо понимал людей. Пока ты удобно не уселась — даже если возница прикажет трогать, конь чуть помедлит. Когда пассажир сходил с коляски, конь поднимал голову и бил в землю передним копытом, словно прощаясь. А еще женщине по душе были красота, комфорт и удобство этой коляски. Летом в карете обдувал прохладный ветерок, а зимой от холодного ветра защищали ватные занавески, и не так пробирал холод. Наконец, нравился ей и характер возницы: он никогда не лез с разговорами и постоянно заботился о клиентах: в жару всегда имел наготове зонтик и веер, а в холода, чтобы у пассажиров не замерзли ноги, в карете лежал ватный коврик, в который можно было их закутать. Вид его тоже говорил о порядочности. У него было квадратное лицо, густые брови, приплюснутый нос, широкий подбородок, чуть грустные черные глаза, на людей он смотрел внимательно, в общем, не походил на перекаати-поле. Синькова дважды в неделю выступала в театре и всегда ездила в его экипаже. Разумеется, по воскресеньям коляска Ван Чуньшэня почти всегда была в ее полном распоряжении.

Возможно, из-за того, что он кормился извозом, Ван Чуньшэнь в отличие от некоторых китайцев не испытывал к русским неприязни. Все-таки русские прокладывали дороги, а еще строили дома. Проехать по хорошей дороге — ни с чем не сравнимое удовольствие. Опять же, когда с облучка глянешь на разнообразные дома, то радости не меньше, чем от любования картинами. Особенно ему нравились церкви — когда шел снег, у них словно вырастали белоснежные крылья, казалось, что они вот-вот оторвутся от земли и взлетят.

Кроме Свято-Николаевского собора и часовой мастерской, Синькова еще часто ездила в Московские торговые ряды, торговый дом «И. Я. Чурин и К°» и кинотеатр «Ориент». Из этих мест Ван Чуньшэнь больше всего любил магазин Чурина. Здание это было пепельно-зеленого цвета, стены его волнились выступами, двери украшали внушительные колонны. Пространство над окнами и колоннами было украшено барельефами с цветочным узором. Совершенно неординарный купол в форме оливки походил на фетровую шляпу. Вознице казалось, что магазин Чурина напоминал

деву, сидящую на лужайке, — простую и юную. Синькова обычно ездила туда за икрой и колбасой.

Проводив жену в последний путь, Ван Чуньшэнь перебрался в конюшню и отдыхал там несколько дней, затем же решил вернуться к извозу. Однако стоило ему доехать до границы Фуцзядяня и Пристани, как его окрикнул русский полицейский, стоявший на посту. Он сообщил, что из-за чумы в Фуцзядяне свободно выезжать оттуда и въезжать туда нельзя. Ван Чуньшэнь попробовал было поехать в Новый город, но и там его повернули обратно. Когда он в унынии возвращался в Фуцзядянь, то узнал еще одну дурную весть — помещенный в лазарет Чжан Сяоцянь впал в полубезумие. В душе у возницы что-то треснуло: неужели у врачей действительно нет управы на чуму? Раньше он думал, что отвезенных в больницу всегда спасают.

Прохожих на улицах по сравнению с прежними временами стало заметно меньше. Многие лавки закрылись. С тяжелым сердцем Ван Чуньшэнь отправился во фруктовую лавку в северной части 3-й улицы, чтобы купить съестного и навестить семью Чжан Сяоцяня. Однако возле недавно открывшегося ломбарда тамошний приказчик, как раз выбивавший цветной ковер у входа, заметив его, шарахнулся, словно от привидения, и поспешно скрылся внутри. Ван Чуньшэнь запереживал, не понимая, что же в нем такого страшного? Стоило ему подъехать к фруктовой лавке, не успел он полностью остановить экипаж, как хозяйка, Четвертая тётушка Син, вышла на шум к дверям встретить покупателя, но увидев его, тут же замала руками: «Сегодня мы закрыты, приходите в другой день» — и улизнула в лавку. Только тут до него наконец дошло, что из-за чумы он сделался что крыса на улице — все норовят её прибить. Неудивительно, что каменщик Ван, сообщивший ему новости о болезни Чжан Сяоцяня, держался от него на почтительном расстоянии и кричал, напрягая горло. Ван Чуньшэнь решил, что при таком раскладе домашние Чжан Сяоцяня тоже дадут ему от ворот поворот. Он горько усмехнулся, запрыгнул на коляску и вернулся на постоялый двор.

白雪乌鸦

(长篇小说节选)

谢尼科娃的家，在埠头区沙曼街上，这是一座独立的庭院。

小楼的地基是花岗石的，楼体是砖木结构的。楼的墙面刷成米黄色，屋顶却是深绿色的。屋檐下镶嵌着一道黄绿相间的锯齿形木装饰，看上去像是一道华美的流苏。从外观看，你很难说这楼是两层还是三层。说它两层呢，是因为这两层都有窗口，显然住着人；说它不是两层呢，是因为第二层往上，一左一右的，又冒出两个尖顶，好像竖立着两个木头人。尖顶没有窗子，看来不住人。这座小楼的窗子，与其他俄国人家同一格式的圆券高窗又有不同，窗子各有各的风格。二层向东的窗子，最上一格是斜的；而朝西的，则是菱形窗。总之这座房屋，看上去就像一个打扮得格外俏皮的女孩，有几分天真，又有几分野气。你在与它相邻的俄国人聚集的马街、商市街、大坑街、短街和药铺街，绝看不到这样的建筑。也许因为这楼太像一朵浪漫的花儿了，这座庭院，在埠头区，最招蝴蝶。当然，矮矮的木栅栏背后，的确有一个椭圆的花圃，种植着黄的白的菊花，粉的红的玫瑰，还有一种紫色的鸢尾花。花是五颜六色的，飞来的蝴蝶也不甘示弱，黄蝴蝶白蝴蝶紫蝴蝶黑蝴蝶应有尽有。这些蝴蝶本来够斑斓的了，可它们还嫌不够，在身上又点缀着红的绿的蓝的黄的斑点。蝴蝶的翅膀，绚烂得就像画家手持的调色板。

在王春申心目中，这样的房屋，只配谢尼科娃住。因为她的样子，也像一只蝴蝶。当然，除了谢尼科娃，这里还住着她的丈夫雅思卢金，她的女儿娜塔莎，以及谢尼科娃的父亲卢什科维奇。

身形高挑的谢尼科娃三十多岁，她长腿细腰，丰胸阔臀，真是该瘦的地方瘦着，该丰满的地方的丰满着。也许是做演员的缘故吧，她的表情极其耐人寻味，双眸总是雾蒙蒙的，笑起来唇边似有微风抚过，笑涡泛着浅浅的涟漪。俄国女人挺直的鼻子，既是优点，也是缺点。优点是它使面部的轮廓显得鲜明，好像一盏高吊着的路灯，投下光明；缺点是鼻尖过长，与嘴的距离太近，少了柔和。可是谢尼科娃的鼻子，却没有给人这种感觉。一是因为她有着与众不同的尖下巴，尖下巴与高鼻梁相望，就使嘴巴成了青山夹峙中的一片湖，有一种说不出的柔美。还有，谢尼科娃有意无意的，爱用右手轻托腮帮，这等于给鼻子这棵大树，找到了一处阴凉。而一个女人的面部，是需要点阴凉的。这样的阴凉，撩人魂魄，鼻子当然就不会显得突兀了。

谢尼科娃的头发，有点类似玉米吐出的缨络。金黄，又有点微微的红。这样的发色，像是由五彩的阳光给晾晒出来的。她平素散开头发，那些齐肩的卷发，就像一片火烧云，环绕着脸颊和颈项，将她的脸烘托得如一轮夕阳，灿灿生辉。庭院的花圃旁放置着两张矮脚的栗色木椅，谢尼科娃坐在这上面喝茶或是看报时，就是这种发式。而她出门的时候，则会把头发高高挽起，额前只留一缕刘海。她此时的脸，就是一轮冬日的满月，冷艳逼人。

王春申从来没有进过剧院，谢尼科娃有演出的夜晚，他只把她送

到灯火璀璨的剧院门口，就离开了。虽然没有亲眼目睹舞台上的她，不过他在喜岁卖的俄文报纸上看到了，她是那么的光彩照人。哈尔滨热爱音乐的人，都为她的歌声倾倒和痴迷。而王春申在赶马车的时候，不止一次听过她轻轻哼唱的歌。她坐在车棚里，如果是去教堂，哼的曲子永远是安详柔和的；而去剧院，有时会哼唱悲伤的小调。每个礼拜天，谢尼科娃都要去两处地方，一个是靠近火车站的圣·尼古拉教堂，还有就是新城区霍尔瓦特大街上的一家钟表修理店。她的表似乎永远走不准，要不时去修。王春申听说，修表的是一个瘸腿的犹太人，从不出门，而他的弟弟，在乐团拉小提琴。

王春申对谢尼科娃，有一股说不出的感情。这种感情，很像飞舞在天地间的雪花，看上去轰轰烈烈的，却又寂静无声。他知道，谢尼科娃像女神一样，而他不过是个仆人。她是精灵般的蝴蝶，而他是匍匐在花间的一只可怜的蚂蚁。可每当他驾着马车，载着谢尼科娃穿街走巷，他会忘却了与她之间的万丈鸿沟，觉得在他身后低声吟唱着的谢尼科娃，是俯在他背上的一个小女孩。此时他会觉得人生是幸福的，因为，他的前面是心爱的黑马，而他的身后，是他隔几天见不到，就会无比思念的女人。这交融在一起的马蹄声和歌声，是他晦暗生活中，唯一的亮色。很奇怪，这种声音，竟也能充当绳索，有时他想去妓馆寻欢，它就会无形地缚住他的手脚。所以，最近他去那种地方，越来越少了。以至于他以前常去的一家妓馆的老鸨，有一天乘他的马车去四家子，下车后竟然分文未付，说是王春申冷落了她家的姑娘，一准是看上别家的了，她得为自家的姑娘出口气。

谢尼科娃的丈夫雅思卢金，是中东铁路管理局的一名高级职员。铁路开筑之初，指挥部设在田家烧锅的时候，他就来了，所以他是看着哈尔滨一天天繁华起来的。埠头区的中国大街，原本没有路，修筑铁路的物资，从海参崴由货船运抵松花江码头后，工人们为了运送物资，人扛马拉的，日复一日，硬是踩出了这样一条路。中东铁路贯通后，俄国人把这条街命名为中国大街。生活在沿江一带的中国人，依旧做着他们的生意。不过，因为这里已成租界，他们由主人变为了寄居者。中东铁路管理局设立了地亩处，中国商民用地造屋，必须向地亩处提出申请。注册之后，要逐年缴纳租地费用，方可经营。而这几年，租地费用累年增长，商民们怨声不绝。

王春申还记得，去年秋天，俄侨经营的伏特加酒厂，提出了减税申请，获得批准，最终减税百分之三十七点五，中国商民据此也提出减税申请，不但没有获批，其商铺还遭到了军警的袭扰，这引起了中国商民的愤怒。所以当有一个礼拜天，王春申在埠头区的一家咖啡店前，碰到雅思卢金，他叫住王春申，说想乘他的马车，去新市街犹太人开的布利麻高级理发店理发时，王春申摇头拒绝，说他在等预约的客人。王春申是怕拉着雅思卢金在街上走，会遭到开商铺的中国人的白眼。

在王春申眼里，雅思卢金配不上谢尼科娃。雅思卢金虽然高大，但有点驼背，驼背的人就显得老相。而且他的样子，也不招人喜欢。梳着油乎乎的背头，虽说是浓眉大眼，但眉宇间没有刚毅之气。他看人时眼睛一瞟一瞟的，眼袋又大，那双眼睛就像生长在垃圾堆上的植

物，总给人不洁的感觉。此外，他留的八字胡也显得滑稽，好像一条鱼钻入鼻孔，鱼尾太大进不去，生生卡在唇髭间，他就得终年吊着鱼尾的标本。雅思卢金住在埠头区，工作地点却是在新城区的一座气派的石头房子里，所以他每天都要在两个城区之间穿梭。他乘马车，有时也会有汽车来接他，这种时候多半是中东铁路局有了重大的庆典或接待活动。他去工作时，永远是一身挺括的制服，扎领带，穿皮鞋，还拎着手杖。

王春申不喜欢雅思卢金，还因为他背着谢尼科娃，在外有女人。王春申在地段街，不止一次在夜晚时，撞见雅思卢金从日本女人家出来。此人叫美智子，个子不高，微胖，细眉细眼，樱桃小嘴，整张脸像是敷了厚厚一层奶油，又白又腻。美智子的男人加藤信夫，做了许多买卖，常年外出。王春申对他比较熟悉，是因为加藤信夫在傅家甸有两桩生意，一个是日本药房，还有一个就是刚刚在四道街开办的酱油厂。日本酱油咸味不重，香气绵长，深得一些人的喜爱。它一出现，无形中削弱了占据着傅家甸酱油市场半壁江山的祥义号酱油。祥义号的老板顾维慈，只好一再降价，与日本酱油争市场，短短一年的时间，快把老本赔进去了。所以顾维慈看见加藤信夫，就像看到了横行的螃蟹，恨不能一把捉了他，扔到祥义号的酱油坛子里，生生把他腌渍了。

因为谢尼科娃，王春申讨厌美智子。去年夏天一个闷热的日子，她乘他的马车去日本侨民会礼堂，王春申故意把马往坑洼处赶，颠得那女人乌鸦似的，呀呀直叫。而且到了地方后，那么短的路途，本来付二十五戈比就够了，他非要她五十戈比。他用多出的二十五戈比，喝了两碗凉茶。从此以后，美智子再也不叫王春申的马车了。

有时候，王春申觉得，干他们这一行的，跟密探差不多。你在酒楼门前，能看到谁和谁一起吃饭出来，猜测他们之间是为着情谊举杯呢，还是为着什么利益而交易；而谁和谁有私情，往往是夜深时分，不期然路过人家的庭院，而突然撞见的。

哈尔滨的交通工具，主要是人力车和马车。汽车也有，如法国的雷诺牌汽车，但那是达官显贵之流才能享用的，少而又少。人力车一般只在本区内跑，马车则可以跨区。冬天时有马拉雪橇，但通常情况下，街市中运行的多是带轮子的马车。这样的马车有两轮的，也有四轮的。四轮马车，大都是俄国人驾驭的斗子车。四轮马车通常是双马的，而双轮马车是单马的。双马跑得快，所以价格比单马车费高出很多。王春申的单马双轮车，之所以受人青睐，一是黑马跑得快，不亚于双马的；二是他的马车有一个惹眼的车棚，四面蓬窗镂空，棚顶雕刻着一圈柳枝和喜鹊，给人喜洋洋的感觉；三是王春申从不在费用上，跟客人斤斤计较。比如从沙曼街到火车站，双马车为一卢布，单马车五十戈比，他只收四十戈比。还有，按照马车经营的行规，圣诞、复活节前夜、新年和春节，要加半倍收费，王春申只是象征性地多收一点；而且等候客人的时间即便超过了十分钟的时限，他也很少让人加钱。当然，客人一定给他，他也收着。在他想来，有个好人缘，客源广，多拉快跑，才是盈利的根本。

谢尼科娃是王春申的常客，图的不是便宜。首先，她喜欢这匹黑马。它剽悍俊美，步态稳健，善解人意。你不坐稳当了，主人即使吆

喝它走，它也会稍待片刻。每当客人下车，它都要昂起头，踏一下前蹄，似乎在跟客人告别。还有，谢尼科娃喜欢这马车的漂亮、舒适和便利。夏天坐在车棚里，风凉无限；冬天呢，有棉布帘子挡着寒风，又不会觉得太冷。最后，她喜欢这个车夫的性格，他从不多嘴多舌，而且知冷知热。夏季时总是帮客人备下伞和扇子，冬天呢，怕客人冻脚，车棚里放置着一块可以裹脚的棉毡。而他的模样，也是忠厚的。方脸，浓眉，塌鼻子，宽下巴，带点忧伤的黑眼睛，看人时很专注，一看就不是那种朝三暮四之徒。谢尼科娃每周两次去剧院演出，都用他的车。当然，到了礼拜天，王春申的马车，差不多就专为她服务了。

也许是吃道路这碗饭的缘故吧，王春申并不像有的中国人，那么反感俄国人。因为俄国人会修路，又会造房子。好路跑起来，无比逍遥。还有，坐在马车上，看着各式各样的房屋，就像看画一样，非常惬意。尤其那些尖顶的教堂，一到下雪的日子，好像生出了雪白的翅膀，有一种要飞离大地的感觉。

谢尼科娃常去的地方，除了圣·尼古拉教堂和钟表店，还有莫斯科商场、秋林公司和敖连特电影院。王春申最喜欢的，是秋林公司。这座楼是灰绿色的，波浪形墙面，气派的门柱。在门窗之间和柱墙上，镶嵌着花束浮雕。它那与众不同的橄榄顶，看上去就像一顶呢帽。在王春申眼里，秋林公司宛如一个坐在草地的少女，朴素而青春。谢尼科娃去那里，通常是买鱼子酱和香肠。

给吴芬送过葬，王春申搬到马厩，平静了几日后，他打算着出去做生意了。可是他驾着马车，刚走到傅家甸与埠头区的交界处，就被把守的俄国军警给呵斥住，说是傅家甸爆发鼠疫，不得自由出入了。王春申去新城区，也被阻拦了回来。他垂头丧气地回到傅家甸时，又得到了坏消息，被送到临时病院的张小前，半昏迷了。王春申心里“咯噔”一下，看来医生拿鼠疫真的没办法？他原以为送到那里的人，总会有救的。

街市中的行人，明显比过去少了，很多店铺都关张了。王春申心情沉重地去北三道街的果品店，打算买点吃的，去张小前家看看。然而他路过刚开张不久的公济当时，正在门口抖搂一块花毯上灰尘的当铺伙计，一看到他，如同见了鬼，赶紧回屋了。王春申纳闷，心想他有什么好怕的？及至到了果品店，还没等他把马车停稳，开店的那四嫂听到动静，出门迎客，一见是他，连忙摆手说：“今儿不开张，改日再来吧。”溜回屋了，王春申这才反应过来，因为鼠疫，自己如今成了过街的老鼠，人人喊打。怪不得先前王石匠告诉他张小前的消息时，隔着好几丈远，扯着嗓子大喊。王春申估计他这时候去张小前家，也会被拒之门外，只好苦笑一声，跳上马车，回客栈了。

译者：罗季奥诺夫

ЮРИЙ КОЗЛОВ

Козлов Юрий Вильямович родился в 1953 году г. Великие Луки. Окончил Московский полиграфический институт. Автор романов “Изобретение велосипеда”, “Пустыня отрочества”, “Колодец пророков”, “Одиночество вещей”, “Реформатор”, “Почтовая рыба” и других. Главный редактор одного из старейших российских журналов — “Роман-газеты”. В “Нашем современнике” была опубликована его повесть “Геополитический романс”, имевшая большой читательский успех. Лауреат многих литературных премий. Живёт в Москве.

尤里·科兹洛夫

尤里·威廉莫维奇·科兹洛夫，1953年出生于大卢基市，毕业于莫斯科印刷学院。著有《自行车的发明》《青春荒漠》《先知之井》《事物的孤独》《改革者》《邮局的鱼》等多部小说。现任俄罗斯最早的文学杂志之一《小说报》的主编。中篇小说《地缘政治浪漫曲》发表于杂志《我们同代人》，广受读者喜爱。曾多次荣获文学奖项，现居莫斯科。

ДОГОНЯЮЩИЙ СОН

(фрагмент из романа “Враждебный портной”)

В разгар лета, когда этажи госкорпорации “Главодежда-Новид” опустели по причине отпусков сотрудников, а в некоторых кабинетах начались перепланировка и ремонт, Каргин окончательно осознал, что *проспал величие*, о котором говорил бог одежды из витрины (теперь уже магазина под названием “Экспедиция”). Или — *просрал*, как сказал бы матерщинник-фотограф из фильма “Интимные места”. Но он быстро утешил себя мыслью, что для подавляющего большинства людей величие — *догоняющий сон*, о котором они забывают, едва только проснутся.

Бег во сне.

Сон на бегу.

Этот сон мог догнать, и тогда жизнь человека чудесным образом преобразалась, а мог не догнать, и человек до смерти оставался во власти *неотменимого* ничтожества.

И другая странная мысль посетила Каргина, что он сам — персонаж, субъект неизвестно кому снящегося сна. Этому *сверхсущество*, так определял загадочного сновидца Каргин, снилась разная галиматья, тот самый *сор*, из которого, по мнению Анны Ахматовой, “*не ведая стыда*”, произрастали стихи и... видимо, дополнял великого поэта Каргин (она не позволяла называть себя “поэтессой”), величие. Смысла в этом, формирующем стихи и величие, *соре* было не больше, чем в сенсационном открытии антропологов, что первым, отчётливо произнесённым семьдесят тысяч лет назад древним человеком словом было слово *хуй*.

Так Каргину вдруг приснился обер-прокурор Святейшего Синода с говорящей фамилией *Победоносцев*, которого он смутно помнил по учебникам истории и строчке Блока, что тот “*простёр над Россией совиные крыла*”. В советскую эпоху Победоносцев был не в чести. Не удалось ему войти в честь и в новой России. В газетах и Интернете часто и с отвращением цитировали слова этого охранителя и мракобеса, что *Россию не худо бы подморозить*. Какая-то израильская, торгующая замороженными овощами, фирма активно использовала эту цитату в рекламном ролике, где бородастый мужик в лаптях хвалился, что выращивает в *кибуце* исключительно натуральную — без химии — редиску.

В каргинском сне худошавый и стройный обер-прокурор в строгом черном (почти спортивном) костюме сидел за столом в большом светлом кабинете окнами на замёрзшую Неву и полировал изящной пилочкой с ручкой из слоновой кости идеально ровные ногти. А в приёмной у него толпились, поёживаясь от холода, революционеры-демократы — Чернышевский, Добролюбов, Писарев, какой-то Варфоломей Зайцев — все в неряшливых, плохо пошитых лапсердаках с обтёртыми рукавами, откуда выглядывали несвежие, закапанные чернилами манжеты. И у всех у них под ногтями были черные полумесяцы грязи.

В “*одёжных*” снах Каргина часто появлялись известные личности. Они тоже *бежали*, но в противоположную от собственного величия сторону, догоняемые глупыми чужими снами.

Ленин в одежде простой и бесхитростной — *внемодной* — хоть сейчас в районную службу социальной защиты за путёвкой со скидкой в средней руки санаторий. Хотя, кажется, Ленин не дожил до пенсионного возраста. Человек, потрясший мир не хуже Чингисхана, был странно — невыразительно — народен в своей одежде, точнее интеллигентно *средненароден*. Учителем, бухгалтером, адвокатом, врачом, литератором — кем угодно мог стать Ленин, но стал революционером, то есть слил все профессии в одну — тротилловую, взрывающую мир. Он не проспал своего величия, хотя и был к нему в высшей степени равнодушен. Это было злое народное, настоящее на вековых дрожжах ненависти к власти и мечте о справедливости величие, а потому Ленин мог ходить в чём угодно. Всё было ему по фигуре и размеру. Его одеждой было объединённое *величие ненависти* к тому, что есть, и *мечты* о том, чего никогда не будет. Это величие не разменивалось на деньги. Ленин не был олигархом. Он не оставил после себя ни малейшего наследства, лежал в Мавзолее в том же костюме, в котором ходил на работу в Совнарком.

В аналогичной, только старомодного покроя, одежде ходили в своё время вожди Великой Французской революции. В Конвент, а оттуда — в повозке на площадь под гильотину. Этот материал не знал износа, но, подобно металлу, испытывал неизбежную *усталость* от пролитой крови. Пропитываясь ею до последней ниточки, он тяжелел, а когда кровь высыхала — разрушался, опадал кусками, как кожа с тела прокажённого. Из-под него вылезала новая, *индивидуального военного* покроя одежда.

Каргину приснился Сталин в большой и толстой, как броня, шинели. В одной из своих статей Роман Труссы утверждал, что если, по словам Горького, вся русская литература вылетела из рукава гоголевской “Шинели”, то любая русская власть, как бы далеко она первоначально ни отлетела, прельстившись денежкой, яхтами, виллами на Лазурном берегу и прочими дарами общества потребления, неизменно возвращается в рукав шинели сталинской.

Сталин хмуро стоял на краю оврага или рва, как в фильмах ужаса, наполненного кровью, телами и костями. Позади Сталина в хаотичном месиве строек и строгой геометрии лагерных бараков толпился народ. А на другом берегу оврага или рва простиралась *земля обетованная*: колосились поля, бродили гучные стада, высились жилые дома и заводские корпуса, теснили горизонт линии электропередачи, летали монгольфьеры и аэропланы, маршировали солдаты, дети шли в школу, а на круглых, как огромные каменные кастрюли без крышек, стадионах спортсмены устанавливали рекорды, о чём свидетельствовал доносившийся оттуда изумлённый тысячеглоточный “а-а-ах!”. По обе стороны от Сталина велись работы по наведению мостов через овраг — от лютого лагерно-трудового прошлого к гармоничному счастливому будущему. Но дело не ладилось. Каждый раз, когда деревянные, металлические или какие-то новомодные из легчайшего ажурного алюминия инновационные конструкции достигали противоположного, где счастье, берега, овраг коварным образом раздвигался, осыпался, и наведённые переправы вместе с *поперёд* (а может, всё-таки поперёк?) *батъки* забежавшими на них людьми рушились. И так бы оно (во сне Каргина) и продолжалось, если бы Сталин не стащил с себя шинель и не бросил её в

непреодолимый овраг. Шинель, подобно цементной плите, твёрдо улеглась поверх крови, тел и костей. По ней, как бесприданница Лариса Огудалова по шубе купца Паратова через лужу, устремился к счастью русский народ.

Правда, Каргин так доподлинно и не уяснил, удался ли манёвр, потому что как-то некстати — в глухой безлунной тьме под шум дождя (он ночевал на даче в Расторгуеве) — проснулся. Ему показалось, что кто-то топчется возле веранды. Но кто мог там быть в такую пору? Только... Снежный человек-Посвинтер. Прёт на приёмник, как лосось на нерест, помнится, недовольно подумал, вновь засыпая, Каргин.

На сей раз ему приснился... Гитлер. Он, в отличие от Зиновия Карловича, не мчался никуда на велосипеде, впечатывая шинами в землю свастику, не стоял в высокой фуражке на балконе перед восторженно ревущей миллионной толпой, вытянув руку в авторском приветствии, а... почему-то в легкомысленном банном халате раскладывал на ломберном столике пасьянс. Откуда-то Каргину было известно название этого пасьянса — *“Могилы Наполеона”*. И ведь почти удался у фюрера сложнейший пасьянс. Лишь одна *неправильная* карта не ложилась в (на?) *могилу*, блуждала в колоде. Но она не могла нарушить логику пасьянса, точнее, вероятность, что она его нарушит, была ничтожно мала. Предощущение удачи — *божественный ветер* — шевелил занавески в комнате фюрера. Пасьянс (технически) не завершён, но есть иррациональная уверенность, что всё получится. Это знакомо каждому, кто через пасьянс (компьютерную игру, кофейную гущу, маршрут аквариумных рыбок, расположение звёзд на небе или ложек на кухонном столе) общается с Богом. Хотя, конечно же, не с Богом. Истинно верующий человек не может таким образом общаться с Богом. Так *агностик* общается со *сверхсущностью*, беспокоит её своими нелепыми *запросами*.

Каргину приснилось, что именно *сверхсущность в лице Бога* лишила фюрера немецкого народа разума, преобразовала последнюю блуждающую карту в его пасьянсе в *принципиально отсутствующую*. А сам пасьянс — из *“Могила Наполеона”*, которую в Доме инвалидов почтительно осматривают туристы со всего мира, в *принципиально отсутствующую* в этом самом мире *“Могила Гитлера”*.

Странно, но в “одежном” сне Каргина собственно одежде Гитлера (кстати, полувоенной, как и у Сталина) никакого внимания уделено не было. Зато Каргину, опять же во сне, то есть вне всякой связи с реальностью, открылась суть *спора*, если данное слово здесь уместно, между Гитлером и *сверхсущностью*. Фюрер взялся доказать невозможное, оспорить сам божественный тезис о *вечной моде*, пошива человеческого, как выражался Хрущёв, *гандеропа* по известному *образу и подобию*. Оказалось, что и *гандероп*, и вечная мода, и пошив *по образу и подобию* — значения подвижные, изменяющиеся во времени и пространстве. Необходимо только новое швейное лекало, дизайнерский прорыв к новому фасону — та самая, *принципиально* (но как долго?) *отсутствующая* карта в пасьянсе, в которую сначала поверил, а потом ею пренебрёг Гитлер. Но и без *решающей* карты ему удалось невозможное — поставить один народ истопником к заслонке печи, а другие народы — запихивать, подобно живым дровам, в эту самую, пылающую адским пламенем печь.

Потому-то, понял в сумбурном, как ранняя музыка Шостаковича, сне Каргин, работавший на совмещённых пространственно-временных частотах, загадочный (их было, если верить сну, всего два) “Telefunken”, посланный в декабре 1939 года в подарок Сталину на шестидесятилетний юбилей, оказался не в Москве, а в Мамедкули, не в кабинете Сталина в Кремле, а... в пустыне, у верблюда... в жопе.

Мать изумила Каргина известием, что, оказывается, Порфирий Диевич случайно выиграл “Telefunken” в... карты у председателя верблюдоводческого колхоза имени Сталина Бердымухаммеда Чарыевича Чарыева (удивительно, но она произнесла это сложное имя без запинки). Отец, поведала Ираида Порфирьевна, приехал туда с медицинской бригадой проверять *верблюдоводов* на сифилис, но застрял в пустыне из-за песчаной бури. Чем он мог там заниматься после того, как проверил кровь пустынных на реакцию Вассермана? Только играть в карты. Председатель колхоза проигрался и едва уговорил Порфирия Диевича взять вместо денег доставленный накануне почтовой машиной приёмник “Telefunken” в железном ящике. Посылка приплыла в Мамедкули по морю на барже, солёная вода размывала чёрные готические буквы адреса. Можно было разобрать только отдельные, из которых явствовало, что посылку прислали из дружественной Германии председателю колхоза имени Сталина Мамедкулийского района Туркменской ССР. Бердымухаммед Чарыевич полагал, что немцы каким-то образом узнали о рекордном увеличении поголовья верблюдов в колхозе и решили за это отметить его радиоприёмником. Единственно не учли, что в колхозных угодьях пока не было электричества, лампочка Ильича ещё только готовилась осветить юрты верблюдоводов и верблюжьих загоны, а потому “Telefunken” был в пустыне колхозникам без надобности.

Вот ведь как бывает, размышлял во сне Каргин, вместо: “СССР. Москва. Кремль. Сталину” получилось: “ТССР, Мамед-Кулийский район, колхоз имени Сталина”. И — уже ничего не изменить. Сталин не услышал радиопередачу “Вести из будущего”. Никто не знал, что услышал по своему приёмнику Гитлер, но это уже не имело значения. Сталинский “Telefunken” накрылся... гуано.

Во сне мать поведала Каргину, что приёмник искали. Гитлер не поверил, что подарок не дошёл до адресата, обиделся, решил, что Сталин его обманывает. НКВД прочесал частым гребнем всю страну от Северного полюса до Каракумов. Это называлось (откуда ей было известно, или во сне таких вопросов не задают?) *операция Вещий Олег*. Была ликвидирована широко раскинувшаяся по советской стране шпионская сеть радиолюбителей, выдававших секретные сведения англо-французским поджигателям войны. Но Бердымухаммеда Чарыевича расстреляли, как вредителя, скрывавшего своё байское происхождение, ещё до начала операции — в январе сорокового. Наш курятник, делала вывод Ираида Порфирьевна, оказался единственным местом, которое забыли проверить во время поисков *вещего “Телефункена”*.

Во сне Каргин, помнится, возразил матери, что Гитлер мог бы отправить Сталину свой личный “Telefunken” под охраной на военном самолёте

или пригласить того в Германию, чтобы послушать «*Вести из будущего*» вместе, но Ираида Порфирьевна объяснила, что приёмник отзывается на *ментальные волны* далеко не каждого человека. Необходим медиум. Если бы у Сталина не получилось, ему пришлось бы искать медиума. Но в этом случае приёмник бы взаимодействовал не со Сталиным, а с этим медиумом. То есть сообщал информацию, важную для медиума, а не для Сталина. Он вообще почти никогда не включался, если рядом с медиумом находился другой человек. Но Гитлер, если послал приёмник Сталину, думал, что у того получится, и тогда они бы смогли, как говорят начальники на совещаниях, *сверить часы*.

Зиновий Карлович это знал, но думал, что в Америке найдёт другого медиума.

“А почему дед оставил приёмник в курятнике, не взял с собой в Москву?” — спросил Каргин.

“Он потерял к нему интерес после того, как узнал день и час своей смерти, — ответила Ираида Порфирьевна. — Вполне вероятно, — предположила она, — что “Telefunken” *сам* искал медиума, а потому и попал к отцу. Правда, он иногда слушал его вместе с Посвинтером... — вспомнила Ираида Порфирьевна. — У того, наверное, в голове была торричеллиева пустота, штиль, никаких ментальных волн...”

“То есть, — спросил Каргин, — вместо того, чтобы оказаться у Сталина и изменить судьбу мира, “Телефункен” оказался в курятнике у деда и... изменил одну лишь его судьбу, сообщив, облигации какого именно государственного займа следует приобретать?”

Но ответа не получил, потому что проснулся.

追逐的梦

（节选自长篇小说《敌对的裁缝》）

盛夏时节，国企“格拉沃杰日达-诺维德”的办公楼因员工休假而变得空荡荡的，部分办公室还开始了重新规划和翻修。卡尔金终于意识到，自己错过了那个橱窗里的服装之神所谈论的伟大（如今，那家店已改名为“远征”）。或者，用电影《私密场所》里那个满嘴脏话的摄影师的话来说，他是“搞砸了”。但他很快宽慰自己：对大多数人来说，伟大不过是一场追逐的梦，一旦醒来，便会被遗忘。

梦中的奔跑。

奔跑中的梦。

这个梦或许会追上，那么人生将会奇迹般地改变；或许追不上，那么终其一生，人都将被困在无法挣脱的卑微之中。

另一个奇怪的念头也浮现在卡尔金的脑海：他或许只是一个角色，是不知被谁梦见的中人。卡尔金将这个神秘的做梦者称为“超然存在”，其梦境中充斥着各种荒唐之事——在安娜·阿赫玛托娃（她不允许自己被称为“女诗人”）口中，正是这些杂乱“毫无羞耻”地孕育了诗歌……而卡尔金补充道，也孕育着伟大。事实上，这种孕育出诗歌和伟大的源头，其意义并不比人类学家震惊世界的发现更大——据称，七万年前，远古人类清晰发出的第一个词汇竟然是句粗俗的脏话。

正当卡尔金陷入这种荒诞的思绪时，他突然梦见了那位圣主公会议的首席检察官，一个名字本身就颇具象征意义的人物——波别多诺采夫。卡尔金依稀记得曾经在历史课本上见过这个名字，还有勃洛克的那句诗“他在俄罗斯上空展开了猫头鹰般的双翼。”在苏联时代，波别多诺采夫并未受到敬重，苏联解体后也未曾给他正名。报纸和网络时常引用他的那句让人厌恶的话：“俄罗斯就该被冻住。”甚至有一家专门做冷冻蔬菜的以色列公司，也在广告中引用了这句话。广告里，一个胡子拉碴的男人，脚穿草鞋，得意洋洋地宣称，他在基布兹里只种植天然无化学添加的萝卜。

在卡尔金的梦中，首席检察官消瘦而挺拔，身穿一套剪裁考究的黑色套装，有点运动风，坐在宽敞明亮的办公室里，窗外是冰封的涅瓦河。他用一把精致的象牙柄指甲锉仔细地打磨着本就完美无瑕的指甲。而在他的会客室里，一群冷得瑟瑟发抖的革命民主派人士挤在一起：车尔尼雪夫斯基、杜勃罗留波夫、皮萨列夫，还有一个名叫瓦尔福罗梅·扎伊采夫的人。他们个个衣衫褴褛，穿着粗制的旧式长衫，袖口磨得发亮，一截沾满墨水的衬衫露在外面。每个人的指甲缝里都有一块半月形的黑色污垢。

在卡尔金这些关于“服饰”的梦中，经常出现历史名人。他们也在奔跑，但方向却与自身的伟大背道而驰，被荒谬的他人梦境追逐着。

列宁的衣着简单朴素，质朴的、过时的款式，仿佛随时可以去社会保障局领取一张去疗养院的福利券。事实上，列宁并未活到退休的

年纪。这位伟人震撼世界的程度，毫不逊于成吉思汗，衣着风格却极为普通——或者说，他的衣着带着透露出一种知识分子的普通。他本可以成为一名教师、会计、律师、医生、文学家，任何一种职业都可以，但他最终却选择成为革命家，这个选择将所有的职业融汇到一起，足以震撼整个世界。他没有错过自己的伟大，然而却对它极为冷漠。这种伟大，根植于民众对权力的仇恨和对正义的渴望。因此，列宁穿什么都无所谓，任何衣服都像像是为他量身定制的。他的衣服，是凝聚了对现实的愤怒与对乌托邦的幻想所交织而成的伟大。这种伟大无法用金钱衡量。列宁不是寡头，他死后没有留下任何私人财产，他躺在陵墓中，穿的仍是他在人民委员会工作时的那套衣服。

法国大革命时期，革命领袖们也穿着类似款式的衣服，只是更为老旧。他们穿着这样的衣服走进国民公会，又在那里登上马车，驶向断头台广场。这种面料似乎永远不会磨损，然而，它却像金属一样，也会因鲜血的浸染而疲惫不堪。一旦完全吸饱了血，它便会变得沉重，而当血迹干涸，它又会破裂，如同麻风病人身上的皮肤一版脱落。然后，便会显露出全新的、个性鲜明的军装。

卡尔金梦见了斯大林，他穿着一件厚重如铠甲般的军大衣。作家罗曼·特鲁斯在一篇文章中曾写道：如果按照高尔基的说法，整个俄国文学都源自果戈里的那件《外套》，那么，无论俄国的政权如何远离最初的革命理想，迷失在金钱、游艇、法国蔚蓝海岸的别墅和物质社会的种种诱惑中，它最终都会回归到斯大林的那件军大衣袖口之中。

在梦境中，斯大林神色阴沉地站在一道深壑或战壕的边缘，那景象犹如一部恐怖电影——壕沟中血流成河，堆满了尸体和骸骨。他的身后，是混乱的建筑工地和一排排集中营营房，人群熙熙攘攘。而在深壑的另一边，则是梦想中的应许之地：金色麦浪起伏，健硕的牛群悠闲漫步，住宅楼和工厂厂房鳞次栉比，高压电线纵横交错，热气球和飞机翱翔天际，士兵们列队前行，孩童们奔向学校，巨大的露天体育场中，运动员们正奋力刷新着纪录，观众席上回荡着观众的惊叹声——“好诶——！”在斯大林的身侧，人们正忙着架设桥梁，试图跨越那道深沟——从残酷的劳改集中营走向和谐美好的未来。可是，每次尝试都失败了，无论桥梁是木制、金属制，还是使用最先进的轻盈铝合金，当它们即将触及幸福的彼岸时，壕沟却诡异地坍塌、裂开，桥体连同那些迫不及待地踏上它的人们一道跌入无底的深渊。如果斯大林没有脱下自己的军大衣，将它扔进那道看似永不可逾越的深沟中，这似乎（在卡尔金的梦中）陷入了循环。这件大衣如同一块厚重坚硬的水泥板，稳稳地盖在满是鲜血、尸骨遍布的深壑之上。俄国人民就这样踏着它，就像《无陪嫁的新娘》中拉丽莎·奥古达洛娃踩着商人帕拉托夫的皮袄跨过泥坑一样，奔向幸福的彼岸。

然而，卡尔金始终无法确定，这一行动是否最终成功了。此刻他正在拉斯托尔古耶沃的乡间别墅中过夜，一片漆黑中，不知怎的，他被窗外哗哗的雨声惊醒。他隐约觉得，好像有人在门廊外踱步。但这个时候，谁会在那里呢？或许只有……雪人波兹温特。他好像是盯上了无线电接收机，就像鲑鱼本能地洄游产卵一样。卡尔金迷迷糊糊地想着，又沉沉睡去了。

这一次，卡尔金梦见了……希特勒。与津诺维·卡尔洛维奇不同，他没有骑着自行车狂奔，车轮在泥地上碾出一个个卐标识；也没有带着高高的军帽站在阳台上，向着下面狂热呐喊的百万民众伸出手臂，行着他标志性的致意礼，而是……不知为何穿着一件轻佻的浴袍，坐在牌桌前摆着纸牌游戏。卡尔金不知从何处得知，这种纸牌游戏名为“拿破仑之墓”。而且，希特勒几乎已经成功地完成了这个极其复杂的纸牌布局，只差最后一张关键牌无处安放。那张牌游走于牌堆之中。但实际上，它并不会破坏整个牌局的逻辑，更准确地说，它破坏牌局的概率微乎其微。一种成功的预感——仿佛是某种神圣的风轻拂着希特勒房间的窗帘。尽管纸牌游戏尚未完成，但冥冥之中的笃定感却在希特勒心中升腾——一切都会如愿以偿。凡是曾试图借助纸牌游戏、电脑游戏、咖啡残渣占卜、鱼缸里鱼的游动路线、夜空中星辰的排列，甚至是餐坐上随意摆放的勺子来同上帝进行交流的人，都会熟悉这种感觉。当然，这并非与上帝的交流。真正信仰上帝的人绝不会用这些方式与上帝对话。这更像是不可知论者与某个超然存在之间的对话，用自己荒谬的请求去叨扰它。

在卡尔金的梦境中，正是这个以上帝形象示人的超然存在，剥夺了希特勒和德国人民的理智，让那张无处安放的纸牌变成了根本不存在的东西。于是，这场游戏的结局也随之转变——从现实世界中那座位于巴黎荣军院、至今仍被无数游客虔诚参观的“拿破仑之墓”，变成了在这个世上从未存在过、也不可能存在的“希特勒之墓”。

奇怪的是，在卡尔金这场与“服饰”有关的梦境里，希特勒的穿着（顺便说一句，与斯大林一样，都是半军事风格）却丝毫未引起他的注意。相反，卡尔金却在梦境的深处——如果用“争论”一词尚算贴切的话——洞悉了希特勒与那个超然存在之间争论的本质。希特勒试图证明不可能之事，妄图推翻上帝本人所确立的关于“永恒时尚”的神圣定律，即如赫鲁晓夫所言的人类“衣装”模式——按照某种众所周知的形象和样式进行剪裁。而事实上，这所谓的“永恒时尚”，其实是流动的、可变化的，是随着时代与空间而不断演变的。他所需要的，只是一种新的裁剪样式，一次新样式设计上的突破——就像那张在纸牌游戏中根本不存在（但能持续多久？）的决定性纸牌一样，希特勒起初曾深信这张牌的存在，但后来却又对其弃之不顾。然而，即使没有这张决定性的牌，他还是完成了本不可能的事——将一个民族沦为焚化炉的烧炉工，而将其他民族像活生生的柴火一样，投入那烈焰翻腾、永无休止的地狱之炉。

就在这如同肖斯塔科维奇早期音乐的混乱梦境中，卡尔金知道了，那台神秘的能够在时间和空间的交错频道运作的德律风根牌收音机（在梦中，据说只有两台），本应在1939年12月作为斯大林60岁生日礼物，却并未出现在莫斯科，而是被送往马梅德库利——并未出现在克里姆林宫斯大林的办公室里，而是落到了沙漠深处一头骆驼的……屁股里。

卡尔金的母亲告诉他，原来，那台德律风根收音机竟是波尔菲里·季耶维奇在一场牌局中赢来的。而他的对手，居然是斯大林集体农庄骆驼养殖合作社主席——别尔德穆罕默德·查里耶维奇·查里耶夫。

难以置信的是，母亲竟然能一字不差地说出这个拗口的名字。伊拉伊达·波尔菲里耶夫娜继续娓娓道来，当年，父亲随医疗队前往马梅德库利，给当地牧民筛查梅毒，却因沙尘暴困在了沙漠里。检测完所有牧民的血液样本瓦瑟曼反应后，他在那里还能做什么呢？除了打牌消磨时光别无他法。结果，在牌局中，集体农庄主席输得精光，只好苦苦哀求波尔菲里·季耶维奇收下一台刚刚由邮车送到的、用铁皮箱子包装的德律风根收音机，以此来抵债。这个包裹是通过驳船沿海路送抵马梅德库利的，途中海水冲淡了箱体的黑色哥特字母，人们只能辨认出几个零星的字母，得知它是从友好的德国寄往土库曼苏维埃社会主义共和国马梅德库利地区斯大林集体农庄主席的。别尔德穆罕默德·查里耶维奇天真地以为，德国人一定是听说他们集体农庄的骆驼存栏数创下了新纪录，才特意送来这台收音机作为奖励。唯一的问题是，集体农庄至今还未通电，牧民们还在等待“列宁灯泡”点亮他们的毡房和牲畜围栏。因此，这台收音机对于他们来说毫无用处。

卡尔金在梦中思索着，世事居然如此荒诞，本该寄往“苏联（СССР）莫斯科（Москва），克里姆林宫（Кремль），斯大林亲启（Сталину）”的包裹，结果却寄到了“土库曼苏维埃社会主义共和国（ТССР），马梅德库利区（Мамед-Кулийский район），斯大林集体农庄（колхоз имени Сталина）”。而且，一切已成定局，斯大林始终没能听到广播节目“未来之声”。至于希特勒究竟在他的收音机中听到了什么，也无人知晓，而这早已无关紧要。原本属于斯大林的德律风根，最终被掩埋在骆驼粪下了。

在梦中，母亲告诉卡尔金，曾有人搜寻过那台收音机。希特勒不相信礼物没有送达，感到被冒犯了，认为斯大林在欺骗他。内务人民委员会从北极到卡拉库姆沙漠，像用细梳子一样搜寻了整个国家。这次行动代号为“预言者奥列格行动”。（母亲是从哪里知道的？还是在梦里没人会问这种问题？）苏联当局清除了一批遍布全国的无线电爱好者组成的间谍网络，他们被指控将机密信息泄露给了英法两国的战争挑唆者。而在那场声势浩大的搜捕行动开始之前，别尔德穆罕默德·查里耶夫就因隐瞒自己富农的出身，被定罪为破坏分子于1940年1月被处决了。伊拉伊达·波尔菲里耶夫娜得出结论：我们家的鸡窝竟成了在寻找那台收音机时唯一被遗漏的地方。

卡尔金记得，在梦中，他曾反驳母亲：“如果希特勒真的想让斯大林听到‘未来之音’，他完全可以再派一架军机，将自己的那台收音机送过去，或者干脆邀请斯大林去德国，两人一起收听。”但母亲却解释道，这种收音机并非人人都能使用。他需要一个特殊的媒介，即通灵术士。如果说斯大林无法启动收音机，那么他就必须去寻找一个合适的媒介。但这样一来，收音机就不再与斯大林本人沟通了，而是与那个通灵术士进行互动。也就是说，这台收音机接收的信息就是对这个媒介来说有重要意义，而非对斯大林本人了。而且，如果通灵术士身边有其他人，那收音机就几乎不会启动。但希特勒如果把收音机寄给斯大林了，就是一定认定斯大林能成功启动它，这样他们就像领导们在会议上说的那样——“对表”。

津诺维·卡尔洛维奇心里清楚这一点，不过他自信地认为到了美国一定能再找到一个合适的媒介。

“可是祖父当初为什么把收音机扔在鸡窝里，而没有带着它前往莫斯科呢？”卡尔金忍不住问。

“他在收音机里听到了自己死亡的确切日期与时刻后，就再也不愿理会它了。”伊拉伊达·波尔菲里耶夫娜轻声解释，“我甚至觉得，很可能是那台德律风根收音机主动选择了你父亲作为媒介，所以才落入他的手中。倒也是，记得有时候你父亲还和波斯温特尔一起收听过……”她回忆着，“只不过那个波斯温特尔的脑袋里大概是一片托里拆利式的真空，死一般的寂静，根本不存在任何精神波动……”

“也就是说，”卡尔金恍然大悟地继续说道，“原本应该交到斯大林手上，从而改变整个世界历史的那台德律风根收音机，却鬼使神差地落进了祖父的鸡窝，最后仅仅改变了他个人的命运，比如告诉他应该买哪一期国家债券？”

然而，卡尔金并未等到答案，因为就在这时，他醒了过来。

译者：宋雪坤

ЯН СЮЛИ

Ян Сюли родилась в 1970 году в районе Чунминдао, Шанхай. Член Союза китайских писателей, заместитель начальника Отдела творческих связей Шанхайского отделения Союза китайских писателей. Ян Сюли также является заместителем председателя Шанхайского поэтического общества, заместителем директора Комитета поэзии Шанхайского отделения Союза китайских писателей, заместителем главного редактора журнала «Поэты Шанхая», председателем Союза китайских писателей района Чунминдао города Шанхай и др. Опубликовано более десятка сборников стихов, эссе и очерков. Произведения Ян Сюли получили первую премию в рамках Первого поэтического конкурса «Шанхайский международный фестиваль поэзии», а также были премированы в рамках Двенадцатой поэтической премии «Шанхайская литература».

杨秀丽

杨秀丽，本名杨秀丽。70年代出生。上海崇明岛人。中国作协会员、上海作协创联室副主任。兼任上海诗词学会副会长、上海作协诗歌委员会副主任、《上海诗人》杂志副主编、上海崇明区作协主席等。已出版诗集、散文集、长篇报告文学集十多部。诗集《雪山的心跳》被翻译成维吾尔语出版。作品曾获首届“上海国际诗歌节”诗歌比赛一等奖、第十五届中国人口文化奖文学类奖、第七届徐迟报告文学奖提名奖、第十二届《上海文学》诗歌奖。

СВЕТЛЯЧКИ

*Эта тусклая капелька света
Озаряет собой моё детство
Как служебное ёмкое слово,
Восполняет мою
Усеченную детскую память.
Я средь трав слепо вспряну от сна.
С чистотой, светом и восхищеньем
Светлячка свет в молитвенно сжатых ладонях
Я усердно начну собирать.*

*Когда свет на плечах соберется,
Одиночества жалкая сила
Мраку летних ночей даст отпор.
Весь наш жизненный путь уподоблен
Светлячкам, что на миссии тайной
Сквозь бамбуковый лес освещают тропу.*

И ВЕСЬ МИР ПОЛОН СТАЛ БЕЛЫХ ГОРНЫХ ОВЕЦ

*Призраки острова мягкие, тёплые.
Истинно, Солнца с Луною потомки.
Нежность их тел
С лунным светом белесым сравнима
Да с солнечным светом, в брызгах на землю разлитом.*

*Без конца счет вела
Белоснежным, как хлопок, телам
Я в бессонной молитве ночной,
И весь мир полон стал белых горных овец.
То и есть первозданный покой,
Что на влажных ветвях древ родной стороны поселился навек.*

*В край родной возвращаясь, бросаю я взгляд
На хлопчатники, что рядом с домом цветут.
Пусть для мирного счастья
Коробочки хлопка — не первозданный сосуд,
Но они на себе след столетий, как прежде, несут.
И в полях сердцу с детства знакомого дола
Защищают они мой
Взор, пламенной верности полный.*

*Ныне я не девчонка, что для
Белых горных овец прежде травы косила,
Только лёжа в кровати, в ночи городской
Непременно увижу во сне,
Как при свете луны они явятся мне,
Чтобы сопроводить до сторонки родной.*

萤火虫

这微明的星火般的一盏，
照亮我整个童年
像一个宽泛的虚词，
填补我
简要单纯的记忆。
我从草丛间盲目地醒来，
带着天真、光明和崇拜，
把萤火虫的光辉合掌聚集。
当光亮收拢双肩，
孤独成为微薄的力量抵抗
夏夜的阴影。
我们的一生
像萤火虫般怀着秘密的使命，
去照亮被竹林遮蔽的道路。

整个世界住满白山羊

岛屿温柔而暖和的精灵
一定是太阳和月亮的子民
它们温暖的部分
像洁白的月光
像漫布地面的阳光

我无数次计数
它们白如棉花的身体
在失眠的祈祷里
整个世界住满白山羊
这是最初的安宁
住在故乡湿润的枝条上

每次回乡都要去看看
养在老屋的这些活棉花
两三朵绵绵的幸福
不是当初的容器
但依然继承千百年的内涵
在故乡的田野上
它们守住我
最忠诚的凝望

今天我不再是
为白山羊割草的少女
但在都市的床榻上
我总是梦见
它们从月光里走下来
陪我一起返回故乡

译者：玛图西希斯

КАРИНА СЕЙДАМЕТОВА

Сейдаметова Карина Константиновна — поэт, публицист, журналист. Родилась в Самарской области. Окончила Литературный институт имени А. М. Горького. Автор нескольких поэтических сборников. Печата- лась в журналах «Москва», «Наш современник», «Новая Немига литера- турная», «Сухум» и др. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Бориса Корнилова. Главный редактор журнала «Наш современник». Живёт в Москве.

卡琳娜·谢达梅托娃

谢达梅托娃·卡琳娜·康斯坦丁诺夫娜——诗人、评论家、记者。生于萨马拉州。毕业于高尔基文学院。著有多部诗集。作品曾发表在《莫斯科》、《我们的同时代人》、《新涅米加文学》、《苏呼姆》等杂志上。曾获鲍里斯·科尔尼洛夫全俄文学奖。《我们的同时代人》杂志现任主编。现居莫斯科。

* * *

*Помню,
как пахла киноплёнка диафильма,
а на экране «Аленький цветочек»
и папа жив и молод, и прощать легко...
Громко
болонка белая залает где-то
во сне всё это, не иначе, помню,
как в заводском посёлке бабушка пекла пирог.
Только
цветочек аленький завял, столетний,
болонка померла — лет тридцать с лишним
тому назад, а вот посёлок жив, конечно,
стоит, пыхтит, на зависть тем, кто мёртв.*

* * *

*На языке лесных цветов и трав,
всех любит бог: и бабочек и змей.
Замри на миг, пойми, кто был не прав,
и кто был злей?*

*Сквозь запахи невинных медуниц
моя душа к твоей душе прильнёт,
став ласточкой, в траву упавшей ниц
на гнев и гнёт.*

*Земли лесной — мы боль её и боль,
цветы и травы, выжженные в зной.
Земля звенит высокой нотой «соль»,
жжёт эхо за спиной.*

*В разгаре увядающего дня,
я вдруг с недоумением пойму,
что дела до тебя и до меня
нет никому.*

*Под ласточкино синее крыло
вползла змея неверного пути.
И никому из нас не повезло.
А бабочка летит.*

*Из редакции выйдешь на улицу — сотни машин
И мелькание фар по дорогам разбито невзрачным,
А в тиши кабинетной Василий Макарыч Шукшин
С фотографии смотрит, прищурившись неоднозначно.*

*Нам, Василий Макарыч, поэтам, не всё ли равно,
Что приятъ за роман откровенный с финалом счастливым?
А иначе-то разве бывает в хорошем кино,
Где вздыхают и смотрят искательно и сиротливо?..*

*Нам, Василий Макарыч, избыть бы тщету-кутерьму,
Саркастически лыбиться всем, ко всему безучастным.
Только русский привык жить по сердцу, а не по уму,
Зарекаться и снова рыдать под калиною красной.*

*Сердце-сердце смятенное... Как быть спокойным ему,
Принимая и радость, и боль, и судьбу добровольно,
И закат, и восход, и навет, и суму, и тюрьму,
Хоть и крикнуть охота порой: «Презираю. Довольно!»*

*Недовольная выйдешь навстречу ревью машин,
Мельтешению фар и неоновым вывескам злачным.
И спиной ощутишь, как Василий Макарыч Шукшин
Одиноко с портрета глядит, ухмыляясь наждачно.*

ТРЁХСЛОВЬЕ

*Ни полслова тебе! —
за меня говорят молча камни,
теплоту наших рук
они хорошо сохранили
и теперь отдают
постепенно озябшему или
отдалённому миру.
Их память и щедрость близка мне.*

*Ни полслова тебе.
За меня всё расскажут озёра —
эти впадины глаз
отражают усталые утра,
половинки ракушек
выбрасывая с перламутром,
а над ними несётся
отчаянье чаячьим ором.*

*И раскрыла безлесая тундра
объятья трёхсловью,
но на крыльях полярной совы
оно испарилось.
Север бел. Север пел,
снег и ягель швыряя как милость!
Или просто привиделось мне
в беспросветном зимовье:*

*север белым медведем предстал,
обернулся в метели,
но искристая рыба безблѣсного
редкого слова
в серебристой воде ускользнѣт
от подлѣдного лова
и непойманной канет,
уйдѣт в глубину, где форели
затаились,
а я?*

*– Ничего не скажу тебе больше,
никогда не скажу,
даже если свечением
Кольским
все пророчества
дышат,
реченья
мерцают
и знания
тают
вовек...*

* * *

*В пространстве, что разбито, как стекло,
Где крошатся осколками уступки,
Люблю тебя надсадно и светло,
Люблю тебя безвыходно и хрупко.*

*Кольцо на скупку отдала в ломбард,
Но это вряд ли что-нибудь изменит.
Ему и скупщик, кажется, не рад,
Определяя трёхгрошовый ценник.*

*У скупщика спрошу, почѣм талант —
Непрошеное в мире достоянье.
И яшень, надорвавшийся атлант,
Мне лист протянет, словно подаянье.*

*Забиться, никогда не помнить зло,
Не ранить мир улыбчивостью колкой.
Грусть привечать азартно и светло,
Идти по окровавленным осколкам,*

*Предвидя всё земное наперёд,
Не спрашивать за что, за что мне это?
Любить светло за то, что всё пройдёт,
А то, что не пройдёт — то станет светом.*

* * *

我记得，
电影胶片那熟悉的味道，
荧幕上《小红花》正在播放，
爸爸也还健在，还年轻，也能轻易原谅……
忽地， 某个地方
一只白色卷毛狗狂吠起来，
在梦里，我都记得，这些过往，
工厂小镇里的奶奶正把馅饼来烙。
只是，
百年过去，小红花早已凋零，
卷毛狗也走了一一三十多年前的事情，
而那工厂小镇，依旧活着，
依然矗立，尽管奄奄一息，也令逝者羡慕。

* * *

林语花辞作凭，
上帝万物皆爱：无论是蛇，抑或蝴蝶。
请屏息片刻，去明白，谁曾有错，
谁又更恶？

穿过纯洁的肺草芬芳，
我的灵魂将向你的灵魂靠拢，
化作一只燕子，迎着愤怒与压迫，
俯身跌落草丛。

森林大地——我们是它的真实与痛苦，
是在酷热中枯萎的花草。
大地回响着高昂的“索尔”音符，
炽热的回声在身后翻涌燃烧。

在白日凋零的高潮，
我猛然惊觉，带着困惑，
原来世间并无人关照，
命运漩涡中的你我。

在燕子深蓝的羽翼之下，
一条蛇悄然爬进迷途。
即使命运未曾把我们任何人眷顾，
但蝴蝶仍旧翩然飞舞。

* * *

走出编辑部，街上车流滚滚，
沿途闪烁的车灯，被打碎得并不美观。
而在书房的寂静中，瓦西里·马卡雷奇·舒克申
从照片中望来，双眼微妙地眯起。

啊，瓦西里·马卡雷奇，对我们这些诗人来说，
一部结局美满的直白小说该是怎样，又能如何？
否则，一部好的电影里又怎会
有人叹息，目光中带着探寻与孤寂？……

瓦西里·马卡雷奇，我们只想摆脱这徒劳的喧嚣，
对一切冷眼旁观，嘲讽地咧嘴一笑。
可俄国人惯于随心而活，不计理智，
赌咒发誓，旋即又在红莓树下泣哭。

心啊，纷乱的心……它何以平静
去甘愿接受喜悦与痛苦，迎接命运，
还有流言蜚语与牢狱，黄昏与黎明。
尽管有时真想大喊：“够了！我鄙视这一切！”

你不满地走入轰鸣的车潮，
走入车灯闪烁与霓虹招牌的诱惑。
你感到背后，射来一道目光，
那是瓦西里·马卡雷奇·舒克申
孤独地从肖像中望来，嘴角勾起砂纸般粗粝地冷笑。

三言诗

半句也不说与你！——
石头替我默然诉说，
这些石头
将我们掌心的温度存留
如今缓缓释放
投与这僵冷且遥远的世界。
它们的记忆和慷慨让我
感到亲切。

半句也不说与你。
湖水为我言尽一切——
这深陷的眼眶

倒映着倦怠晨光，
将残碎的贝壳
连同珍珠母一同抛掷，
而上方翻涌着
海鸥嘶鸣织就的绝望。

光秃的苔原
向三言诗敞开怀抱，
但它却悄然蒸发
在雪鸮的羽翼之上。
苍茫北方，浅吟低唱，
雪与地衣宛如恩泽般飞扬！
抑或在这漆黑的极地，
一切只是我的幻象：

北方幻作白熊，
转身遁入暴雪，
暗淡罕见的词中
游弋一尾闪烁银鱼——
将在银色的水域
逃脱冰下的猎捕，
消失在深渊，
藏身于鳟鱼静谧的栖所。
而我？

——再也不会对你说什么，
永远不会，
纵使所有预言
都以科拉极光呼吸
纵使言语闪烁，
纵使知识消逝，
直至永恒……

* * *

在那片破碎如玻璃的空间，
妥协化作散落的碎片，
我爱你，身心俱疲，问心无愧，
我爱你，不堪一击，无路可退。

戒指已当给当铺，
可这恐怕于事无补；
连当铺老板也似乎，
不情不愿地给出贱数。

才华——这不请自来的尘世赠礼，
我问老板，它价格几许？
而椈树，有如疲惫至极的阿特拉斯
会仿佛施舍般递来一片落叶。

忘却吧，不再记恨过往，
莫以冷峻笑容刺伤世人。
迎接悲伤，热烈又明朗，
踏过血迹斑驳的碎痕。

洞察人世一切的因果，
不再追问“为何是我？”
纯粹地去爱吧，因为一切终会消逝，
而那不曾消逝的——将化作光火。

译者：马赫遥

ДУН СИ

Дун Си (р. 1966, наст. имя Тянь Дайлинь) — известный китайский писатель, поэт и киносценарист, уроженец юго-запада Китая, председатель Союза писателей Гуанси, лауреат литературных премий имени Лу Синя (1996) и имени Мао Дуня (2023). Автор романов «Звонкая пощечина» (1997), «Раскаяние» (2005), «Переломленная судьба» (2015), «Эхо» (2021). Произведения Дун Си посвящены современному Китаю, написаны в реалистическом ключе, отличаются глубоким психологизмом и тонкой иронией. Ряд рассказов, повестей и романов Дун Си переведены на русский и другие иностранные языки, получили признание зарубежного читателя.

东西（出生于1966年，原名田代琳），中国著名作家、诗人、电影编剧，出生于中国西南地区，现任广西壮族自治区作家协会主席，1996年获得了鲁迅文学奖、2023年获得了茅盾文学奖。著有长篇小说《耳光响亮》（1997）、《后悔录》（2005）、《篡改的命》（2015）、《回响》（2021）。东西主要写当代中国，他的作品具有现实主义风格、深刻的心理洞察力和微妙的讽刺。东西的一系列短篇、中篇和长篇小说译成俄文等外文、赢得了外国读者认可。

КОМПЕНСАЦИЯ

(рассказ)

Он тихо положил сберкнижку на стол. Алое на черном бросалось в глаза. Она смотрела не на сберкнижку, а на него, словно на незнакомца, которого нужно как следует изучить. От ее пытливого взгляда ему стало не по себе. Он опустил голову и стал рассматривать свои торчащие из сандалий черные кривые пальцы. Под ногтями не было грязи, да и сами сандалии были довольно чистые: он старательно вымыл их возле колодца у околицы. Солнце садилось. В его проникавших сквозь дверной проем лучах нижние половины их тел отбрасывали на стену удлинненные тени. Одна тень не двигалась, другая подергивала ногой.

– Пятнадцать дней! Ты говоришь, вы были без связи. Ли Тан был без связи — это я могу еще понять. Но тебя-то, крестьянина, кто оставил без связи? — Она говорила негромко, но резко и по делу.

– Можешь сначала сберкнижку посмотреть? — тихо попросил он.

– Ты уже дома, а Ли Тан почему к телефону не подходит?

Он молча показал на сберкнижку, словно ответ заключался в ней. Только теперь она отвела от него взгляд. В этот момент раздался странный звук, будто рвут кожу, и он поморщился от боли. Она подозрительно смотрела на сберкнижку, такую новенькую, что к ней неловко было прикасаться. Она вытерла пальцы об одежду и лишь потом протянула руку.

– погоди, — вдруг сказал он.

Она отдернула руку и опять взглянула на него.

– Ты имей в виду, деньги немалые.

– Уехал на несколько дней, а уже нос задрал. Будто я больших денег не видела...

Открыв книжку, она запнулась, замерла и, глядя в одну точку, часто задышала.

Двадцать семь лет назад, рожая Ли Тана, она чуть не умерла. Тогда она узнала, где у нее сердце. Тяжесть в сердце она чувствовала, когда уставала, волновалась или когда приходили месячные. Тогда она правой рукой хваталась за левую грудь, словно боялась расплескать воду из чашки. И сейчас она схватилась за грудь и воскликнула:

– Саньцэн, ты ограбил банк?

Он покачал головой.

– Тогда откуда столько денег?

– Угадай.

Она наморщила лоб от напряжения. Сначала ей пришло в голову: выиграл в лотерею.

Но, не дожидаясь ответа, покачала головой: не такая счастливая у Саньцэна рука, да и сама она не такая уж удачливая. Значит... Она только повторяла «значит, значит...», но придумать ничего не могла.

– Скажи мне.

– Нет, угадай. Это не так просто. — Он отвернулся и посмотрел на улицу.

– У меня сейчас приступ начнется.

- Хорошие новости нужно узнавать постепенно, их нужно переварить.
- Когда не знаешь ответа, даже хорошая новость — это мука.
- Или Ли Тана спроси.
- У него же мобильник отключен.
- Ой, забыл. — Он хлопнул себя по лбу, словно очнулся ото сна.
- А почему у Ли Тана мобильник не работает?
- Ты сначала угадай, откуда деньги. Тогда скажу тебе про мобильник.
- Издеваешься? У меня сердце не выдержит.
- А ты не суетись. Тише едешь — дальше будешь.

Она опять открыла книжку, прочитала, что там написано.

- Деньги Ли Тан заработал?

- А ты сама как думаешь? Он мелкая сошка в отделе, работает только два года.

- Неужели ты подобрал?
- Даже если я скажу «да», ты мне не поверишь.
- Господи! — Она с тяжким вздохом приподняла его рубашку и ощутила поясницу. — Ты почку продал?
- За почку столько не выручишь.

Она наклонилась и внимательно осмотрела его поясницу, но шрамов не нашла.

- Почки при мне.

Она выпрямилась.

- Ничего не понимаю. Тебе богач попался что ли?

Повернувшись к ней, он увидел, что с ее лица исчезает напряженное выражение, как постепенно проходит рябь от брошенного в воду камня. Это было знаком перехода от суровости к более или менее хорошему настроению, от противостояния к миру. Он почувствовал, как его самого отпустило, словно с него упали путы.

- Разве что богачка, которая только вышла из тюрьмы. Другая мной не заинтересуется.

- Ты же говоришь, у тебя почки в порядке?
- Почек мало. Женщинам нравится белая кожа.
- И то правда. Кому ты чумазый нужен? — усмехнулась она.
- Зато у Ли Тана кожа как беленый холст.

Она изумленно всплеснула руками:

- Так это Ли Тан подцепил богачку?

- Думаешь?

- А как же? Он и красавец, и говорит — заслушаешься. В него и дочка начальника уезда может влюбиться.

- Именно, — он слегка кивнул.

- Значит, я угадала? Деньги нам подарила эта богачка.

- «Богачка» звучит некрасиво. Будем говорить «дочь состоятельных родителей».

- Есть разница?

- Конечно. Богачки обычно старые, а дочь состоятельных родителей — молодая. Разве наш Ли Тан продается старухе?

- Твоя правда. С детства достоинство в глазах Ли Тана не мелочь. Помнишь, когда ему было восемь, Ли Хоу вернулся в деревню с деньгами?

Он тогда детям раздавал ириски. Все брали горстями, а наш Ли Тан ни конфетки не взял. А когда ему было десять, учитель Ли подарил ему старые ботинки своего сына — и он отказался наотрез, хотя из его собственных кед уже пальцы торчали.

– Это называется гордость. — Он одобрительно показал большой палец.

– Так что не наш Ли Тан подцепил дочь состоятельных родителей, а она его. — Она кинула сберкнижку на стол.

– Материнское сердце — вещун. Ты угадала — первый шаг сделала девушка.

– Но почему Ли Тан мне не сказал, что завел девушку? Зачем скрывать радость? Три недели назад я с ним говорила по телефону. Он сказал только, что едет путешествовать, а про невесту — ни слова.

– Он... он хотел тебе сделать сюрприз.

– А когда они познакомились?

– Угадай.

Она посмотрела на него как солдат на вошь:

– Угадай-угадай... Где ты этого набрался?

– Там, где нас оставили без связи.

– Кто вас оставил без связи?

– Ты сперва угадай, когда они познакомились.

– Малахольный. — Она в сердцах ушла на кухню. Там на огне вовсю булькала в кастрюле вода. Она бросила в кипяток совок риса, помешала лопаткой, вычерпнула лишнюю воду и вытащила из очага два полена, чтобы рис томился на медленном огне.

Он вошел в кухню, налил себе холодного чаю и выпил с шумом более громким, чем звук его шагов.

Она повернулась к нему:

– Мы теперь при деньгах. Новый дом построим или в банк их положим под проценты?

Он не оборачиваясь вытер губы.

– Угадай.

Она ткнула пальцем в его губы, можешь говорить без слова угадать? Он не шевелился и уставился глазами вперед. Взор его затуманился, он ничего не видел, только делал вид, что всмотрелся. Тогда она схватила его подбородок, ущипнула за щеку, дернул за нос. Но Саньцэн словно окаменел и превратился в овощ. В конце концов она выкрикнула: “Ты, что ли, ошибочно принял лекарство и стал идиотом?”

– Угадать, отчего ты дураком стал?

– Нет. Угадай, когда они познакомились.

Она шмыгнула носом, отвернулась, приподняла крышку кастрюли: рис еще не сварился. Она засунула обратно только что вынутые поленья, и огонь в очаге запылал.

Она подошла к умывальнику, всполоснула руки, утерла пот со лба, увидела, что он не тронулся с места, и сказала:

– Ли Саньцэн, сдаюсь.

– Так не пойдет. Угадай.

– Дурачок! Они три месяца назад познакомились.

– Почему три?
– Когда Ли Тан был у нас на Праздник весны, он ничего о девушке не сказал. А теперь вдруг появилась эта «дочь состоятельных родителей». Значит, они познакомились после Праздника весны.

– Не думал, что ты так все считаешь. А ты не глупая.

– А ты?

– Угадай.

– Тут и гадать не надо.

– Время ты угадала правильно. Но как они познакомились?

– Нет у меня, старухи, на это времени. Как-нибудь спрошу Ли Тана.

– Ладно. — Он развернулся, вышел в комнату, потом на улицу и только у дома Ван Хуая заметил, что все еще сжимает в руке чашку. Всем встречным он говорит:

– Угадай.

Вся деревня знала, что он поглупел, но никто не понимал, что стало причиной. Она тайне от него каждый день набирала номер Ли Тана, но раз за разом слышала: «Абонент недоступен».

Среди ночи она ткнула его пальцем в спину и спросила:

– Почему у Ли Тана отключен телефон?

Он повернулся на другой бок:

– Сначала угадай, как они познакомились.

– Хватит дурью маяться. Ты говорил, что если я угадаю, откуда деньги, то скажешь мне...

– Но ты тогда не воспользовалась случаем, поезд ушел. Сложность вопросов увеличивается. — Она толкнула его ногой:

– Ты не поглупел, ты совсем умом тронулся! Это от денег.

– Да, деньги — вещь нехорошая.

– А без денег ты вообще ничто.

– Ох... — он глубоко вздохнул.

Она провела рукой вдоль его тела. С тех пор, как она гладила его в последний раз, он исхудал, кожа да кости.

Она спросила:

– Я тебя обижаю?

– Какие обиды?

– Почему же ты заставляешь меня гадать? Ты знаешь, как я не люблю соображать.

– Хочу, чтобы ты с ними порадовалась.

– А сами они рады?

Он кивнул. Она почувствовала это даже в темноте, в кровати. В крошечной тьме она смотрела на потолок, и перед ее мысленным взором мелькали яркие картинки. Она спросила:

– Как же они познакомились? В автобусе? В поезде? Где-то это должно было произойти.

– Дочери богатых родителей в автобусах и поездах не ездят.

– Значит, в своей машине.

– Ну конечно!

Она представила себе легковую машину. Лучшее, что она могла придумать, — машина, в которой Ван Дун возил невест на свадьбах. Перед ее глазами с шумом промчался автомобиль. Она сказала:

– Однажды... девушка из богатой семьи ехала на очень дорогом автомобиле. Вдруг на светофоре она увидела, как идет по зебре наш Ли Тан. Какая у него фигура, какой он длинноногий — он среди людей как пихта среди чайных кустов. Все на него сразу обращают внимание. У меня бы на месте той девушки сразу глаза засверкали, сердце загорелось...

– Думаю, она не только фигуру заметила, но и как он себя держит, - вставил он.

– И талант. Помнишь, он в школе по китайскому и литературе был самый лучший?

– А потом что было? — Он ждал, что она расскажет дальше.

– Как зовут девушку?

– Зовут... Лилянью, — похлопал он себя по лбу.

– А фамилия?

– Ма.

Теперь на темном потолке она видела улицу.

– Когда Ма Лилянью увидела нашего Ли Тана, она поняла, что такую возможность упустить нельзя: как говорится, в другой деревне такой лавки не будет. Выскочила из машины, остановила Ли Тана, притворилась, что не знает дорогу...

– Нет. На перекрестке нельзя выходить из машины — это против правил дорожного движения.

– Богатым закон не писан. Заплатят штраф — и всё. Влюбленные в огненный ров прыгают, не то что из машины в неподобающем месте выходят.

– А с машиной что станет?

– Полиция увезет. Хочешь — на следующий день выкупай, не хочешь — оставляй на стоянке.

– Ты ведь сказала, что машина очень дорогая.

– Ну и что? Богатым всё равно. Главное — чувства.

– Тоже верно. Если бы она не вышла из машины, то не поняла бы, какой наш Ли Тан привлекательный, — согласился он с ней.

Но тут она засомневалась:

– Ли Тан ведь мог отказаться.

– Почему? — он разинул рот.

– Вдруг она некрасивая? У Ли Тана и к внешности девушки есть требования, он ради денег не снизит планку.

– Она именно что писаная красавица.

– Почему ты не привез ее фото?

– Собирался, но перед выездом забыл.

– На кого она похожа? Такая же красивая, как будущая свекровь?

– Красивее в десять тысяч раз.

Она крепко ущипнула его за ногу, но он не вскрикнул. Она спросила:

– За что нам такое счастье? Ли Тан нашел девушку и красивую, и с деньгами.

– Да еще и она сама за ним ухаживала: возила на роскошной машине на работу и с работы.

– Они живут вместе?

– Конечно. Ли Тан живет на вилле семьи Ма.

– То есть они спят вместе?

– Угадай.

Она замолчала. Среди ночного безмолвия до них доносилось стрекотание цикад, шелест ветра, редкий собачий лай. Наконец она сказала:

– И он нас даже не спросил?

– А когда мы с тобой спали, ты маму спрашивала?

– Дурак. — Она опять ущипнула его за ногу, он опять и глазом не моргнул, словно нога у него была пластмассовая и с ним не имеет кровной связи. Она погрузилась в раздумья, стала дышать ровнее и скоро уснула. Вдруг она рассмеялась. Он открыл глаза. Уже светлело. Она крепко спала. По ее лицу скользили утренние лучи. Впервые за много лет она улыбнулась во сне.

Потом они дни напролет работали в поле и не вспоминали о Ли Тане. В период «малой жары» как-то в полдень они решили отдохнуть. Когда отдыхаешь, голова освобождается от забот и наполняется новыми мыслями. Она сказала:

– Ли Саньцэн, ты обманщик! Я несколько дней назад угадала, как они познакомилась, а ты мне так и не сказал, почему Ли Тан не включает телефон.

– А ты еще поугадывай.

– Это почему?

– Ты не воспользовалась возможностью.

Она пошла в спальню и принялась собирать вещи. Он вошел вслед за ней и спросил, что она делает. Она ответила:

– Раз ему не дозвониться, я сама поеду. Я по нему соскучилась. И хочу посмотреть на невестку.

– Они не в городе, уехали.

– На месяц с лишним? Да он еще и телефон отключил.

Она с размаху опустилась на кровать.

– Им хорошо вдвоем, они не хотят, чтобы им мешали. — Он сел рядом.

Она ткнула его пальцем в лоб:

– Дурачок. Почему ты такую радость разом не выложил? Выдавливашь как пасту из тубика...

– Если бы я сразу рассказал, о чем бы мы сегодня говорили? Когда рассказываешь понемногу, короткое кажется длинным. А сразу всё расскажешь — и длинное покажется коротким.

– Их так долго нет. Они за границу поехали?

– Угадай.

– Пошел ты к черту. Еще раз так скажешь — я от тебя уйду.

– Такое у меня теперь правило — без угадывания ничего не рассказываю.

Он отвернулся к окну. На подоконник села птица, с любопытством посмотрела на них и улетела. Они глядели ей вслед. Птица скрылась за углом, а они продолжали смотреть на горизонт, где недавно еще белоснежные облака золотились в лучах зари. Солнце, заходящее над горами, казалось маленьким кружком.

– Целый месяц. Если они не за границей, значит, на машине ездят или пешком путешествуют.

Тут она почувствовала, что на самом деле ей хочется угадывать. В душе зашевелилось любопытство.

Он покачал головой.

– Круиз?

– Тепло. Круизы обычно где бывают?

– На корабле? — Она сразу поняла, что угадала.

Он кивнул.

– На море?

Он покачал головой.

Она хлопнула себя по ноге:

– Вспомнила. Ли Тан вроде говорил по телефону, что хочет поплавать по Янцзы.

Он кивнул.

– Ха-ха, наконец я отгадала!

Она обрадовалась, словно девочка, получившая пятерку.

– Они заказали каюту-люкс, — не выдержал он.

– Нет, дай мне еще поугадывать, — перебила его она.

Он посмотрел на нее. А она смотрела в окно: это запоздавшее известие обрадовало ее, воодушевило, будто в круиз отправилась она, а не Ли Тан.

Она сказала:

– Заплатила Ма Лилян. Ли Тан — парень бедный, он люкс себе позволить не может. Значит, Ма Лилян сильно его любит, иначе бы столько не потратила...

– Любит. Чуть что, массаж ему делает.

– Каждый день ему куриный суп варит.

– Купила ему кучу фирменной одежды.

– Знаю — до круиза она была девушкой. Они устроили в круизе первую брачную ночь, — сказала она с некоторым самодовольством.

– Откуда ты знаешь? — Он втайне восхитился ее фантазией.

– Угадала.

– В общем, так оно и есть. Они плыли по среднему течению Янцзы, любовались берегами и решили сделать селфи на палубе. Знаешь, что это такое?

Она кивнула:

– Закрепили мобильник на длинной палке и фотографировались.

– Сделали несколько снимков, но Ма Лилян они не понравились. Она села на перила. Вдруг подул ветер, теплоход накренился, и она упала за борт.

– Ах... — Она затаила дыхание. — Нужно ее вытащить!

– Она барахталась в волнах, звала Ли Тана. Волосы растрепались, одежда промокла, вот-вот потонет... — У него в глазах показались слезы.

– Спасай ее, Ли Тан! — Она заломила руки, словно сама стоит на борту.

– Цайцзюй, думаешь, надо было ее спасти?

– Конечно. Такая хорошая девушка! Если ее не спасти, нас всю жизнь будет совесть мучить.

– Я знал, что ты хорошая. — Он утер слёзы. — И Ли Тан такой же. Он почти и не думал — прыгнул за ней в реку. Но он забыл — и мы забыли — он не умеет плавать! — Он разрыдался.

Она окаменела, покачнулась и повалилась на кровать. Он схватил ее, обнял, прижал к груди. Так он держал ее до глубокой ночи. Наконец она очнулась и вздохнула:

– Господи, почему ты раньше не сказал?

Я бы в последний раз на сына посмотрела! — Она с плачем колотила по его груди.

– Был тайфун, теплоход перевернулся, не только Ли Тан погиб. Ты пойми, это природное бедствие, никто не виноват.

– Почему ты не дал мне поглядеть на него в последний раз? — Она продолжала колотить его по груди. Он не шелохнулся.

– Их выловили только через несколько дней. Уже никого нельзя было узнать. Я боялся, ты не выдержишь.

– Ма Лилянъ жива?

– Угадай, Цайцзюй...

Она перестала плакать, а потом заплакала еще горше:

– Ма... Ма Лилянъ никогда и не было?

– Прости, Цайцзюй, я хотел облегчить твое горе...

И он заплакал вместе с ней.

私了

他把存折轻轻放下。黑色的方桌上搁着一本绛色，很扎眼。她没看存折，而是看他，好像他是一个陌生人，需要对他进行检测。他被检测得心里发毛，低下头，看着凉鞋里十根变形的脚趾。脚趾虽然变形虽然黑，但趾甲里没了泥垢，鞋面也还算干净，这都是进村时在井边仔细冲洗的结果。太阳快要落山了，阳光从门框斜进来，照着他们的下半身，把他们下半身的影子拉长，投射到墙壁上。墙壁上，一个腿影不动，一个腿影打闪。

“都15天了，你说你们封闭。李堂封闭还情有可原，你一个种地的，谁会封闭你？”她的声音不大，却一剑封喉。

“能不能先看看存折？”他弱弱地问。

“你都回来了，李堂为什么还不开机？”

他不答，指了指存折，好像答案就在那里。这时，她才把目光移开。目光移开时“哗”的一声，仿佛撕去一层皮，在他的脸上留下了痛感。她疑惑地看着，那是一本新存折，新得都不好意思去碰。她的手指捏着衣襟，捏了又捏，估计把手指捏干净了，才伸出去。

“慢。”他忽然制止。

她把手缩回来，又看着他。

“在翻开它之前，你得有个心理准备，因为……这不是一笔小数。”

“才出去几天，你就把人看扁了，好像我就没见过大数……”她翻开存折的瞬间，声音突然中断，整个人凝固，眼珠子一动不动，呼吸声变得急促。

27年前，她生李堂时差一点就憋死。医生说她的心脏有毛病，能生一个还保命，已是奇迹中的奇迹。从此，她感觉到了心脏的存在。累的时候它重，急的时候它重，来例假的时候它也不轻。每次犯重，她都用右手捂住左胸，仿佛捂住一碗水，生怕一松就漏。现在，她又把手捂在胸口，说三层，你是不是抢银行了？

他摇头。

“没抢银行哪来这么多钱？”

“你猜。”

她忽然感到脑袋不够用，而且头皮还略紧。她首先想到的是彩票中奖，但没等他摇头，她就自个摇了起来。她不相信李三层有这么好的手气，更不相信自己有这么好的命水，那么……她“那么那么”，也“那么”不出其它可能，就说你最好直接把答案告诉我。

“还是猜吧，答案没那么容易。”他扭头看着门外。

“再猜，我的心脏病就发作了。”

“好东西不能一口吃完，好消息需要慢慢消化。”

“没有答案，再好的消息也折磨人。”

“要不你问李堂。”

“他不是一直关机吗？”

“哦，我差点忘了。”他一拍脑门，仿佛从梦中惊醒。

“他为什么总是关机呀？”

“你先猜钱是怎么来的，然后我再告诉你他为什么关机。”

“讨厌，你都快把我急死了。”

“路得一步一步地走，事得一件一件地办，急不得。”

她重新翻开存折，看了一会：“这钱是李堂挣的吗？”

“你说呢？他一个单位里的跑腿，才两年工龄。”

“莫非是你捡到的？”

“我说是，你也不会信吧。”

“天老爷，”她倒抽一口冷气，撩开他的衣襟，摸着他的腰部，“你不会把肾给卖了吧？”

“肾哪能卖这么贵。”

她低头查看。他的腰部没有伤疤。他说我的肾好着呢。她直起身：“那就奇怪了，难道你傍上了大款？”

他把头扭过来，发现她的面肌开始松动，像有一颗石子砸进水面，渐渐泛起涟漪。这是严肃后的一丁点活泼迹象，是由对立走向和解的信号。他稍微放松警惕，仿佛有一根绑着的绳子从身上掉落。他说除非碰上一个刚从牢里放出来的女大款，否则我傍不上。

“你不是说你肾好吗？”

“光肾好有什么用？人家还要看皮肤白不白。”

“想想也是，谁会看上你这副黑不溜秋的皮囊？”她的脸上埋着讽刺。

“但是李堂好白，白得就像水泡过似的，一点都不像我。”

她双手一击，恍然大悟：“莫不是李堂傍上了女大款？”

“你觉得有可能吗？”

“怎么没可能？他一表人才，口齿伶俐，就是县长的女儿喜欢他，我也不奇怪。”

“有道理。”他微微点头。

“这么说我猜中了？钱是那个女大款给我们的。”

“别叫得那么难听，富二代好不好？”

“有区别吗？”

“当然有了。一般女大款年纪都偏高，但富二代年轻。我们家李堂怎么可能为了钱去傍老女人。”

“那是。我们家李堂可讲尊严啦。记得他八岁时，李侯衣锦还乡，给每家的孩子都发了一把奶糖，别家的孩子恨不得要两把，但我们李堂一颗都没要。十岁那年，罗老师把他小孩穿过的一双半旧皮鞋送给他，他硬是没接，虽然他的球鞋都被脚趾顶出了两个窟窿。”

“这叫骨气。”他竖起大拇指。

“所以，不是我们家李堂要傍富二代，而是那个富二代倒追我们家李堂。”她把存折丢到桌上。

“知子莫如母，这事还真被你猜对了，是女方主动。”

“可是，李堂他交了女朋友为什么不告诉我？这么好的事，有必要隐瞒吗？20多天前我跟他通电话，他也只说旅游，没说交女朋友。”

“他……他想给你一个惊喜。”

“他们是什么时候认识的？”

“你猜。”

她盯住他，像盯住一个怪物：“动不动就你猜，哪里学来的臭毛病？”

“封闭时学来的。”

“到底是谁让你们封闭？”

“你先猜他们什么时候认识的。”

“神经病。”她骂了一句，朝厨房走去。厨房的灶台上煮着一锅水，现在正“噗哧噗哧”地冒着热气。她往热水里倒了一筒米，用铲子在鼎罐里搅了搅，把多余的水舀出来，然后从灶里抽出两根柴，让小火慢慢地焖饭。他走进来，倒了一碗凉茶，“咕咚咕咚”地喝下。喝茶声比脚步声还响。她扭过头来：“喂，这么多钱，你打算拿来起房子或是存定期？”

他抹了一把湿漉漉的嘴角：“你猜。”

她用手指点了一下他的嘴巴，说你能不能不说这两个字？他不动，呆呆地立住，看着正前方。正前方一片虚焦，他什么也没看见，只是摆了个看的样子。她扳扳他的下巴，又拧拧他的面肌，但他始终没动，好像变成了植物人。她用力捏他的鼻子，说你怎么变傻了？李三层，你是不是吃错药了？

“你猜。”他还没转过弯来。

“猜你为什么变傻吗？”

“不，猜他们是什么时候认识的？”

她抽了抽鼻子，扭过头去，揭开锅盖，饭还夹生，于是把刚才抽出来的那两根柴又塞进去，灶里多了一抹火光。她走到洗手池，洗了洗手，又抹了几把额头上的汗，看见他还在原地站着，就说李三层，我算是服你了。

“光服不行，还得猜。”

“笨蛋，他们不是三个月前认识的吗？”

“为什么是三个月前？”

“李堂回来过春节时，没说交女朋友，现在突然冒出个富二代，不是春节后认识的那会是什么时候？”

“没想到你还能推理，原来你不傻呀。”

“你妈的，到底是你傻还是我傻？”

“猜。”

“这还用猜吗？”

“时间是猜对了，但你还没猜他们是怎么认识的。”

“老娘没这份闲工夫，改天我直接问李堂。”

“也好。”说完，他转身走出去，走到堂屋，走出大门，一直走到汪槐家，他才发觉自己的手里还拎着那个茶碗。

他逢人便说“你猜”。全村人都知道他变傻了，但谁都不知道他是如何基因突变的？她背着他天天拨李堂的手机号码，但电话里天天都是那个声音：“该用户已关机”。

“李堂为什么还关机呀？”夜深人静的时候，她用手指戳他的后腰。他翻了一个身：“你先猜他们是怎么认识的。”

“说话当放屁。你说过只要我猜出钱的来历，就告诉我……”

“可当时你没乘胜追击，过期作废，现在我得加大问题的难度。”

她踹了他一脚：“你没傻，你是癫。你是被钱吓癫了。”

“必须承认，钱不是个好东西。”

“可一旦缺钱，你什么东西都不是。”

“哎……”他长长地叹了一口气。

她抚摸他的身体。她已经好久没抚摸他了，感觉他的肉越来越少，骨头都多得有点刺手了。她说我对你好不好？

“没得说的。”

“那你为什么还让我猜这么多问题？你知道我最怕动脑筋。”

“我是想让你分享他们的幸福。”

“他们幸福吗？”

他点点头。即便是在黑暗中，即便都平躺在床上，她也感觉到他点了点头。她看着黑乎乎的天花板，脑海里一片花花绿绿。她说他们是怎么认识的？是在公交车上或是火车上？既然要认识，总得先有一个地点吧。

“人家是富二代，既不坐公交也不坐火车。”

“那就是自己开车喽。”

“还用说吗？”

她的脑海浮现一辆小汽车。太好的汽车她想不出，拼尽脑力，也只想象出一辆像王东帮人拉新娘那样的。汽车在她的脑海里“呼呼”地飞奔。她说有一天……富二代开着一辆很贵很贵的车，在十字路口等红灯，忽然看见我们家李堂从斑马线走过。你想想李堂那身材，想想他的大长腿，只要往人群里一站，就相当于杉木站在茶林，马上就能吸引别人注意。我要是那个开车的姑娘，眼睛一定会发亮，心里一定会发烫……”

“我认为除了身材，她还看上了李堂的气质。”他打断她。

“还有才华，你别忘了，我们家李堂语文经常在班上考第一。”她说。

“然后呢？”他期待她往下讲。

“那个富二代叫什么名字？”她问。

“叫……叫，叫丽莲。”他“叭叭”地拍着脑门。

“没姓呀？”

“姓马。”

她看着黑乎乎的天花板，仿佛看着城市的街道：“当马丽莲一看见我们家李堂，就觉得过了这个村便没那个店，她不想让机会溜走，跳下车，拦住李堂假装问路……”

“不可能。十字路口不能停车，她走人那是违反交通规则。”他反驳。

“人家一个有钱人，还在乎交通规则吗？大不了罚款。我跟你讲，人一旦爱上人，跳火坑都愿意，更别说跳车。”她争辩。

“那车怎么办？”

“让警察拉走呗，想要就第二天花钱去取，不想要就让它烂在停车场。”

“你不是说车很贵很贵吗？”

“对有钱人来说，贵算什么？感情才重要。”

“也是。她不跳车，怎么能体现我们家李堂的魅力？”他认可这个答案。但是她忽然产生疑问：“难道李堂不会拒绝吗？”

“为什么？”他张大嘴巴。

“万一她长得不漂亮呢？李堂可不是那种只爱钱的人，他不会因为金钱降低对外表的要求。”

“恰恰相反，她长得太好看了。”

“为什么不带张照片回来？”

“说好要带，临出门又忘了。”

“她长得像谁？有她未来的婆婆好看吗？”

“好看一万倍。”

她用力掐了一下他的大腿。他竟然没喊痛。她说这是哪世修来的福？李堂竟然交了一个既有钱又漂亮的姑娘。

“而且还是倒追，”他赶紧补充，“早上，马丽莲开着豪车送李堂上班；晚上，她又开着豪车把李堂接到家里。”

“他们住在一起了？”

“可不是吗，李堂直接住进了马家的别墅。”

“也就是说他们睡在一块了？”

“你猜。”

她沉默。她的沉默让夜晚安静，安静得可以听见虫鸣，听见丝丝的风声，甚至还听到一两声狗叫。她说这么重大的事，他也不征求我们的意见？

“当初我们睡在一起的时候，你征求过你妈的意见吗？”

“讨厌。”她又用力掐他的大腿，他还是没喊痛，好像肌肉是塑料做的，和他已没血肉关系。她沉浸在想象中，呼吸变得越来越均匀，很快就睡着了。不知过了多久，她突然“嘿嘿”一笑。他睁开眼，天色已白。晨光从窗口射进来，照着她酣睡的脸庞。她竟然在梦中笑了，这是多少少年都不曾发生过的美事。

有那么几日，他们忙于农活，把李堂的事暂时抛到脑后。小暑那天下午，他们决定休息。人一休息，脑袋就放空，脑袋一放空，许多事就奔涌而至。她说李三层，你这个骗子，几天前我猜出了他们是怎么认识的，但你却没告诉我李堂为什么不开机。

“那还得往下猜。”他说。

“凭什么？”她说。

“因为你没抓住机会。”

她转身进了卧室，开始收拾行李。他跟进来，问她想干什么？她说既然电话打不通，就得亲自跑一趟，我想李堂了，也想提前看看儿媳妇。

“他们不在城里，他们出门了。”他说。

“怎么会出门一个多月？而且还关机。”她一屁股坐在床上。

“因为他们要享受两人世界，不希望别人干扰。”他坐到她的旁边。

她用手指点他的脑门：“你呀你……真是个闷葫芦。这么好的事，为什么不一锅端？而像挤牙膏，挤一点，讲一点。”

“我要是一次讲完，今天就没得讲的了。什么事都是一个过程，讲慢点，短的显得长；讲快点，长的显得短。”

“他们去这么久，是出国旅游吗？”

“你猜。”

“猜你个头，再猜我就私奔。”

“可是，我已经给自己定了一个规矩，你不猜，我不讲。”他扭头看着窗口。

一只鸟飞来，落在窗台，好奇地看着他们，但几秒钟之后，它又飞走了。他们的目光追着那只鸟，那只鸟拐弯了，他们的目光没拐，而是直直地落到天边。天边，刚刚还洁白的云朵现在全变成了彩霞。落日悬在远山，像个句号。

“一个月，如果不是出国，那他们就是自驾或是徒步？”现在她才发觉不想猜只是表面现象，其实骨子里充满了好奇。

他摇头。

“难道是豪华游？”她问。

“差不多了。你想想游字的偏旁部首吧。”他提醒。

“三点水，他们是在水里吗？是坐轮船。”她预感自己找到了答案。

他点头。

“是不是在海上？”

他摇头。

她一拍大腿：“我想起来了，李堂好像在电话里说过，他要去看长江。”

他点点头。

“哈哈，我终于猜对了。”她高兴得像个刚刚考了一百分的小学生。

“他们定了一个豪华包间……”他忍不住。

“别，还是让我来猜吧。”她制止。

他看着她。她看着窗外。她满脸笑容，这个迟到的消息让她兴奋，激动，好像豪华游的不是李堂，而是她自己。她说游费是马丽莲出的，李堂一个穷小子住不起豪华包间。这么说马丽莲真的喜欢我们家李堂，否则她舍不得花这么一笔大钱……

“她对他好呀，一有空就给他按摩。”他说。

“还三天两头给他炖鸡汤。”她说。

“她给他买了好多好多名贵的衣服。”

“我知道了，上船之前，她肯定还是个处女。他们之所以要豪华游，就是想在船上入洞房。”她有一丝得意。

“你是怎么知道的？”他暗暗佩服她的想象力。

“我猜的。”

“八九不离十，”他说，“一天，船到了中游，两岸的山越来越好看，他们拿着手机来到船边自拍。自拍是什么你知道吗？”

她点点头：“就是举着一根长长的杆子给自己照相。”

“照了几张，马丽莲都不满意，她就坐到栏杆上。不巧，一阵强风刮来，船身一斜，马丽莲掉了下去……”

“啊.....”她倒抽一口冷气，“快救她。”

“她在翻滚的江水里挣扎，不停地喊李堂李堂。她的头发乱了，衣服湿了，眼看就要沉下去了.....”泪水盈满他的眼眶。

“快去救她呀，李堂。”她攥紧双手，仿佛就站在船边。

“采菊，情况这么紧急，你说救或是不救？”

“救，那么好的姑娘，如果不救，我们会一辈子良心不安。”

“我就知道你是个善良的人，”他抹了一把眼眶，“李堂也是个善良的人，他几乎没有犹豫，就咚地跳到江里去救她。可是李堂忘了，我们也忘了，他.....他不会游泳呀！”说完，他放声大哭。

她一愣，身子一歪，往床上倒去。他双手接住，把她搂在怀里。他紧紧地搂住她，一直搂到深夜，她才醒来。醒来时，她长长地叹了一口气：“天哪.....你怎么不早说呀？你要是早说，我还能见儿子最后一面。”她一边哭一边捶打他的胸口。

“不瞒你说，因为台风，整条船都翻了，死的不光是我们家李堂。你想想开点，这是天灾，不是人祸。”

“那你为什么不让我去见他最后一面？”她继续捶打着他的胸口。

他一动不动：“几天之后，才把他们打捞上来，全都认不得谁是谁了，我怕你受不了刺激。”

“那马丽莲呢，她活着或是死了？”

“你猜吧，采菊.....”

她的哭声停了一下，接着是更揪心的哭：“马、马丽莲根本就不存在？”

“对不起，采菊，我只不过是想减轻一点你的痛苦.....”他的泪水滴落在她的泪水上。

译者：沙皮罗

РОМАН СЕНЧИН

Сенчин Роман Валерьевич родился в 1971 году в Кызыле Тувинской АССР — российский прозаик, критик. После окончания школы обучался в Ленинграде, проходил военную службу в Карелии. Окончил Литературный институт (семинар Александра Рекемчука), постоянный автор «Октября», «Дружбы народов», «Нового мира», «Знамени», позже — журнала «Урал» и других журналов. Автор романов «Минус» (переведён на немецкий и английский языки), «Нубук», «Ёлтышевы», «Информация», сборников рассказов «Иджим», «День без числа», «Абсолютное соло». В 2009 году роман «Ёлтышевы» вошёл в шорт-листы главных литературных премий России — «Большая книга», «Русский Букер», «Ясная Поляна», «Национальный бестселлер». В 2011 году вошёл в шорт-лист премии «Русский Букер десятилетия». В настоящее время живёт в Санкт-Петербурге.

罗曼·先钦

罗曼·瓦列里耶维奇·先钦（1971—），出生于图瓦（苏维埃社会主义自治）共和国的首府克孜勒市，是俄罗斯当代小说家、评论家。中学毕业后，他在列宁格勒继续学习，之后曾在卡累利阿共和国服兵役。罗曼·森钦毕业于文学研究所（亚历山大·列克姆丘克研修班），长期为《十月》《各民族友谊》《新世界》《旗帜》等期刊撰稿，后来又为《乌拉尔》杂志及其他杂志撰稿。著有长篇小说《减法/米努斯》（已翻译成德语和英语）《绒面革/翻毛皮》《叶尔特舍夫一家》《信息》，短篇小说集《伊吉姆》《没有日期的一天》《绝对独奏》。2009年，长篇小说《叶尔特舍夫一家》进入俄罗斯主要文学奖项——大书奖、俄罗斯布克奖、亚斯纳亚·波里亚纳奖、国家畅销书奖——的决选名单（短名单）。2011年，他入围“俄罗斯布克十年奖”的决选名单（短名单）。现居住在圣彼得堡。

СЛУЧАЙ РАДОША МАРИЧА

В Сербии нас любили. Во Франции, Германии, Египте я видел вежливость, любопытство, а здесь чувствовал именно любовь.

Залы библиотек и культурных центров на встречах с нами были переполнены, сыпались вопросы, нам аплодировали, словно артистам, автограф-сессии продолжались по полчаса; нами восхищались. Вернее, через нас восхищались Россией. Ну и, кажется, немного завидовали.

Это была весна две тысячи четырнадцатого. Крым уже случился, а Донбасс только начинался. Наша страна крепла, свежела, совсем малой кровью раздвигала свои границы, а их страна, наоборот, съёживалась — несколько лет назад окончательно отделилась Черногория, объявило о своей независимости Косово, а Воеводина требовала всё большей автономии. И вообще, как постоянно сообщали СМИ, Сербия стремительно теряла свою политическую и экономическую независимость.

В общем, мы были представителями возрождающейся России, и нас любили. Тем более что мы — Анна Овсова, Трофим Гуцин и я — были достаточно молоды, успешны, выглядели бодрыми и сплоченными. Еще не случилось то, после чего, как говорится, на одном поле и по нужде не сядем...

Поселили нас в двухэтажном доме в городке Панчево — минут пятнадцать езды до Белграда. Частный это был дом или отель, не знаю. Комнаты отдельные, с замками, на первом этаже просторная кухня-столовая-гостиная, полный еды и бутылок холодильник.

Нашим опекуном был дядька по имени Радош Марич. Может, по возрасту он и не подходил под это определение — дядьки, но густая черная борода, очки в толстой оправе, высокий рост, здоровенное туловище, вообще какая-то громоздкая фигура делали его именно дядькой. Да и заботился о нас именно как дядька из произведений русских писателей-дворян... Когда он нас куда-нибудь вел, мне вспоминалось выражение: детский сад на выгуле.

Радош был молчаливый, в основном просто слушал нашу трескотню за вечерней ракией. Поначалу мне казалось, что он почти не понимает и не говорит по-русски, но когда кто-нибудь выдавал шутку — а шутить или, вернее, острить мы тогда любили, даже соревновались в острословии — широко улыбался. А заговорил Радош потом, в последний вечер...

Мы много где побывали за эти дни. В Нови Саде, в Нише, в Лознице, в этнографической деревне Тршич, где родился реформатор сербского литературного языка Вук Караджич. Меня удивили домишки, в каких жили сербы в позапрошлом веке — из тонких бревен, по большей части без фундамента, одна комната, открытый очаг, потолка нет, соломенная, в лучшем случае из дощечек, крыша... Оказалось, сербы не укоренились в одном месте, а кочевали. Но не из-за скота, а из-за частых войн.

Поездки были неумтомительные — дороги отличные, пейзажи красивые, цветущие деревья, да и ехать недолго. Даже до Ниша, города на юге страны, два часа с небольшим. По сути, рядом.

Я сказал об этом сопровождавшей нас переводчице Тяяне.

– Теперь всё рядом, — вздохнула она и кивнула на горы перед нами (мы были в Лознице): — Там уже другая страна.

– Какая?

– Босна и Херцеговина. Там сербам дали кусочки земли, но это так...

Мы стояли на западной оконечности страны. Потом я посмотрел, сколько километров от Панчево до восточной границы. Оказалось, что немногим более семидесяти... У нас вон от Москвы до Рязани почти двести, от Анапы до Сочи двести пятьдесят. И никто за расстояние не считает. Москвичи дачи строят на Валдае — четыреста камушков, пять часов пути, говорят...

Да, поездок было много, но основное время мы проводили в Белграде. Гуляли по городу и видели разрушенные натовскими бомбежками здания (их, наверное, специально оставили, как напоминание), восхищались архитектурой. И тогда сравнение с Парижем или Барселоной еще ни у кого не вызывало презрительной ухмылки.

Встретились с министром культуры, причем просто вошли в старинный, но не особо выделяющийся дом, поднялись по довольно узкой лестнице на второй этаж, оказались в скромном кабинете. Мужчина со взъерошенными седыми волосами, который оказался министром, сам налил нам кофе, порадовался, что мы приехали, предложил дружить.

Кормили нас вкусно и сытно. Чересчур вкусно и сытно. Спасало то, что к каждому блюду прилагался крошечная бутылочка с ракией. Ракия помогала пищеварению, давала силы двигаться.

За день проходило по две встречи с читателями. Поначалу я недоумевал, почему мои книги на русском покупают лучше, чем переведенную на сербский. Переведенную открывали, морщились и откладывали.

Тияна объяснила:

– Ваша книга набрана латиницей.

– И что?

– Многие это... — она покачала головой, подбирая слово, — не одобряют.

– А зачем ее набрали латиницей?

– Это издательство борется за такой алфавит...

Дальше расспрашивать я не стал, но недоумение не прошло до сих пор. Впрочем, наверное, другие издательства, с кириллицей, мою вещь просто не приняли — Россия там представлена не в очень приглядном свете...

На встречах нас спрашивали в том числе и о тех, чьи произведения из современных русских писателей стоит читать. Мы называли разных, но был и один общий — Эдуард Лимонов. После освобождения он писал не так много, как в местах заключения, вернувшись к политической деятельности; за несколько лет до нашего приезда в Сербию у него вышла книга рассказов «Смрт», где было много и ярко о войне в распавшейся Югославии, ну и Анна, и Трофим, и я считали Лимонова своим учителем. Вернее, во многом мы стали писать, и писать так, как были написаны наши первые книги, благодаря его книгам.

Когда мы называли фамилию Лимонова, многие в ответ согласно кивали, а то и аплодировали. Судя по всему, его в Сербии помнили и любили...

Анна неожиданно сорвалась в Москву на два дня раньше — какие-то

семейные проблемы. Трофим улетел сразу после последней встречи на новые встречи, а у меня самолет был наутро.

Последний вечер мы проводили в кухне-столовой-гостиной с Тияной, Радошем и молодой девушкой, которая разогревала еду, подавала посуду. Я так понял, что был запланирован прощальный ужин для нашей делегации, но вот гость остался только один... Впрочем, было довольно весело и душевно. Звучали зажигательные сербские песни, Радош, в прошлые вечера выпивавший по две рюмочки, теперь пил наравне со мной — прилично.

Часов в десять Тияна уехала домой, в Белград, девушка вскоре тоже ушла, загрузив грязные тарелки и противни в посудомоечную машину. Я понимал, что надо идти спать, но на столе оставалось так много жареной баранины, овощей-гриль, приятно пьянящей ракии...

— Красивая у вас страна, — сказал я, когда кончилась очередная песня. — И Белград, и Панчево.

— Да-а, — протяжно отозвался Радош; жестом предложил выключить музыкальный центр, я кивнул. — Сербию очень бомбили тогда... Панчево тоже...

— Я помню. В девяносто девятом году впервые и услышал — Панчево. Такое название смешное, а в таком трагическом ключе звучит. — Я сам налил ракии Радошу и себе. — У меня рассказ есть, как американское посольство в Москве закидывали яйцами, бутылками. Много было людей. Я тоже участвовал.

Радош улыбнулся, но не как в прошлые вечера, а грустно. Мы молча чокнулись и выпили.

Я видел, что он что-то хочет, но не решается сказать. Или предложить. Стало тревожно. Мало ли... Когда двое малознакомых мужчин оказываются вечером в пустом доме, должно становиться тревожно.

— Знаете, вы часто вспоминали Лимонова, — заговорил Радош. — Я его тоже люблю. Я его переводил. Еще когда коммунисты... Но, знаете, такое... — Он посмотрел на бутылку; я с готовностью плеснул в рюмочки по чуть-чуть. — Хв́ала.

Выпили.

— Знаете, — продолжил он так же медленно, явно сначала мысленно строя фразы, — моя мама жила в Сараево. Там раньше была Олимпиада, игры.

— Да, зимняя Олимпиада. Первая Олимпиада, за которой я следил всерьез. Особенно хоккей.

Радош снова грустно и как-то досадливо улыбнулся. Ему, как я заметил, было неприятно, что я встречаю. Я закурил. Курить в доме было можно.

— Извините, перебил.

— Ничего... Мама хотела уехать. Она была серб... сербка. Но их не выпускали. Там было много сербов, они были как заложники... И мама погибла. Пуля. Я не знаю день, когда. Я был не там... Но вы, наверное, знаете — Лимонов стрелял из пулемета. Тогда. Потом он говорил, что это был не Сараево, что полигон. Может быть. Только я видел фильм, съемки. Он стреляет с горы вниз. И внизу мог быть город, Сараево, могла быть моя мама. Почти сто процентов, что нет, но один, одна...

Радош впервые забуксовал в русском языке, и я попробовал подсказать:

– Одна сотая?

– Да, одна сотая процента, что могла. И когда я слышу «Лимонов», я вздрагиваю. Я не хочу, но я вздрагиваю.

Я покивал. Затушил окурок и предложил выпить. Что я еще мог сделать?..

В первое время мне хотелось рассказать об этом случае Трофиму и Анне. Вот, мол, какой скелет в шкафу оказался у нашего богатыря Радоша. Встретиться с ребятами не получалось, потом мы разошлись во взглядах на происходящие события, да и про рассказ Радоша я забыл. Забыл даже, как его зовут на самом деле, и сейчас просто придумал имя и фамилию. Может, таких и нет у сербов...

Но вот вспомнилось. И стало как-то тоскливо, и захотелось записать.

Трофим, если верить его книгам и интервью, за эти восемь лет повоевал, стрелял в сторону людей, Анна весной написала, что задыхается здесь, и уехала жить как раз в Сербию, Эдуард Лимонов умер около двух лет назад.

Мой знакомый писатель, моложе меня лет на десять, недавно стал добровольцем, прошел подготовку и на днях отправился на фронт. Военная специальность у него сапер, но кем он будет там, в зоне спецоперации, мне неизвестно. Может быть, придется стрелять. А пуля, как известно, дура...

ПЕРВЫЙ ПРИСТУП

Татьяна любила гастроли. Правда, раньше радоваться, наслаждаться впечатлениями мешала тревога: как там дети, справится ли с ними муж, который с восьми до восьми на работе. Ну, не всё это время на работе, конечно, но дорога туда и обратно съедала несколько часов...

А теперь дети выросли, сами работали, опекать их нужда отпала. С мужем они не то чтобы отделились друг от друга, а... Ну как это бывает у хорошо проживших вместе четверть века супругов, преодолевших трудности и, случалось, несчастья, — стали жить немножечко для себя.

Муж больше времени проводил с приятелями, открыл для себя боулинг и даже животик прибрал в частых поединках, Татьяна пила кофе с подругами или гуляла по торговым центрам, не поглядывая поминутно на часы; после спектаклей она не бежала домой, чтоб накормить, проконтролировать уроки, вовремя уложить спать.

И на гастроли отправляться стала, как в туристическую поездку. Скорее, не работать, а отдыхать. Молодела душой, а может, и внешне — еще на вокзале или в аэропорту, и замечала внимательные взгляды мужчин. Ставнилось щекотно и тепло.

Уже третий год сезон у них в театре начинался с октября. В первый раз отложили из-за коронавирусной пандемии, а потом как-то само собой получалось. И поэтому гастроли были не только летом, в жару и духоту, но и вот как сейчас — в сентябре.

Если бы поехали в это время лет десять назад, Татьяна бы извелась, как там без неё Серёжка и Никитка, сыновья, совладеет ли с ними муж, не будут ли голодать или есть глазунью три раза в день, не лягут ли спать в одиннадцать, при этом не сделав домашку...

Да, утонула бы, захлебнулась в тревоге. А теперь она была свободна. Почти. Игла тревоги колола слабенько, затупилась, сточилась то ли о время, то ли об опыт.

В этот раз приехали в город на Урале. Не очень большой, но с крупными заводами. Такие города в советское время обустроивали как отдельные миры — со своими театрами, филармониями, вузами или филиалами крупнейших вузов страны, стадионами, спортивными школами, музеями. Центр обязательно с вместительной площадью, горком — дворец с колоннами...

Гастроли были рассчитаны на десять дней, предполагалось восемь взрослых спектаклей и пять детских. Билеты хорошо покупали заранее, поэтому возможность пустых залов не портила настроения. Татьяне случалось играть перед десятком-другим зрителей в зале на триста-четырееста мест — это мучение, унижение просто. И неправда, что со сцены не видишь зрителей. Всё видишь, всех.

Да, предвкушала очень хорошие дни, на деле же... На деле та игла тревоги, что, казалось, сточилась, снова стала острой, впилась в сердце, мешала жить, играть, о чём-то думать, кроме как о детях.

На второе утро здесь, ещё в кровати гостиничного номера, открыв интернет в своём телефончике, Татьяна увидела новость: президент объявил о частичной мобилизации.

Дернулась, будто её ударили током — буквально подбросило.

Соскочила с кровати. Каким-то чутьём, что ли, догадалась, что читать это нужно стоя. Или пионерско-комсомольская юность напомнила о себе. Тогда ведь часто стояли шеренгой по стойке смирно, отдавали честь, клялись, чеканили хором речёвки... Татьяне даже нравилось — она любила дисциплину, коллектив.

Но потом прошло, стало казаться пошлым, лживым, насилием каким-то. А сейчас вот ударило, подбросило, поставило. И с тем же вниманием, с каким когда-то отличница и заместитель комсорга Татьяна Макарова читала новости о положении в мире, теперь впивалась она в строки на экранчике телефона.

Да нет, с бóльшим вниманием, конечно. И не внимание это было, а что-то другое...

Впивалась, казалось, накрепко, осознавала каждое предложение, но на самом деле ничего не соображала... В президентском указе не говорилось, кто под эту частичную мобилизацию подпадает. Президент и не должен заниматься частностями... Нашла разъяснения Министерства обороны.

Так, уже отслужившие. Рядовые, сержанты — до тридцати пяти лет, младшие офицеры — до пятидесяти... Так, служившие в армии, имеющие военно-учётную специальность... Имеющие боевой опыт...

Фуф, отлегло. Присела. Мужу — он после института, говорит, получил лейтенанта, — давно не пятьдесят, слава богу. Старший сын, Сережа, служил, но в боевых действиях, конечно, не участвовал. Младший, Никита, студент.

Но тревога тут же вернулась. Военно-учётная специальность... Что это? Сережа мотострелком был, кажется. Это специальность?

— Так, надо звонить, — сказала себе.

И сразу остановила. Разница во времени два часа. Они спят еще. Позже...

Позже были долгие разговоры, причем и Татьяна, и муж, и даже острые на язык, бóрзые сыновья старались выражаться не в лоб, а эзоповым языком. Не старались, а как-то само так получалось. Как-то за последние полгода, а может, и за больший срок прижилось опасение, что могут услышать чужие, что не надо писать в соцсетях всё, что хочется, перепощивать, лайкать...

Татьяна до сегодняшнего утра демонстративно, часто подчеркнуто демонстративно, пресекала разговоры с ней о политике, о разных проблемах; когда кто-нибудь начинал при ней критиковать власть — или обрывала, если обращались лично к ней, или уходила... В театральной брехаловке, в буфете с подобным сталкивалась почти каждый день. Сердилась, морщилась, а теперь...

Нет, и теперь она не хотела слушать и отвечать, не знала, правильно или нет, нужно или не нужно всё то, что происходит. Скорее, материнский инстинкт заставлял ее искать, как бы защитить, куда бы спрятать детей. Сыновей... Ну младший учится, второкурсник-очник, а старший...

Ругала теперь себя, что не настояла, чтобы получил высшее образование, поступил в институт. Даже гордилась немного, что Сережка выбрал техникум, получил рабочую профессию оператора дефектоскопной тележки. Татьяна до сих пор не до конца понимала, что это — что-то для выявления неполадок с рельсами с помощью такой вот тележки, а на деле целой лаборатории на колесиках.

После техникума год отслужил в армии недалеко от дома. Хорошо отслужил, и навещали его часто. Теперь вот второй год работает по специальности.

— Сынок, ты узнай, — говорила ему в телефон Татьяна, — наверняка твоя профессия не попадает... — Хотелось сказать, что люди с его профессией наверняка не подлежат мобилизации, дороги ведь нужно содержать в исправном состоянии. — Нет, не надо! — останавливала. — Ничего не спрашивай. Может, отпуск возьмешь? И... к бабушке, может?..

Мать Татьяны жила в маленькой деревне на Севере. Татьяна всё уговаривала ее переезжать, продать дом новым дачникам, у которых мода на участки в глухих местах. Сейчас же ей казалось, она была уверена, что именно этот дом в деревне среди тайги спасет ее сына.

— Ладно, мам, не волнуйся. Посмотрим, — гудел Сережка молодым баском. — На работу надо, еще позавтракать...

В театр Татьяна пришла за двадцать минут до спектакля. Ловила на себе взгляды женщин и мужчин — актеров, монтировщиков, помрежа... У всех в глазах: «Можно поговорить? Как ты?» Все знали, что у нее двое сыновей.

Татьяна ни с кем не стала разговаривать. Переделась, села перед зеркалом в гримерке. Смотрела в сторону — не могла видеть себя. Послушно подставляла лицо кисточкам гримерши Лены. Та, спасибо, работала молча.

Отыграла, быстро собралась и ушла. Поела в кафе недалеко от гостиницы, хотя в гостиничном ресторане был заказан ужин для труппы. Но не хотелось ни с кем из своих встречаться, снова наткнуться на их взгляды, пусть молча, тоже взглядом, но реагировать.

В номере до поздней ночи листала соцсети, новостные каналы, паблики. Сообщали, что повестки вручают и тем, кто до этого не воевал. Много ошибок, их стараются устранять... Грубо бросила телефон на тумбочку, укрылась с головой одеялом, подтянула колени к подбородку. Было страшно.

На другой день играли спектакли без ее участия. Хорошо. Татьяна не представляла, как бы выходила на сцену, произносила реплики. Вчера случился ожог, а сегодня пришла боль. Даже звонить домой было больно. Попросила в ватсапе, чтобы — если что — звонили сами. Звонков от сыновей и мужа не было. Значит, успокаивала себя, у них всё спокойно...

Сидела, лежала. Ела то, что принесла вчера из кафе; чайник в номере был, даже чайные и кофейные пакетики. Постучала горничная, Татьяна сказала, что ничего не нужно. Вечером, перед закатом, пошла прогуляться. А то не заснет, и снотворное не поможет.

Было тепло, солнце, как часто случается весной и осенью, ярко светило сбоку, делало стены домов, желтые и багровые листья на деревьях ярче. Вообще, как могло, веселило мир.

Татьяна медленно шла по пешеходной улице. Удивлялась, сколько вокруг улыбающихся людей, музыке из магазинов, бодрым голосам зазывал посетить распродажи, музей оптических иллюзий...

Улица упиралась в набережную. Набережная широкая, капитальная, гранитные плиты, красивые фонари. А река внизу крошечная, узкая. Почти ручеек. Но, может, весной она разливается...

Татьяна с удовольствием вдыхала чистый, вкусный воздух, смотрела на невысокие горы, синевшие за городом.

— Я тут хотела перед зимой Витину могилку поправить, — услышала за спиной. — Памятник качаться стал, и лавочка — труха совсем. Звоню вчера Сереже, он ведь в этой, в ритуальной работает...

Татьяна оглянулась. Мимо медленно проходили две пожилые женщины.

— Только заикнулась, а он: «Не могу, тётъ Люда, завтра в двенадцать в военкомат с вещами. Отправляют».

— Ох, Серёжка-Серёжка, — вздохнула вторая женщина, — Чечню прошел, и опять вот...

Татьяна не хотела слышать, не хотела понимать услышанное. Не хотела совпадения имен. Какое ей дело?.. А в груди оборвалось и упало; не получилось вдохнуть. Она стала валиться на асфальт, хватаясь рукой за гранитное ограждение. Горы исчезли, появилось красноватое небо, а потом темнота. Противный, обжигающий запах. Дернулась и очнулась. Нашатырь.

Над ней стоял мужчина с ваткой и пузырьком.

— Что со мной? — спросила Татьяна.

Мужчина пожал плечами и сказал тем тоном, каким говорят врачи на приемах:

— Видимо, сердечный приступ. Советую провериться.

Сердце ее никогда не беспокоило. Этот приступ был первый.

拉多什·马里奇的故事

在塞尔维亚，我们受到喜爱。在法国、德国、埃及，我见识到的是礼貌、好奇，但在这里我感受到的恰恰是喜爱。

在与我们的见面会上，图书馆和文化中心的大厅里挤满了人，问题如潮水般涌来，像对待艺术家一样，也给予了我们掌声。签名会持续了半小时，人们对我们啧啧称赞。或者更确切地说，透过我们，赞赏俄罗斯。这样看来，似乎是有些羡慕的。

那是 2014 年的春天。事情在克里米亚已经发生，而顿巴斯才刚刚开始。我们的国家变得越来越稳固，越来越强大，通过最小的流血事件扩充了自己的边界，而他们国家的情况则恰恰相反，面积缩小了——几年前，黑山最终脱离塞尔维亚，科索沃也宣布独立，伏伊伏丁那要求享有越来越多的自治权。总之，正如媒体一直以来报道的那样，塞尔维亚正在迅速失去其政治和经济独立性。

总的来说，我们是复兴俄罗斯的代表人物，深受人们喜爱。更何况，我们三人——安娜·奥夫索娃、特罗菲姆·古辛和我——都正值青春，还事业有成，显得朝气蓬勃，且团结一致。那时我们之间尚未发生那件事——正如老话所说，我们还没到连撒尿都不愿蹲在同一片野地的地步（我们还没到水火不容的地步）……

我们被安排住在潘切沃镇的一栋两层小楼里——此处距离贝尔格莱约十五分钟车程。我不清楚，这是私人住宅还是旅馆。卧室是各自独立的，都配有门锁，一楼的餐厨客厅一体空间，宽敞明亮，冰箱里塞满了食物和酒瓶。

我们的监护人是一位名叫拉多什·马里奇的大叔。论年纪，他或许配不上“大叔”这个称呼——但浓密的黑胡子、厚框眼镜、高大的个头、魁梧的身躯，总之，那副笨拙的体态，倒让他成了个“大叔”。他确实也像俄罗斯贵族作家笔下的大叔一样照顾我们……每当他领着我们出门时，我总会想起那句话：幼儿园放风。

拉多什少言寡语，大部分时间只是就着晚上的拉基酒听我们喋喋不休。起初我以为他几乎听不懂也不会说俄语，但当有人开玩笑时——那是我们都喜欢开玩笑，或者更确切地说，爱说俏皮话，甚至是暗中较量谁更善于调侃儿——他总会咧开嘴笑。直到最后一个夜晚，拉多什才终于开口……

这些日子我们踏遍了许多地方。到过了诺维萨德、尼什、洛兹尼察，还去了塞尔维亚文学语言改革家武克·卡拉季奇的出生地——特尔希奇民俗村。十九世纪塞尔维亚人居住的房屋令我震惊：细木条搭建的屋架，大多没有地基，只有一个房间，露天灶台，没有天花板，茅草屋顶已经算是不错的了，最好顶多就是用薄木板做屋顶……原来塞尔维亚人从不固守一方，落地扎根，而是游徙为生。但驱使他们迁徙的并非畜牧，而是连年的战火。

旅途十分惬意——路况极佳，沿途风景优美，满树繁花，车程也不长。即便是前往该国南部的尼什城，也不过两小时出头。实际上就是近在咫尺。

我对随行翻译吉雅娜讲了这件事。

她朝着我们面前（当时我们身在洛兹尼察）的群山点头轻叹，说道：“现在一切就近在咫尺，那边已是另一个国家了。”

“哪个国家？”

“波黑（波斯尼亚和黑塞哥维那）。在那里塞尔维亚人分到了零星土地，不过终究……”

我们站在这个国家的最西端。后来我查看了潘切沃市到东部边境的距离。原来，不过就七十余公里……要知道在我们国家从莫斯科到梁赞就将近两百公里，从阿纳帕到索契更有两百五十公里之遥。而这在俄罗斯这都算寻常路程。莫斯科人常在瓦尔代湖畔建造别墅，据说，四百公里砾石路，约五个小时车程……

尽管有过多次数远行，但大多时光都是在贝尔格莱德度过的。当我们穿街走巷时，北约空袭留下的断壁残垣让人触目惊心（当局或许有意留存这些伤痕作为警世碑铭），而精美的建筑又令人叹为观止。而那时将之与巴黎或巴塞罗那相提并论，还不曾招致任何人的轻蔑讥笑

我们与文化部长见了面——信步拐进一栋其貌不扬的老宅，踏着逼仄的木梯爬上二楼，便置身于一个简朴的书房。房内一位发色银灰恣意支棱的男子，竟是部长本尊，他亲手给我们倒咖啡，见到我们甚是开心，说：往后定要以友相待。

我们吃得津津有味，吃得很饱。简直是太好吃了，吃得太饱了。所幸每道菜都配有一小瓶子酒。果子酒既有助于消化，又赋予人运动的力量。

一天内安排了两次与读者的会面。起初我很纳闷儿，为什么我的作品俄文原著比塞尔维亚语译本更受青睐。翻开译本瞧了瞧，蹙眉合上书，就放在了一边。

吉雅娜解释说：

“您的作品是用拉丁语排印的。”

“那又怎样？”

“很多人对这点……”她摇摇头，寻找一个合适的词：“并不喜欢”。

“那为什么要用拉丁语呢？”

“这家出版商正在打字母战……”

我不再继续追问，但疑惑至今仍萦绕不散。然而，其他用西里尔字母的出版社，很可能将我的作品拒之门外——书中的俄罗斯不是那么令人喜爱……

在见面会上，我们常被问到，哪些当代俄罗斯作家的作品值得一读。我们列数不同的作家，但总也绕不开一个共同的名字——爱德华·利莫诺夫。获释后，他没有像在监狱里那样多多写作，而是重投政坛；在我们踏足塞尔维亚的数年前，他出版了一本故事集《死亡》，书中包含了很多关于南斯拉夫解体战争的生动描写，无论是安娜、特罗菲姆，还是我，都奉利莫诺夫为我们的精神导师。或者更确切地说，在许多方面我们开始写作，并且像我们创作最早期的作品时那样写作，都要归功于他的作品。

当我们说出利莫诺夫的姓氏时，许多人点头表示赞同，甚至鼓掌回应。由此断定，在塞尔维亚人们记得他，爱戴他.....

安娜出乎意料地提前两天仓促折返莫斯科——处理家庭问题。特罗菲姆在最后一次见面会后立即离开了，飞赴下一场集会，唯余我是坐次日早上的航班离开的。

最后一天晚上，我、吉雅娜、拉多什、还有一位年轻女孩，我们一起在餐厨客厅一体空间里度过的，女孩加热了餐食，然后把它们端了上来。我很清楚，原计划是要为我们代表团举办告别晚宴，但现在客人只剩下一位了.....然而，这样也很愉快、亲切。令人振奋的塞尔维亚歌曲响起，昨晚只喝了两小杯酒的拉多什，现在和我喝得一样多——这太好了。

十点钟左右，吉雅娜离开了，返回贝尔格莱德的家，女孩把脏盘子和烤盘装进洗碗机后，很快也离开了。我明白，该上床睡觉了，但桌上还剩下那么多烤羊肉、烤蔬菜、令人愉悦的醉人的果子酒.....

当一曲结束时，我说：“你们的国家很美，无论是贝尔格莱德，还是潘切沃。”

拉多什拉长声音回答：“是啊”。他做了个手势，示意关掉音响，我点了点头。又接着说：“塞尔维亚当时遭到猛烈轰炸.....潘切沃也是.....”

“我记得。1999年我第一次听说潘切沃。这个名字很奇特，但听起来却很悲惨。”我给拉多什和自己倒了点果子酒。“我的故事是这样的，人们向美国驻莫斯科大使馆扔鸡蛋和瓶子。有很多人。我也参与其中。”

拉多什笑了笑，但并不像昨晚那样，而是很忧伤。我们默默地碰杯，把酒喝光。

我看得出，他想要说点什么，却又犹豫不决。或者是想要提出什么建议。他变得忐忑不安。多少有点.....当彼此不太熟悉的两个男人，晚上共处在一个空房子里时，肯定会令人不安吧。

“要知道，您经常提起利莫诺夫，”拉多什开始说，“我也喜欢他。我翻译过他的作品。当时还是共产党员.....但是，您知道的，这种事.....”他看了看酒瓶，我欣然地往酒杯里倒了一点酒。“值得称赞。”

我们一饮而尽。

“您知道的，”他继续缓慢地说着，显然一开始是在心里组织语言，“我妈妈曾在萨拉热窝住过。那里以前办过奥运会、各种比赛。”

“是的，办过冬奥会。我认真地关注过第一届奥运会。尤其是冰球。”

拉多什重又变得忧伤，又似乎是恼火地笑了笑。正如我注意到的那样，他对我的插话感到不自在。我点燃了一根烟，抽了起来。在屋子里抽烟是可以的。

“抱歉，我又打断你说话了。”

“没关系.....妈妈想要离开。她是塞尔维亚人.....塞尔维亚女人。但是不放他们走。那里有很多塞尔维亚人，他们就像人质一样

.....妈妈死了。被子弹打死的。我不知道是哪一天，她被打死的。我不在那儿.....但您可能知道，利莫诺夫是用机关枪扫射的。就那样。然后他说，那不是萨拉热窝，而是一个射击场。可能是吧。我只看到了影片，拍下来的影像。他从山上向下射击。下面可能是一座城市，萨拉热窝，我的母亲可能在那。几乎百分之百，啊，不，但是也有，一.....

拉多什第一次在说俄语时结结巴巴，我尝试着给他提示：

“百分之一？”

“没错，有百分之一的概率，她可能在那。所以当我听到‘利莫诺夫’时，我不寒而栗。我不想这样，但我不寒而栗。”

我点了点头。掐灭了烟头，提议让他再喝一杯。否则我还能做什么呢？.....

起初，我想把这件事告诉特罗菲姆和安娜。就是说，我们的勇士拉多什身上藏有多少不为人知的秘密呀。但没能再见到伙伴们，后来我们对所发生的事件看法也不一致，最终我忘记了拉多什的故事。我甚至忘记了，他的真名是什么，现在我只是编出了一个名字和姓氏。或许塞尔维亚人没有叫这个的名字的.....

但这就又想起来了。开始有点愁闷，就很想把它写下来。

特罗菲姆——如若他的著作与访谈所述可信的话——这八年间辗转战场，还曾向人群方向开火；安娜今春留言说在此地窒息难耐，最终选择移居塞尔维亚；爱德华·利莫诺夫大约两年去世了。

我熟识的一位作家，较我年轻十来岁，近期志愿参军，完成集训后已于数日前奔赴前线。他的军职是工兵，但在这特别军事行动区内究竟承担何种具体任务，我无从知晓。或许他最终也无奈举枪射击。众所周知，子弹可不长眼.....

第一次心梗

塔季亚娜喜欢巡回演出。不过从前，每当她想开开心心、尽情享受旅行带来的新鲜体验时，总会被焦虑困扰：孩子们怎么样？每天从早八点到晚八点都在上班的丈夫能照顾好他们吗？当然他也不是全天都在班上，但往返通勤就要耗费几个小时.....

如今孩子们都已长大成人，各自也都有了工作，无需再照料他们了。和丈夫之间倒不是说彼此变得疏远，而是.....正如那些共同生活了四分之一一个世纪、历经艰辛甚至不幸的夫妻常有的那样——他们开始为自己稍作打算了。

如今丈夫开始花更多时间与朋友相处，迷上了保龄球，甚至在一场场的较量中减掉了小肚腩；而塔季亚娜则悠闲地和闺蜜们喝咖啡、逛商场，不再频繁地看表——演出结束后，她也不必急着赶回家做饭、检查功课、哄孩子按时睡觉了。

现如今出去巡演，倒像是去旅行一样。与其说是工作，不如说是休假。心灵焕发着青春活力，或许连外貌也是，甚至在车站或机场时，就注意到男人们投来的关注目光。心中既雀跃又温暖。

他们剧院的演出季从十月开启，这已是第三个年头。第一次因新冠疫情推迟后，之后的安排便自然而然地延续了下来。因此，巡演不仅限于酷暑闷热的夏季，如今更扩展至当下这般——九月便整装出发。

要是十年前这时候出门，塔季亚娜准会苦恼不已——谢廖什卡和尼基特卡这两个儿子，丈夫能不能管得住他们？他们会不会饿肚子？或者会不会一天三顿都吃煎鸡蛋？会不会熬到十一点还不睡觉，作业也不好好写.....

是啊，原本在焦虑中快淹没窒息。而现如今她已然自由。近乎是自由的。那根焦虑的银针穿刺得绵软无力，渐渐变钝，不知是经年累月消磨，抑或阅历沉淀磋磨。

此次造访的是乌拉尔地区的一座城市。城市规模虽不宏大，却密布重型厂区。苏维埃时期这类城镇设施装备齐全，像单独的世界——剧院、音乐厅、学校或国立大学分部错落其间，体育场馆、体校、博物馆自成体系。城市中心一定是大广场，而城市委员会则是立柱擎天的雄伟大楼.....

此次巡演为期十天，计划安排八场成人剧目和五场儿童剧。门票预售情况很好，因此可能出现空场的情况并未影响心绪。在能容纳三四百座的剧场里，塔季亚娜碰巧对着零星十几名观众演出，那种煎熬近乎公开处刑。说台上看不见观众，这纯属谎言，每个空位都刺眼，每张面孔都看得清。

是啊，原本憧憬着岁月静好，却不料.....不料那根本以为早已磋磨殆尽的焦虑银针，竟然再度锋利似刃，直刺心口，让她无法生活、无法表演、无法思考除却孩子之外的任何事。

第二天清晨，塔季亚娜仍躺在酒店房间的床榻上，指尖划过手机屏幕，打开网络的的瞬间，一则新闻跃入她的眼帘：总统宣布局部动员。

犹如遭受电击一般，她身体猛然一颤——整个人从床上弹起来。

塔季亚娜腾地跳下了床。或许是某种直觉提醒——这份消息应该站着读。也可能是少年时代的少先队-共青团记忆在复苏。那时的确经常要列队立正、行礼、集体宣誓、齐声喊口号.....塔季亚娜竟有些喜欢——她从小热爱纪律，钟情集体。

后来一切都过去了，最终变成了矫饰的谎言，裹挟着令人窒息的压迫感。可此刻，现实给她沉重一击，将她抛向空中又重重摔回地面。当年那个总是研读国际局势的优等生、共青团副书记塔季亚娜·马卡罗娃，此刻正以更胜于从前的专注力，死死盯着手机屏幕上滚动的字符。

不，当然要十分专注。但这岂止是专注，分明是别的什么.....

她死死盯着屏幕，看清了每一句话，但实际上却什么也没看明白.....总统令中只字未提“局部动员”的具体适用对象。总统本就不该操心的细节问题.....最终找到了国防部的解释。

是的，已经服过役的人。35岁以下的列兵、中士，50岁以下的初级军官……还有，曾在部队服役、具备军事统计专业背景者……已有作战经验者……

呼……松了一口气。她跌坐到椅子上。她的丈夫——他当年军校毕业时获得中尉衔——谢天谢地，早已不止五十岁。大儿子谢廖沙虽服过役，但当然没上过战场。小儿子尼基塔还是一名大学生

可焦虑感又再次袭上心头。军事统计专业……这究竟指什么？谢廖沙服役时好像是摩托化步兵，这也算专业类别吗？

“这样，得打电话问清楚”——她对自己说。

然后她又立即打住。时差两小时，他们还在沉睡。稍后再说……

后来进行了长时间的交谈，无论是塔季亚娜，还是她的丈夫，甚至那些素来口无遮拦的儿子们，都竭力避免直抒胸臆，转而使用伊索式的隐语。倒不是刻意为之，而是某种自发形成的默契。过去半年，或许更久，一种担忧已悄然滋长：担心被无形的耳目窥探，在社交媒体上不再随心所欲地发文、转发或者点赞……

直到今天早晨之前，塔季亚娜总是刻意地——甚至常常是明显刻意地——制止他人与她谈论政治或各类敏感话题；每当有人在她面前批评当局时，要么直接打断对方的当面询问，要么干脆起身离场……在剧院后台的闲言碎语中，在餐厅的日常闲聊里，这类场景几乎每天都在上演。过去的她会皱眉愠怒，而现在……

不，此刻她既不愿倾听，也不愿回应，无从判断周遭发生的一切是对是错、该与不该。唯有母性本能驱使着她寻找保护孩子、藏起孩子的方法。两个儿子……小儿子尚在求学，大二全日制学生；而大儿子……

此刻她懊悔不已——当初为何没有坚持让儿子接受高等教育，报考大学。甚至曾暗自为谢廖什卡选择技校而骄傲，毕竟他获得了钢轨探伤车操作员这份技术工种。塔季亚娜至今仍未能完全理解：这看似仅是操控带轮子的小车检查铁轨的工作，实则是承载整套移动检测实验室的精密系统。

技校毕业后，大儿子在离家不远的部队服役了一年。表现优异，家人也常去探望他。如今已是从事本专业工作的第二个年头。

“儿子，你去打听下”——塔季亚娜在电话里说，“你的专业肯定不在那个名单上……”她本想直说，从事他这种道路养护职业的人按规定可以免征，毕竟道路系统需要保持畅通。“不，别说！”——又突然停顿了一下，“什么都别问。要不请个假？或者去……去外婆家住段时间？”

塔季亚娜的母亲住在北方的一个小村庄里。塔季亚娜总劝她搬走，把房子卖给那些新潮的度假客——这些人如今时兴在偏远地区置办乡间别墅。可此刻，她却突然坚信，唯有这个隐匿在泰加林深处的老屋能庇护她的儿子。

“知道了，妈，别担心。再说吧。”谢廖沙用年轻人特有的低沉嗓音应道，“该去上班了，还得吃早饭呢……”

塔季亚娜提前二十分钟来到剧院。她察觉到演员、舞台布景师和

场务人员们投来的目光——所有人眼神里都写着：“能聊聊吗？你还好吗？”大家都知道她有两个儿子。

塔季亚娜没有与任何人交谈。换好戏服后，她坐在化妆镜前，侧着脸避开镜中的自己，顺从地将脸庞迎向化妆师列娜的笔刷。值得庆幸的是，列娜始终沉默地工作着。

演出——结束，她便匆匆收拾好东西离开了。尽管剧团在酒店餐厅预定了晚餐，她却独自在附近咖啡馆吃了饭。她实在不愿再与同伴们碰面，哪怕只是对上他们的眼神，及时是无声交流，但也要做出回应。

回到房间，直至深夜，她不停刷着社交媒体、新闻频道和各种公共主页。消息显示，征兵令已开始派发给从未参战过的人。报道称，存在诸多纰漏，当局正竭力修正系统漏洞。……她粗暴地将手机摔向床头柜，拽起被子蒙住脑袋，蜷缩成一团。恐惧如潮水般涌来。

次日的演出如期进行，只是她未参与其中。这样也好。塔季扬娜实在无法想象自己要如何登上舞台念出台词。昨日的烫伤此时开始灼痛，连给家里打电话都成了煎熬。她在WhatsApp里留言：若有急事，请主动联系。然而丈夫与儿子始终没有来电。“没有消息便是平安”，她如此自我安慰着，强迫自己冷静下来，坚信，家人们都安然无恙。……

她坐坐，躺躺。吃了昨日从咖啡馆带回的食物；客房里备有水壶，甚至还有茶包和咖啡包。客房服务员敲门询问，塔季亚娜回绝了所有服务。傍晚时分，日落之前，她出门散步。否则难以入眠，而安眠药也毫无助益。

春天与秋天常见的暖阳从侧面斜照下来，将房屋的外墙、树上黄红相间的叶片映衬得愈发鲜艳。总之，这轮斜阳仿佛在竭力为尘世增添几分欢愉。

塔季亚娜缓缓地走在步行街上。她惊讶于周围竟有这么多面带笑容的行人，还有商店里传出的音乐、促销员招呼顾客参加打折活动的洪亮嗓音、还有光学幻觉博物馆。……

街道尽头是河岸。堤坝宽阔坚固，铺着花岗岩石板，立着漂亮的灯柱。而下方流淌的河流却纤细如带，几乎像一条小溪。不过，或许到了春季，它也会涨水漫堤。……

塔季亚娜愉快地吸了一口清新沁人的空气，凝望着城外泛着青蓝的低矮山峦。

“我想在入冬前把维佳的坟修整下，”身后突然传来话音，“墓碑松动了，长椅也朽烂得不成样子。昨天给谢廖沙打电话，他在殡葬公司工作。……”

塔季亚娜转过身。两名老妇人正蹒跚着从旁经过。

“我刚一开口，他就说：柳达阿姨，实在没法帮忙，明早十二点要带着行李去征兵办报到。命令下来了。”

“唉，谢廖什卡啊，谢廖什卡。……”另一名老妇人长叹道，“车臣的仗都打过了，如今又。……”

塔季亚娜不愿听见，更不愿理解传入耳中的对话。她抗拒这种名字的巧合关联。这与她何干？可胸腔突然传来撕裂般的下坠感，呼吸在戛然而止。她踉跄着抓住花岗岩护栏，身体不受控地向沥青路面瘫

软下去。视野里的群山消失了，紧接着出现了暗红色的天幕，最终被黑暗吞噬。

刺鼻的灼烧感穿透鼻腔。伴随着剧烈抽搐，神智清醒过来。这是氨水的味道。

手持棉球和玻璃瓶的男子俯视着她。

“我怎么了？”塔季扬娜问。

男子耸了耸肩，用门诊医生特有的职业腔调答道：

“疑似急性心梗发作。建议你做个检查。”

她的心脏从未不舒服。这是第一次心梗发作。

译者：刘淑敏

ЧЭНЬ ЛЯН

Родился в 1975 году в Цзяочжоу провинции Шаньдун, в настоящее время живет в Пекине. Опубликовал множество поэтических сборников и поэм. Является членом Национального комитета Союза китайских писателей и главным редактором журналов «Новые избранные стихотворения» и «Китайская поэзия года».

陈亮

陈亮，1975年生，山东胶州人，现居北京。出版诗集、长诗多种。中国作家协会全国委员会委员、《新诗选》和《中国年度诗歌》主编。

ТЕПЛО

*Те теплые тропинки... их лижут сумерки,
они пропитаны ароматом посевов,
по ним разливается тусклый белый свет —
той белизны, что возникает, когда люди идут,
застывают и снова идут,
той белизны, что оставляет зола сгоревшего хвороста,
рассыпанная по земле.*

*Там восточная стена усыпана птичьим пометом, и она
тепла.*

*К железному кольцу в стене привязана лошадь,
она топает, кружится, потряхивает тучными боками,
машет хвостом, отгоняя красных мух,
и ржет, в возбуждении
или досадуя на тяжелый труд.*

*По улице идет бродячий торговец тофу с колотушкой,
излучая тепло.*

*Давно не появлялся, а сегодня вдруг возник,
Макушка его сияет золотым светом, как у Бодхисаттвы.
Говорят, что он болен раком, но хочется верить, что это
не так.*

Мой отец излучает тепло.

*Он почти всегда у колодца в огороде,
черпает воду и поливает; от колодезной воды идет пар,
мгновенно делая отца призрачным,
и не понять, сколько ему — шестьдесят, пятьдесят или
двадцать.*

*А мать сидит на корточках, перебирая овощи,
вылавливает насекомых,
а потом уплывает домой.*

*Ты тоже тепла. В тот год я залечивал раны дома,
на стене расцвели цветы тыквы,
ты поутру пошла занимать деньги у соседей
и легко их получила,
на твоём лице проступил пот,
и ты все повторяла, что хороших людей так много.*

*Овца тоже излучает тепло. Смеркается,
а она всё пасется. Живот большой — готовится к родам,
из набухшего вымени сочится молоко,
и в ее глазах и голосе*

есть что-то, заставляющее сердце трепетать.

*Она всегда что-то жуёт, как будто пытается
разжевать железную пену.*

ПТИЧЬЯ СТАЯ

*Столько лет каждую ночь они пролетают за моим домом,
издавая низкие и таинственные крики.*

*Распростертые крылья со свистом рассекают воздух под
звёздным небом —*

отчетливо слышно: вжух, вжух.

*Иногда они садятся на крышу моего дома,
крепкими клювами сильно долбят иссиня-черную черепицу,
словно что-то взволнованно ищут.*

Их глаза и когти

порой испускают искры,

притягивая смутные вспышки молний.

*Иногда они легко проникают в мои сны,
их глаза — словно фонари, посылающие длинные лучи,
что непрерывно скрещиваются темноте, что-то ища.*

*Они блуждают в моей голове, поют
или издают лёгкие вздохи,
как будто ждут чудесного пробуждения человека-овоща.*

А однажды я наконец не выдержал

и в бессонную полночь

выбежал, как при пожаре.

Под бесконечно печальным светом луны

*я вдруг увидел, как много еще подобных мне —
голых, опухших и уродливых.*

*Все они тянули руки к птичьей стае, жадно крича,
из их ртов вырывались крики, похожие на птичьи.*

Они были словно сироты, жаждущие тёплых объятий.

*Луна что есть мочи раскрыла налитые кровью глаза,
стараясь что-то доказать,*

*но птичья стая в ужасе с шумом разлетелась,
словно никогда и не знала нас.*

КОПАНИЕ

*Иногда под петушиные крики, иногда под ослиные вопли,
иногда под бляющие овец или лай собак — отец всегда что-то
копал лопатой.*

Иногда копал яму.

*Чьи раны он углублял? Чаше всего
он сглаживал и прикрывал.*

*Иногда сооружал кучу, которую и сам не мог преодолеть,
иногда с удивлением выкапывал несколько обломков костей,
аккуратно их оборачивал, находил местечко
и торжественно хоронил,
втыкая сверху веточки и что-то бормоча.*

*Иногда он стоял спиной к нам,
иногда боком или лицом,
иногда он был один,
иногда вдруг размножился до бесконечности,
всегда в одной позе и никогда не останавливаясь.
Порой они были четкими и резкими,
как золотые горы и бронзовые статуи. Их сила
сотрясала солнце и луну, заставляла реки поворачивать
вспять, землю —
опрокидываться, горы — дрожать, каменные глыбы —
взлетать и в конце концов
падать им на ноги.
Плоть разлагалась, но криков боли не было слышно,
напротив, все каялись благочестиво.
Чаще всего они были размыты, их лица неразличимы,
и лишь во сне можно было найти слабые отголоски
запуганных бесчисленных множеством плетей,
подгоняемых трубами, связанных веревками.
Еще чаще казалось, что они исчезли полностью,
оставив за собой множество лопат,
что машут сами по себе,
посевы, что сами растут,
сезоны, что сами сменяют друг друга.
А от них самих не осталось и следа.
Лишь одинокий ветер по-прежнему
обдувает таинственные звезды.*

ЗАТОПЛЕНИЕ

*В сумерках в сторону поля идет человек.
Это смотритель склонов.
Шатаясь, он несёт на плече блестящую лопату.
Над головой хаотично кружат комары.
У него тяжелая походка дряхлого человека.
Поздняя осень — зеленые посевы почернели,
В канаве, где тонули собаки и кошки, цветут белые цветы.
Тропинку все также теснят сорняки и посевы,
а она терпеливо сносит это,
Невидимые насекомые все так же призывают духов.
Одинокие курганы медленно источают голубую дымку.
Он заметил воробья. Тот мелькнул перед глазами,
бросил прощальный взгляд и, фыркнув, улетел вдаль
и сразу же был бесследно поглощен чернеющей зеленью.
Несколько хорьков, наострив уши и покашливая,
загадочно помахали ему вслед
и тоже мгновенно были поглощены без следа,
не оставив после себя даже ряби.*

*Поле напоминало бездонную пропасть —
при мысли об этом он почувствовал невыразимую жажду и
смятение,
поскольку вокруг не было ни души.
Он задрожал, как цыплёнок,
как будто его самого скоро поглотят дочиста
и не оставят и косточки.
Он с грохотом бросил лопату и, спотыкаясь, побежал,
бросив многолетний труд по присмотру за склонами.
Впервые за много лет он был напуган до смерти.
А черно-зеленое стало еще спокойнее и
медленно выплюнуло серовато-жёлтую луну,
не волнуясь, что кто-то сможет вырваться
из его черных когтей.*

温暖

那些小路是温暖的，被暮色舔着
被庄稼的香气熏着
泛出微茫的白光
是人们走走停停走出来的那一种白
是柴草的骨灰撒在土上的那一种白
那面落满鸟屎的东山墙是温暖的
墙上有个铁环，牵出的马在这里
踢踏打转，晃动肥膘
用尾毛扑打着发红的蝇虫
它呱呱叫着，散发出亢奋
或少许劳役怨气
游街的豆腐梆子是温暖的
好久没见到他了，今天又突然出现
头顶金光闪闪，宛如菩萨
传说他患了癌症，相信这不是真的
父亲是温暖的
他几乎一直在菜园的井台
拔水浇灌，井水热气腾腾
让他瞬间就虚幻了
看不出他是六十岁、五十岁、还是二十岁
而母亲蹲在那里择菜、捉虫
时间久了就飘回家去——
你也是温暖的，那一年我在家养伤
墙上的葫芦花开了
你一早去邻家借钱，轻易就借到了
你的脸沁出汗
不断说好人多好人多
一头羊是温暖的，天就要黑了
它还在吃草，肚子很大，准备要生育了
鼓胀的乳房拖拉出奶水
它的眼里，还有声音里
有一种让心肝发颤的东西
它嘴里永远嚼着什么，似要嚼出铁沫来

鸟群

好多年了，它们每晚都从我屋后经过
发出低沉，而又神秘地鸣叫
它们舒展的翅膀与空气摩擦
在星空下唰——唰——格外清晰
有时候它们也会在我房顶逗留片刻
坚硬的长喙使劲剥啄着青黑的瓦楞

似在焦急地寻找什么
它们的爪子、眼睛
会时不时地迸出火星
牵引下幽冥的电闪
有时候，它们也会轻易来到梦里
眼睛像两束直射出很远的手电
不断地向黑暗处交叉探寻着什么
它们就在我的天灵处逡巡、唱歌
或者散发出鼻息样轻微的叹息
如在等一个植物人奇迹般地醒来
到了后来，我终于忍不住了
在一个失眠的午夜
着了火一般跑了出去
——在无限哀伤的月光下
才发现，还有那么多和我一样的人
全部赤裸，全部臃肿而丑陋
全部向着鸟群张开双臂，饥渴地呼喊
嘴里飘出了和鸟群类似的鸣声
如一个个孤儿，在渴望拥抱的温暖
月亮使劲睁大血丝的眼睛
想要证明什么
可鸟群竟惊恐着呼啦
一下子逃散，仿佛从来就不认识我们

挖掘

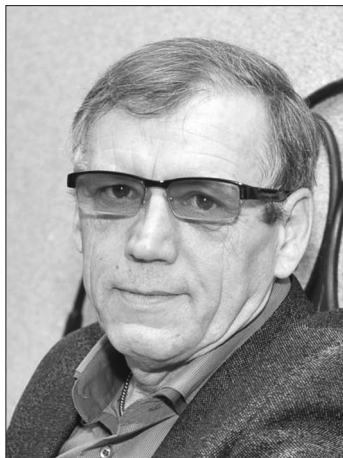
有时是在鸡鸣声里，有时是在驴叫
羊咩、狗吠声里。父亲总用铁锨
在挖着什么。有时在挖坑
挖深了谁的伤口？大多时候
是在平复和掩盖
有时是在堆一个自己也过不去的疙瘩
有时会惊讶地挖到一些散碎骨头
就小心包起来，找个地方郑重埋了
在上面插几根树枝，念念有词
有时他是背对着我们
有时是侧着，或正对着我们
有时他只是一个人
有时却瞬间分彙成无数个
都是同一种姿势，从来就没有停过
有时他们清晰、突兀
像金山银山，金人铜人，他们的力量
让日月晃动，让江河倒着腿走路
让大地颠覆，群山战栗，让巨石

飞起来，最后砸在自己的脚上
血肉糜烂，却没听见喊疼
甚至还在虔诚地赎罪
更多时候他们模糊，看不清脸庞
只有在梦里才能寻觅到一丝丝回声
似被无数的鞭子恐吓着
喇叭催着，绳子捆绑着
更多时候，他们似乎完全给隐身了
留下了无数铁锄自己在挥舞
庄稼自己在生长，留下季节
自己在轮回，他们却不知所踪
只有孤独的风依旧吹拂着玄秘星群

淹没

暮色里，一个人走向田野，这是个
看坡人，他摇摇晃晃地扛着
锃亮的铁锄。头顶紊乱的蚊虫
步履显得老迈滞重
秋，已经深了——庄稼绿得发黑
淹过猫狗的沟渠里盛开白花，
小路依旧被野草和庄稼挤得忍气吞声
隐身的虫子依旧在叫魂
孤苦的坟头开始慢腾腾吐出蓝靛
他发现一只麻雀，在眼前
虚晃了一下，扔下一个
灰灰的眼神，扑哧就飞远了
却很快就被发黑的绿吸纳的干净
几个黄鼠狼，竖耳咳嗽着
朝他神秘地摆手，旋即
也被吸纳于无迹，统统没有留下
任何的波澜。田野像个无底洞——
想到这里，他感到莫名的口渴和心慌
因为周围现在是不见一个活物了
他鸡仔样地哆嗦起来
似乎自己也会很快被吸纳干净
不会留下一点骨头
他就咣当扔下铁锄，跌撞着
跑了起来，扔下了多年看坡的营生
这么多年了，他是第一次
被吓破了胆。而那些黑绿
却更加安静，悄悄吐出草灰的
月亮，不担心有谁会逃出它的黑掌

译者：库什娜连科

ЕВГЕНИЙ СЕМИЧЕВ

Семичев Евгений Николаевич родился в 1952 году в г. Новокуйбышевске Самарской области. Окончил факультет режиссуры Куйбышевского государственного института культуры и Высшие литературные курсы при Литинституте имени А. М. Горького (семинар Ю. Кузнецова). Автор множества поэтических книг и двух книг переводов, а также многочисленных публикаций в российских центральных, зарубежных и региональных литературно-художественных и общественно-политических изданиях. Лауреат премий имени М. Ю. Лермонтова (2004), Александра Невского, премии «Новая книга России — 2002», Большой литературной премии России (2006), Международной премии имени Р. Гамзатова (2007), Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2009), дважды лауреат премии журнала «Наш современник». Включён в список классиков XX века по версии Пушкинского Дома Российской академии наук. Член Союза писателей России, секретарь правления СПР. Живет в городе Новокуйбышевске Самарской области.

叶甫盖尼·谢米切夫

叶甫盖尼·尼古拉耶维奇·谢米切夫，1952年出生于萨马拉州新古比雪夫斯克市。毕业于古比雪夫国立文化学院导演系和高尔基文学院高级文学培训班（尤里·库兹涅佐夫研讨班）。他是多部诗集的作者，出版了两本翻译作品，并在俄罗斯中央、国外及地区的文学艺术和社会政治刊物上发表了大量作品。曾获米哈伊尔·莱蒙托夫奖（2004年）、亚历山大·涅夫斯基奖、“俄罗斯新书—2002”奖、俄罗斯大文学奖（2006年）、拉苏尔·加姆扎托夫国际奖（2007年）、“罗斯金笔”国家文学奖（2009年），并两次获得《我们的同代人》杂志奖。被俄罗斯科学院普希金之家列为20世纪经典作家之一。他是俄罗斯作家协会成员，并担任俄罗斯作协书记处书记。现居住于萨马拉州新古比雪夫斯克市。

* * *

*Дерзкая, как наваждение,
Эта сердечная боль.
Детское спецучреждение.
Бритый мальчишеский строй.*

*Радужность лозунгов муторных
Не обольщает мой взгляд.
В детской колонии утренник.
Шефский концерт для ребят.*

*Слушают дети внимательно.
Гордо звучит в тишине
Песня о Родине-матери,
Самой счастливой стране.*

*Той, что дорогою звездною
В дальние дали зовет.
И одинокой березою
На косогоре растет.*

*Зорькою ясною светится.
Колосом зреет в полях.
И — никогда не изверится
В горьких своих сыновьях.*

ЗВЁЗДЫ

*Грустные эти звёзды
В сумрачной вышине...
— Господи! —
Твои слёзы
Горькие
Обо мне.*

*Что ж от меня Ты прячешь
В сумраке скорбный лик?
И почему Ты плачешь,
Если Ты так велик?*

* * *

这心头的痛楚，鲁莽的，
如幻觉一样。
儿童的特殊机构。
剃光头的男孩站成一行。

乏味口号中的彩虹
无法迷惑我的目光。
在少年劳教所的晨会上，
有儿童音乐会的赞助商。

孩子们专注地倾听。
寂静中骄傲地奏响
关于祖国母亲的歌唱，
献给致福之国的颂扬。

那国家以星光之路
召唤着远方的远方。
孤独的白桦树
在山坡上生长。

明亮的黎明闪耀。
田野中麦穗金黄。
并且——永远不会失去
对苦命子孙的信仰。

星星

在昏暗的天穹，
散落着悲伤的银砾……
——上帝啊！——
那是你的泪水
苦涩地
为我而滴。

为何你在昏暗之中
把悲伤的面容遮蔽？
既然你如此伟大，
又为何你要哭泣？

译者：柴旭东

АЛАЙ

Алай (р. 1959), знаменитый китайский писатель и поэт, тибетец, заместитель председателя Союза китайских писателей, председатель Союза писателей провинции Сычуань, лауреат литературной премии имени Мао Дуня (2000) и премии имени Лу Синя (2018). Среди его главных произведений романы «Когда осела пыль» (1998), «Пустая гора» (2009), «Заметки в облаках» (2019). Многие произведения Алая переведены на русский и другие языки мира.

阿来（出生于1959年）中国著名作家和诗人，藏族，中国作家协会副主席、四川省作家协会主席，2000年获得了茅盾文学奖、2018年获得了鲁迅文学奖。阿来的代表作包括《尘埃落定》（1998）、《空山》（2009）、《云中记》（2019）等长篇小说。阿来的许多小说译成俄文等外国语言。

ЦВЕТКИ СОФОРЫ

(рассказ)

Вдруг сильно запахло цветами.

В эту обычную майскую ночь Шераб Бум словно затерялся в пространстве. Проснувшись, он ощутил необычайную тишину и насыщенный аромат — аромат цветков софоры.

Старик отбросил одеяло и поднялся. Лежанка и суставы отозвались звучным потрескиванием. Он стоял, согнувшись, посреди сторожевой будки, и от его кашля сотрясались оконные стекла. Стекло со всех сторон: шестнадцать дребезжащих прямоугольников вокруг, а наверху остроконечная крыша из листового железа. Когда он гасил свет и растягивался на лежанке, это сооружение превращалось в перевернутый стакан, до краев наполненный воспоминаниями, и Шераб Бум умиротворенными, бережными глотками то и дело потягивал его содержимое. «Хорошо-то как!» — приговаривал он, в точности повторяя интонации сына. Тот, поселив отца в этот похожий на птичью клетку или бутылку домик, сказал: «Хорошо-то как, просто замечательно!» Смакуя свой напиток со вкусом прошлого, Шераб Бум соблюдал крайнюю осторожность, чтобы ни в коем случае не коснуться губами краешков этого стакана, отдававших неприятным запахом крашеного, ржавого или покрытого смазкой железа. На стоянке, которую он охранял, хватало такого рода хлама: гаражные ворота, старые автозапчасти, стальные тросы, свистки, которые, точно амулеты, украшали грудь полицейских.

Опять пахнуло цветами.

Шераб Бум привычно наострил уши, как он делал на охоте, учуяв какой-то запах, и его ноздри — гораздо более крупные, чем у обычных людей — зашевелились. Стекла все еще подрагивали, отвлекая внимание. Сын соригинальничал и построил сторожку в виде будки полицейского, к тому же двухэтажную. Шераб Бум открыл люк на крыше и спустился вниз по сваренной из стальных труб лестницы в семь ступеней. Внизу стекло не было, лишь небольшое отверстие в бетонной стене. Здесь был недавно вырытый им сандал* и кое-что из кухонной утвари: деревянный черпак, пара деревянных чашек и медный самовар. Из всех вещей, что доставил сюда сын, ему нужен был лишь глиняный котелок, чтобы варить рис. Когда он неуклюже протискивал через узкий дверной проем свое дородное тело, подумалось, что он похож на вылезавшего из берлоги медведя, и захотелось взять себя самого на мушку. Его тут же накрыл, словно колпаком, слабый свет. Сперва он подумал, что это неяркий свет луны, но небо темное, луны нет. А это было марево, которое отбрасывали в ночное небо городские фонари. Колпак света над городом напоминал закрученное вихрем пылевое облако в погожий день. Рассеянные лучи распространялись далеко окрест. Из-за этого свечения несколько десятков застывших на стоянке грузовиков казались чем-то неясным и бесформенным. Было трудно поверить, что столь шумная и резвая техника может вдруг стать безмолвной

* Сандал — очаг в полу, обычно в центре комнаты.

и бесформенной. Взгляд скользнул за серую стену, ограждающую стоянку, где плотные ряды домов тоже отливали тусклым светло-серым цветом, словно облитые водой моллюски. А приютившая его сторожевая будка напоминала одинокий гигантский гриб. Но у него не было запаха. Шераб Бум вспомнил ночи на охоте, когда, просыпаясь где-нибудь под елью, он улавливал еле ощутимый запах: это тут и там пробивались из-под земли грибы — счастливый знак для охотника.

Повернувшись, он увидел за стеной, у реки, деревья. Аромат исходил от них. В эту ничем не примечательную майскую ночь вдруг распустились цветки софоры. Ветерок с реки волнами гнал к нему этот сладкий запах.

«Зацвела, наконец-то зацвела!»

Старика неуждливо тянуло к этим деревьям, и он дошел до решетчатых ворот стоянки. От софоры его отделяли лишь дорога да эти ворота. Днем они были открыты, а на ночь их запирали, и ключей у него не было. В минуты отчаяния приходилось слушать эту всепоглощающую тишину. Вокруг, насколько хватает глаз — подернутое дымкой молчаливое пространство. Между тем ночь в лесах, полях, деревнях, недосыгаемых для городского освещения, была полна звуков — то звучала жизнь. Бродили дикие звери, что-то говорили во сне птицы, росла трава и шелестели деревья, дул ветер, вздыхали влюбленные на тайных свиданиях... Глядя на благоухающую софору, Шераб Бум вспомнил умершего старшего сына и красавиц дочерей. От жены у него было двое сыновей, а две девочки родились от другой женщины. После смерти жены он потерял еще и сына: тот по неосторожности застрелился на охоте. Младший сын был начальником полицейского участка и, чтобы не оставлять отца в одиночестве, справил ему городскую прописку. И отец, известный охотник, стал сторожем на автостоянке. Он зарабатывал три юаня в день; кроме того, ему доплачивали по пять цзяо* на питание во время ночных дежурств.

Тишину разорвала полицейская сирена.

Может, это сын поймал очередного воришку или хулигана? Его вдруг охватила тревога за одного паренька, хотя он знал, что того сейчас нет в городе.

Он вернулся в будку и улегся, укрывшись одеялом. Со всех сторон стекло, сторожить удобно. Шераб Бум скучал по настоящим ночам, по истинной темноте, а здесь вокруг лишь этот рассеянный свет. Только в той темноте и чувствуешь себя действительно спокойно, там пахнет деревьями, землей и водой. А здесь приходится вдыхать вонь от резины, краски, бензина и ржавого железа.

Он закрыл глаза и стал вспоминать того парня. И выражение лица, и выступающие зубы — все выдавало в нем малолетнего юнца. Уже при первой встрече Шераб Бум просил его быть осторожнее. С чем осторожнее? С машиной или с полицейскими? Еще молоко на губах не обсохло, а парень говорил с ним тоном бывалого, многоопытного водилы, у которого и деньги всегда имеются: «Эй, дедуля, держи за стоянку! Можешь квитанцию не выписывать, выпей лучше винца!.. Эй, дедуля, хочешь, расскажу последние новости?.. Эй, дедуля, может, девочку привезти?.. Эй, дедуля...»

* Цзяо — денежная единица, равная одной десятой юаня.

Так вышло, что у старика к этому неотесанному пареньку проснулись отцовские чувства. Пока тот нес всякую околесицу, хотелось влепить ему пощечину, но вместо этого он прикрикивал на него, как на расшалившегося ребенка: «Ставь уже свою машину, ставь!»

Пристроив машину, парень залихватски спрыгивал с подножки, а Шераб Бум снова талдычил, что нужно забирать вещи из машины, закрывать не только двери, но и окна. Парень общался с ним на его родном наречии, которое здесь мало кто понимал, ведь в этом городе в ходу были в основном китайский и нормативный тибетский. И всякий раз, когда парень уезжал, Шераб Бум спохватывался: владыка небесный, да он же говорит, как в наших краях!

Старику давно не приходилось говорить на родном языке. К тому же помимо словарного запаса, необходимого охраннику, он знал всего лишь несколько фраз по-китайски, поэтому побеседовать с кем-то у него просто не было возможности. Днем он спал, а по ночам, в сумеречном городском освещении, которое никогда не достигало уровня дневного, бодрствовал, охраняя эти никому не нужные грузовики.

Перебравшись в город, он не сразу обосновался здесь, сначала жил вместе с сыном и невесткой. Он сам попросил сына найти ему какую-нибудь работенку, хотя жаловаться было не на что. Его невестка, ханька* по национальности, носила очки и говорила негромко. Больше всего ему нравились ее ровные белые зубы; у всех женщин, которых он любил, были такие же. Невестка отвела ему отдельную комнату с удобной, мягкой кроватью. На стене висело ружье, с которым он так и не смог расстаться, пара ветвистых оленьих рогов, несколько отполированных, словно яшма, кабаньих клыков да пестрые фазаньи перья. У окна стояла кушетка, покрытая медвежьей шкурой. Шераб Бум в одиночестве предавался здесь воспоминаниям о прошлом — о лесе, об умерших родственниках и охотничьих собаках. Невестка частенько приглашала в комнату старого охотника коллег и начальство, и те бурно выражали свой восторг. До старика постепенно дошло, что восторгаются не им, а невесткой. Ведь она проявляла почтительность к своему чудаковатому свекру, облик и поведение которого выдавали в нем представителя одного из национальных меньшинств. И в конце концов она заняла руководящий пост в женской ассоциации. Это решили отпраздновать. Дома накрыли богатый стол с разнообразными винами и закусками. Завершив трапезу, невестка решила поковырять в зубах. Зубочистки не помогли, только сломала пару штук. Она разинула рот, и тогда у нее вся верхняя челюсть и выпала. Шераб Бум промолчал, поняв, что обманывался насчет ее красивых зубов. А невестка, мурлыча что-то под нос, положила протез в стакан с подсоленной водой. Шераб Бум посмотрел на сына:

— Жуть какая!

— В смысле?

— Твоя жена... ненастоящая, зубы... ты, что ли, выбил?

Сын покачал головой. Тут же к ним обратилась невестка:

— О чем вы там разговариваете? Говорите на китайском.

* Ханьцы — самая многочисленная этническая группа в Китае.

— Отец его не знает.

— Пусть осваивает понемногу, — сказала невестка и, взяв стакан, удалилась в другую комнату.

Шераб Бум вдруг громко заявил:

— Хочу домой!

Сын отреагировал весьма жестко:

— Это невозможно. Теперь ты прописан здесь. Понимаешь, что такое прописка?

Так он и стал сторожем на автостоянке.

Поначалу специальной стоянки здесь еще не оборудовали, машины стояли просто возле тихого перекрестка. Шераб Бум обосновался в комнате на месте заброшенного аварийного выхода в шестиэтажном доме. Комнатушка была такая маленькая, что в ней поместились только лежанка, печка да он сам — такой большой. Здесь он мог опрокинуть стаканчик-другой и спать целый день до захода солнца. Когда он просыпался, уже горели фонари, из окон дома доносились звуки национального гимна, исполняемого по телевизору, а грузовики всех мастей искали, где бы приткнуться. Шераб Бум умилялся, глядя на этих притихших железных монстров, которые смиренно отправлялись на покой после бурного дня на дорогах. Размахивая плоской бутылкой с узким горлышком, он давал указания, куда ставить машины. Эту бутылку из-под бренди выбросил какой-то шофер. Позже он разобрал лежанку, что смастерил для него сын, и прямо на пол постелил ту самую медвежью шкуру с головой, хвостом, когтями, которая раньше в его комнате украшала кушетку. Слушая потрескивание дров в печурке и вдыхая приятный запах смолы, он безмятежно засыпал прямо на этой шкуре. Водители фур и грузовиков привозили ему продукты и спиртное из разных уголков Китая: в то время он выпивал. Иногда к нему в каморку захаживал один старик из этого дома, чтобы отдохнуть от своих близнецов-внуков, которые за день доводили его до полного изнеможения. Кроме того, сюда приходил еще и пожилой уборщик мусора. Они сидели и вспоминали молодость. Эти двое завидовали, что у него такая хорошая работа. Как-то подвыпив, Шераб Бум похвастался: «Сын у меня — начальник полицейского участка». Он понимал, что не должен сравнивать себя с этими беднягами, но язык не подчинялся: «У меня еще и невестка чиновник». На следующий день он принес приятелям извинения. А через некоторое время тот старик, что нянчился с внуками, пришел и сообщил, что мусорщик умер, а сам он собирается уехать в родные края.

В тот день они посидели за бутылкой.

Шераб Бум завидовал, что его знакомый возвращается домой. А старик завидовал, что Шераб Бум может остаться в городе.

Шераб Бум тогда перебрал и, расставшись с приятелем, отправился прогуляться по ближайшей улочке. Вскоре перед ним возникла по-весеннему полноводная река с каймой грязной пены у берегов. Валы несли много ила и не могли вздыматься, лишь будоражили воображение. Лучи заката окрасили реку в золотисто-желтый цвет. Она несла свои затхлые воды через город, пока не исчезала за горами. Далекие горы окутал туман, и на старика разом нахлынули скорбь и одиночество, заныло сердце и кости. Он стоял на берегу, пока за спиной не зажглись фонари и горы совсем исчезли из виду.

Вернувшись на стоянку, Шераб Бум чувствовал себя совсем разбитым, он понял, что постепенно дряхлеет. Видать, погода меняется, все суставы ломит.

А вечером к нему заявился тот парень. Совсем еще сопляк, а корчит из себя важную персону.

— Эй, дедуля!

— Меня зовут Шераб Бум!

— Дедуля, ты дедуля и есть, — хохотнул парень.

— Я известный охотник, слышал мое имя? Приедешь домой, спроси у своей мамки!

— Дедуля, да ты пьяный совсем.

Тут Шераб Бум рывкнул, указывая на его грузовик:

— А ну поставь свою машину справа, а не слева!

Но парень лишь захлопнул дверцу и дунул в свой свисток. Старика это сильно задело, и хмельные слезы чуть не брызнули из глаз. Изловчившись, он схватил парня за грудки, но тот вцепился ему в запястья, так они и стояли, не уступая друг другу. Шераб Бум прекрасно понимал, что силы у него, старика, уже не те, а у этого юнца их все прибавляется. И тут через плечо парня он увидел, что к ним с потемневшим от гнева лицом молча приближается его сын.

— Убери руки, начальник полиции идет! — сказал Шераб Бум.

Парень не отреагировал, перед ним мелькнул кулак полицейского, и он, выругавшись, сцепился уже с ним. Шераб Бум принялся их разнимать. Когда ему удалось обхватить парня, сын уже успел вытащить наручники, угрожая забрать буяна в участок. Шераб Бум признался, что выпил лишнего и сам спровоцировал парня. Сын оставил отцу вяленого мяса и рассерженный ушел восвояси.

В тот вечер Шераб Бум пригласил парня к себе в комнатушку, угостил его, разместил на медвежьей шкуре, поведал, как он эту шкуру добыл, рассказал о прелестницах с белоснежными зубами. А в конце добавил:

— Будешь искать девушку, ищи такую, у которой зубы будут настоящими.

Парень в ответ улыбнулся.

Для старика эта ночь в городе, пожалуй, была самой короткой.

Парень теперь всякий раз непременно что-нибудь привозил ему: то вязанку хвороста для растопки, то веточки кипариса, дым от которых отпугивал насекомых и уничтожал неприятные запахи; привозил и конфеты, сахарный тростник, нюхательный табак, а то и тушку фазана. Однажды привез даже стопку комиксов и игрушечный пистолетик. Вручив гостинцы, парень прощался и отправлялся куда-нибудь перекусить и развеяться.

Как-то раз он появился уже за полночь. Вылезая из кабины, достал оттуда охапку белоснежных благоухающих веток софоры. Бросил их на медвежью шкуру, и каморка тут же наполнилась сладким ароматом. А еще он принес мешочек с пшеничной мукой и сказал:

— Сделай лепешек, таких, как у нас, с запахом софоры.

Ту ночь они тоже скоротали вместе. Шераб Бум развел огонь, вскипятил воду и замесил тесто, подмешав в него растолченные лепестки софоры. Парень тем временем уснул. Комната наполнилась благоуханием.

Он проснулся, когда одна лепешка уже поспела. Губы его расплылись в улыбке, хотя глаза еще были прикрыты:

— Готова?

— Готова.

— Дедуль, а давай-ка сперва погадаем на узоре!

Шераб Бум подул на кончики пальцев и произнес:

— Пусть то, что возьмешь в руки, предскажет нам доброе завтра.

Они рассматривали узор на ароматной лепешке, которая напоминала лицо, полное радости.

Пока они ели, на подходе была еще одна, узор на ней тоже походил на улыбающееся лицо.

— Здорово! — воскликнул парень. — Значит, завтра мне вернут права.

— Права?

— Да, у меня же права отобрали. Кстати, сынок твой.

Утром Шераб Бум пошел к сыну в участок, прихватив с собой лепешки с запахом родины, и забрал у него права.

— Передай, чтобы больше мне на глаза не попадался, — сказал сын. — За такое нарушение можно года на два за решетку угодить.

Видимо, парень и впрямь натворил что-то серьезное, потому как больше не появлялся. Но и скучать этой зимой на стоянке не пришлось. То пьяницы по ночам песни горланили и мусорные баки переворачивали; то размалеванные женщины сновали, а тут еще бездомная собака рылась в мусоре в поисках пропитания. Собака была породистой: уши, глаза, нос — все говорило, что на охоте у нее не нашлось бы соперников. Непонятно, как она попала в город. Потом ее, грязную и отощавшую, какие-то пьянчуги удавили проводом. Позже сторожу предложили сообщать в полицию обо всех пьяницах, проститутках, воришках и хулиганах, даже обещали вознаграждение. Но когда появлялся полицейский патруль, ночных бродяг как ветром сдувало, и Шераб Бум заскучал. Он сидел в своей сторожке и вспоминал того разбитного парня, который любил лепешки с ароматом софоры и говорил с ним на одном наречии. Дверь он никогда не закрывал. Бывало, услышит пронзительное завывание и думает, что это ветер, но оказывается, это просто полицейская сирена. Однако все чаще налетали вихри и в свете фонарей кружились снежные хлопья.

Вскоре после Нового года стоянку переоборудовали.

Старику совсем не нравилось, что сторожевой пост сын перенес в эту будку. Но это было сделано из самых добрых побуждений, ведь так Шераб Бум мог охранять стоянку, даже не вставая с лежанки.

И вот сейчас, когда наступила пора цветения софоры и в ночи висел ее густой аромат, он лежал в этой стеклянной колбе, в рассеянном свете фонарей и вспоминал, как в былые времена на охоте располагался на ночлег где-нибудь в пещере или в шалаше. Какой же запах там стоял, какие густые тени рисовала луна в лесу! В этом смысле его новое жилище не выдерживало никакого сравнения. Разумеется, он понимал, что в городе лучшими считаются дома, где использовано больше всего стекла и краски.

— Не нравится мне, — услышал он собственный голос. «Наверное, старея, люди начинают, сами того не ведая, разговаривать сами с собой», — мелькнула мысль. Шераб Бум укрылся с головой одеялом и представил,

что уже умер. Он задержал дыхание, и биение сердца замедлилось. Уснув, он увидел бескрайние зеленые луга, и даже когда проснулся, они все еще мерещились ему. Такой сон обычно предвещал встречу с кем-то из близких. С кем же он мог встретиться? Младшего сына он увидит и без этого сна, а с женой или старшим сыном ему уже не встретиться, сколько бы зеленых лугов ни снилось.

— Значит, с ним! — снова вдруг заговорил он сам с собой.

Словно наяву, он увидел, как из грузовика спускается тот самый парень, который говорил с ним на родном языке. Увидел даже, как, выбираясь из машины, тот старается подражать опытным водителям. Услышал: «Привет, дедуля!» Услышал и свой собственный голос: «Софора зацвела!»

К тому времени городские строения уже избавились от своего тусклого, словно сон, освещения. Старик встал с лежанки. Весь день он соорудил стремянку из железных прутьев. Притащив ее к распустившейся софоре, Шераб Бум забрался повыше и нарвал бессчетное количество благоухающих белых соцветий.

槐花

(短篇小说)

突然袭来一股浓烈的花香。

五月的这个平常夜晚，谢拉班竟不知自己身在何处。他在梦醒时突然感到这过分的宁静，还闻到了稠重浓烈的花香，是槐花的香气。

谢拉班揭开盖在腿上的毛毯，站起身来。床架和身上的关节都在嘎嘎作响。他弓着腰站在这个岗亭里，咳嗽声震动了窗上的玻璃。他的四周都是玻璃，十六块正嗒嗒震响的玻璃把他包围起来，玻璃上面是铁皮做成的尖顶。当他关了灯，仰躺在床上，岗亭的顶尖就成了一只幽深的倒悬的杯子——里面斟满往事气味的杯子，他总是平静而又小心地啜饮。他对自己说：这样很好。用的是儿子对他说话的那种口吻。儿子叫自己住进了这种鸟笼一样又像酒瓶一样的房子时说：这样好，这样很好。啜饮往事时，他小心翼翼地不叫嘴唇碰到那杯子的边沿，以免尝到油漆过的、生了锈的、被油污腐蚀了的钢铁的味道。在他看守的这个停车场里多的是这种东西：栅门、废弃了的汽车上的部件、钢丝绳、挂在胸前像个护身符一样用来报警的口哨。

花香又一次袭来。

他却做出猎人嗅到什么气味时习惯地侧耳倾听的姿态，同时掀动着两扇比常人宽大很多的鼻翼。而玻璃仍然轻轻震响，扰乱了他的注意力。儿子别出心裁，把他看守车场的小屋建成一座岗亭的样子，而且是有楼房的岗亭。谢拉班掀开楼顶口的盖板，下了用钢管焊成的七级楼梯。底层就没有玻璃了。水泥墙上有个小孔。地下是他新挖的火塘和几件炊具：一把木勺、几只木碗、一个铜茶炊。儿子送来的东西中他只要了一只砂罐用来焖米饭。他宽大的笨拙的身子从窄窄的门中挤出时，他想到了一只正在出洞的熊，想到了自己正举枪瞄准。这时，他被稀薄的光芒所笼罩，他以为是稀薄的月光，但天空很阴沉，没有月亮。照耀他的是这个城市向夜空扩散的午夜的灯光。灯光罩在城市上空，像晴朗日子里被风卷起的一团灰蒙蒙的尘土。灯光散漫，没有方向。在这种灯光下，停在车场上那几十辆卡车都统统变成了一种灰蒙蒙的没有影子的东西。他有点不相信这些能够高声轰鸣欢畅奔驰的东西怎么会如此安静而没有影子。目光越过停车场灰色的围墙，那些鳞次栉比的楼房也一样闪烁着软体动物沾水后那种灰白晦暗的光芒。

而他赖以栖身的岗亭像一朵硕大而孤独的蘑菇。这朵蘑菇没有香气。他想起那些出去打猎的夜晚，夜半从露宿的杉树下醒来，有香气冉冉而起，一朵朵蘑菇就在身前身后破土而出，这是猎手将交好运的征兆。

转过身子时，他发现墙外河边的树子。花香来自那几株槐树，在这个五月的平常的夜晚，槐花突然开放了。河风把甘甜的花香一股股吹送过来。

“开了，槐花开了。”

他尽量靠近散发花香的树子，一直走到车场出口的铁栅门边。树子和他就只隔着一条马路一扇铁栅门。栅门晚上上锁，白天打开，钥

匙不在他的手里。无望的时候他就要听到这巨大的寂静。目力所及，凡是被灰蒙蒙的灯光映射的地方都有这种寂静存在。而那些灯光照射不到的树林里、田野里、村庄里的夜晚却充满了声音，生命的声音。野兽走动，禽鸟梦呓，草木生长，风吹动，青年男女们幽会抚爱……谢拉班望着那几株散发香气的槐树怀念自己死去的长子，那几个私生的漂亮女儿。他和别的女人私生的都是女儿，和妻子只生了两个儿子。妻子死了，大儿子打猎时枪走火死了，小儿子成了派出所所长。当所长的儿子看他孤独，为他办了农转非手续。这个以前远近闻名的猎手成了车场的守夜人，每天有三块钱工资，五角钱夜餐补助。

警车尖厉的叫声划破了寂静。

儿子他们又抓住小偷或者什么别的坏人了吗？谢拉班为那个小家伙担心了，虽然他知道小家伙不在城里。

他躺在床上，身上盖着毛毯。四周净是玻璃，这样便于看守。他却渴望真正的夜，真正的黑暗，而灯光却从四面漫射而来。他渴望的那种黑暗叫人心里踏实，带着树木、泥土、水的味道，而绝不是停车场上这种橡胶、油漆、汽油和锈蚀的钢铁的浓烈得强制人呼吸的蛮横味道。

闭上眼睛，那小家伙向他走来。那眉眼，那暴突的门牙都给人一种稚气的感觉。第一次见面，他就想叮嘱他小心。小心什么呢？小心汽车还是小心交通警察？而小家伙稚气未脱却故作老成，用一种突然有了钱、见了一点世面的大大咧咧的口气跟他说话。

他说：“喂，老头，守车钱。不要发票，你打酒喝吧！”

“嗨，老头，想不想听点新鲜事情。”

“嗨，老头子，想不想要个姑娘……”

“嗨，老头……”

谢拉班却偏偏对这么一个不懂礼貌的小家伙怀着父亲般的慈爱，所以，当小家伙大大咧咧和自己说话时，他真想赏他几记耳光，但他却用哄孩子一样的声音说：“把车停好，停好。”停好车了，小家伙大大咧咧地从车上下来，他又叮嘱他收好东西，关上车窗，上锁。因为小家伙和他说话时用的是很少人懂得的家乡方言，而这个城市通行汉语和标准藏语。每次都是等小家伙走远了，谢拉班才突然意识到：天哪，家乡话！

老头已经很久不说家乡话了，再说除了家乡话，他只能讲几句和守车有关的不连贯的汉语，所以几乎失去了说话的机会。他白天睡觉，晚上——这个灯光永远亮不到白昼的程度的、黄昏般的夜晚醒着，守护这些谁也搬不动的卡车。

但他刚进城时不住在这里，他儿子和媳妇跟他住在一起。是他要儿子给他找的活干，他没有什么要抱怨的。儿媳妇是汉族，戴着眼镜，说话轻声细语。谢拉班尤其喜欢她那口整齐洁白的牙齿，他爱过的女人都有这样的牙齿。媳妇给了他一间专门的房子，床低矮柔软，墙上挂着他舍不得卖掉的火枪，一对干枯的分杈很多的鹿角，几颗玉石一样光滑的野猪獠牙，几片特别漂亮的野鸡翎子。窗下有一张躺椅，上面铺着熊皮。孤独时，他在这个屋子里回忆往事，怀念林子和死去的亲人与猎犬。媳妇还经常让同事和上司来参观一下老猎手的房间，引

起他们的赞叹。谢拉班终于渐渐明白，那赞叹不是冲他来的，而是冲着媳妇，赞叹她对一个形貌古怪的老实木讷的异族公公的孝敬而发的，最终的结果是她成了妇联的领导。那天家里摆了酒，白酒、啤酒、红葡萄酒，还有好多的菜。吃完，媳妇用牙签拨弄牙缝，拨断了几根签子也没弄出点什么。她大张开嘴唇，这时，她的全部上牙就掉了下来。谢拉班沉默着，知道自己受骗了，媳妇可爱的牙齿是假的。她哼着歌把假牙放进了杯子，掺上盐水。谢拉班对儿子说：“我受不了了！”

“为什么？”

“你老婆是假的，牙齿。是你打掉的吗？”

儿子摇头。

媳妇问丈夫：“你们说什么，你们用汉话谈吧。”

“父亲不会。”

“慢慢学嘛。”说完，她就端起那个装假牙的杯子进了另一间房子。

谢拉班突然高声说：“我要回家！”

儿子的口吻变得严厉了：“这不可能。你户口在这里。户口是什么你知道吗？”

于是他就成为车场的守夜人了。

刚守夜的时候还没有这个专门的停车场，原先的车都停在一个僻静的十字街口。守夜人住在一幢六层楼房平时不用的安全门洞里，门洞很小，刚好能放下一张床、一只火炉和他宽大的身子。他在这里喝一点酒，太阳出来前入睡，太阳落下后醒来。这时，街灯已经亮了，楼上的窗口里传出电视里演奏国歌的声音，一辆辆牌号不一、新旧不等的卡车慢慢驶来，寻找合适的停靠位置。谢拉班看到这些平时在公路上风驰电掣的钢铁家伙在自己面前如此小心，感到开心。他手里挥动着一个大肚细颈的扁平的酒瓶指挥这些汽车停在这里，停在那里，只是那酒瓶是个司机喝光了里面的白兰地后扔下的。后来，他把儿子为他架的床拆了，在地上铺上那张曾铺在躺椅上的头尾爪俱全的熊皮，听着火炉里劈柴的噼啪声和那好闻的松脂香气，在熊皮上安然入眠。司机们给他捎来不同地区出产的酒和食物，那时他常常喝醉。一个住在楼上整天被一对双胞胎孙子弄得精疲力竭的老头和一个拉垃圾的老头不时来他守夜的小屋里坐坐，一起缅怀年轻时候的日子。两个老头都羡慕他有这样一份美差。谢拉班喝多了，他听见自己得意地说：“我儿子是派出所所长。”他知道自己不想对比自己还可怜的老头说这些，可是却管不住自己的舌头，“我媳妇也是官了。”第二天，他向两个朋友道了歉。过不久，带孩子的老头来告诉他拉垃圾的老头死了，他也要回乡下老家去了。

那天，两个老头喝了酒。

谢拉班羡慕他能回到乡下。

他却羡慕谢拉班能留在城里。

谢拉班因此多喝了几口，分手后，他信步走到最短的那条横街。春天里暴涨的河水出现在他面前，岸边浮荡脏污的泡沫。因为太多的泥浆，河中翻涌不起意想中那样汹涌的浪头。夕阳把河水映照得一派金黄。河水带着浓重的泥腥味穿城而过，最后消失在群山之中。远山

中岚气迷蒙，凄凉、孤独的感觉涌上心头，许多东西在咬他的心房和骨头。直到背后城里灯光明亮起来，远山从视线中完全消失，他才离开河岸。

走回守夜的地方时，感到很累，他知道自己日渐衰老了。天要变了，一身关节都在隐隐作痛。

就是这个晚上，那个小家伙来了。小家伙稚气未脱却大模大样的。

“喂，老头！”

“我叫谢拉班。”

“老头。嘿嘿，老头。”

“我是一个有名的猎手，你听到过我的名字吗？回去问你阿妈吧！”

“老头，你醉了吧。”

谢拉班猛然咆哮起来：“我叫你把车子停在右边，不是左边！”

小家伙却砰地关上车门，吹起了口哨。谢拉班深感委屈，喝多的酒好像就要从眼里流溢出来了。他劈手揪住小家伙的领口，小家伙却扼住他的手腕，他们相持不下。但谢拉班知道自己老了，力气渐渐变小，而小家伙的力气却是越来越大了呀！这时，他越过对手的肩头看见儿子阴沉着脸一声不响走了过来。

谢拉班说：“快放手，派出所所长来了！”小家伙没有松手。他儿子的拳头在小家伙的面前晃动。小家伙大声争辩，又和派出所所长扭结在一起了。谢拉班硬把儿子拉开。在他搂住小家伙的同时，儿子拿出手铐，威吓说要把小家伙铐走。谢拉班承认是自己喝多了酒，挑起的事端。儿子给他留下一束干肉，悻悻地走了。

那个晚上，谢拉班为小家伙准备了吃食，让他躺在熊皮上休息，向他讲述那张熊皮的来历，向他讲那些牙齿洁白漂亮的女人。最后，他对小家伙说：“你要找女人就找一个牙齿真的洁白整齐的女人。”

小家伙歪着嘴笑了。

回想起来，那仿佛是他进城后最短的一个夜晚。

小家伙每次都给他捎来东西：一捆引火的干树枝、点燃后熏除蚊虫和秽气的新鲜柏枝、糖果、甘蔗、鼻烟、死野鸡，甚至还带来过一摞连环画和一把玩具手枪。然后就和他告别，上街吃饭，打下点小注的台球。

只有一次，他的车夜半才抵达。

小家伙从车上抱出来大把洁白芬芳的槐花，他把槐花扔在熊皮上，小屋立即充满了槐花的香气。他又从车上取下一小袋麦面，说：“做个馍馍吧，家乡的槐花馍馍吧。”

这也是一个过于短暂的夜晚。

谢拉班生火、烧水、和面，在面粉中掺进细碎的槐花瓣子。小家伙睡着了。小屋里缭绕着甘甜的槐花香气。

馍馍刚熟，他就醒了。他的嘴开始笑时眼睛还没有全张开。

“好了吗？”

“好了。”

“老头啊，我们先来看看馍馍上的纹路预兆些什么吧！”

老头轻轻吹拂自己的十个指尖，说：“让你拿起的东西告诉我们一个好明天。”馍馍上纹路开阔，眉开眼笑，香气四溢。吃这个馍馍时又烧上另一个馍馍，这后一个馍馍也一样眉开眼笑。

小家伙说：“好哇，明天可以取回我的执照了。”

“执照？”

“他们把我执照没收了。有你儿子。”

早上，谢拉班往儿子办公室送去家乡风味的馍馍，取回了执照。

儿子说：“叫小家伙不要再遇见我，他干的事够他蹲两年监狱。”

看来事情是真的，小家伙再没有过来了。好在充作停车场的街口在这年冬天里颇不寂寞。半夜还有醉汉唱歌，掀翻垃圾筒；有面白如雪眼圈幽蓝的女人来往招摇；还有一只野狗在垃圾中寻找食物。这只狗种很纯正，耳朵、眼睛、鼻子都是那种能成为出色猎狗的灵敏样子，却不知它为何流落城市，肮脏而又瘦弱，最后几个醉汉用一段电线结束了它的生命。后来，谢拉班被告知，凡发现醉汉、暗娼、小偷、流氓，都要向派出所报告，并且可以得到奖金。后来又有了治安巡逻队，那些夜游者就断了踪迹。谢拉班感到寂寞了，坐在小屋里怀念那个干了坏事的说家乡话的、喜欢槐花馍馍的小家伙。他小屋的门永远开着。有时听到有尖厉的呜呜声响起，以为是吹风，却看见警车执行任务，更多的时候却是风挟着雪花在灯光中飞扬。

新年过后不久，新的停车场建好了。

是儿子的主意把守夜人的小屋建成他不喜欢的样子。

儿子显然一片好心，那样他躺在床上就可以看守这些车子。

现在，在这个槐花初放、香气浓郁的夜半，谢拉班躺在床上，在漫射的灰蒙蒙的灯光中，在玻璃的包围里想起出猎时住过的岩洞、栅寮，它们的味道和月光下浓重的阴影，和它们相比，现在栖身的地方简直是不合情理。尽管他知道，在城里，使用玻璃和油漆最多的房子是最好的房子。

他听见自己说：“我不喜欢。”他想：人老了，开始莫名其妙地自言自语了。他把厚实的毯子拉起来，盖住脸，想象自己已经死了，并有意识地屏住自己的呼吸，心脏跳动的声音早就渐渐慢了。他睡着了，梦见了大片大片碧绿的青草，醒来，那些青草还在坡上摇曳起伏。梦见青草预兆见到久违的亲人。谁呢？小儿子不梦见青草也能见到，大儿子和妻子梦见青草也见不到了。

“那就是他了。”他又听见自己自言自语了。

他看到说家乡话的小家伙从他车上下来。看见小家伙下车时模仿那些最老成的司机的姿态。听见他喊：“老头，嗨！”

谢拉班又听见自己说：“槐花开了。”

这时，组成这个城市的建筑正从模糊的、似梦非梦的灯光下解脱出来。谢拉班从床上起来。那天他花了很长时间把一些废钢条绑成了一架梯子，把梯子扛到槐树下，采摘了许多芬芳洁白的槐花。

译者：罗季奥诺娃

ИЛЬЯ БОЯШОВ

Бояшов Илья Владимирович родился в 1961 году в Ленинграде. Окончил Исторический факультет Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена. Работал секретарём комсомольской организации строительного ПТУ № 96, ещё около трёх месяцев — в обкоме КПСС, после чего попал в Центральный военно-морской музей, где проработал экскурсоводом восемь лет. Изучал военную историю начала XX века и историю флота. Тогда же написал первые рассказы — о подводных лодках «Пантера», — опубликованные в журнале «Костёр». В 1989 году был принят в Союз писателей. Позже устроился в Нахимовское училище преподавателем истории; проработал на этой должности восемнадцать лет. Работает редактором в издательстве «Амфора». Первый сборник рассказов «Играй свою мелодию» вышел в 1989 году. Ответственный секретарь журнала «Аврора». Живёт в Петергофе.

Илия · 博亚索夫

Илия · 弗拉基米罗维奇 · 博亚索夫, 1961年生于列宁格勒。毕业于国立列宁格勒赫尔岑师范学院历史系。曾任第九十六建筑职业技术学校共青团组织书记, 后在苏共列宁格勒区委员会工作近三个月。之后进入中央海军博物馆任讲解员, 工作八年, 期间研究20世纪初的军事史及海军史, 同时开始创作首批主题为“黑豹”潜水艇的短篇小说, 作品发表于《篝火》杂志。1989年入选作家协会。随后, 入职纳希莫夫学院任历史教师, 执教18年。现任安弗拉出版社编辑、《阿芙乐尔》杂志秘书长。1989年出版首部短篇小说集《奏响你的旋律》。现居彼得宫城。

ЭДЕМ

(рассказ)

Рододендроны были сочны. Ведь до сих пор помню — изумительны. Стены почти скрыты (девичий виноград).

За цветами-зазывалами, несомненно, рай: дух его словно под цирковой шатер затянул. Фиговые деревья! Боже мой, неужели баккуроты?! Несомненно, дело было весной. Что же еще, кроме нее, сработало таким верным магнитом?

Любопытство (кто из нас не раб любопытства, кто не проклиняет его потом!) гнало вниз по узкой, надо сказать, аллейке.

Я приписал это чертовое, поганое, несносное весеннее любопытство тяге к прекрасному. Разумеется, дело в эстетике, в увлечении флорой (в мере, естественно!). Зачем же еще тогда было совать свой нос?

«Господи, почему же ты оставил меня?!»

Лавр, плющ, остролист, кипарис, можжевельник, лох серебристый, лаванда, розмарин, канадская ель, ель простая, сосна карликовая, сосна японская, барвинок голубой, тис, крокусы, примулы, анемоны, фиалки и прочее, совершенно невиданное, безусловно, тропическое, бьющее в лоб, — недурно, даже прекрасно, можно сказать, великолепно: кроме того, во всем самая тщательнейшая ухоженность.

Повсюду шелкало и свистало: кажется, попугай.

Действительно, между ветвями то и дело сновало что-то щебечущее, орущее, феерическое, точно капли красок.

Сад за целомудренно прикрытыми девичьим виноградом стенами, в самом центре «сити», в самом его ужасающем дымном тигле, удивительный эдем, который я ранее просто-напросто не замечал, всякий раз проносясь мимо и наблюдая лишь за мельканием кончиков зауженных, точно крысиные морды, своих остроносых ботинок. Но стоило поскользнуться (совершенно ведь голое место, однако словно кто-то толкнул под руку!) и, поднявшись, поднять и голову, расступились дома (а ведь вокруг да около яростно душили друг друга, наступая на пятки, теснясь как в простонародном метро, офисные гробницы), и на глаза попались открытые ворота. Стена как-то разом проступила из инобытия. И запах! Запах! Повторюсь: рододендроны. И эта вдруг протянувшаяся кипарисовая ветвь.

Пробежал бы я мимо! Господи, если бы только я пробежал! Нельзя спотыкаться: любая остановка — неизбежная задумчивость.

А затем — любопытство.

О любопытстве, впрочем, упоминалось.

Итак, я заглянул в сад, раз уж ворота распахнуты. Я отчаянно любопытствовал. С двух сторон плыла истинная Амазония: отсеченные фиолетом бордюра от безупречной дорожки пальмы, сладостный, как ожидание женщины, цветочный парфюм. Все разрыхлено, все обихожено. Словно вор, я торопился заглянуть за каждый невиданный куст. Я поздравлял себя с открытием, я ликовал от собственной дерзости — вот так, распахивая глаза на фиги и на невиданные, там и сям раскрывшиеся орхидеи (как подобная

радуга может произрастать здесь? непонятно, неслыханно!), работая только на вдох (пусть священная частная собственность, счастье, что сторожевыми собаками и не пахнет), проскочить от края до края, возможно, оборвать вон ту сногшибательную настурцию, окунуть цветок в нагрудный карман офисного пиджака — и за ворота.

Почему здесь все цветет одновременно? (Я разглядел пионы!)

Трусца продолжалась. Наткнувшись на хозяина — разумеется, до самой малой своей частицы рассыплюсь на лесть, заготовлен совершенно искренний шаблон: извините незваного гостя (господин, месье, мистер!), не смог сдержаться, иметь такое чудо — да вы счастливчик. Совершенно ведь не устоять, каюсь, заглянул ненадолго (а ведь раньше-то не замечал!), я сам ценитель цветов (нет, нет, просто ценитель) — быстренько пробежусь, ведь, судя по всему, сад невелик. Не думаю, что у мастера (а мастерство несомненно!), сердце-сухарь — с созданным здесь эдемом черствость никак не вяжется.

Впереди сверкал лепестками прежде невиданный мною розарий. Внизу аллейки изумительнейшая лужайка (несколько солитеров — кажется, штамбовая ель — и рокарии) с прудиком в центре: правда, довольно мутным — кувшинки присвоили себе порядочную часть воды. Еще одна аллея поднималась с другого конца его. На лужайке кормилось то ли травой, то ли червями несколько павианов (безобразнейший детеныш цеплялся за обвислый живот облезлой самки), при виде меня стайка во главе с очевидным королем бросилась за орешник — надраенные зады их сверкали, словно светофоры. Подивившись на фауну, я затем лицезрел навес (несомненно, для инвентаря) — дощатый пол, жердины (довольно небрежная обрешетка), соединенные с крышей из пальмовых листьев.

За подобной папуасской хижинкой босоногий незатейливый старикан (фигура пейзажных полотен, дополнение к дубку или стогу, штаны и рубаха навыпуск) — банально точил косу, то и дело пускавшую «зайчики». С подбородка дедка свисал какой-то китайский клок: лысина вдохновила бы собой Софоклова орла. По ее бокам еще золотилась кое-какая растительность, но свою песенку она, вне сомнения, спела. К пеньку рядом прислонена была бамбуковая палка. Садовник? Сторож? Вне всякого сомнения. Но, разумеется, не шишка: прислуживает какому-нибудь свихнувшемуся на идеях Вокса и Олмстеда владельцу. Увидел меня — и по-прежнему занимается своим унылым делом. Неужели здесь нет газонокосилки?

Я кивнул ему.

Он кивнул мне.

— Простите за вторжение! — крикнул я.

Еще один кивок.

— Не разрешите ли полюбопытствовать на цветочки?

Старикан продолжал работать китайским болванчиком.

— Так я пройду, прогуляюсь?

Новый кивок. Он тотчас забыл обо мне. О, эта старческая беспристрастность!

И эта традиционная ругань железа с точилом:

— Вжиг, вжиг, вжиг...

Время терпело. Обогнув пруд и навес, я поднялся еще по одной аллейке (вокруг попугаи, оливы, прочее волшебство), после райских видов уткнувшись в мрачный кустарник — настоящую проволоку, переплетенную так, что казалось невозможным протиснуть сквозь нее даже мизинец. Высота частокола вызвала невольный трепет — не менее пяти метров. Более того: кусты совершенно не пропускали звуки города с его брющащими трамваями. Невидимое птичье щелканье, визгливые ответы полотна на точило да одинокое бормотание шмеля — вот и все звуки. Напрасно я вслушивался. И напрасно пытался отломить от иерихонской преграды хотя бы одну колючку. Темная, переходящая в черноту зелень над головой оказалась попросту угрожающей. Судя по всему, за непробиваемой защитой скрывалась и сама стена, совершенно отсюда невидимая и, честно говоря, ненужная. Имея столь надежную поросль, владелец свободно мог обойтись не только без нее, но и без самых дружелюбных к непрошеным гостям созданий — шустрых доберман-пинчеров.

Итак, оазис имел форму круга, в чем я смог убедиться, прогулявшись вдоль сплошной сетки удивительного кустарника (обрывавшегося лишь возле ворот), и очутившись на том же месте минут через десять. Планировка эдема была исключительно проста: центром являлась уже описанная лужайка (скорее, луг) с прудом и навесом, от которого подались в стороны две аллеи: южная вела к единственным воротам, северная — в тот самый ужасный кустарниковый тупик. Остальное свободное пространство представляло из себя несколько троп (по одной, самой большой в диаметре, я уже пробежался), расходившихся от пруда концентрированными кругами. Совершив променады и по ним (обезьяны больше нигде не показывались), я, ко всему прочему, обнаружил посреди остальной красоты студенистую пальму, мушмулу японскую, папайю, дуриан, авокадо и, кажется, суринамскую вишню. Что же, я посетил сами небеса: вот только кустарник портил все впечатление. Впрочем, какие претензии можно предъявлять к охраннику?

Я подвел кое-какие итоги. Так как здесь не обнаружилось ни усадьбы, ни виллы, ни даже коттеджа, следовало предположить — неизвестный хозяин навещает тайное место из чисто эстетических соображений, имея постоянную прислугу в лице встретившегося простонародного пасечника. Разумеется, на ночь парадиз закрывается — охрана здесь решительно не нужна: разве что ворота — слабое место. Впрочем, они чересчур высоки. Да и кому придет в голову сюда забираться? Кто из пробегающих горожан знает о саде? Очередная стена посреди банковского и офисного стекольно-бетонного разгула, к тому же завешанная лианами. Мне просто повезло: старикан-садовник из-за явной дряхлости памяти забыл повернуть за собой пару раз ключ. Все ясно: место создано для поэтического вдохновения, неги, отдыха от банального Сохо. Красотой своей оно вопиет об уединении, о раскинувшемся в тени коврикe, о зеленочаевой пиале!

Впрочем, закралась иная мыслишка: эдем вполне может прицепиться и к балансу неведомого биолого-ботанического института. В таком случае, где они, помешанные на тайландской *ixora javanica*, желчные суетливые “ботаны”?

Однако мне-то какое дело до iħora javania?

Посвистывая, я спустился к дедку.

– Еще раз спасибо за гостеприимство!

Большой палец аборигена-сторожа проверил литовку. Затем последовал пучок травы, тотчас разделившийся на две половины.

Дед прислонил черенок к навесу и с пенька, совсем неуклюже, чуть было не промахнувшись, показалось, даже как-то болезненно, подхватил палку. Он сгреб ее своими ужасными подагрическими пальцами, напоми-
навшими когти, и, опираясь на нее, словно приготовился к моему монологу. К черту всякую литературность. Унылая правда в следующем: глаза его не оказались ни голубого, ни синего, ни василькового и ни прочего уми-
тельно-стариковского цвета, ничего такого они не отражали и никакой так называемый внутренний свет из них не излучался. Ни искринки — во взоре царствовала одна муть. Он тупо ждал продолжения, зная, молчать я не буду — и вот по какой причине.

– Тысячу раз простите... Вы не могли бы выпустить отсюда, так сказать, незваного гостя?

– У меня нет ключа, — сказал он.

– Но ворота были открыты. А вот когда, во время прогулки, я подошел и полюбопытствовал...

Точильщик пожал плечами.

– Послушайте, — сказал я мягко. — Здесь, кроме вас, еще работает кто-нибудь?

Он отрицательно покачал головой.

– Не могли же они сами запахнуться.

– У меня нет ключа, сынок.

Шутки в сторону: нужно выбирать. Тем не менее, уместный вопрос сорвался с языка моего:

– Как же вы сами выходите?

– Кто сказал, что я выхожу? — удивился садовник.

– То есть?

– Я здесь живу.

– Где?

Он показал на навес.

– Вы что, вообще не выглядываете?

– Некогда, — сказал дед устало.

И отвернулся, явно намереваясь заняться делами.

Попугаи орали. Павианы скакали. Сад источал ароматы. Голова моя разболелась.

Я побежал к воротам.

Я прибежал обратно.

– Давайте сюда ключи.

Удивительно мутный взгляд. Однако были ключи у него. Вне всякого сомнения, были!

– Мне нужно немедленно выйти! — о, где самообладание? где даже остатки самоконтроля? Я терял чувство юмора. Я почему-то вспотел. — Открывайте! Я опаздываю. Я невероятно тороплюсь.

– Это невозможно, — возразил старикан, оставив мотыгу. Он вновь нагнулся за палкой (она постоянно присутствовала), опять-таки (как показалось, нарочно) продемонстрировав немощь, и редко моргал, пропуская сквозь когти-пальцы тощую, жухлую, словно пучок осеннего лука, бороденку.

– Да вы с ума сошли! У меня куча отчетов. Шеф убьет. Съест без соли.

– Ничего уже не поделаешь.

– Как так «не поделаешь»? Мне немедленно нужно выбраться!

Бороденка вновь пропущена. Палка крепко сжалась когтями (кажется, нефритовый набалдашник). Гнусный старческий подбородок, раздвоившись, успокоился на нем, словно на троне.

– Послушайте! В час — деловая встреча. Если я только опоздаю, две шкуры сдерут.

– Я все понимаю, сынок. Однако позволь спросить. Как ты здесь оказался?

Я бросил взгляд на мотыгу. Я бросил взгляд на косу. Я напомнил этому старому ободранному еноту:

– По всей видимости, вы забыли закрыть ворота. Они распахнулись. И еще: в них торчал ключ. И если вы здесь один, следовательно, никто, кроме...

– И ты сюда заглянул? — перебил этот несомненный маньяк.

– Да, — ответила злость за меня.

– Мог бы пройти мимо, — как ни в чем не бывало, заметил мерзавец, — однако...

– Но кусты настолько красивы...

– Мог бы пройти, — упрямо гнул он свое. — Многие проходят!

(Неужели полиция? Ах, вот в чем дело! Хорошо, пусть копы! В конце концов, здесь мне уже откровенно не нравилось.)

– Послушайте: я все объясню. Нельзя сказать, что я садовод. Скорее, любитель. Но все-таки... Меня привлекла обыкновенная красота — что же в этом криминального? Что плохого в элементарной тяге к прекрасному? Чистое эстетство. Я разглядывал рододендроны. Кроме того, вы, кажется, разрешили...

– Ты виноват, сынок, — неумолимо сказал он.

– Послушайте, я же попросил разрешения...

– Виноват в другом...

– В чем?

– В тяге к прекрасному.

Он что, острит? Гнусный подбородок. Гнусная борода. Гнусное местечко. Однако сдачей в полицию и не пахло. Старикан, засмеявшись, сказал:

– Ты заглянул сюда добровольно: никто тебя не неволил — значит, придется смириться.

– ???

– Сад хорош, однако нужен уход.

– ???

– Моя подагра. Палку не поднять...

– Предлагаете заняться прополкой?

– Раз уж ты сам залез, — сказал он.

Я побежал к воротам. Чтобы перелезть через них, не было и речи. Никаких приспособлений. Никакой лестницы. Справа и слева кустарник. Я прибежал обратно:

– Ключи! И не заставляйте прибегать к насилию.

Я возвышался над ним: молодой, разгоряченный, разъяренный (совсем недавно второе место по спринту в олимпиаде компании, армреслинг, боулинг, всякое другое спортивное прошлое).

Я протягивал свою железную руку.

– Не заставляйте, — повторил я со всей своей буйволиной яростью. — Ключи у вас. Я в этом не сомневаюсь.

Старик кашлянул: возле босых ног оказалось ведро.

– Вот мотыга и тяпки, — отвечал он, теперь даже без тени своего извращенного юмора. — Начни-ка с того краю. Видишь хлебное дерево? Там не бывает солнца.

И где этот сукин кот прячет их? В карманах штанов? Или ключи висят на крючке под навесом? К черту почтение к старости. Я готов был надеть на сумасшедшего отвратительное, перепачканное глиной ведро. Я готов был заломить садоводу руку. Тем более, подбородок его на мгновение соскользнул с набалдашника: потеряв опору, маньяк пошатнулся, и показалось — что-то там звякнуло.

– Ключи! — рявкнул я, скидывая пиджак (тончайшая шелковая рубашка — он не мог не заметить бицепсы).

– Ты как никто другой подойдешь мне, сынок! — радостно заметил дед — и на этом возгласе диалог наш был завершен. Я быком подался вперед. Что-то сверкнуло (кажется, все тот же нефрит), взлетело, треснуло — свет померк в очах моих.

Пытался ли я бежать? О, пытался ли я бежать!

В вечнозеленой ловушке не оказалось ни единого гвоздя, ни единой веревки, ни топора, ни молотка, ни пилы — и ни единой доски. Попробуйте-ка из ничего сотворить лестницу! В первые годы я доходил до того, что уподоблялся бобру, пытаюсь грызть ольховые, гранатовые и рябиновые стволы. От отчаяния в ход поначалу пускался чуть ли не хворост. Увы, тяга к так неожиданно, просто и нелепо расставшейся со мной свободе напрочь лишила элементарного разума — для удачи, конечно же, требовались бревна не менее двух дюймов в обхвате, высотой метров семь — все остальное было напрасной тратой и без того бестолковой и суматошной энергии. Забегая вперед, замечу: лихорадочные приготовления осуществлялись ночами, при полном отсутствии звезд, почти что наощупь. Каторжный труд дневной душил меня, словно налоговый инспектор: иногда попросту не хватало сил заползть в самый дальний конец тюрьмы, пускать в ход зубы и вконец убитые руки (каждая косточка пальцев моих вопила от беспросветной усталости), выкапывая из дерна и перевязывая заготовленные днем жердины и униженно, ко всему прочему, умоляя фазанов и вальдшнепов не поднимать обычного гвалта (как правило, бестолковая паника этой бестолочью все же организовывалась!). К тому же вездесущий дедок не дремал. Если мучитель вынюхивал скрываемые в самых укромных местах свидетельства очередного

бунта, героическая работа моя уничтожалась самым безжалостным образом. Разумеется, я не ставился об этом в известность: ухмылка старого подлица была явным признаком удачной охоты. Но и от того, что с таким трудом удавалось спасти, в конечном счете, не было проку: прислоняемые ночами к воротам гнущиеся лестницы из ненадежных рябин, перевязанных ивовой дранкой, под весом моим неизменно обрушивались. Попытка подкопа (созданные из щепок сгнившей кокосовой пальмы совки, все те же безлунные ночи, горстями выносимая и затем рассыпаемая по всему саду земля, титанические усилия, чуть было не сотворившие из меня сумасшедшего) достойна отдельной саги. О прорыве через кустарник не могло быть и речи, однако отчаяние доходило до грани. Как самоубийца-заключенный рвется к проволоке с электрическим током, так и я временами, теряя рассудок, несся на приступ. Садист-старикан каждый раз невозмутимо выковыривал меня (от несчастной головы до не менее несчастных ног всего наштигованного колючками, которые жалили, как аспиды) из зарослей. Яд этого чудовищного растения, после каждой такой безумной попытки изгибающийся не хуже столбняка (несколько дней после штурма я рычал, катался по лугу, корчился до пены изо рта), был очевидным наказанием — и дед не собирался его отменять.

А не менее безумные будни?! Таскание ведер, копка, прополка, культивирование, неизменный компост, рабатки, миксбордеры, полив баухинии пурпурной, собирание бананов и фиников? Комары, размером с бомбардировщиков, злокусачие мошки (это — отдельная тема), избороздившие тело царапины, нарывы, наконец, фурункулы величиной с вулканы.

Знаете, что он однажды сказал?

«Главное — сад. Ты лишь средство, сынок. Ты — лишь средство!»

Описывать ли слишком подробно ад, который разверзся передо мной?

Поверьте: безнадежное дело.

Желал ли я во что бы то ни стало найти ключи?! Бросался ли на тюремщика (тяпка, мотыга, коса) в самый неожиданный миг для него (день, ночь, утро) — от неизбывной тоски, от взрывающей изнутри не хуже самого гексогена, ни с чем не сравнимой ненависти?!

Да, тысячу раз, да: желал и бросался.

Проклятый бамбук! Проклятый нефритовый набалдашник!

伊甸园

(短篇小说)

当时，杜鹃花明艳荼蘼，美丽迷人，我至今记忆犹新。

围墙几近被遮掩（是爬山虎）。

美艳花簇掩住的，定是一派天堂圣境：那气味极为诱人，好像要把人拉进马戏团的幕篷。无花果！天啊，难道是野生无果树吗？！毫无疑问，那时是春天。除了春天，还有什么能有这磁铁般的吸引力呢？

好奇心（谁不是好奇心的奴隶呢，谁又不在被奴役后咒骂它呢！）驱使人沿着狭窄的（需要强调）小径往下走。

我将这恼人的、难耐的、该死的好奇心归因为对美的执着。这自然是一种审美，是对花草的喜爱（肯定是恰到好处的）。不然，怎么会探头过去呢？

“上帝啊，你为什么把我留下？！”

月桂、常春藤、冬青、柏树、杜松、沙棘、薰衣草、迷迭香、加拿大云杉、普通云杉、矮生松、日本松、蓝花长春花、红豆杉、番红花、报春花、银莲花、紫罗兰，还有其他从未见过的，但都是热带植物，美得惊艳，甚至可以说绚丽夺目，堪称华美。而且，一切都打理得极其精心。

处处都是啾啾和鸣叫——好像是鸚鵡。

还真是，树枝间不时叽叽喳喳、邕邕和鸣，彩色虹滴一般，宛若仙境生灵。

在这“都市”中心，那最令人窒息的烟雾弥漫之地，爬山虎遮掩的围墙后面藏着一个花园。这是一处奇妙的伊甸园，我之前竟完全没注意到，每次匆匆走过时，只顾着看自己那双尖头皮鞋，盯着那向前窜动的老鼠嘴一样细长的鞋尖。直到那次我不慎摔了一跤（说来奇怪，明明四周没人，却仿佛有人推了我一把似的）。当我站起身，抬起头时，周围的楼房（平日里那些大楼拥挤不堪，密得像拥堵的地铁，又像办公楼坟墓群）仿佛自己让开了，一扇敞开的大门映入眼帘，围墙乍然显现。还有那气味！那气味！我不禁重复：杜鹃花。还有那突然伸出来的柏树枝。

要是我径直通过就好了！上帝啊，当时我要是径直通过就好了！不该摔倒的，毕竟任何停顿都不可避免地会引人遐想。

紧接着就会引发好奇心。

就是上面提及的好奇心。

于是，我向花园里张望，因为大门敞着，强烈的好奇心使然。两旁仿佛流淌着真正的亚马逊河：紫色花丛给小径镶上了花边，把棕榈树隔在一旁，甜美的花香宛如女人的期许。土地被精心打理过，翻耕得松软酥散。我像个小偷一样，急着看每一处未见过的灌木。我为自己的发现庆幸，为自己的大胆欣喜——睁大眼睛赏览无花果和四处盛开的罕见兰花（这样的彩虹怎么可能在这里生长？真是难以理解，闻所未闻！），只顾着闻花香（尽管这是私人圣地，但幸运的是，没有

看门狗阻拦)，真恨不得从这头跑到那头，摘下那朵惊艳绝美的旱金莲，把花儿插入西装胸兜——然后冲出大门。

为什么这里的花都同时绽放？（我认出了牡丹！）

我漫步前行，如果遇到花园的主人，我一定会极尽谄媚地巴结他，甚至还准备好了一套真诚的话术：对不起，原谅我这个不速之客（先生、阁下、兄台！），我实在按捺不住，您真是太幸福了，能够拥有如此美不胜收的奇景。我无法自持，只是稍微瞧了一眼，以前真是从未注意到！我自己也是爱花之人（不，不，只是个欣赏者）——我只想快速转一圈，毕竟这花园也不太大。我想这位大师（手艺确实无可争议！）大概不会是个冷酷之人，不会和他创造的这个伊甸园的温情氛围相差太远。

前方是一处玫瑰园，种着从未见过的玫瑰品种，花瓣莹莹闪闪。小径尽头是一片美丽喜人的草坪（几棵孤植挺立的似乎是高接云杉，还饰有园艺山石），中央有一个小池塘，说实话，塘里的水倒不甚清澈——塘中大半水面浮满睡莲。另一条小径起于池塘的另一端。草坪上几只狒狒在觅食，不知是在吃草还是找蚯蚓（一只丑憨的幼崽紧抓着秃毛母狒狒松垮的肚腩）。一看到我，狒狒群在“头领”的带领下冲向榛树丛，通红发亮的屁股明明晃晃，像交通信号灯一样。惊叹完这些动物，我又看到一个棚子。这棚子显然是用来存放工具的——木质地板，垂直木杆搭成简易的框架，由棕榈叶做屋顶。

在这个类似巴布亚土著的小屋后面，一个朴实的赤脚老头儿（就像风景画中的人物，陪衬着橡树或干草堆，他衬衫下摆没塞进裤子，随意散乱着）正默默地磨着镰刀，时不时发出“嚓嚓”的声音。老头儿的下巴上垂着一簇中国式的胡须：那光秃秃的脑袋恐怕连索福克斯¹笔下的鹰都为之兴奋，头顶两侧还幸存着些许头发，但显然已快成为不毛之地了。旁边的树桩上靠着一根竹手杖，看来此人不是园丁就是看门人。肯定不是什么大人物：只是在为哪个沉迷沃克斯和奥尔姆斯特德理念²的主人效劳。他看到了我，却仍在继续自己枯燥的工作。难道这里没有割草机吗？

我跟他点了点头。

他也跟我点点头。

“抱歉，打扰了！”我喊道。

再次点头。

“我能欣赏欣赏这些花吗？”

老头儿继续机械地工作，像个无意识的不倒翁。

“那我能在哪儿走走，散散步吗？”

又点了点头。他马上就忘记我了。唉，真是老糊涂呀！

又是那铁器与磨刀的刺耳声：

¹ 索福克斯，是雅典三大悲剧作家之一，他既相信神和命运的无上威力，又要求人们具有独立自主的精神，并对自己的行为负责，这是雅典民主政治繁荣时期思想意识的特征。

² 沃克斯和奥尔姆斯特德的理论指的是19世纪英国园艺学家约翰·沃克斯（John Vox）和美国著名景观设计师弗雷德里克·劳·奥尔姆斯特德（Frederick Law Olmsted）对园林设计的影响和理念。

“嚓、嚓、嚓……”

时间似乎还不急。绕过池塘和棚子，我又沿着一条小径往上走（周围是鸚鵡、橄欖树和其他奇景妙物），穿过一片天堂般的美景后，突然来到了一片暗森森的灌木丛——犹如一道细密的铁丝网，交错缠绕得连小拇指都难以穿过。这灌木栅栏的高度不由得吓人一跳——至少有五米高。而且，这些灌木完全隔绝了城市的声音，连电车的喧嚣声都听不见。能听到的只有不见身影的鸟儿的啁啾、刺耳的磨刀声回响，还有单调的大黄蜂的嗡鸣。我徒然地倾听着，也徒劳地尝试从这道耶利哥之墙¹上掰下哪怕一根刺。头顶上那深绿的茂密植被，渐渐变得如同黑夜一般，显得十分压抑。虽然被密实的植被遮掩得几乎不可见，但可以判断，枝叶绿篱深处藏着一堵真正的围墙。说实话，没有必要。有了这么坚固的绿篱，主人不仅可以省去围墙，甚至连那些对不速之客亲热盛情的杜宾犬也显得多余。

沿着那片奇特的灌木绿篱一直走能够发现，连续的绿篱只在大门处断开。我沿着灌木篱走了大约十分钟，便又回到了原地，可见这片绿地是圆形的。这个伊甸园的布局极其简单：中心是我之前所述的草坪（确切说是草地），中央有池塘和棚子，从这里延展出两条小路：南边的小路通向唯一的大门，北边的小路则通向那片可怕的灌木丛尽头。其余的空地则由几条小径组成（我曾走过其中最宽的一条），这些小径从池塘向外呈同心圆展开。我又沿着这些小径漫步（没再见到猴子），美景之中，我还发现了几株独特的植物：果胶棕榈、日本枇杷、木瓜、榴莲、鳄梨，似乎还有苏里南樱桃。真是到了人间仙境：只是那片灌木丛破坏了整体观感。不过，又能对院墙提什么要求呢？

我略做总结。由于这里既没有庄园，也没有别墅，甚至连小屋都没有，可以推测这位不知名的主人纯粹是出于审美考虑才来这个秘密花园，雇了那位勤劳守护者常驻。沿着那片奇特的灌木绿篱一直走能够发现，连续的绿篱只在大门处断开，我沿着灌木篱走了大约十分钟，便又回到了原地，可见这片绿地是圆形的。当然，到了晚上，这片天堂秘境就会关闭，这里倒也根本不需要警卫，也就大门是个薄弱点，不过大门太高了。况且谁会想到要闯进这里来？匆匆而过的市民又有谁能想到这里还有个花园？只会认为在银行和办公楼林立的玻璃与混凝土丛林中又筑起了一道普通的围墙，毕竟都被藤蔓遮住了。我真是走运：那园丁老头子显然因为记性不好，忘记锁门了。现在一切都清楚了：这地方是为了诗意的灵感而创造的，为了享受，为了逃离喧嚣的俗世。它的美呼唤着安谧，呼唤着树荫下铺开的绿茵，呼唤着一杯绿茶！

不过，我也想到一种可能：这个伊甸园很可能与某个不为人知的动植物研究所有关。如果是这样的话，那么那些痴迷于泰国伊克索拉花、满脑子乱七八糟想法的“植物学家”们在哪里呢？

¹ 耶利哥（Jericho）之墙是约旦古城，引用于圣经，传说是不可摧毁的耶利哥城，是西方家喻户晓的故事，此城守着迦南的门户，城墙高厚，守军高大壮健，是古代极强大的堡垒。

不过，我又何必关心什么泰国伊克索拉花呢？

我吹着口哨往下走，来到老人跟前。

“再次感谢您的款待！”

守园的“土著老头”用大拇指试了试刀头的锋利程度，接着去割一捆草，草瞬间被整齐割成两段。

老人将刀柄靠在棚子上，然后从树桩边吃力地拿起了手杖，动作看起来难受得几乎快要抓不住那根手杖。他用那痛风变形得像爪子一般的手抓住手杖，倚在上面，仿佛准备好聆听我的长篇大论。去他的文学修辞吧！令人失望的事实是：他的眼睛既不是浅蓝色的，也不是湛蓝色的，更不是矢车菊色，也不是其他任何令人动容的老人特有的瞳色，那双眼睛不反映任何东西，也没有所谓的内在光芒闪烁，没有一丝火花——只有浑浊的目光。他呆呆地等待着下文，因为他心里清楚，我绝不会就此沉默——原因显而易见。

“万分抱歉……您能不能放我这个不速之客出去？”

“我没有钥匙”，他回答。

“可是，大门是开着的。我散步走到这里，出于好奇看了看……”

磨刀老人耸耸肩。

“那么请问”，我温和地说，“除了您，还有其他人在这里工作吗？”

他摇了摇头。

“可大门总不可能自己关上吧。”

“孩子，我真的没有钥匙”。

这不是玩笑，得想办法出去。于是一个问题脱口而出：

“那您自己怎么出去呢？”

“谁说我要出去？”老人诧异地反问。

“什么意思？”

“我住在这儿。”

“住哪儿？”

他指了指棚子。

“您是说，您根本不出去？”

“没时间”，老人不耐烦地说。

然后转过身，显然准备继续忙自己的事。

鹦鹉还在啁啾，猩猩还在蹦跳，花园处处芬芳，我却开始头疼了。

我跑向大门。

又跑回来。

“请把钥匙拿来。”

他浑浊的眼睛投来困惑的目光。但他肯定有钥匙，毫无疑问，他绝对有！

“我必须马上出去！”天呐，我的自控力哪儿去了？连一丝冷静都没有了！我已没心情开玩笑，莫名开始冒汗。“开门吧！我快迟到了。我真的很急。”

“根本不可能”，老头子放下锄头，反驳道，又弯下腰去拿那根手杖（那手杖似乎一直在他手边）。仿佛故意地一样，再次展现一幅虚弱的样子，眨了眨眼，手指捋了捋胡须，那胡须干枯得像一把秋日的干葱。

“您疯了吗！我有一堆报告要做。我老板会杀了我，把我生吞下去的。”

“没办法”。

“什么叫‘没办法’？我必须从这儿出去！”

又捋了一遍那缕胡须。爪子一般的手紧紧握住手杖（手杖杖头好像是玉质的）。老头丑恶的两瓣下巴稳稳地伏在杖头上，就像端坐王座一样。

“听着！我一点钟有会务。如果我迟到了，得被老板剥两层皮。”

“我明白，孩子。不过请你告诉我，你怎么到这里来的？”

我瞥了一眼那把锄头，又看了一眼镰刀。然后提醒这可恶的老家伙：

“显然，您忘关门了，门开着呢，而且钥匙还插在门上。如果您一个人在这里，那就意味着，谁也不能，除了……”

“于是你就爬进来窥探？”这疯老头打断了我。

“是啊！”我愤怒地回答。

“你本可以径直通过的”，那老混蛋淡淡地说，“但是……”

“但那些灌木太美了……”

“你本可以径直通过的，完全不用进来”，他依然固执地说着，“很多人都直接通过了！”

（难道要叫警察吗？哎呀，原来如此！好呀，那就让条子来吧！反正，我已经不喜欢这儿了。）

“您听我解释，不能说我是园丁，确切地说，我是个爱好者。但是无论如何……吸引我的是这里的景色——这有什么错呢？对美的基本追求有什么错？是纯粹的审美，就是欣赏一下杜鹃花。而且，您似乎也允许了……”

“你有错，孩子”，他坚定地说道。

“听着，我是请求过许可的……”

“错不在这儿……”

“在哪儿？”

“错在对美的执着。”

他在干什么？开玩笑吗？那丑恶的下巴、丑恶的胡须、丑恶的小地方。老头子倒没有要报警的意思，笑了笑，说：

“你是自愿进来的，没人强迫你——所以你只能接受。”

“???”

“这园子是不错，但需要打理。”

“???”

“我患了痛风，拿不起手杖……”

“你是让我去除草？”

“既然你是自己爬进来的”，他说。

我跑向大门一看，根本别想爬出去，没有任何工具，也没有梯子，两边都是灌木。我又跑了回来：

“给我钥匙！别逼我动手！”

我俯视着他：年轻气盛，忿然作色，怒气冲冲（前不久我在公司奥林匹克短跑竞赛中获得了第二名，还参加了摔跤、保龄球和各种传统运动项目）。

我挥了挥铁拳。

“别逼我”，我愤怒地说，“我敢肯定，钥匙就在您身上。”

老人咳嗽了一下，他光着脚站在那儿，边上放着一个桶。

“这里是锄头和铲子”，他说道，现在他身上一点儿没了那股别扭的诙谐感，“从那边开始吧，看见那个面包树了吗？那儿晒不到太阳。”

这个该死的老家伙把钥匙藏哪儿了？是裤子口袋里？还是挂在棚子下的挂钩上了？去他妈的尊老。我真想把那个沾满泥土的脏水桶扣在这老疯子头上。我刚想扭断这老家伙的手臂。他的下巴一下子从杖头上滑落：失去支撑的老疯子摇晃了一下，这时好像有什么东西叮当响了一声。

“给我钥匙！”我甩掉外套，怒吼着（只隔着一层薄薄的衬衫，他肯定能看见我结实的肱二头肌）。

“你比任何人都适合我，孩子！”老头兴奋地说道。

随着他的回答，我们的对话结束了。我像头牛一样冲向前。只见有什么东西闪了一下（好像是他手杖上那块玉），那东西飞了起来，炸裂了——随后我便两眼一黑。

我试着逃跑过吗？对！我试着逃跑过！

这片绿色陷阱里什么都没有：没有钉子、没有绳子、没有斧头、没有锤子、没有锯子——甚至连一块木板都没有。你试试看，如何空手造出一架梯子！最初的几年，我甚至像只海狸一样，拼命啃咬桤木、石榴树和山楂树的树干。绝望中，我甚至用上了枯树枝。唉，这失去自由的滋味来得太过突然，荒唐而可笑，对自由的执着追求使我完全失去了基本的理智。要想成功出去，需要至少直径两英寸、高度七米的木桩——其余努力根本毫无意义，完全是浪费已经极度混乱和疲惫的精力。先说一下，我这些疯狂的准备工作都是在没有星光的夜晚进行，几乎是凭着感觉在摸索。白天的苦役折磨得我喘不过气，简直像个毫不留情的税务官：有时候，我根本没有力气爬到这监狱的最深处，只能强迫自己用牙齿和快要废掉的双手（每根手指的关节都疼痛不堪）去挖掘、绑好白天准备的棍子，甚至低声祈求那些野鸡和鹌鹑不要大叫（尽管这些混蛋时常一起骚乱大叫）。而那无处不在的老家伙并不打瞌睡。如果那折磨人的老混蛋发现我藏在最隐秘的地方，被他抓到我潜逃的证据，我的努力就全白费了。当然，我不会让他知道的一一他那恶心的笑容，分明是他捕猎成功的标志。可即便如此，那些我费尽心力保存下来的材料始终没有派上用场：每当夜晚，我用脆弱的山楂木和柳条绑成梯子支在门前，可梯子总会被我的体重压垮。我也曾试图挖地下通道（用腐烂的椰壳碎片做小铲子，在那些没有月光的

夜晚，一抔抔地运出土，然后撒布到整个花园里，巨大的工程量差点把我逼疯），这经历简直可以写一本独立的长篇小说了。然而，要冲出灌木丛根本不可能，我绝望至极，经常疯狂地直面冲进灌木丛，犹如欲自杀的囚犯拼命冲向电网一般。每次，园丁老头子都会冷静地把我从带刺的荆棘丛中拉出来（而不幸的我从头到脚，浑身扎满蛇毒般的尖刺）。每次疯狂的尝试后，荆棘毒液造成的痛苦不亚于破伤风（每次受伤后，我像疯了一样在草地上打滚，痛苦到口吐白沫），显然这就是对我的惩罚——而那位老家伙根本不打算停下来。

还有没有更要命的事儿？！提水、挖土、除草、翻地、施肥、打理花坛、混合花境¹、浇水、采摘香蕉和枣椰子？大得像轰炸机一样的蚊子，恶心的小虫子（可以作一个单独的话题），在我身上留下伤痕、脓肿，最后，长出像火山一样的疖肿。

你知道他有一次说了什么吗？

“重要的是园子，你只是工具，孩子，你，只是个工具！”

我需要特别详细地描述眼前这个地狱吗？

相信我：毫无意义。

我真心渴望找到钥匙吗？！我可曾因为难以抑制的绝望、出于内心爆发的仇恨，在他最出其不意的时刻（白天、夜晚、早晨），带着甚于炸药十倍的愤怒，冲向那老狱卒（锄头、铁锹、镰刀）？！

没错，想了几千次，没错：我恨不得扑过去。

该死的竹手杖！该死的玉杖头！

译者：关秀娟、岳蓉媛

¹ 园艺学术语，指的是在花坛中混合种植多种花卉、灌木和地被植物，形成丰富多彩的景观效果

ЛИ ЦЗЮНЬТУН

Родился в 2004 году в г. Индэ провинции Гуандун, проживает в Гуанчжоу, в настоящее время учится на факультете русского языка Института иностранных языков Цзилиньского университета. Писать прозу и стихи начал в средней школе, а поэтические переводы — на первом курсе.

李俊彤

李俊彤，2004年生于广东英德，居于广州，现就读于吉林大学外国语学院俄语系。高中开始尝试散文及诗歌创作，大一开始尝试诗歌翻译。

ЭЛЕГИЯ

*Прошлогодня торжественная золотая осень
превратилась в ветерок с песком на весь апрель.*

*Глубоко закопанный, тот первый снег
расцвёл на конце чёрных вен весны.*

*Даже здешняя весна
светлее твоих похорон.*

ВЗОР

*Над ночью на грани беспорядка
в какое-то — будто б знакомое
или ставшее привычным — утро,
проснувшись, слышу, как пришедшая издалека
та птица-из-небытия,
говорившая, что когда-то навестит,
на ветку даты села. Слышу,
как незнакомая мелодия пересказывает мою
или вовсе не мою жизнь.
И слышу, как мой взор на окно
качнулся — прозрачный, чистый,
как весеннее стекло:*

Птичка, пой зрачком.

ПОРА

*Когда пора как кончик пальца
Остановила домино метафор,
День стал цветущим незаметно.*

*В дали безлюдной раздаётся песня.
Вхожу спокойно в реку-настроенье
С созвучием прохлады пены.*

*Купальщики, раз вы прошли волнами,
Пошёл я чащей. Разведём руками,
Срисуем тишину из лета.
Только когда пора как кончик пальца
Остановила домино метафор,
День встал цветущим незаметно.*

*В дали безлюдной и поётся песня.
Вхожу спокойно в реку-настроенье
С созвучием прохладой пены.*

*Купальщички, раз вы прошли волнами,
Пошёл я чащей. Разведём руками,
Срисует тишину из лета.*

* * *

*Прорезает река снеговые берега, как другой —
асфальтированный — мост.
На снегу стая диких уток. Вдоль по берегу — голые сучья,
чуть колышимые ветерком.
Наступает — кажется — весна. Спустившись с моста,
захотел вдруг письмо написать.
Проезжает трамвай. Небо отчётливо пересекают провода.
Сейчас ещё ноябрь.
Повернул на другой переулок, но названия этой реки так и не
нашёл, а под ногами всё ещё журчит.*

挽歌

去年盛大的金秋
已吹成整个四月的扬沙。

深埋地底的初雪
在春天黑色的血管末端开花。

甚至这里的春天
都比你的葬礼明亮。

目光

在濒临荒乱的夜晚之上
某个似曾相识
或是习以为常的早晨醒来
我听见来自远方
那只虚无之鸟说过择日来访
刚刚落在日期枝上
我听见陌生的旋律重述我
或者远非是我的人生
我听见我望向窗的目光
晃了一下——透明、洁净
宛如早春的玻璃

鸟儿，用眼睛歌唱。

时辰

直到一个指尖般的偶尔
抵住片片倒下的隐喻
日子默立如花

无人的远方有歌正唱
而我徐徐走入河流心境
以泡沫的清凉和声

泳者，你们波光地来
我也树影地去，我们摊开双手
就画出夏天的宁静

* * *

河流穿过两岸的雪，就像另一座铺着沥青的桥。
雪上散落着一群野鸭，光秃的枝桠沿河起伏，隐约风。
春天到了，走下桥，忽然想写信。
电车驶过，缆线在空中交错分明，现在是十一月。
拐过另一条街，还是没找到这条河的名字，脚下仍有水声。

译者：库什娜连科

ДМИТРИЙ ЛАГУТИН

Лагутин Дмитрий Александрович родился в 1990 году в Брянске. В 2012 году стал выпускником юридического факультета БГУ имени академика И. Г. Петровского. Живет в Брянске. Лауреат премии “Русские рифмы, русское слово” в номинации “Лучший сборник рассказов” (2018 год). Лауреат премии журнала “Нева” (2021 год). Победитель международного конкурса “Гайто” (2023 год). Участник третьего Русско-китайского Форума молодых писателей (2019 год). Тексты опубликованы в изданиях “Знамя”, “Москва”, “Наш современник”, “Новый берег”, “Волга”, “Нева”, “Юность”, “Урал” и др. Рассказы переведены на китайский и немецкий языки.

德米特里·拉古京

拉古京·德米特里·亚历山德罗维奇1990年生于布良斯克市，2012年毕业于布良斯克国立大学法律系，现今居住在布良斯克市。“俄罗斯韵，俄罗斯语”奖项获得者，2018年其作品获得“最佳短篇小说集”提名。2021年“涅瓦”杂志奖获得者。2023年“盖托”国际竞赛获胜者。2019年第三届中俄青年作家论坛与会者。其作品发表于《旗》、《莫斯科》、《同代人》、《新岸》、《伏尔加》、《涅瓦》、《青春》、《乌拉尔》等刊物。其短篇小说已被译为汉语和德语。

ТЕМПЕРАТУРА ПЛАВЛЕНИЯ

(рассказ)

Я стоял посреди площади с букетом в руках — гладко выбритый, за километр разящий одеколоном, в нелепом пиджаке и не менее нелепых брюках. Стоял в тени памятника Достоевскому — иначе бы давно расплавился под палящими лучами.

Уже неделю город стонал от зноя — проснешься утром, а подушку точно водой окатили. Засыпаешь вечером — и мокрый платок кладешь на лоб. Только ночью свежело ненадолго — и тогда здорово было проснуться и подойти к распахнутому окну, ощутить пьянящую, зовущую, точно сирена Одиссея, прохладу, высунуться по пояс, увидеть в доме напротив такого же счастливчика и помахать ему рукой, улыбнуться тому, что и он машет в ответ, говорит даже что-то, не решаясь крикнуть.

Достоевский гранитный — сидел, положив ладони на сведённые вместе колени, опутив хмурое лицо, точно смирился с тем, что ему не встать и не уйти, не закрыться от обжигающего сияния, в котором не узнать ласкового летнего солнца. Смирился и отрешился, ушел так глубоко в себя, что хоть из пушек пали — и оттого и окаменел.

“Широк человек, — вспоминал я, прячась в тень гранитного Достоевского. — Я бы сузил”.

Букет высушал, задыхался, выцветал прямо в моих руках. Пиджак сковывал будто панцирь, а солнце — подчиняясь заданной однажды траектории — нет-нет и выглядывало из-за круглого гранитного лба, точно искало меня: “Где ты там, муравей, куда схоронился?”

И мне — одуревшему от жары и жажды — вдруг представилось: кухня, сумерки за окном, чайник на плите.

Чья это кухня? Точно не моя — я студент и снимаю комнату, и то прокопченное, в дыму и гари, нечто, отведённое для готовки, кухней называть язык не поворачивается.

И не родительская — та широкая, окном в сирень, никаких сумерек не увидишь.

Эта же — маленькая, аккуратная, *стариковская*. Этаж четвертый, не ниже — но лифта нет, и подниматься тяжело, особенно если в каждой руке по сумке.

“Какой ещё сумке? — подумал я и встряхнул головой, на асфальт полетели капельки пота. — Перегрелся я, что ли?”

Но игра мне понравилась. Я шагнул поглубже в тень и подумал про кухню — про сумерки и про чайник.

“Чайник, конечно, закипает”, — кивнул я мысленно.

Чайник, конечно, закипал — раскалённый, как эта площадь, как брюхо утюга, коснешься пальцем и отдернешь — чайник шипел, переходя на свист.

“Не бузи”, — сказал я и протянул руку, погасил горелку.

Рука у меня морщинистая и коряжистая, что ни сустав, то шишка.

А вообще-то у меня красивые руки — слишком красивые даже, почти женские. Тонкие и гладкие, точно из воска — поэтому чаще всего спрятаны

в карманах. Такими ни доску от забора отодрать, ни оплеуху отвесить — руки музыканта.

“Не бузи”, — сказал я чайнику и поднялся через силу. Уронил в кружку пакетик, придержал за этикетку, заливая кипятком. Уселся на прежнее место, поставил дымящуюся кружку на стол.

“Руки я вижу, — подумал я. — А лицо не могу. Чтобы лицо увидеть, надо смотреть со стороны, а посмотришь со стороны и все закончится... — меня осенило. — Чайник!”

Я словно сквозь туман, словно сквозь воду, преодолевая сопротивление, почти теряя сознание от жары, всмотрелся в раскалённый бок чайника и увидел, как отражаются в нем, вытягиваясь, и окно с сумерками, и кухонька с буфетом, и фигура сидящего на стуле старика.

Старик сидел на стуле, повесив коряжистые руки, уронив их к коленям — и лицо его было мне незнакомо.

“Нельзя представить совершенно незнакомое лицо, — вспомнил я. — Оно в любом случае будет соткано из сотен знакомых”.

Пар валил от кружки так, словно ее вынесли на мороз. От окна тянуло прохладой, снизу звучали голоса, музыка даже, по двору носились дети, карбкались на каркасы, лесенками, ракет.

— Поехали! — послышалось мне звонкое, мальчишечье.

Я против воли улыбнулся — помнят. Поднес к губам кружку, отпил осторожно, почувствовал, как бежит внутрь деревенеющего непослушного тела нечто обжигающее, живое, совершенно безвкусное.

— Поехали! — услышал я звонкое, в брызгах смеха. — Что ты застыл?

Я заморгал часто-часто, как в детстве, протянул растерянно:

— Да я...

И встряхнул головой, отбросил вместе с каплями пота все эти чайники и сумерки, подтянул ее к себе за руку и поцеловал в вязкие от помады губы.

— Меня тут чуть тепловой удар не хватил, — рассмеялся я и вручил ей несчастный букет. — Если это была месть, то очень жестокая и пострадали в первую очередь цветы!

Она всплеснула руками, прижала букет к груди.

— Они же завянут сейчас! Поехали скорее, поставим в воду! — и посмотрела на меня виновато. — Прости меня, пожалуйста, зной этот... Надо было тебе уходить, пусть бы я явилась, а тебя нет! — она закрыла лицо ладонями. — Так мне и надо бы было!..

— Ну что ты, — испугался я. — Не переживай, я недолго жду! Я ещё столько же простоять готов!

Она раздвинула ладони, посмотрела весело.

— Столько же? А два раза по столько же? А три?

— Да хоть сто три! — заверил я. — Хоть тысячу сто три!

И мы побежали к входу в метро.

熔点

(短篇小说)

站在广场中央，我手里捧着一束花——修剪得十分齐整，香味能弥漫周围一公里。我穿着一件荒唐的皮夹克，和一条同样荒唐的裤子。要不是因为站在陀思妥耶夫斯基纪念碑投下的阴影里，我恐怕早就融化于烈日之下了。

这座城市受酷暑所扰已经整整一周了。早晨醒来时枕头像被水洗过一样，晚上入睡后额头上的枕巾会湿透。只有到了夜里才会有短暂的清新之感：夜里醒来靠近敞开的窗户，感受令人陶醉的凉爽，这凉爽诱人得活像《奥德修记》中海妖的歌声，再探出头去齐腰深，看到对面房子里同样的幸运儿，向他挥手，对他微笑，与此同时他也挥手回应，口中小声说着什么。这一切多么美好！

花岗岩制成的“陀思妥耶夫斯基”坐在那里，手掌放在两膝之上，垂下愁眉不展的面庞，似乎接受了他不能起身，不能离去，也不能幸免于酷暑的事实。在这酷暑之中已经无法再认出曾经温柔的夏日阳光。他容忍着，回避着，如此深入到自己的内心，就像从大炮中掉落下来的一样，也因此他变成了一尊石头。

“人是宽的”，躲在陀思妥耶夫斯基塑像阴影里的我想到，“但我会缩起来。”

花束在我手中干枯褪色。皮夹克好像铠甲，而太阳——遵循着它设定的轨迹——不，不，看起来似乎是从圆圆的花岗岩额头后面寻找我：“你在哪里？小蚂蚁？你藏在哪里？”

而我——又热又渴，头晕得厉害，突然想到了厨房、窗外的黄昏和灶台上的茶壶。

这是谁的厨房？肯定不是我的，我是个学生，还在租房子。在烟雾和焦糊之中被熏黑的，专门用于做饭的地方才可以称之为厨房。

这也不是我父母的厨房——我父母的厨房很宽敞，窗外是一片丁香，根本看不到任何黄昏的景色。

而这间厨房小小的，很整洁，像是老人的。位于第四层，没有电梯，沿楼梯爬上去很困难，尤其是双手各拎一个包的时候。

“还有什么包？”我想到，摇了摇头，汗珠飞到了柏油马路上。“我是热出毛病了吧？”

但我喜欢这个游戏。我走到更深的阴凉里，又想起了厨房，黄昏和茶壶。

“茶壶的水，当然是开着的，”我心里点点头。

茶壶水开了——烫得就像这个广场，像熨斗的肚子。手一碰就得缩回来，茶壶嘶嘶地响，像吹哨的声音。

“别胡闹，”我说道，并伸手关了火。

我的手又皱又弯，任何关节都有肿块。

但实际上我的手很漂亮——甚至太漂亮了，几乎是充满女性特质的手。薄而光滑，就像由蜡制成的——因此这双手经常被我在口袋

中。从栅栏上扯木板用不到这双手，扇一记耳光也用不到这双手——这是音乐家的手。

“别胡闹，”我对茶壶说道，用力站了起来。把一个茶包放进杯子里，按住茶包标签，倒了开水。然后又坐回到位子上，把热气腾腾的杯子放到了桌子上。

“我能看到我的手，”我想，“但我不能看到自己的脸。要看到脸，就必须从外部四周看，而如果你能从外部看到自己，你就完了……”我明白了。“茶壶！”

我几乎因高温而失去知觉，仿佛透过雾和水，克服了阻力，望向滚烫的水壶，看到了倒映在里面的东西：一扇黄昏时分的窗户，摆放着自助餐的厨房，还有一个坐在椅子上的老人的身影。

老人坐在椅子上，弯曲的双手垂到膝盖上——他的脸对我来说很陌生。

“想象一张完全陌生的脸是不可能的，”我想，“无论如何，它将是数百个熟人的脸编织而成的。”

热汽从杯子里往上涌，好像被带到严寒之中去。窗外散发着凉意，楼下响起了声音，甚至还有音乐，孩子们在院子里跑来跑去，爬上像梯子一样的球拍架子。

“走吧！”我听到了一个响亮的，孩子的声音。

我不情愿地笑了——他们记得！我把杯子举到唇边，小心翼翼地喝了一口，感到有一种灼热的、活泼的、完全无味的东西在质朴顽皮的身体里跑来跑去。

“走吧！”我听到一声响亮的笑声。“你在干嘛？”

我眨眨眼，像小时候一样，惊慌失措地伸出手：

“是的，我……”

我摇了摇头，把所有的茶壶和黄昏连同汗珠一起扔掉，拉着她的手，吻了吻她因口红而变粘的嘴唇。

“我有点中暑了，”我笑着递给她那束不幸的花。“如果是复仇，那将是非常残酷的，首当其冲地就是花！”

她挥动双手，把花束按在胸前。

“它们要枯萎了！快点，我们把它放在水里！”她责备地看着我，“请原谅我，这太热了…应该你离开，我留下来！”她用手掌捂住脸，“这就是我应该做的……”

“瞧你说的”，我害怕了，“别担心，我不会等太久的。我已经做好站立很久的准备了！”

她张开手掌，兴高采烈地看着。

“很久吗？，等‘两个很久’可以吗？三个呢？”

“哪怕是一百零三个，”我保证，“哪怕是一千一百零三个！”然后我们一起跑向了地铁口。

译者：李翔宇

САНЬ САНЬ

Сань Сань родилась в 1991 году, юрист в сфере интеллектуальной собственности. Окончила Китайский народный университет по специальности «Литературное творчество». Ее работы были опубликованы в ряде печатных изданий. В 2020 году стала лауреатом ежегодной литературной премии шедевров молодых писателей «Звезда Чжуншаня». В 2021 году получила награду ежегодной национальной литературной премии «Цинхуалан», награду Седьмой премии прозы имени Юй Дафу за короткий рассказ, почетную награду жюри конкурса PAGEONE, награду первой литературной премии «Цзиньбань», главную награду премии «Литература красного хлопка» и другие. Рассказы Сань Сань входят в топ рейтинга «Китайский роман» и в рейтинг «Достижения». Сань Сань избрана для участия в программе поддержки молодых писателей имени Ван Мэна «Избранные писатели года» (2022–2023) и т. д. Сань Сань — автор четырех сборников рассказов: «Поздняя весна», «Вершина горы — море», «Матрешка», «Записки блуждающей души».

三三

三三, 1991 年出生, 知识产权律师, 毕业于中国人民大学创造性写作专业。作品发表于多家刊物, 多有选载。曾获2020年“钟山之星”年度青年佳作奖、2021年度青花郎人民文学奖新人奖、第七届郁达夫小说奖短篇小说奖、PAGEONE 评审团赏、首届《静安》文学奖、红棉文学奖小说主奖等。入围中华小说学会排行榜、收获排行榜, 入选王蒙青年作家支持计划·年度特选作家(2022—2023) 等。著有短篇小说集《晚春》《山顶上是海》《俄罗斯套娃》《离魂记》等四部。

ПОЗДНЯЯ ВЕСНА

(отрывок из рассказа)

1

Однажды поздней весной мне пришло письмо от отца. В тот день была хорошая погода, ярко светило солнце. Досаждающие сырость и холод наконец-то исчезли. Пионы вдоль улиц расцвели, с их неровных сморщенных лепестков слетала пыльца. Людей на улицах значительно прибавилось: каждый из толпы был со своими целями и мечтами, их редкие разговоры врывались в теплый весенний воздух. Я чуть приоткрыла шторы, чтобы лучи света проникли в комнату. Все находящееся в помещении приобрело очертания, и комната, ранее охваченная темнотой, вновь вернулась в свой прежний вид.

Письмо было написано странно, фиолетовыми чернилами и неразборчивым почерком. В его строчках чувствовалось отчаяние, совсем не свойственное моему отцу. На краю бумажного листа отпечатались подушечки пальцев, измазанные в тех же чернилах, судя по всему, случайно.

«Жуньянь,

Случилась беда, возвращайся скорее. Будь осторожна при встрече, не дай узнать об этом Яхун.

Твой отец Цинхэ».

Письмо пролежало на столе три дня. За это время нарциссы в вазе завяли, а из их сердцевин прямо на конверт высыпались семечки. На четвертый день я отряхнула конверт, сложила в него письмо и вместе с коробком для скрепок убрала его в ящик. В полдень уже был куплен билет из Пекина. Мне предстояло вернуться в Ханчжоу.

На самом деле, «вернуться» в данном контексте было бы не совсем уместным. Как правило, «возвращаются» домой, в родной город — туда, где когда-то мы крепко держались за руки, где внезапно может нахлынуть чувство тоски. Ханчжоу для меня был не более, чем город, в котором после повторной женитьбы осел мой отец. У его новой жены остался дом в районе Цзянгань. Квартира пусть и была старенькой, но зато площадью около ста квадратных метров. Для достойной старости этого было вполне достаточно. Вот уже как почти девять лет они были в браке. За это время я несколько раз приезжала в Ханчжоу, но моя мачеха ни разу так и не соизволила появиться. Сначала она то ли стыдилась, то ли переживала, что ее присутствие может помешать нашим разговорам с отцом. Позже причинами отсутствия стали болезни, домашние дела. Она никогда не приходила, но через отца постоянно передавала корзинку с местными продуктами.

Я не планировала там задерживаться, поэтому взяла с собой только дорожную сумку с одеждой. Поселившись в отеле на улице Цинцзян, я стала искать их дом на карте. Он оказался менее чем в двух километрах от меня.

На юге было в разы жарче. С верхушек деревьев доносилось щебетание, которое приводило в движение ветки и листья. Во время ходьбы жара почти не докучала, и стоило только остановиться, как пот тут же испарялся с одежды. В уборной я умылась прохладной водой и переоделась в рубашку

с длинными рукавами. Хлопковая и льняная ткани приятно ощущались на теле. Из-за сильного беспокойства за отца я быстро направились к ним домой, прикупив по дороге немного фруктов в подарок.

Их некогда популярная в конце 80-х годов многоэтажка находилась в небольшом старом районе. Расположенная на первом этаже квартира была удобной, вот только солнечного света там, очевидно, не доставало. Зимой из-за повышенной влажности она превращалась в пещеру. Я несколько раз позвонила в дверь, но мне никто не ответил. Оказалось, что провода от звонка были перерезаны. Тогда пришлось постучать. За дверью послышались шаги. Быстрые удары сердца и тиканье секундной стрелки на моих часах слились в унисон.

Дверь открыла женщина. При виде меня она слегка опешила, но очень быстро зажглась огоньком энтузиазма, словно фитиль свечи:

– Жуньянь, это ты? Я видела тебя на фотографиях.

– Здравствуйте, а где папа?

Растерявшись, она затащила меня в квартиру. Я замерла на пороге. У двери лежал новый коврик с рисунком бенгальского тигра на фоне густого зеленого леса. Сидя на корточках, роюсь в обувном шкафу в поисках гостевых тапочек, она обратилась ко мне:

– Отец вышел на прогулку, — она протянула мне тапочки и провела к дивану. — Здесь недалеко течет река Теша. Знаешь такую? Эта река — защитный ров города Ханчжоу, вырытый во времена танского императора Ицзуна*. По нему текут воды реки Цяньтан. Твой отец ходит туда каждый день после обеда.

Мы сидели друг напротив друга, и у меня появилась возможность повнимательнее рассмотреть ее лицо: оно было красивым, по форме напоминающим тыквенную семечку, с мягкими чертами. На вид ей было чуть больше пятидесяти — выглядела она несколько моложе, чем ей было на самом деле. Выступившие на лице несколько морщин отражали горечь пережитых ею тягостей. К счастью, по натуре она была добродушной, а улыбка на лице добавляла ей шарма: морщинки в уголках глаз собирались в волны, опущенные брови слегка покачивались в движении; казалось, будто она пристально вглядывалась во что-то и улыбалась. Одновременно с этим создавалось впечатление, что она ни на что не смотрела и просто держала глаза открытыми. Дело было не в том, что так проявлялась ее молодость, а в том, что чувствовалась красота ее возраста, вызывающая снисходительность у людей.

– Он вернется ближе к пяти, — она мельком взглянула на часы.

– Хорошо, спасибо, — ответила я.

– Зови меня Яхун, — она кивнула и снова скромно улыбнулась. — Я знаю, имя Яхун слегка простовато, так что не смейся. Когда я только начала работать, то сменила имя на Шэнь Линьцуй, отсылающее к строкам: «весенний ветер перед приходом ночи холоднее осеннего»**. Я преподавала в школе язык и литературу. Папа тебе об этом не рассказывал?

* Ицзун (859—873 гг.) — 20-й император династии Тан. — *Прим. пер.*

** Строки из стихотворения У Вэньина в жанре ци. — *Прим. пер.*

– Рассказывал немного. Говорил, что вас считали большим профессионалом своего дела, пока вы не перестали работать, — я помнила, что она уволилась из-за бывшего мужа, но расспрашивать о произошедшем в деталях мне стало неудобно.

– Куришь? — она достала из журнального столика пачку «Хуанхэлоу»*.

– Нет.

– Ну и хорошо, так даже лучше для здоровья. Я обычно не курю, когда приходят гости.

Я только сейчас заметила, что ее тон был мягким, словно надвигающиеся перистые облака. Она отнесла принесенные мной фрукты на кухню, откуда слышались сначала звуки воды, затем звуки открывающихся банок и звон металла. Вскоре она принесла тарелку с фруктами, на которой лежали предварительно пропущенный через соленую воду, нарезанный мелкими кусочками чищенный ананас, крупные круглые вишни, разложенные на манер древних рисунков.

– Их можно купить, называются «Первые весенние фрукты», — она показала на плоды. Настроение как будто слегка улучшилось.

2

Отец опоздал и пришел только в полшестого. Сначала я его даже не узнала: иссохшее лицо с сильно выпирающими костями, плотно обтянутыми кожей, что особенно бросалось в глаза, когда он поворачивался боком, и худощавое тельце. Он протянул мне руку и снова отдернул — весьма простодушно. Отец изменился до неузнаваемости, но одного лишь факта того, что он просто постарел, было бы недостаточно для полного описания произошедших с ним метаморфоз. Теперь он больше походил на заново пытающегося интегрироваться в социум странника, ранее путешествовавшего по магическим землям. Яхун немного посетовала, подала отцу тапочки и обратилась ко мне: «Твой отец уже несколько раз терял телефон, так что сейчас ходит без него и часто возвращается невовремя, заставляет за него переживать». Стоявшая рядом с ним Яхун выглядела совсем как юная девушка. Было трудно поверить, что по ночам эти двое делили одну постель. Яхун ушла на кухню, в соседней комнате отец вымыл руки, медленно опустился на место рядом со мной. По телевизору показывали пестрое шоу, затем на экране промелькнули знакомые лица знаменитостей. Отец молча держал меня за руку. Радужная оболочка мутная, затуманенная едва заметной желтоватой пленкой. Когда я попыталась с ним заговорить, он отвел взгляд.

Яхун — настоящая хозяйка. На кухне она подала рыбу в уксусе, тушеные в масле бамбуковые побеги, суп из тушеного тофу с мясом. Из-за ужина пришлось у них задержаться, к тому же Яхун нажарила много креветок. Я обычно ем в одиночестве, поэтому глотаю еду быстро. Яхун приказала мне есть помедленнее, все приготовленное ею — сезонные ханчжоуские блюда, которые нужно хорошенько смаковать. Тридцать лет назад после замужества она переехала из Шанхая в Ханчжоу, и теперь впитала в себя изящество реки Цяньган. Познакомившись с ней лично, я наконец-то поняла, почему отец взял ее в жены. Однако откуда-то взялись проблемы — отец

* Бренд китайских сигарет. — *Прим. пер.*

был в эмоциональном упадке, а его былая жизнерадостность бесследно исчезла. Он отложил миску, его запястья периодически судорожно подрагивали, а палочки в руках слегка постукивали по краям чашки. Отец все время сидел с каменным лицом, ни на секунду не смягчившись. Вид у него был потрепанный, безжизненный, при взгляде на него в голову приходила ассоциация со скульптурами Донателло.

Пока мы сидели за столом, Яхун начала расспрашивать о моем путешествии. Я честно призналась, что взяла неоплачиваемый отпуск, чтобы провести в Ханчжоу десять дней. Узнав, что я остановилась в экспресс-отеле, Яхун расстроилась и пригласила меня пожить у них. Отец на это никак не отреагировал, делая вид, что полностью погрузился в просмотр вечерних новостей. Дождавшись, когда Яхун доест и выйдет из-за стола, он перестал есть и незаметно выкинул еду в урну. Пожалуй, был подобран не совсем удачный момент. В тот вечер квартиру заполнил таинственный мрак. В поведении между отцом и Яхун чувствовались усталость и притупленность. В восемь часов я засобиралась в отель. Отец захотел меня проводить, но Яхун распереживалась за его безопасность. На ее лице отразилась неловкость. Посмотрев на стоявшего отца, я тоже начала отговаривать его от этой затеи. После недолгих разговоров он нехотя пошел на компромисс, но настоял на том, чтобы пройтись со мной хотя бы до ворот их жилого комплекса. Мы шли по узкой дорожке. Отец двигался медленно, будто пытаясь своим размеренным шагом продлить это мгновение. По бокам росли коричневые деревья, их запах преследовал нас всю дорогу. Я вновь уловила неизвестное мне птичье щебетание, что встретилось мне утром. В Пекине самая распространенная птица — голубая сорока. Иногда можно встретить стаи ворон, чьи крики зловеще вырываются из бесконечной ночи. Я только хотела узнать у отца, к чему было то письмо, как он заговорил первым.

— Есть кое-что, но сначала мне надо тебя спросить, — говоря это, он будто оживился. — Можешь дать мне немного денег?

— Сколько?

— Я сам точно не знаю, возможно пятьдесят тысяч юаней. Дашь?

— Что происходит? Во что ты ввязался? Это азартные игры?

Фонарей вокруг не было, дорогу освещали только луна и рассеянное свечение, льющееся из окон домов. По мере того как отец смотрел на меня, выражение его лица менялось — как будто он узнавал меня заново или обдумывал значение этой сцены в своей судьбе. Сама не знаю почему, но в тот момент мне вдруг вспомнилось полупрозрачное тело чучела бабочки. Когда-то я спрятала его в коробку и нашла уже спустя много лет. От бабочки осталась только перламутровая пыльца.

— Это все Яхун, — отец говорил тихим тоном, которым обычно рассказывают секреты. — Я думаю, она пытается отравить меня. Постепенно дает мне яд, чтобы моя смерть казалась естественной, будто от болезни. Сейчас весь дом держится на ней, я ничего не знаю, хожу без телефона и денег. Если ты дашь мне немного на первое время, то я смогу переехать. Потом я что-нибудь придумаю.

— Не выдумывай, отравление — это преступление. — Его слова прозвучали нелепо. Если бы он не говорил об этом с такой серьезностью, то я бы ему ни за что не поверила.

– С начала этого года мое здоровье начало постепенно ухудшаться. У меня постоянно кружилась голова, болел желудок, иногда рвало. Я прошел обследование в больнице, они ничего не нашли. Но я-то чувствовал, что что-то не так. В деревнях поговаривают, что это симптомы отравления мышьяком — почти такие же, как при болезнях желудка.

– У тебя есть доказательства? — я перебила отца.

– Нет, но я знаю, что это Яхун. Она весьма странная, у нее никогда не было друзей, а после замужества она и вовсе крайне редко стала выходить из дома. В последнее время она начала выбираться чаще, возможно, у нее появился кто-то другой.

– Как это возможно? Вам с таким трудом дались эти отношения. Тем более, она совсем не похожа на...

– Да, но есть то, о чём ты не знаешь, — отец будто неожиданно вспомнил, — ее бывший муж умер от желудочного заболевания. Раньше она говорила, что это был рак желудка, потом сказала, что он терпел дискомфорт, диарею и рвоту с кровью. Всё это очень и очень странно.

晚春

(短篇小说节选)

1

收到父亲来信，是晚春的一日。外面天气很好，阳光猛烈，扰人多时的湿寒似已祛除。沿街芍药翻香，脂粉调晃悠悠，从皱瓣里钻出来。行人也渐多，带着各自的目标与心事，往暖风中呼出小剂量的声音。我略微拉开窗帘，使房间与外界的光线连通。于是，四周之物变得可以辨认，原本被幽暗侵占的空间都还回来了。

信写得很古怪，用一种偏紫的墨水。字迹也潦草，与我印象中父亲的字不同，仿佛写于情急之下。信纸边缘，有两三处与墨水同色的指纹，大概是不慎沾了手又拓下的。

润安，
父有难，乞速归。
见面需谨慎，来信一事切不可让雅红知晓。
父 清河

信在桌上摆了三天。水仙盆景正值凋谢，几日下来，不少焦炙的花骨落在信封上。

第四天，我清理掉覆在表面的碎花，叠好信，将它与一盒钉针同放进抽屉。中午，便买了车票，从北京回到杭州。

“回”字用得并不贴切，尾随它的宾语理应指向一处故地，一处曾与我相互紧攥、不时会触及哀愁根须的地方。杭州远不及此标准，只不过是父亲再婚后定居的地方。继母在江干区有房产，房屋虽老，面积近百平米，维持一段中晚年生活也足够。他们的婚姻运转到第九年，期间我到过杭州数次，继母从未露过面。初时她羞赧，或担忧她的在场会打扰我与父亲的交谈，后来又受各种病痛、家务阻挠，始终没能与父亲一起出现。这些缺席的理由，往往都附随着本地特产，由父亲代为送达。

原本没打算住多久，只提一个旅行包的衣物。到清江路的旅馆安顿下，在地图里搜索父亲的住址，相距大约两公里不到。南方炽热更盛，树梢间遍是嚶鸣与由此波动的枝叶之声。走动时不觉得，稍一静立，虚汗从衣服布料下蒸出。就在卫浴间冲洗一新，换上长袖衬衫，棉麻贴身如挠痒。因为担心父亲，我很快往他们家中赶去，中途买一些水果作礼。

寓所位于一个老式小区内，多层建筑的楼房，一度在八十年代末流行。他们住在一楼，进出便捷，只不过每天日晒短暂。冬至凛冽处，阴湿之气把房子养成一个洞穴。我按几次门铃，无人应答，才发现门铃的接线被剪断了。敲门后，听见里面一阵走动声。我不禁心跳加快，配上手表里秒针的转响，形成一种怪异的内外二重奏。

一个女人开门，见到我，微微一愣。很快又热情起来，如一炬忽然被点亮的蜡烛。“润安吗，我见过你的照片。”

“你好，我来找我爸……”

我被她拉进门，不知所措，站在原处不动。门口的地毯很新，绘一只孟加拉虎，背衬浓绿的阔叶林。她蹲下来，在鞋柜中翻客用拖鞋，一边和我讲话。

“你爸爸出去散步了。”她把鞋递给我，领我到沙发前，“这里附近有一条贴沙河，你听过吗？是杭州城的护城河，唐懿宗年间开凿的，用来泄钱塘江的水。每天下午，你爸爸都要去那里走一程。”

我坐的位置恰与她相对，这时便看清了她的样貌。她长得很美，瓜子脸，载了一套柔媚的五官。尽管看上去五十岁出头——远小于实际年龄，但脸上集了一些皱纹，将她命中的艰涩外化为一种苦相。所幸她秉性并不严肃，笑时则稍好：眼尾如浪蜷曲，卧蚕松弛，随移动而轻晃；她好像全神贯注地望着某处而笑，又好像什么都没看，只是任由眼睛睁着——倒不是更显年轻，反而是凭美人迟暮之感，唤起了人们的宽容。

“五点前，你爸爸会回来。”她转头看了一眼墙上的钟。

“好的，谢谢阿姨。”我说。

“叫我雅红就好了。”她低头，又羞涩地笑起来，“雅红有点俗，你不要笑话。我刚工作时，给自己重新起过一个名字：沈临秋，取自‘东风临夜冷于秋’一句。我以前是小学语文老师，你爸爸跟你提起过吗？”

“讲过一点，说你每年都评上先进个人，后来就不工作了。”我记得她当年离职与前夫有关，具体不便多问。

“抽烟吗？”她从茶几下挑出一包黄鹤楼雅韵。

“不抽。”

“真好，这样对身体好。除非客人来，我现在也不抽的。”我这才意识到，她说话很柔顺，像一层迎面而来的卷积云。

她把我买来的水果拎到厨房，先后传来水流、开罐、金属碰撞的声音。不久，她端一盆水果来，菠萝削得剔透干净，切成小块，滤过一层盐水；另半边盛樱桃，浑圆的一粒粒，摆盘像一种古代阵法。

“你真会买，这是‘春果第一枝’。”她指着樱桃，情绪似乎很好。

2

父亲回来得并不准时，进门已五点过半。乍一见，竟未认出父亲。他的整张脸向内陷落，皮肤紧裹在骨骼和动脉上，侧身时更明显。身体随之枯瘦，他伸手又缩回，举止木讷，与去年判若两人。仅仅用衰老，并不足以概括他的改变。他更像周游过一个神秘异境后，重新返回人间。

雅红责怪父亲几句，替他把拖鞋摆好，又转向我解释说，“你爸爸丢过好几次手机，现在干脆不用了。到时间还不回家，太让人担心了。”

站在父亲身边，雅红像一个晚辈，很难想象他们同榻的无数夜晚。雅红回身入厨房，父亲在门边擦完手，缓缓坐到我旁边。电视机正开

着，放一场缭乱的综艺，镜头在几张稔熟的明星面孔上切换。父亲握住我一只手，一言不发。他的瞳孔周围一片悬浊，粘黄的膜若隐若现。当我试图和他说话时，他移开了眼睛。

雅红手艺极佳，厨房端出醋鱼、油焖春笋、豆腐羹。因留了我一起吃饭，又多炒一盆虾仁。我时常一个人饮食，吞咽以效率为重。雅红嘱咐我吃慢些，说这都是时令杭帮菜，细品才入味。三十多年前，她从上海嫁到杭州，如今尽得钱塘气韵。见到她本人，我终于理解父亲当年执意娶她的原因。然而，事态似乎已暗中发生偏转——父亲浑身颓丧，当初的喜色荡然无存。他端着碗，手腕上间歇迸发出细小的抽搐，牵引筷子轻轻敲击瓷碗的边缘。白炽灯下，父亲水泥般的脸色始终不曾缓和，显得褴褛、死气沉沉，使人想起多纳泰罗雕塑的圣像。

在餐桌上，雅红问起我的行程。我如实相告，已请了剩余的年假，可在杭州小住十日。得知我入住快捷酒店，雅红有些懊恼，让我退房住回家里。父亲对此不置可否，好像注意力全集中在晚间新闻。等雅红吃完离席，父亲也停下进食，偷偷把饭倒进垃圾桶。

或许是时机不巧，那天夜晚，房间里弥漫着一种微妙的晦暗。落在父亲、雅红的举止之间，则体现为疲倦与迟钝。八点出头，我起身告辞。父亲想送我回去，雅红记挂他的安全，面露难色。我眼见父亲的身体状况，便也劝阻。往来几次，他只好悻悻妥协，但非要送我到小区门口。

我们从一条细道中穿过，父亲走得缓慢，似在用步伐把黑夜一裁为二。两侧有樟树夹道，走到中段，腊梅香也急来送行。我又听见与下午相同的鸟鸣，一种不知名的品类。在北京，最多见的是灰喜鹊。偶尔也逢乌鸦群栖，号叫声将狰狞从漫漫长夜之中刨出形状。我正想问父亲，来信究竟怎么回事，父亲先开了口。

“有一件事情，我先问你。”父亲说话时，反应似有解冻，比先前敏捷一些，“你能给我点钱吗？”

“多少？”我疑惑不解。

“我也不确定。五万，你有吗？”

“到底什么事？你怎么弄成这样，是赌博吗？”

小路上不曾设灯，除了高处零散的光线，月亮是眼下唯一的光源。父亲久久看着我，神色闪烁——像在辨认我，或是推敲这一场景在他命运中的意义。不知为何，我突然想起儿时收集的一只蝴蝶标本，通体半透明。我把它藏在一个玻璃盒子里，隔许多年再找到，盒中只剩一撮珠光粉末。

“是雅红。”父亲嗓音低沉，处于一种适合描述秘密的波频。“我怀疑，她在给我投毒。慢性毒药，每次一点点，最后我会死得像患病一样。现在家里全由她打理，我什么都不知道，手里也没钱。如果你给我一点，我可以自己找个地方安顿。接下去的钱，我再想办法。”

“你不要胡思乱想，投毒是犯罪的。”父亲的说辞听来匪夷所思，如果不是因为他过于严肃，我根本不想和他讨论这些。

“从今年年初起，我身体越来越差，经常头晕、胃疼，有时还呕吐。去医院里查，也查不出什么大毛病，可我总觉得哪里不对劲。我以前在农村听说过，这是砒霜中毒的症状，和胃病差不多。”

“你有什么依据吗？”我打断父亲。

“没有，但我知道就是她。她这个人很古怪，一直没什么知心朋友，结婚后也不常出门。最近不知道为什么，经常往外跑，外面肯定有别的男人。”

“怎么会呢，你们好不容易才在一起。何况，她看起来也不像……”我仍然半信半疑，不是信息的逐渐补全、而是父亲言谈中流露的恐惧，多少使我动摇。

“对了，有件事情你不知道。”父亲忽然想起似的，“她前夫就是胃病死的。以前说胃癌，忽然又改口了，说是胃不舒服，腹泻、吐血死的，蹊跷得很。”

译者：罗戈娃

ДИАНА КАН

Кан Диана Елисеевна — известная российская поэтесса, член Союза писателей России, член редакционных коллегий ряда литературных изданий России, лауреат всероссийских премий. Автор книг “Високосная весна”, “Согдиана”, “Междуречье”, “Обречённые на славу”, “Млечный мост”, “Подорожная” и др., а также многих публикаций в центральных и региональных изданиях России. Живёт в Оренбурге.

狄安娜·坎

戴安娜·叶利谢耶夫娜·坎 是俄罗斯著名女诗人，俄罗斯作家协会成员，并担任多家俄罗斯文学出版物的编委会成员。她是多项全俄文学奖的得主，著有《闰年春天》、《索格底亚纳》、《两河之间》、《注定荣耀》、《银河之桥》、《路条》等多部诗集，并在俄罗斯中央和地方刊物上发表了大量作品。现居住于奥伦堡市。

* * *

*Кому лететь в обетованный край.
Кому-то возводить домашний рай.
А мне стоять китайскою стеной
Под грозным небом родины родной.*

*Спят небеса, прильнувшие к плечу.
Я в мире легче ноши не хочу.
Течёт сквозь время вечная река,
Вскормив своею грудью облака.*

*Амур, Кубань, и Терек, и Яик!
Мне слух ласкает гордый ваш язык.
И ваши грозные имена
Слились в одно — китайская стена.*

*Корнями в землю русскую вросла...
И нет на белом свете ремесла
Превыше этой связи корневой
Меж вольным небом и родной землей.*

*Покуда на груди спят облака,
Я буду на земле стоять века...
Пусть знает за моим плечом страна,
Что я — её китайская стена!*

* * *

*Я подданная русских захолустий.
И тем права пред Богом и людьми.
И приступаю провинциальной грусти
Моя любовь к Отечеству сродни.*

*Пусть кажется кому-то экзотичной,
Как в зимний день июньская гроза,
Моя великорусская привычка
Прищуривать нерусские глаза.*

*Вдали от многолюдных перекрёстков
Постигла я на стылых сквозняках
Кровавый привкус русского вопроса
На опалённых временем губах.*

*Ладонь отвергла дедовскую шашку,
Но не снискала мира на земле...
Сгорает век томительно и тяжело.
Мои пути потеряны во мгле.*

*Лицо слезой кровавой уываю,
Впадая временами в забытьё...
Но ни на что вовек не променяю
Божественное подданство своё.*

谁能飞往应许之地，
谁能把天堂建在家园里。
而我，将如长城般屹立，
在祖国威严的天底。
天空依偎在肩头沉睡。
背更轻的担子，我不愿意。
永恒的河水川流不息，
用她的胸膛把云朵哺育。
阿穆尔河、库班河、捷列克河、乌拉尔河！
抚慰我的耳朵，你们骄傲的言语。
你们那雷霆般的名字
——长城，汇成一体。
我的根深深扎入俄罗斯的土地……
在这世上，没有任何技艺
比这根脉更崇高——
连接自由的天空与大地。
只要云朵还在我的胸膛沉睡，
我将永远屹立在这片土地……
就让祖国知道她在我肩头，
我——长城，是她的依靠！

我是俄罗斯乡野的子民，
因此我在上帝和人前享有权利。
我对祖国的爱意
就如那乡愁的侵袭。
尽管对某些人来说这很稀奇，
就像冬日里突现六月的雷雨，
我那双非俄罗斯的眼睛
眯起的习惯却大是同胞兄弟。
远离熙攘的十字街头，
在刺骨的穿堂风中躲避，
我尝到了俄罗斯问题的血腥，
在岁月灼伤的唇上允吸。
我的手拒绝了祖传的马刀，
却未在世上寻得安逸……
世代在痛苦与沉重中燃烧。
我的道路迷失在黑暗里。
我用血泪洗面，
时而陷入昏迷……
但我永远不会用任何东西
交换我这神圣的国籍。

译者：柴旭东

ФУ ЮЭХУЭЙ

Фу Юэхуэй родился в 1984 году в провинции Юньнань, сейчас проживает в Шанхае. Более десяти лет занимал должность редактора журнала «Шанхайская литература». На данный момент работает в Восточно-китайском педагогическом университете на факультете китайского языка и является профессиональным писателем на договорной основе в Уханьском институте литературы. Автор таких произведений, как «Поедание железа», «Роскошь», сборника рассказов «Десять тысяч гор», сборника эссе «Дорога по Юньнани», сборника стихов «Путь к Земле» и многих других.

甫跃辉

甫跃辉，1984年生，云南人，居上海。曾在上海文学杂志做编辑十余年，现就职于华东师范大学中文系，武汉文学院签约专业作家。著有长篇小说《嚼铁屑》《锦上》、小说集《万重山》、散文集《云边路》、诗集《去大地的路上》等。

НОЧНОЙ СТОРОЖ

(отрывок из рассказа)

Если бы не случайный визит на фабрику желатина* в провинции Шаньдун, я бы точно забыл о том событии. Когда двери автобуса открылись, в нос тут же ударил знакомый запах ослиного навоза — едкий, со смесью травы. Выйдя из транспорта и проследовав за толпой к загону, я очень удивился. Это осел? Высокий, крепкий, с блестящей черной шерстью, круглыми, как чашки, копытами, длинными ушами и блестящими глазами... Не такого осла я себе представлял. Мне казалось, он будет плешивым и не выше меня семилетнего. Что-то припоминая, я опустил взгляд на переднюю ногу ишака, где виднелся круглый шрам. Неосознанно потянувшись к отметине на своей голове, я ощутил, как воспоминания пробудились после долгого сна.

В горах Юньнани ночи такие же темные, как дно котла. В этом мраке я еле-еле мог увидеть слабый свет.

До того как мне исполнилось десять, я довольно много спал с дедушкой на чердаке, отделенный от остального дома колотыми дровами. Они были сложены в своеобразную перегородку, посреди которой находилось окно. Кровать стояла у стены, поэтому, когда я ложился спать, этот небольшой проем становилось видно особенно хорошо. Обычно он закрывался куском темной ткани, но это не мешало свету просачиваться через щели между дровами.

Постепенно его становилось все больше и больше.

Издалека слышался звон лошадиных колокольчиков. Этот звук ощущался совсем одиноким и настойчивым, похожим на маленький молоточек, стучащий по черному котлу. Я перевернулся на другой бок и широко раскрыл глаза. Звяканье становилось все ближе и ближе, и я понял, что больше не могу спокойно лежать.

— Деда, деда! Проснись!

На мгновение он перестал храпеть, но затем начал снова.

— Проснись! Проснись!

— Да... да...

Динь-дон, динь-дон... Звон колокольчиков уже доносился со двора.

Дед накинул пальто, сначала на ощупь снял керосиновый фонарь со стены, затем достал спички из-под подушки, зажег одну и, подняв крышку, зажег фитиль. Несколько раз подпрыгнув, маленький огонек успокоился. Тогда, держа поскрипывающий фонарь, мы потихоньку, ступенька за ступенькой, начали спускаться вниз, но тут лестница скрипнула, и слышались шаги. К этому моменту звон бубенцов разносился по всему двору.

— Пришел? — дед поднял фонарь в сторону выхода.

— Пришел. Вся дорога покрылась инеем! — на пороге я увидел дядю, брата дедушки, который дул на руки, периодически потирая их в попытке согреться.

* Желатин из ослиной кожи. — Прим. пер.

В свете фонаря мне удалось разглядеть его морщинистое улыбающееся лицо.

– Сяо Ту тоже встал?

Ничего ему не ответив, я выхватил фонарь из рук деда и сосредоточился на лошади позади дяди. Она была белоснежной, даже такая темная ночь не могла этого скрыть, наоборот, подчеркивая цвет ее шерсти. Седло уже стерлось до блеска, а по бокам висели пузатые мешки с редькой. Животное опустило голову, поедая траву. Когда я подошел чуть ближе, лошадь резко подняла морду и глядела своими блестящими глазами, что заставило меня отойти на пару шагов назад.

– Ха-ха-ха, — дядя сильно рассмеялся. — Сяо Ту, когда ты уже станешь смелее?

Я покраснел от стыда, но хорошо, что в темноте этого не было видно.

Дядя подошел к лошади и, пошарив рукой во вьюке, достал что-то вроде веретена и дал мне. Это оказалась огромная черная шишка.

Я взял мое новое сокровище и отошел в сторону, чтобы осмотреть его. Шишка оказалась настолько большой, что я едва удерживал ее двумя руками. Она была холодной, а чешуйки плотно прилегали друг к другу. Тогда я поднес ее ближе к фонарю. В это время дед проводил дядю в зал, а некоторые слова их разговора долетали и до меня — засуха, еда, трудные времена. Вскоре в зале в печи разгорелся огонь, от света которого лысина дяди заблестела, а его длинная борода периодически стала подниматься вверх от горячего воздуха. Он поднял руку, чтобы придержать ее, из-за чего я тихонько рассмеялся. Однако дедушка, наоборот, оставался серьезным. Как они могли быть братьями?

Наигравшись с шишкой, я заметил, что во дворе стало светлее. Небо побелело, появились облака, и рассвет начал очерчивать крыши соседних домов. С лошади сняли мешки с редькой, и она выглядела довольно одиноко, молча продолжая щипать траву и периодически позвякивая своим медным колокольчиком.

– Хочу покататься на лошади! — крикнул я в зал.

– Ты еще маленький, как ты поедешь?

– Не маленький! Хочу кататься!

– Еще раз крикнешь! Что за поведение!

– Если Сяо Ту хочет кататься, пусть катается, — дядя вышел из зала и, посмотрев на небо, взглянул на меня.

– Ты не знаешь, сколько раз ему еще захочется.

– Всего один! Я никогда не ездил верхом!

– Что-то слабо верится... — нагнувшись, дедушка погасил фонарь.

– Разреши ему прокатиться всего разок, — дядя почти умолял брата.

– Что ты ему такого сделал, что он за тебя вступается? — дед посмотрел на меня. — Если сам можешь сидеть верхом, то езжай.

Я взглянул на дядю и увидел, что тот смотрел на меня в ответ.

– Ну что? — его глаза засияли.

Обернувшись к лошади, я еще раз осознал, какой белой она была — словно молния, снег или царство грез. Сейчас, на рассвете, животное спокойно стояло во дворе, будто ожидая чего-то.

– Я не умею ездить верхом, — только и смог прошептать я.

Скоро пришло время прощаться. Дядя с дедом, снова погрузив поклажу на лошадь и продолжая разговаривать, повели её к воротам. Перехав через мостик, дядя погладил меня по голове, взял уздечку, встал на стремена, резко повернулся и уселся в седло. Стуча копытами, животное скрылось в свете зари.

Чтобы снова увидеть белую лошадь, нужно было не просто подождать день или два. Ярмарка проводилась раз в неделю, но дядя приезжал не всегда, поэтому в эти дни я не мог спокойно спать, постоянно просыпаясь и прислушиваясь. Где-то далеко слышался лай собак, по соседству кричал петух, а во дворе стрекотали сверчки. Я не понимал, было ли это реальностью или иллюзией. Из-за всех звуков и так темная ночь становилась еще более холодной и бесконечной. Я представлял, что в неисчерпаемых сумерках простиралась бескрайняя пустошь, а вдалеке скакала белая лошадь, топя копытами и разбивая все звуки... Но в следующую секунду я снова слышал только сверчков, кур и собак.

Вдруг я задумался. Та ночь была такой темной, как же лошадь могла видеть дорогу? Неужели у дяди был фонарь? Только вот я точно его у него не видел.

Как только эта задачка возникла у меня в голове, от нее уже было невозможно отделаться. Она ощущалась как острая игла, пронзавшая меня и заставлявшая вертеться с боку на бок.

Я знал, что, если бы спросил у дедушки, он наверняка ответил бы своей обычной фразой: «Малыш, зачем ты задаёшь столько вопросов?»

夜眼

(短篇小说节选)

若不是偶然到山东东阿阿胶参观，我定然是要完全忘记了他了。大巴停下后，车门刚刚打开，我就闻到了，多么熟悉的气味儿啊——驴粪味儿一阵一阵，冲到鼻子跟前来了。那略带苦涩的味儿，隐约可寻见青草的气息。走下大巴，随着人群来到驴舍前，一下子被惊到了。这是毛驴么？高大，健壮，毛色亮黑，四蹄如盏，双耳修长，两眼有光……这不是我印象里的毛驴。印象里的那头毛驴是小的，并不比七八岁的我高多少。循着记忆的光亮，我低头去看毛驴的前腿内侧，一小块圆圆的伤疤样的地方。我下意识地伸手摸了摸自己头顶左侧的伤疤，朦胧的记忆彻底从时光的茫茫暗夜里苏醒了——

云南山间的夜，黑如倒扣在锅底。我在这暗夜里，渐渐看到一缕缕淡漠的光了。

十岁之前，我有好多年和爷爷睡在阁楼上，阁楼是用劈柴隔出来的。劈柴堆成了隔墙，还堆出了一扇窗。床是靠房子的土墙摆放的，躺上面一套头，就看得劈柴堆出来的那扇窗。窗户多是用一块青布挡着，但这并不妨碍光透过劈柴间的缝隙漏进来。

漏进来的光线越来越多。

远远的，听见叮当叮当的响声了。是马铃铛的声音。那声音孤零零的，非常执拗，像是一个小棒槌，要一下一下敲开这黑夜的锅底。我翻了个身，在黑里睁大了眼睛。那声音越来越近了，我没法再躺着了。

“阿公，阿公，你醒一醒！”

爷爷的呼噜声停了停，又响了起来。

“醒一醒！醒一醒！”

“唔唔……”

叮当叮当，马铃铛的声音朝着院子里来了。

爷爷披了大衣，摸索着从土墙上摘下马灯，摸到了枕头底下的火柴，擦了一根，揭起灯罩，点亮灯芯，复又合上灯罩。小小的火苗跳了几跳，安稳了。爷爷拎着马灯，马灯吱扭吱扭响。我跟定爷爷，一步一步下楼梯。楼梯咯吱咯吱，脚步啪嗒啪嗒。此时，马铃声叮当叮当，已经响亮在院子里了。

“来了？”爷爷朝院子里举起马灯。

“来了，一路上霜下得白花花的！”叔公搓搓手，聚拢在嘴边，嗬嗬嗬哈气。马灯照亮他沟壑纵横的脸，他正冲我龇牙咧嘴呢。

“小图也起来了哟？！”

我没理会他。我从爷爷手里抢过马灯，举在眼前，定了眼神，去看他身后的马。那是一匹白马，黑夜都藏不住它的白。在黑夜里，它非常突兀地白着。身上的鞍鞯磨得光滑异常，两侧挂着鼓鼓囊囊的几棵萝卜。白马低着头，嘴巴凑到地上，在吃草呢。凑近了马灯，白马忽地抬起头来，两只眼睛闪闪发亮，唬得我后退了两步。

“哈哈哈哈哈……”叔公大笑，“小图你什么时候才能胆子大点儿呢？”

满面羞赧，幸好有黑夜藏身。

叔公走到白马身后，伸手在货物里寻摸，摸出一个纺锤样的东西递给我。

是个巨大的青色松果。

我得了宝贝，走到一边研究去了。松果用两只手都不能攥住，凉冰冰的，鳞片紧紧咬合着，放在马灯跟前，泛着幽暗的光。爷爷迎了叔公到堂屋，他们的话偶尔飘过来一两句，“天旱”，“粮食”，“日子不好过”。不多时，堂屋里烧起了一炉火，火光灼灼，叔公的光头亮晃晃的，长长的胡子被热气一拂，高高地撩起。他伸出一只手，去压住胡子。这样子让我暗暗发笑。坐在他对面的爷爷要严肃多了。这哪里像是两兄弟呢？

玩腻了松果，看见院子里亮开了。天色瓷白，云朵如缕，曙光描出对面的瓦屋顶。白马驮着的萝卜卸掉后，显出了一份孤独。它沉默着，仍旧低垂了脑袋在啃食院里的草。脖子下的铜铃铛不时轻轻地响一声。

“我要骑马！”我冲堂屋里喊。

“你还小，骑什么马？！”

“不小了！我要骑马！”我又喊。

“你再叫！小娃娃家，不听话！”

“小图想骑，就让他骑嘛。”叔公从堂屋里走出来，抬头看一看天，又看一看我。

“你是不晓得，他骑了这一回，还不知道要骑多少回。”

“就骑一回！我还一回都没骑过呢。”

“你信他的……”爷爷弯腰熄灭了马灯里的火。

“就让小图骑一回嘛。”叔公对爷爷近乎是哀求了。

“给你叔公什么好处了你？”爷爷瞅我一眼，“你要是自己能骑，你就骑吧。”

我看叔公，叔公也正低头看我。

“怎么样？”叔公的眼睛亮晶晶的。

我望向那匹白马。白若闪电的马，白若雪光的马，白若梦境的马。白马就立在清晨的院子里，静悄悄的，仿佛在等待着什么。

“我不会骑……”我低声说。

很快就到告别的时候了。叔公和爷爷重新把货物驮到马背上。他们说着话，牵了白马朝院门口走。过了小石桥，叔公摸摸我的脑袋，手拉住缰绳，脚踩上马镫，忽地一翻身，便稳稳地坐在马背上了。

马蹄哒哒。白马消逝在曙光里。

再要见到白马，不是等一两天就可以的。赶集七天一轮，况且，叔公并不是每次赶集都来。每到赶集那天，我便睡不安稳，不时醒过来，竖起耳朵听。远远的狗吠声。邻近的鸡叫声。院子里的蟋蟀声。声声入耳，若真若幻。这一切的声音让暗夜变得愈加冷寂和辽阔了。

我想象着，无尽的夜色底下无尽的旷野铺展开，一匹白马远远地奔来，马蹄哒哒，敲碎了一切的声音……转瞬间，又只是听见近的远的蟋蟀声、鸡叫声、狗吠声。

忽地，我发了疑惑了。夜这么黑，白马怎么看得到路呢？总不成叔公手里还要举一盏马灯？但我分明没见到他手里有马灯。

这问题冒出来，便再也按压不下去，一根尖溜溜的刺，扎得我辗转反侧。

我知道，若是去问爷爷，爷爷肯定是那句话，小娃家家的，问那么多做什么。

译者：玛南妮科娃

АЛЕКСАНДРА КЛИМОВА

Климова Александра Александровна. Прозаик. Фотограф. Родилась в 1995 году в посёлке Межозёрный Ленинградской области, живёт в Санкт-Петербурге. Пишет рассказы и сценарии. Публиковалась в журналах «Москва», «Перископ», «День и ночь», «Нева», «Традиция и авангард», альманахе «Молодой Петербург». Победитель конкурса сценариев «Герой нашего времени» в номинации «Лучший сценарий фильма для детей» (СПб., 2017). Лауреат премии «Молодой Петербург» (СПб, 2021). Лауреат премии «Данко» (Нижний Новгород, 2022). Лауреат конкурса миниатюр им. Юрия Куранова (Калининград, 2023). Лауреат премии им. Юрия Левитанского (Москва, 2023).

亚历山德拉·克里莫娃

亚历山德拉·亚历山德洛夫娜·克里莫娃。散文家。摄影师。1995年生于列宁格勒地区的梅若焦尔内村庄，现于圣彼得堡生活。写作短篇小说和剧本，在杂志《莫斯科》、《潜望镜》、《日和夜》、《涅瓦》、《传统和前卫》以及散文集《年轻的彼得堡》上发表作品。“当代英雄”剧本大赛的获奖者，被提名“儿童电影最佳剧本奖”（圣彼得堡，2017年）。“年轻的彼得堡”奖得主（圣彼得堡，2021年），“丹柯”奖得主（下诺夫哥罗德，2022年），尤利娅·库拉诺娃微型小说创作奖获得者（加里宁格勒，2023年），尤里·列维坦斯基奖得主（莫斯科，2023年）。

ПАЛЬТО

(рассказ)

На саморезе, изначально вкрученном в стену для полки, которую на него так и не повесили, два года болталось рваное мужское пальто. На блошином рынке для съёмок фильма за две кровных тысячи купленное. Съёмки застопорились, но сразу ведь не выкинешь — вдруг доснять удастся. Когда понятно стало, что кина не будет, жалко было сначала денег потраченных, а потом просто руки не дошли на помойку вынести. В итоге мешковатое, изодранное пальто так вписалось в интерьер, что прожило со мной ещё пару лет. Я просыпалась и засыпала, глядя на него, и видела беспокойные сны под этим немым присмотром. Много что в него закладывалось осознанно, как в образ — смерть, стагнация... а потом я как-то взглянула в зеркало и застыла, поняв, что с возрастом всё больше становлюсь похожей на отца. И треснуло по башке, что в глубоких шершавых карманах с мелким мусором и носовым платком, забытым актёром, за порванной шелковистой подкладкой, в испачканном грязью воротнике и в тоннелях рукавов этой чёрной хламиды сидит тугая, сконцентрированная, как смерч в колбе, обида на мир за то, что рядом не было отца. И сколько бы ни закатывали глаза взрослые дядечки по поводу детских травм, не понять никогда эту боль тому, у кого был папа. Папа, который учил рыбачить, забирал из школы, катал на аттракционах, сидел у койки в больнице, разрешал запрещённое мамой... Что ещё делают папы? Я не знаю. Зато очень хорошо знаю противный, едкий сгусток в горле, когда вижу беззаботно весёлую девочку, идущую за руку с красавцем-отцом. Девочку, даже не подозревающую, что так может не быть. Девочку, которая ничего пока не знает о смерти, и неопровержимо счастлива: вот он — её Бог. Домашний, родной, перманентный. А тебе — не положено. Думай, что твой Бог умер. Чувствуй, что жив. Ищи. Обретай. Теряй. С фотографий ножницами лицо его скрывай, чтобы и намёка не было на то, что он когда-то существовал. А толку... И знаешь, и помнишь, и тянешься хилыми веточками, а там — выжженное поле. Так и живешь потом с обугленной половиной своих корней. И даже если чудо случилось, если жив он, и перебороли вы оба что-то в мироздании, ростки прощения и понимания на одной земле посадили, как ни выхаживай себя, как ни силься новую кору нарастить — нетушки, покалеченный, искореженный этим до конца жизни будешь. «Я — твоё продолжение. Я — твоё продолжение», — талдычишь, заворачиваясь в пыльную, бесформенную одежду. Принимаешь. Понимаешь. У мозгоправа упражнение это выполняешь дурацкое, когда напротив пустого кресла сидишь и за отца говоришь с собой. Истеришь, выкрикиваешь рану свою, думаешь, что простила. Через месяц опять ненавидишь. Едешь к нему куда-то к чёрту на куличики, чтобы всё раз и навсегда понять. Убедиться, что ты ему точно-точно не нужна. Даже такая, взрослая. Со мной и возиться не требуется, и на аттракционы ходить не надо. И рыбу ловить умею, и здоровье у меня крепкое, и гвоздь забить могу, и лобзик подать, и даже «фомка» знаю что такое, да что угодно научусь делать, только люби меня, папа, пожалуйста! Любит. Просто так любит. Рыдаю на плече у него, сама

повторяю бесконечно, что люблю, люблю, люблю, чтобы въелось это в дурную его голову, чтобы перестал себя виноватить, чтобы легче стало ему. Прощаю по-настоящему. Знакомимся заново. Я, папа, фотографией увлекаюсь. Как и ты в молодости. Рассказы пишу. Про тебя — самый первый. И понятно, что мне вместо присутствия твоего нечто другое, равноценное было положено. Только пальто это всю жизнь будет маячить у меня за спиной. Будет смотреть на меня по ночам. Пустое, холодное, драное, и я — ребёнок — буду забытым носовым платком в его кармане валяться, под доносящийся из открытой форточки задорный хохот маленькой девочки, играющей со своим папой в снежки, слепленные из первого снега.

ВСЕЛЕННАЯ ДЕТСТВА

(отрывок из рассказа)

— Встала? — высунулась из-за двери полуседая голова.

— Угу... — вяло отозвалась Шурка, морщась от утреннего света и запикивая вторую ногу в гольф.

Бабаня увидела синий корешок, торчащий из-под одеяла.

— Опять, никак, читала? — грозно спросила она.

Шурка помотала головой и усерднее завозилась с гольфами.

— Ну ты и вру-уха, — протянула Бабаня. — И в кого ты только такая вруха? У тебя вон книжка с-под одеяла торчит! Господи, у всех дети как дети, а мне такое наказание, врет на ровном месте, от теплого отпирается!.. Шевелись, каша стынет! — крикнула она уже из кухни.

«И почему нельзя завтракать мороженым? Если бы я жила одна, завтракала бы только мороженым», — представила Шурка. В голове зеленой соплей протянулся план дня: каша — автобус — школа — автобус — уроки — работа по дому — сон. Шурка тяжело вздохнула, вытащила книжку Успенского, положила на колени и, глубоко задумавшись, уставилась на картинку на развороте: дядя Федор, Шарик и Матроскин с довольными минами высунулись из окна найденного заброшенного дома...

Каждое утро перед школой Шурка мысленно упрашивала пространство о том, чтобы школа сгорела, чтобы отменили уроки, чтобы случилось что-то такое, что изменит ход событий и спасет от неотвратимой каторги. Она ставила себе условия, от выполнения которых по ее замыслу зависело, случится или не случится чудо. «Если я не наступлю ни на одну полоску на тротуаре, то автобус сломается». Или: «Если я поглажу кошку Симку двадцать пять раз и она не убежит, то училка сегодня заболит».

Или: «Если я увижу четное количество машин по дороге, то меня сегодня не спросят». И конечно, специально не замечала последний нечетный автомобиль.

Иногда заклинания действительно срабатывали. Так и получилось в тот день. Отменили последний урок. Шурка забежала домой, скинула тяжелый рюкзак и, не передевая школьную форму, чтобы не тратить время, поскакала на улицу. Белоснежные сандалики весело простучали по ступенькам. Шурка погладила дворовую кошку Симку, разнежившуюся на весеннем солнышке,

обогнула вечную глубокую лужу и, помуркивая, побежала на свою любимую полянку в пролеске, где в кустах был оборудован тайный шалаш. Сво-бо-да! Все ликовало вместе с Шуркой: солнце, шустрые веселые облака причудливых форм, птички, коты... Даже воздух в поселке, казалось, был заряжен радостью от обретения Шуркой такого желанного раздолья.

— Ковальногова! — прорвал пелену блаженства писклявый голос Мишки-ябеды. Шурка автоматически сбавила шаг, но старалась не подать виду, что услышала свою фамилию.

— Э! Шура-дура! Ну-ка стоять! — прогремел властный голос Светилы. Если бы в гитлерюгенд брали девочек — она бы идеально вписалась.

Бежать от Светилы — все равно что бежать от медведя. Она тебя обязательно догонит и раздербанит. Шурка остановилась. Коленки тряслись, в горле пересохло. Шайка-лейка, состоящая из Мишки-ябеды, Лизки-подлизки, Кири Клянчикова и Витьки Деревяшкина, во главе со Светилой, подкатила к ней.

— Че тут делаешь? — с наглещой спросила Светила.

— Просто... гуляю... — замямила Шурка.

— Мы видели, что у тебя шалаш в лесу. У нас тоже там будет, ясно?

Шурка молчала, думая над тем, что единственный спокойный угол недалеко от дома теперь оккупирован.

— Светочка, смотри: у нее сандалии прямо как у тебя, — залебезила Лизка, главная подпевала Светки.

Светила бросила взгляд на Шуркины ноги. Вдруг спросила по-доброму:

— Хочешь с нами шалаш строить?

Шурка медлила с ответом. Ее никогда не брали в эту компанию, и вот тебе на: из-за похожих сандалий так запросто принимают. Взглянула на Светку — та довольно доброжелательно улыбалась углами тонких губ.

— Так чего, идешь?

Шурка кивнула и смущенно улыbnулась, не веря своему счастью. Счастье, однако, длилось недолго.

Крупная фигура Бабани, медленно, но уверенно идущая от автобусной остановки, была видна издали. Шурка шлепала ей навстречу измазанными в грязи сандаликами и рыдала от всего сразу: из-за обмана ребят, с которыми она хотела подружиться, из-за испачканной школьной формы, из-за того, что Бабаня... Да, самое паршивое было, что от Бабани влетит так, что все остальное покажется ерундой. «Она же так разорется, что и книжки все выкинет...»

Шурка зашла новой волной завываний. При падении в злосчастную вечную лужу она расцарапала коленку, и не так чтобы больно, но для смягчения грядущего наказания нарочито хромала. Когда до Бабани оставалось десятка три метров, Шурка остановилась и в страхе ждала неминуемой встречи.

Бабаня замедлила ход, присмотрелась и с трудом признала внучку в этом чумазом нечто.

— Господи... Это что?

Шурка открыла рот и закатила истерику.

— Что ты орешь? Что случилось-то?

— Они опять... а я... а они... и Светка в лужу толкнула, а я-я-я... — Шурка закашлялась и не договорила.

— Что ж ты домой-то не пошла? Ходишь как полохало, бабку позоришь.

— Ключи в луже потеряла-а...

— Горе ты луковое, вот ты кто! — констатировала Бабаня. — Я только на прошлой неделе новый ключ сделала! Я тебе миллионерка, что ли, каждую неделю ключ делать? Пошли.

— Куда? — прекратила реветь Шурка, понадеявшись на то, что Бабаня сейчас пойдет разбираться со Светкой и ее шайкой-лейкой.

— Етить твою, на Луну! Домой, куда!

Шурка еще повсхлипывала и по дороге все старалась прихрамывать. Как ни странно, Бабаня больше не ругалась. Наоборот — напекла вечером вкусных блинов с творогом и даже сварила какао.

Отстиранные добела гольфы сушились на поднятой крышке газовой плиты. Бабаня пощупала их морщинистой, как мятая бумага, рукой. Сняла. Уже одетая в рабочий костюм, глянула на часы.

— Давай бегом, опаздываем.

Шурка, подхрамывая, вышла из комнаты.

— Ба... Можно я сегодня в школу не пойду?..

Бабаня строго посмотрела на внучку.

— Как это — «не пойду»?

— У меня нога болит...

— Еси б по лужам не скакала, не болела бы. Собирайся.

— Ну ба...

— Не бакай! Куда я тебя дену? Все!

Спорить было бесполезно. Бабаня не церемонясь натянула на тощие внучкины ноги гольфы, поверх — очищенные от грязи сандалики. Шурка понуро, насупившись, поддавалась. Управившись с сандаликами и покрасневшись от напряжения, Бабаня распрямилась, увидела расстегнутую пуговицу на блузке и застегнула ее.

— Мне жмет, — попыталась увернуться Шурка.

— Мать ходила, не жаловалась, — пальнула Бабаня, добив и без того никчемное Шуркино утро. Схватила внучку за руку и вывела на лестничную площадку.

Шурка мало знала о маме. Бабаня все время говорила, что та их бросила, но у Шурки теплилась надежда, что она все-таки вернется и будет у нее веская причина, чтобы объяснить свое отсутствие. И вот тогда все во дворе узнают, что в мире есть человек, который за нее заступится.

Пока Бабаня, чертыхаясь, возилась с замком, к Шурке подошла кошка и стала ластиться к ногам.

— Ключ свой не дам. Сегодня, может, успею сдать на копию. Ты до трех все равно, я уже дома буду, короткий день... — проинструктировала Бабаня и, обернувшись, с ужасом обнаружила, что Шурка гладит Симку.

— А ну брысь! — то ли кошке, то ли Шурке прикрикнула Бабаня. — Ты что? А еси у ней лишай?! Кыш, собака!

Бабаня замахнулась на кошку, та шмыгнула по лестнице на этаж выше.

— Загадили весь подъезд! Ей-богу, убила бы, еси б не опаздывала!

Автобус, как говорит Бабаня, уже «хвост показывал», когда ей удалось привлечь внимание водителя, размахивая Шуркиным рюкзаком. Шваркнули двери желтой капсулы насмешек и унижения. Капсулы, которая

доставит ее, наживку, на съедение задирам в СОШ № 3. Светила с Лизкой хищно высматривали Шурку в окно с камчатки автобуса, пока Бабаня благодарила водителя за внимательность и заталкивала внучку в салон.

— Бутерброды в рюкзаке, поняла? Не забудь съесть, — напутственно крикнула Бабаня, и двери схлопнулись, как створки капкана.

Автобус тронулся. Как назло, подальше от камчатки мест не было. Шурка встала в проходе.

— Стоять нельзя, — сказал водитель. Делать нечего. Переступая через себя, Шурка двигалась к Светиле и Лизке. Ее скованность привлекала к себе внимание даже тех, кто ничего не знал о ее недавнем позоре с падением в лужу. Шурка села за два ряда от своих обидчиц. Те тут же пересели поближе.

— Ну что, Шура-дура, как вчера поплавала? — громко прошептала Светка в проем между спинками сидений. Лизка прыснула. Шурка сидела, прислонив бледную щеку к прохладному окну и провожала глазами быстро мелькающие пейзажи. Нервно прокручивала жмущую пуговицу на блузке.

Светила дернула Шурку за короткий, отливающий рыжиной на солнце хвостик.

Шурка резко повернулась.

— Че зыришь? — осекла Светила.

Шурка не выдержала наглого взгляда и беспомощно опустила на свое место. Из проема снова показалась рука Светилы, Шурка успела посторониться. Послышались шепотки, похожие на шипение, — ну точно, две питоники, обсуждающие, как выманить мышшь из норы. Шурка вдруг подалась вперед от удара. Они выбрали стратегию: пихали сиденье сзади. «Шура-дура, Шура-дура», — слышалось из-за спины. Пейзажи за окном стали размываться. Питоники хихикали и щурились от удовольствия, а Шурку забирала злоба. Злоба от бессилия, безмолвия, бездействия... Автобус затормозил на остановке. Шурка схватила рюкзак и рванула к двери. Выбежала на воздух.

— А тебе разве не до третьей школы, девочка? — спросил водитель. — А?

Шурка молча отошла от автобуса. Питоники стучали по окну, показывали гримасы и проводили волны пальцами по щекам, высмеивая ранимость девочки. Автобус захлопнул двери, хрюкнул и продолжил путь. Путь в шесть остановок от школы.

«Что делать? Куда идти? Что скажет бабушка? Что соврать учительнице?» — метались вопросы в Шуркиной голове. Шесть остановок — это как на край света топать. До дома еще больше. Да и не попадешь домой без ключей. Прогулять? От Бабани влетит... Никого из взрослых нет. Машины тоже не едут. Кругом лесополоса... Шурка села на скамейку. Заплакала.

Вдруг послышался писк. Шурка прислушалась — пискнуло еще. Посмотрела по сторонам, зашла за остановку — никого. В лесу, что ли?

— Кто тут? За мной сейчас папа приедет! — пригрозила она невидимому врагу.

Тишина. Вдруг кто-то сидит за деревьями, наблюдает за ней?.. Шурке стало жутко, в животе закрутило. Она схватила рюкзак и побежала в сторону школы. Снова запицало, Шурка обернулась и увидела, как из канавы вылезает чумазый, со свалывшейся рыжей шерстью... котенок. Шурка остановилась. Котенок тоже. Девочка сделала пару шагов в его сторону. Котенок прижался к земле, выгнул тощую маленькую спинку, зашипел и попятился.

Шурка сделала еще несколько безуспешных попыток подойти и повернула в сторону школы. Но котенок, хотя и держался на расстоянии, не отставали жалобно, беспомощно пищал. Шурка присела на корточки, протянула руку.

— Кыс-кыс-кыс! Ну, чего ты? Иди сюда...

Котенок застыл на месте. Вспомнив о бутербродах, Шурка достала из рюкзака контейнер, стянула колбасу с булки и протянула ее котенку. Медленно подобралась на расстояние вытянутой руки. Котенок зашипел, обнажив маленькие смешные зубки, но потом принюхался, осторожно подошел и цепко ухватил кусок колбасы, вырвав его из пальцев. Оттащил к канаве, повернулся спиной к девочке и громко заурчал. Шурка наблюдала, подкралась поближе и аккуратно провела рукой по свалывшейся шерсти. Котенок дернулся, но был слишком увлечен колбасой. Понемногу стал привыкать к поглаживаниям.

— Рыжик... хороший... хороший... — приговаривала она, пока оголодавший зверек уминал лакомство.

Прошло всего минут пять, как Шурка скормила ему всю колбасу с бутербродов. Девочка вытерла руки о придорожную траву.

— Ну, я пошла. А то меня Бабаля приѐдет.

От мысли о наказании за прогул Шурка торопливо пошла в сторону школы. Обернулась в последний раз — Рыжик сидел и намывал чумазую мордочку.

Пройдя метров двести, Шурка услышала знакомый писк — котенок все это время бежал за ней. Она прибавила шаг, хотя очень-очень хотела, чтобы он сопровождал ее. Все-таки идет не одна... Рыжик то почти нагонял ее, то останавливался или вовсе терялся из виду. В такой игре она дошла до школьных ворот. Котенок совсем отстал и, вероятно, так и остался где-то там, на пустой и страшной дороге.

На первый урок Шурка, конечно же, опоздала. Подошла к окнам старой трехэтажной школы, выкрашенной в противный, холодный желтый цвет, прямо как автобус-капсула. Встала на ящики и осторожно заглянула в окна своего класса. Илюхин тупил у доски над задачей. Суханов пытался подсказать ему решение, но Илюхин не понимал систему знаков, которой тот оперировал. Прозвенел звонок. Илюхин облегченно выдохнул, все собирались на перемену.

Вдруг что-то потерялось о ногу Шурки. Рыжик! Шурка присела на корточки, чтобы погладить его, он довольно потерся головой о ее ладонь и вскарабкался по гольфам на колени. Замурчал, как трактор, очаровательно наминая ткань юбки лапками.

В школе воняло краской, и каждый год от этого запаха Шурке становилось не по себе. Химический запах означал, что скоро лето. Но радости это не приносило, потому что из-за никудышной успеваемости Шурку заставляли приезжать на дополнительные занятия во время каникул. И когда все нормальные дети купались, рыбачили и разгуливали, на целых три месяца освобожденные от желтой тюрьмы, Шурка с несколькими такими же «отличниками» просиживала драгоценные часы за бессмысленными задачами про иллюзорные яблоки и апельсины.

外套

在墙上有一个蝶形螺丝，原本打算用它来挂架子的，结果一直没挂，两年来倒是有件男士破夹克始终挂在上面晃荡。这件外套是为了拍电影在旧货市场上用两千块血汗钱换来的。电影拍摄停滞了，但也没马上将它扔掉——万一又能进行下去了呢。当人们认清电影拍不出了这个事实时，才开始心疼当初投下的钱，但没办法，总不能将手伸到下水管道里去掏污水。结果就是，那件破麻袋似的旧夹克完美地融入了室内装潢，陪我度过了整整两年时光。我每每望着它睡去又醒来，在这种默默的监视下做了很多惶惑不安的梦。在它身上我有意识地投射了很多恐惧，死亡和停滞找到了实体形态……在这之后，我有一次不知为何看了一眼镜子，旋即愣住了，突然意识到随着年纪的增长，我变得越来越像父亲。像是当头棒喝，我看见在这件黑色外套粗糙而幽深的口袋里——那里残留着食物碎片和手帕，是某位演员遗忘在里面的，在它被撕裂的丝质内衬后面，以及污秽的衣领和袖管里，坐着一个精神紧绷、全神贯注的姑娘，仿佛被禁闭在烧瓶里的龙卷风，因为父亲不在身边而对世界发泄怨气。不论那些成熟的大叔们对孩童的创伤翻多少次白眼，他们也永远不会理解曾经有过爸爸的孩子的这种伤痛。爸爸，那个教会你钓鱼，接你放学回家，带你骑旋转木马，坐在你的病床边，允许你做妈妈禁止事情的人……爸爸还会做些什么事？我不知道。但是我清楚地知道喉头那种令人反胃的哽咽感，当看见一个无忧无虑的小女孩欢天喜地地拉着她英俊父亲的手，一起走过我面前的时候。小女孩甚至一点也没怀疑，这种事会发生。小女孩，眼下对死亡还一无所知，毫无疑问是幸福的：他就是她的神。家中的，亲切的，永恒的神。而你配。试想一下，你的神已经死了，你却觉得他还活着，于是不断寻找，获得，失去。你用剪刀从相片里将他的脸挖掉，这样就没有他存在过的蛛丝马迹了。但这都是徒劳……于是，你明白了，记住了，抽出一条胆怯的小枝，从那一片烧焦的田地里。这之后你就拖着自己烧焦的、只剩一半的根一起生活。就算发生了奇迹，他还活着，你们都克服了宇宙中的某些东西，在同一个地球上种下了宽恕和理解的树苗，也不论你如何照料自己，不论多么努力地长出新芽——一种令你感到残缺、畸形的无力感会持续终生。“我是你的延续，我是你的延续”，你喋喋不休，将自己裹在灰扑扑、破烂烂的衣衫里，你逐渐接受了，也明白过来。你会配合心理医生做这个愚蠢的练习：坐在一张空椅子对面，代替父亲和自己说话。你歇斯底里，大声抱怨你的伤口，以为自己已经原谅他了。一个月之后，你又开始讨厌他。为了他跑去很远很远的地方，想要一劳永逸地搞明白一切，想要证明你一点点都不需要他。即便是现在这样，成年的你。不需要陪我玩闹，不需要陪我坐旋转木马，我会自己钓鱼，身体也很好，可以自己钉钉子，锯钢丝锯，甚至知道什么是“钎子”，我什么都可以学会，只要你爱我，爸爸，求你了！他爱的，是那样的爱我。我要伏在他肩头哭泣，无休止地重复我爱他，爱他，爱他，直到这句话渗入他迟钝的大脑，直到他停止责备自己，让自己变得轻松一些。我真的

原谅你了，我们再重新认识一次。爸爸，我喜欢摄影，就像你年轻时一样。我写故事，第一篇就是关于你。显然，你在我这儿的空缺应该由别的等值物来填补，只是剩下的生命里，这件外套将在我背后永恒摆荡。它会在夜里我睡着时守护着我。空空的，冰冷的，破烂的，而我——一个孩子——也将像一张被遗忘的手帕躺在它的口袋里，听着小窗外传来的响亮的笑声——那是第一场雪后，小女孩和她爸爸在堆雪人时发出的。

张煦译

童年的宇宙
(节选)

“起床了吗？”半灰色的头发从门后探出来。

“嗯……”舒尔卡懒洋洋地回答着，清晨的光线惹得她皱起了眉头，她把另一只脚往高筒袜里挤着。

老奶奶看到了一截蓝色的书皮从被子下露出来。

“又没看书，是不是？”她严厉地问道。

舒尔卡摇了摇头，更加努力地穿着袜子。

“你真是个大骗子。”老奶奶伸出手，“你到底在撒什么谎？被子底下还有一本书呢！天哪，别人家的孩子都像个孩子，我究竟造了什么孽，自己的孩子就在眼前说谎，谎言就暴露在温暖的被窝里！……动作快点，粥都凉了！”她的喊声此时已然从厨房里传了出来。

“为什么不能把冰淇淋当早餐呢？如果我一个人住的话，肯定就只吃冰淇淋了。”舒尔卡想象着。在她的脑海里，如黏稠的绿鼻涕一样的一天就这样展开：粥—公交车—学校—公交车—作业—家务—睡觉。舒尔卡沉重地叹了口气，拿出了乌斯宾斯基的书，放在膝盖上，面对书页上的图片，深深地陷入了思考：费奥多尔叔叔，沙里克和马特洛斯基从一座被遗弃的房子的窗户里探出头，脸上带着满足的表情……

每天上学前，舒尔卡都在心里祈求着上苍，希望学校着火，课程取消，发生一些能够改变局势并拯救她于水火的事情。她自己设定条件，并通过这些条件是否满足来判断奇迹是否会发生。“如果我不踩到人行道上的任何一条线，公交车就会坏掉。”或者：“如果我抚摸猫咪西姆卡二十五次而它不逃跑，那么老师今天就会生病。”或者：“如果我在路上看到偶数辆车，今天就不会有人问我问题。”当然，她特意忽视了最后一辆奇数辆车。

有时候，这些咒语真的有效。就像那天一样，最后一节课取消了。舒尔卡跑回了家，扔掉了沉重的书包，为了节省时间她连校服都没换就飞快地跑到了外面，洁白的凉鞋在台阶上欢快地敲击着。舒尔卡抚摸了一下在春日的阳光下舒服地躺在院子里的猫咪西姆卡，绕过了一汪永恒的深水坑，她轻轻地咯咯地笑着，奔向了自已喜爱的林中小空

地，在那里，灌木丛中有一个秘密的小屋。自由！所有的一切都和舒尔卡一起欢庆：太阳，活泼欢快的各种形状的云朵，小鸟，猫咪……甚至小镇上的空气似乎也充满了舒尔卡所渴望的喜悦。

“科瓦尔诺戈娃！”突然，小混混米什卡尖细的声音划破了沉醉中的安宁。

舒尔卡下意识地放慢了脚步，但努力装作没有听到自己的姓氏。

“嘿！蠢蛋舒拉！你给我站住！”斯维季拉强势的咆哮声响彻耳畔。如果希特勒少年团招收女孩，她将是完美的候选者。

逃离斯维季拉就像逃离一只熊一样，她肯定会追上你并将你撕成碎片。舒尔卡停了下来。膝盖发软，喉咙发干。小混混米什卡、马屁精丽兹卡、基里·克朗奇科夫和维特利克·德列维亚什金组成的小团伙在斯维季拉的带领下，将她包围。

“你在这儿干什么？”斯维季拉傲慢地问道。

“我只是……散步……”舒尔卡结结巴巴地说。

“我们看到你在树林里有个小屋。我们也要去那里，明白吗？”舒尔卡沉默着，心想唯一安静的地方现在被占领了。

“小斯维季拉，你快看，她的凉鞋和你的一样。”丽兹卡开始拍马屁。

斯维季拉看了看舒尔卡的脚。突然，她友好地问道：“你愿意和我们一起建造小屋吗？”

舒尔卡犹豫着。她从未被这个小团体接受过，现在却因为一双相似的凉鞋就如此轻易地被接纳。她看了看斯维季拉，斯维季拉薄唇的嘴角露出微笑的弧度，显得十分友善。

“那你，要来吗？”

舒尔卡点了点头，害羞地笑了笑，实在不敢相信自己的幸运。然而，这份幸福并没有持续太久。

从远处看到可以看到奶奶从公交车站缓慢而坚定地走来的庞大身影。舒尔卡穿着沾满泥土的凉鞋向她走来，因这所有而一下子泪眼婆娑：因为被她想要交朋友的孩子们欺骗，因为被弄脏的校服，因为老奶奶……是的，最糟糕的是，老奶奶会发火，会让其他一切都显得微不足道。“她会发火到连书都扔掉……”

舒尔卡被新一轮的哭声淹没。当她跌进那个不幸的永恒的水坑时，她擦伤了膝盖，虽然并不疼，但为了减轻即将到来的惩罚，她刻意地跛行。当距离老奶奶还有十来米时，舒尔卡停了下来，恐惧地等待着不可避免的相遇。

老奶奶放慢了脚步，仔细地看了看眼前满身泥泞的东西，最终勉强承认这是她的孙女。

“我的天哪……这是什么？”

舒尔卡张开嘴，突然间号啕大哭起来。

“你嚷什么啊？发生了什么事？”

“他们又……而我……他们……还有小斯维季拉把我推进了水坑，而我-我-我……”舒尔卡突然咳嗽起来，没能把话说完。

“你怎么还不回家？像个瘸子一样走路，丢人现眼。”

“我把钥匙掉进了水坑……”

“你真是个倒霉蛋，你呀你，可真是的！”老奶奶断然地说。“我上周才配了把新钥匙！难道我是百万富翁，每周都要重新配一把钥匙？赶快走吧。”

“去哪儿？”舒尔卡停止了哭泣，寄希望于老奶奶会立即去处理小斯维季拉和她的同伙们。

“该死的，去月球吧！回家，还能去哪！”

舒尔卡还在抽泣，努力装出一副受伤的模样。令人惊讶的是，老奶奶不再责骂她了。相反，她晚上做了美味的带有干酪的薄饼，甚至还煮了可可。

洗净的长筒袜挂在炉子上已经完全晾干了。老奶奶用皱巴巴的手摸了摸它们，感觉就像在摸揉皱的纸一样。她把袜子取下来。她已经穿上了工作服，看了一眼手表。

“快点，我们要迟到了。”

舒尔卡蹒跚着走出房间。

“奶……今天我可以不去学校吗？”舒尔卡试探性地问道。

老奶奶严肃地看着孙女。

“什么叫‘不去’？”

“我的脚疼……”

“如果你不总是跳到水坑里，脚就不会疼。赶紧准备好。”

“好吧……”

“别嘀咕了！我把你丢哪儿？都别说了！”

争辩毫无意义。老奶奶毫不客气地在孙女瘦弱的腿上套上长筒袜，又给她穿已经擦干净的凉鞋。舒尔卡神情黯然，皱着眉头，低头屈服了。老奶奶费劲地给孙女穿完凉鞋，脸涨得通红，挺直了身子，注意到孙女衬衫上有一个松开的扣子，便迅速扣好了它。

“我感觉太紧了。”舒尔卡试图解释。

“我妈妈走路都不抱怨，”老奶奶无情地讽刺了舒尔卡早上本已不愉快的情绪。她抓住孙女的手，把她带到楼梯平台上。

舒尔卡对母亲知之甚少。老奶奶总是说她抛弃了她们，但舒尔卡仍然希望她最终会回来，并且会有一个充分的理由解释自己的缺席。然后，院子里的每个人都会知道，世界上有一个人会站出来为她说话。

当老奶奶一边嘟囔着一边忙着处理门锁时，一只猫走到了舒尔卡身边，开始在她脚边蹭来蹭去。

“我不会给你我的钥匙的。今天，也许我能来得及再配一把。你最迟到三点，我会在家的，今天放学早……”老奶奶说着，转过身去，惊讶地发现舒尔卡在抚摸着一只猫。

“滚开！”她不知是对猫还是对舒尔卡喊道。“你在干什么？如果它传染了疥疮怎么办？滚开，你这只狗崽子！”

老奶奶朝着猫扑去，猫跳上了楼梯，向上跑去。

“你把整个楼道都搞脏了！我要是没迟到，我会杀了它的！”

老奶奶挥舞着拳头朝着猫扑去，猫在楼梯上跳到了更高的楼层。

公交车，就像老奶奶经常说的那样，当她挥舞着舒尔卡的书包吸引司机的注意时，已经开始“摇尾巴”了。公交车的黄色小舱，是一

个充满嘲笑和羞辱的陷阱。这个陷阱将会她带到第三中学，那里有斯维季拉和她的同伙们等着她。斯维季拉和丽兹卡在公共汽车的车窗边狠狠地盯着舒尔卡，就像在寻找猎物一样，而老奶奶则在感谢司机的细心后把孙女塞进了车厢。

“书包里有三明治，明白吗？不要忘记吃。”老奶奶含混地喊道，门像陷阱的夹板一样关闭了。

公共汽车启动了。不巧的是，离车窗最远的位置都已经坐满了。舒尔卡站在过道里。

“不能站着。”司机说道。

无可奈何，舒尔卡只好越过身旁的人，向斯维季拉和丽兹卡的方向走去。即使是那些对她最近在水坑里跌倒的尴尬一无所知的人，也被她的木讷所吸引。舒尔卡坐在离她的欺凌者两排座位的距离，她们立刻挪动座位靠近了些。

“那么，舒拉傻瓜，昨天游得怎么样？”斯维季拉在座位背后的缝隙里用力压低声音问道。丽兹卡笑了笑。舒尔卡坐在那里，苍白的脸颊贴在凉爽的窗户上，眼睛追随着飞快闪过的风景。她紧张地玩弄着衬衫上的扣子。

斯维季拉用手拉了一下舒尔卡在阳光下闪耀着红色光芒的短发。舒尔卡猛地转过头。

“你在瞅什么？”斯维季拉打断她。

舒尔卡无法忍受那傲慢的目光，无助地又重新在座位上坐好。从缝隙中再次伸出斯维季拉的手，舒尔卡设法躲开了。耳边传来一阵低语，仿佛是两条蟒蛇在商量如何引诱老鼠离开洞穴。舒尔卡突然因为受到冲击向前倾斜了一下，她们选择了一种策略：从后面推椅子。“舒拉傻瓜，舒拉傻瓜，”声音从背后传来。窗外的风景开始模糊起来。蟒蛇们咯咯地笑着，享受着，舒尔卡被愤怒吞没了。这是一种无奈、沉默、无所作为的愤怒……公共汽车在站点上刹车停靠。舒尔卡抓起背包，朝门口跑去。她冲到了外面。

“小姑娘，难道你不是去第三中学吗？”司机问道。“不是吗？”

舒尔卡默默地离开了公共汽车。蟒蛇们拍打着窗户，做鬼脸，用手指划过脸颊，嘲笑着女孩的脆弱。公共汽车关上了门，嘎吱作响，继续前行。到学校还有六站路。

“该怎么办？去哪里？奶奶会说什么？要对老师撒谎吗？”舒尔卡脑海中充满了问题。六站路就像是走向世界尽头一样。如果回家还要更远，而且没有钥匙回家也不行。要逃课么？奶奶会大发雷霆的……一个大人都没有。一辆车也没有。到处都是树林……舒尔卡坐在长椅上，哭了起来。

突然，传来一声尖叫。舒尔卡仔细倾听——尖叫声再次响起。她四处张望，走到站牌后面——没有人。难道是从树林里传来的？

“谁在那里？我爸爸马上就会来找我的！”她对着看不见的敌人威胁道。

寂静。突然，有人坐在树后面，是在注视着她吗？……舒尔卡感到害怕，她的胃开始翻腾。她抓起背包朝学校方向跑去。又传来尖叫声，舒尔卡转身时看见，从沟渠里爬出一个脏兮兮、毛发凌乱的……

小猫。舒尔卡停了下来，小猫也停了下来。女孩朝它走了几步，小猫贴着地面，挺起瘦小的背，一边嘶嘶作声，一边退后了几步。舒尔卡试图再走几步，小猫虽然保持距离，但也不离不弃，在那儿哀怨地、无助地叫着。舒尔卡蹲下来，伸出手。

“喵喵喵！过来吧，你在干吗？”她对着小猫说。

小猫停在原地。舒尔卡想起了三明治，她从背包里拿出盒子，将香肠从面包片中揪出来，然后递给小猫。它慢慢地靠近伸出的手。小猫发出嘶嘶声，露出小小的有趣的牙齿，但又闻了闻，小心翼翼地走过来，紧紧抓住一块香肠，从女孩儿的手指间抢走。它把香肠拖到沟渠边，转过身对着女孩，发出了响亮的咕噜声。舒尔卡看着，慢慢地靠近，轻轻地抚摸着它毛发凌乱的身体。小猫有点紧张，但实在是太专注于香肠了，它逐渐习惯了抚摸。

“小红毛猫……乖……乖……”她一边说着，一边观察着正在享用食物的饥饿小动物。

仅仅过了五分钟，舒尔卡就把三明治里的香肠都喂给了它。女孩用路边的草擦了擦手。

“好了，我得走了。要不然，奶奶会把我打死的。”

一想到逃课的惩罚，舒尔卡便急忙向学校的方向走去。她最后回头一看——小红还坐在那里，用爪子擦拭着脏兮兮的脸蛋。

走了大约两百米，舒尔卡听到了熟悉的尖叫声——小猫一直跟在她身后。虽然她很想让它陪伴着自己，但还是加快了脚步。就这样，她不在是一个人行走……小红有时几乎赶上她，有时停下来，或者甚至消失不见。在这样的游戏中，她走到了学校的大门口。小猫远远地落在后面，很可能一直留在了那条空荡荡、可怕的路上。

第一节课，舒尔卡当然迟到了。她走到了三层楼的旧校舍的窗前，那栋楼刷着令人讨厌的、冰冷的黄色，就像那个公共汽车舱。她爬上箱子，小心翼翼地往自己班级的窗户里张望。伊留金在黑板前埋头解题，苏哈诺夫试图给他提示，但伊留金却不理解他所使用的符号系统。铃声响起。伊留金松了口气，所有人都准备去课间休息了。

突然，有什么东西在舒尔卡的脚边蹭来蹭去。小红！舒尔卡蹲下来抚摸它，它高兴地用头蹭着她的手掌，然后爬上她膝盖上的长筒袜，像拖拉机一样咕噜咕噜地叫着，可爱地用爪子揉捏着裙子的布料。

学校里弥漫着油漆味，这种气味每年都会让舒尔卡感到不舒服。化学气味意味着夏天即将来临。但这并没有给她带来欢乐，因为由于成绩糟糕，她被迫在假期参加额外的补习课。当所有正常的孩子逃离令人讨厌的黄色监狱，在三个月的假期里游泳、钓鱼和闲逛时，舒尔卡和几个同样是“优等生”的孩子们却在浪费着时间处理着关于虚拟苹果和橙子的毫无意义的题目。

徐宝俏译

ДУАНЬ ЦИНЦИН

Дуань Цинцин (настоящее имя Ван Фэн) – китайская поэтесса, писательница, специалист в области технологий, член Союза китайских писателей. В возрасте 14 лет она вступила на литературный путь, начав публиковать стихотворения и рассказы в национальных изданиях. Была приглашена на 34-ую встречу молодых поэтов Китайского поэтического общества, ее работы были опубликованы в седьмом выпуске поэтического журнала «Октябрь». В 2020 году была удостоена премии имени Дин Лин в номинации «Поэзия» на одиннадцатой церемонии вручения наград. В 2021 году получила серебряную награду в поэтической категории на пятом Международном поэтическом фестивале, а также стала участницей шестого Шанхайского международного поэтического фестиваля. В 2023 году получила почетную литературную премию Даяны Тер Ованесян. Произведения Дуань Цинцин публикуются в различных литературных изданиях Китая, США, Гонконга и других стран. Опубликовала сборник стихотворений «Сердце, словно охотничий пёс» и первую в Китае серию произведений детской литературы «Поэзия Тан, Сун и Юань».

缎轻轻

缎轻轻，原名王风，诗人、作家、科技工作者，中国作家协会会员。14岁起于国家级刊物发表诗歌散文作品。入选中国诗刊社第34届青春诗会。入选第七届十月杂志社“十月诗会”。2020年获第十一届丁玲文学奖诗歌。2021年获第五届国际诗酒大会诗歌组银奖，2021年任第六届上海国际诗歌节嘉宾。2023年获美国Diana Der-Hovnessian Prize诗歌荣誉奖。作品发表于中国、美国、香港等各刊物；出版诗集《心如猎犬》；出版中国首部“唐诗宋词元曲”系列儿童文学作品。

ВТАПТЫВАЯ ШАНХАЙ В ЗЕМЛЮ

*Я затаилась в павловнии, на самой высокой ветке,
Гляжу на вас, на ваши шаги медленные
Из метро в своих раздумьях бранных вы идете домой.
Придорожные столбы железные в изгибе тянут за собой,
А с неба светит месяц серебряный.*

*Машины давят переходы, и каждое пёрышко мое дрожит,
Я теряю равновесие – мой каждый возглас обрывается.
А лик мой за грубыми ветвями скрыт.*

*Вы голову поднимете, на часы посмотрите, механизм
закрутите,
Всё сокровенное проглотите, и на морозе в пустом
молчании застынете,
Никого вы не полюбите, даже птичку серую маленькую,
А я буду сидеть с зобом надутым, нахохлившись:
бестолково вы жизнь проводите,
Лишь ногами мелькаете – вверх, вниз, втаптывая
Шанхай в землю.*

ВРЕМЯ УХОДИТ

*В Китае по солнцу мы время мерим,
Однако его мы не замечаем.
Внутри могилы на стенке гроба
Уже вырос гриб линчжи.
Отец повернулся, он вспомнил молодость:
Волны ласкали берег Янцзы,
Цветы будоражили ароматом,
На лестнице ветхой внутри комнаты
Силуэты мешков с рисом и тканей рулонов.*

*Во дворе росло дерево сальное, скакали вороны,
Крыльями по катафалку отбивая,
А гости в черном всё приходили и уходили.
Мать как портниха, ножницами свою жизнь разрезала
На две части – на горе Лунмэнь одна, в Шанхае другая.
И линейкой свою жизнь померила,
Своими руками на часы солнечные ее накладывая.
А время услужливое, сшило себе пальтишко
изумрудное ватное.*

*По городской дороге идут мужчина и женщина,
держась за руки.
Старик в цилиндре ведет ребенка плачущего.
Слава подобна гравию, а путь наш извилист.
Часы пылают, и повсюду крутятся восторженные
строки «Шицзина».*

把上海踏碎

我隐蔽在最高的泡桐树枝头
盯着人群中你走得慢
从地铁口怀揣着心事走向居所
街边铁柱慢慢弯曲
月色刚好
我的每一根羽毛，因车轧斑马线颤抖
我的每一声啼叫，因失重而轻微倾斜
树枝粗糙，挡我的脸
你抬头，拿出怀表，上紧发条
难言之隐压在舌头下，寒冷中你保持沉默
不爱上任何物，包括一只石灰白的鸟
而我嚟囊鼓胀，塞满：你每日不假思索的生活
晕眩的脚抬起、落下，把上海踏碎

日晷渐移

日晷，在中国，我们计量时间
却忽略了它，一座移动的坟墓
棺材壁里长出灵芝，父亲坐着
扭头望了望他年少时，长江畔
浪泊长江花月岸，书房剪影
斑驳的楼梯上堆着白米、布头

宅前一棵老乌柏树，乌鸦跳跃
用翅膀拍打灵车，和往来
戴黑袖的宾客。母亲，是一个裁缝
用剪刀把她的一生剪成两段
一段龙眠山，一段上海……她的卷尺
随意地摆在日晷之上，光阴：
这个仆人，偷偷缝一件碧绿色棉衣

城市沥青路上，先生和女士相挽
戴礼帽的老人牵着嘟囔的孩子行走
荣耀如碎石，大道扭曲
日晷滚烫，人间到处翻卷着狂热的诗经

译者：妮基季娜

НАТАЛЬЯ ДОБАРКИНА

Наталья Сергеевна Добаркина родилась в 1988 году в Якутии в городе Удачный. Окончила Нижнеудинское медицинское училище и Иркутский медицинский колледж. Принимала участие во всероссийском Советании молодых литераторов в Химках, межрегиональном советании авторов Сибири и Дальнего востока. Лауреат Сибирского фестиваля искусств «Тарская крепость», Всероссийского фестиваля-конкурса «Хрустальный родник», литературного фестиваля «Сибирь молодая» им. Е.Евтушенко. Участница 20-го и 21-го международных форумов молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья. Стипендиат министерства культуры РФ по литературе. Публиковалась в журналах/альманахах: «Азъ-арт», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», «Веретено», «ТарЯне», «Кольчугинская осень». Живёт в Иркутске

娜塔莉亚·多巴尔金娜

娜塔莉亚·谢尔盖耶芙娜·多巴尔金娜，1988年，诗人。伊尔库茨克1988年出生于雅库特乌达奇尼。毕业于下诺丁斯克医学院和伊尔库茨克医学院。她参加了在希姆基举行的全俄青年文学家会议、西伯利亚和远东地区作家跨地区会议。西伯利亚艺术节“塔尔斯卡亚要塞”、全俄文学节竞赛“清澈泉水”、以叶夫图申科命名的“西伯利亚青年”文学节的获奖者。第二十、二十一届俄罗斯、独联体国家和国外青年作家国际论坛与会者。俄罗斯联邦文化部文学奖学金获得者。在杂志与选集中发表作品：《狂·热》、《西伯利亚火焰》、《库兹巴斯之火》、《纺锤》、《塔尔亚涅》、《科利丘吉诺区的秋天》。还被收入当代伊尔库茨克诗选《自由诗》中。

现居伊尔库茨克

* * *

*Суета, суета, суета
с понедельника по субботу.
А после — заберёшься на свой десятый,
расколдуешь балконную дверь.
С высоты видно, как деревья
подставляют макушки солнцу.
И ты ладони протягиваешь
для поцелуя.*

* * *

*Цветут акации медоносы.
Над яблонями кружатся осы.
По улице прохожу:*

*Из окон выглядывают герани.
И одуванчиковое пламя.
Веселье, шум.*

*Через прожилки асфальтных трещин
Тугая зелень волною хлещет.
И сладу нет.*

*Всё преходяще и неизменно.
И платье белое по колено
В семнадцать лет.*

* * *

*Переходишь реку-рубикон-рубеж.
Мартовские лужи, брюки цвета беж.
За плечами книгам тесно в рюкзаке
И гудит наушник в тоненькой руке.
Перносишь смыслы, мысли, имена.
Память не имеет ни часов, ни дна.
На её жужжание под ребром кольнёт
И ладони словно обнимают лёд.
Всюду прибывает вешняя вода.
Но одно ты знаешь, горе — не беда.
Много ли до сада безголосых дней,
Долго ли томиться памяти моей?*

*Вода не попадает в ноты
когда стучит по козырьку.
День замерзает до икоты.*

*А на соседнем берегу
подожжены макушки клёнов —
контраст с синеющей волной.
Убранство праздничной иконы
напоминает город мой.
И колокольное звучание
вот-вот сорвётся, полетит.
И хоровое величание
преобразит нехитрый быт.*

* * *

*вот она — моя сторона
мощи её и немощи
режущая пальцы струна
пение всенощной
долгие проводы провода
вдоль магистрали жилами
мёртвая в колодцах вода
сделает враз живыми
станций плывущие острова
рек междометия
густо разросшаяся трава
и — лихолетие*

* * *

*Смешно курить в открытое окно,
вдыхая с дымом яблоневого запаха.
Весны моей любовное зерно
в надёжных лапах.
Взойдёт ли — неизвестно до поры,
но лапы мягкие у чернозёма.
Принять любые вести, как дары.
Без юношеского надлома.*

* * *

*Коридоры холодные — не согреться.
По карманам йод, зелёнка, бинты.
Рыжие разводы на полотенце
и стакан хлорированной воды.
А во сне поля, по которым танки
не успели переползти на фронт.
И алмазы звёздные без огранки —
небо Аустерлица который год.*

*И пока хирурги штопают раны,
а медсёстры накладывают жгуты,
кто-то хочет жить, кто-то строит планы.
Кто-то памятнику несёт цветы.*

* * *

*Когда опускаются руки
и сводит зубы от сводок,
мне в каждом летящем звуке
мерещится несвобода.
На каждой странице вены,
вскрываемые прилюдно.
Седьмое мое колено,
тебе что ни день, то судный.*

* * *

*Молчи, молчи, мой партизан.
Не обнажайся до изнан...
Не расплескай себя напрасно.
Грядёт небесный караван,
взойдёт и зацветёт шафран,
и всполохи погаснут.
Молчи, такие времена.
Из всемогущего руна
не прекращаются потоки.
Где было поле — там стена.
И яма вырыта без дна.
Но солнце — на востоке.*

* * *

*Страна железных дорог,
страна железных людей.
Углём пропитанный смог
и никаких новостей.
И никаких телеграмм,
гиппопотамы в бреду.
Страна «займи, я отдам,
найду, убью, украду...».
Мои слезятся глаза —
виной табачный дурман.
Но нет ни страха, ни зла,
ни затянувшихся ран.*

* * *

*Время вышивает на халате крест,
или это кровь проступает алая?
Сколько их, покинутых нами мест.
Сколько зим и лет — не считала я.
Стоит задремать — слышу чей-то крик.
Помоги мне, Господи, вынести
синеву небес и под сердце штык,
по Твоей неведомой милости.*

* * *

忙碌，忙碌，忙碌
从周一直到周六。
之后——你会爬上自家十楼，
解锁阳台的门。
从高处可以看到，树木
如何将树冠露于阳光之下。
你伸出手掌
以求一个吻。

* * *

产蜜的洋槐树开着花。
黄蜂盘旋在苹果树上。
我沿着街道走着：

天竺葵从窗子里探出头。
还有蒲公英的火焰。
快活，喧闹。

从柏油裂纹的脉络之中
涌出绿色植物满溢的浪潮。
无法抑制。

一切都转瞬即逝又始终不变
十七岁那年
长及膝盖的白色裙子。

* * *

你越过难以逾越的界河。
三月的水洼，米色的裤子。
书本挤在肩后的背包
耳机在细瘦的手里放着歌。
你背负着意义、思想和名字。
记忆没有时间也没有尽头。
它的嗡嗡声会让你肋下刺痛
好似手掌握住了冰。
春天的潮水四处流淌。
但有一点你知道，痛苦并非不幸。

花园里是否有许多失声的日子，
我的记忆是否会长久地煎熬？

水敲击雨棚时
没有和上乐谱。
白昼冻僵到打嗝。
在邻近的岸上
槭树的树顶被点燃了——
与之相对的是变蓝的波涛。
节日圣像上的装饰
使我想起了我的城市。
那钟声
眼看就要挣脱、跌落。
合唱的颂歌
将改变简单的日常生活。

* * *

这就是——我的地方
它的强大与衰弱
划伤手指的琴弦
彻夜祈祷的吟唱
长久的欢送集会
井中的死水
会让所有一齐获得生机
车站的浮岛
河流的枯水
繁盛生长的青草
以及——乱世荒年

* * *

很是可笑，透过敞开的窗户吸烟，
吸入混杂苹果树香味烟雾。
我的春天的爱情种子
正被牢牢捏在掌中。

它是否会发芽——眼下并不知晓，
但黑土地的手掌很是柔软。
把任何的消息，当作礼物。
没有少年的沮丧。

* * *

走廊很冷，无法取暖。
口袋里有碘酒、煌绿和绷带。
毛巾上有红褐色的斑点
还有一杯用氯净化的水。

在我梦里的田野，到处是没能
爬到前线的坦克。
未制棱的星光金刚石
是近年来奥斯特利茨的天空。

当外科医生缝合伤口
而护士们则在包扎止血带
有人想活下去，有人制定计划。
有人向纪念碑献上鲜花。

* * *

当手臂垂下
牙齿因为报告而战栗，
我在每一次飞机飞过的声音中
仿佛听见不自由。

每一页上都有静脉，
当众剖开。
我的第七个膝盖，
你的每一天，都是审判日。

* * *

别说话，别说话，我的游击队员。
不要暴露内在……
不要白白将自己出卖。

崇高的队伍即将到来，
番红花将升起、绽放，
闪光将平息。

别说话，这样的时代。
自无所不能的的羊毛中
水流从未中断。

哪里有田野，哪里就有围墙。
挖成一个无底洞。
但是太阳，在东方。

* * *

铁路的国度，
铁人的国度。
湿透的煤炭
和无用新闻的烟雾。
还有无用的电报，
河马在胡说八道。
“如果要借，我就交还，
“找到，杀死，偷走……”的国度
我双眼含泪——
这归咎于烟草使我飘乎。
但没有恐惧，也没有邪恶，
也没有愈合的伤口。

* * *

是时间在长袍上绣上十字架
还是猩红的鲜血渗出来了呢？
我们遗弃了多少地方。
多少个冬夏——我从未数过。

只要一打盹——我就听到不知是谁的叫喊。
主啊，请帮助我，
用你玄妙的仁慈，
请带走天空的蔚蓝和我心底的刺刀。

柳雯逸译

ВАН ВЭЙЛЯНЬ

Ван Вэйлян, доктор филологических наук, доцент факультета китайской филологии Университета Сунь Ятсена, заведующий кафедрой творческого письма, заместитель председателя Союза писателей города Гуанчжоу. Среди опубликованных работ: рассказы «Дикое будущее», «Внутреннее лицо», «Незаконный въезд», «Прислушайся к тому, как растёт соль», «Жизнь вверх ногами» и т. д., сборник статей и эссе «Горе не в силах перекочевать» и т.д. Некоторые произведения переведены на русский, английский, итальянский, корейский, японский и другие языки. Лауреат премии «Союза издателей Китая за выдающееся издание», первой литературной премии «Червонное золото — Звезда “Народной Литературы”», литературной премии журнала «Октябрь», литературной премии журнала «Город цветов», литературной премии молодых писателей имени Мао Дуня, обладатель главного приза «Конкурса научно-фантастической литературы на китайском языке» и множества других литературных наград. Автор пишет во многих жанрах, для него характерны реализм, модернизм и научная фантастика. Считается классическим представителем писателей, рождённых в 1980-х.

王威廉

王威廉，文学博士，中山大学中文系副教授、创意写作教研室主任，广州市作家协会副主席。出版小说《野未来》《内脸》《非法入住》《听盐生长的声音》《倒立生活》等，文论随笔集《无法游牧的悲伤》等。部分作品被译为俄、英、意、韩、日等文字。曾获中华优秀出版物奖、首届“紫金·人民文学之星”文学奖、十月文学奖、花城文学奖、茅盾文学新人奖、华语科幻文学大赛金奖等数十个文学奖项。作品风格多样，涉及现实主义、现代主义与科幻小说，被认为是中国生于1980年代的代表性作家。

ГОРОДСКАЯ МЕДУЗА

(отрывок из рассказа)

Кун Нань снова видел сон. Столько раз являвшийся ему образ заставил резко проснуться, сердце сильно билось в груди. Это нельзя было бы назвать кошмаром, а после, когда постепенно начинал успокаиваться, оставалась лишь растерянность. Весь пляж покрыт белоснежными каплевидными штуковинами, не камнями, а полупрозрачными кристаллическими свёртками, это пакеты? Эти кристаллики внезапно приходят в движение и ползут, как будто выворачивая наружу движущиеся желудки. Это что за существа такие? Космические черви с другой планеты? Он хочет осмотреться, но кругом густой туман, и видно лишь собственные босые ступни, стоящие на прибрежном песке, песок такой зыбкий, что он почти не в силах пошевелиться, а эти червеобразные желудочки все разом двинулись в его сторону, неужели он сейчас растворится в густой желудочной кислоте? Он как будто уже чувствует этот зловонный запах, — и нестерпимый прилив тошноты выбрасывает его из сна.

Это медузы.

В момент пробуждения он наконец вспомнил, что это за существа. Свернувшись калачиком, он снова прикрыл глаза, снова и снова бормоча слово «медуза». Открытка с изображением морского берега и медуз, полученная пару дней назад, лежала в ящике прикроватной тумбочки и была подписана от «когда-то девушки Чжан Фэна». «Когда-то» подразумевало, что дело было не совсем в расставании, а в том, что несколько лет назад Чжан Фэн умер. Смерть Чжан Фэна подкосила Кун Наня на несколько лет, всё-таки они росли вместе. Это чувство, когда исчезает главный свидетель твоего прошлого, и сами воспоминания о прошлом тускнеют и размываются. И всё же и эту раздирающую боль можно было пережить, ведь в год, когда умер Чжан Фэн, они уже пустили общение на самотёк. У них не было каких-то конфликтов или споров, просто долгая жизнь в разных городах, изо дня в день наполненная мелочами, словно трясина, затягивала каждого всё глубже и глубже, превращая в более тяжёлых на подъём и ограниченных, пока, в конце концов, ниточка, связывающая с прошлым, окончательно не оборвалась.

Они вместе учились в старшей школе, и по воле судьбы сидели рядом, а потому часто обсуждали вместе задания, вместе ели, бегали — так и стали не разлей вода. Чжан Фэн был невысоким, с изящными чертами лица, склонным к худобе. Однако он не переставал тренироваться и к концу выпуска окреп и стал более здоровым, всё любил закатать рукава и посоревноваться с другими, у кого бицепс больше. Но стоило ему одеться поплотнее, и он как будто снова превращался в щуплика. Ничего не попишешь, каким бы ни был скелет широким, всё равно есть предел мышечной массы, которую можно нарастить. После выпускных экзаменов Кун Нань и Чжан Фэн поступили в университеты в разных провинциях. Во времена без интернета они общались письмами, Кун Нань и с закрытыми глазами мог вспомнить неуклюжий почерк Чжан Фэна, напоминавший не иероглифы, а следы ползающего краба. А Чжан Фэн в письмах оправдывался: «По моему почерку сразу понятно, какой я необузданный».

На первом же курсе Чжан Фэн сообщил, что влюбился, но девушка, которая ему понравилась, курила, пила, и волосы у неё были покрашены в цвет куриного помёта. Он просто не знал, как быть, и просил наставлений Кун Наня. Кун Нань и не помнил уже, что в старшей школе у него самого были отношения, однако именно из-за этого в глазах Чжан Фэна он стал амурных дел мастером. Восемнадцатилетний Чжан Фэн тогда ещё не имел опыта отношений, он относился к любви с идеалистической чувствительностью и считал, что, если упустит эту девушку, то на его душе на всю жизнь останется брешь, которую он не сможет залатать.

Кун Нань уже позабыл, как он успокаивал Чжан Фэна, он пытался изо всех сил вспомнить, но ничего не всплывало в памяти. Ему внезапно очень сильно захотелось узнать, что он тогда ответил другу, ему казалось, что так он сможет понять, каким был в те годы. У него уже не осталось никакого представления о том, каким же всё-таки человеком был сам в прошлом. Человек в целом просто не способен здраво оценить самого себя. А теперь Чжан Фэн умер, его письма наверняка давно отправились в мусор, и пропала исключительная возможность познать себя.

Самым запоминающимся для Кун Наня было то, как Чжан Фэн заканчивал письма о своих любовных терзаниях — во всех просил его «уничтожить» их. «Уничтожить» он писал особенно крупно, а снизу ещё добавлял × и рисовал огонь, намекая, что Кун Нань должен эти письма сжигать. Однако Кун Нань не обращал на это никакого внимания, смеялся, сворачивал письма и клал их ко всем остальным в голубую папку для документов. Вскоре Кун Нань выпустился и из университета на западе отправился в Шэньчжэнь, на юг. Поговаривали, что Шэньчжэнь — это золотая жила. За год до его выпуска любимый преподаватель Кун Наня, профессор Ван, уехал в Шэньчжэнь и устроился, по слухам, в какую-то старшую школу. То, что профессор добровольно уехал туда работать учителем в школе, уже говорило многое о притягательных возможностях этого места. Кун Нань написал профессору письмо о том, что тоже хочет приехать в Шэньчжэнь, но тот не ответил, а позвонил ему. Позвонил он в учебную часть, Кун Нань, преисполненный трепета и страха, зашёл в офис и принял трубку у завуча. Прозвучал вымученный голос профессора: «Приезжай! Зарплата учителя в любой здешней старшей школе выше профессорской в нашем университете в шесть раз».

Он наконец начал понимать что-то, конечно, было и сочувствие к запомнившемуся благородным и мудрым профессору Вану, но вместе с тем Кун Нань воодушевился. «В шесть раз», — повторял он про себя с неожиданной ритмичностью и отдачей в голосе. «Шесть раз!» — словно барабаны отбивали ритм на рок-концерте, беспрестанно отражаясь эхом в его ушах, снова и снова, точно какой-то непрекращающийся звон.

Ничто не могло помешать ему отправиться в Шэньчжэнь, работать там учителем в начальной школе или воспитателем в детском саду, да неизвестно кем, лишь бы что-то приемлемое... Он собрал все накопившиеся за эти годы книги в картонную коробку и передал на хранение одногруппнику, который жил в городе, где находился университет, после чего захватил пару вещей из одежды и уехал в Шэньчжэнь. Заполненная письмами одноклассника папка тоже лежала в той коробке. Через два года одногруппник

позвонил, рассыпаясь в извинениях: «Моя матушка разбирала старые книги, чтобы продать, решила, что в той коробке тоже моё, и продала всё. Мне так неловко, как я могу заглазить вину? Эх, просто ты так давно оставил их тут, и всё не забирал, я закинул их под кровать — да и забыл».

Кун Нань тогда уже устроился в одну рекламную компанию, и хоть ещё был простым стажёром, мальчиком на побегушках, уже поставил себе цель обучиться технике фото- и видеосъёмки, чтобы потом самому снимать рекламу — за один проект можно заработать сразу несколько тысяч, а это в несколько раз больше, чем получал за один месяц отец. Он уже неосознанно всё вокруг анализировал, сводя к вопросу «во сколько раз». Узнав, что коробки больше нет, первое, что он вспомнил — совсем не письма, лежащие внутри, а любимый сборник романов в жанре *уся* Цзинь Юна. Он ощутил некое сожаление, но до тревожного состояния не дошло. Да и ему было неловко злиться на товарища, вина полностью лежала на нём, ведь после выпуска он ни разу не возвращался в город университетских времён. Честно говоря, он уже и забыл про все эти вещи.

После случая с коробкой, дабы восполнить свои потери вдвойне, он приобрёл в книжном лимитированное издание полного собрания Цзинь Юна и поставил на полке, — твёрдый переплёт, сияющие позолотой обложки, — однако он так ни разу и не притронулся к ним, даже не пробежал глазами, и теперь их покрывал слой пыли. Что до писем из папки, то они наверняка уже были переработаны, из клейковины снова стали бумагой, парой листов в тетради у старшеклассников или рекламными вкладышами в каком-нибудь журнале. Эти письма, их физическая оболочка продолжила путь по круговороту, точно так же, как тело Чжан Фэна обратилось в пепел, отправилось в землю, проросло и стало рисом или деревом.

Кун Нань советовал и Чжан Фэну перебраться в Шэньчжэнь, тот даже порывался и приезжал разок, без умолку нахваливал Шэньчжэнь, какой, мол, это модернизированный город. Чжан Фэн закончил инженерное направление и в Шэньчжэне, для него тут было много возможностей. Но в конечном итоге тот так и не остался, отец по знакомству устроил его в городское налоговое управление, и хоть лишь как контрактника, но по местным меркам зарплата выходила приличная. Через год Чжан Фэн выдержал экзамен для государственных служащих и официально стал штатным сотрудником, а вместе с тем получил гарантированную стабильность на всю оставшуюся жизнь. С тех пор они встречались лишь в Новый год. Но постепенно даже в новогодние праздники у обоих стало накапливаться столько дел, что вырваться на встречу просто не было шанса. К счастью, с появлением интернета общение стало намного проще, они перестали писать бумажные письма, можно было просто созваниваться, отправлять сообщения, общаться в QQ или WeChat, всё-таки общение не прекращалось, просто постепенно становилось всё реже. Иногда Кун Нань втайне думал: «Может, лучше и вовсе прекратить общаться, тогда в памяти останутся те прекрасные моменты из прошлого, те невинные помыслы юности; сейчас все эти удобства делают отношения только всё более неловкими, а из-за неловкости пропадают, ослабевают те тёплые воспоминания...»

Кун Нань ничего не знал об этой девушке Чжан Фэна, тот никогда не упоминал. Чжан Фэн не был женат — не встретил подходящую девушку.

Однажды в Новый год они назначили встречу в чайной, болтали о том о сём. Чжан Фэн тогда сказал: «На самом деле, в моём окружении немало женщин, да только я слишком придирчив, женюсь, только если она мне действительно понравится». На тот момент Чжан Фэн уже совсем перестал говорить о той девушке с куриным помётом на голове. А у Кун Наня тогда вот была девушка, только про женитьбу вопрос ещё не вставал, в Шэньчжэне всё и так было слишком непросто, совсем не до такого. Чжан Фэн спросил Кун Наня: «А ты её любишь?» Кун Нань внезапно не нашёлся с ответом, только и высказал: «Когда ты стал таким размазнёй? Только и говоришь о любви да о любви, точно девчонка». Чжан Фэн рассмеялся: «Кажется, и ты не совсем честен». Кун Нань ответил: «При чём здесь честность? Жизнь в Шэньчжэне не похожа на здешнюю, если сам не устроился, о какой свадьбе может быть речь?» Чжан Фэн ответил: «Это всё оправдания». Потом какая-то девушка пришла за Чжан Фэном, Кун Нань помнил, как она выглядела, — круглолицая, лоб не скрывала чёлка, а на затылке был завязан конский хвост. Когда она улыбалась, у неё была ямочка на щеке, хотя он не мог точно сказать, справа или слева. Возможно, и открытку прислала та девушка? Но доказать этого он не мог, поскольку не знал даже её имени.

В любом случае приславшая открытку девушка очень любила Чжан Фэна и хранила память о нём. Какой же глубокой должна быть тоска, чтобы девушка спустя столько лет смогла набраться храбрости отправить открытку другу человека, по которому она так скучает? Подумав об этом, Кун Нань вдруг испытал толику зависти. Такого никогда не бывало. В душе Кун Нань всегда ощущал неопределённое чувство превосходства перед Чжан Фэном. Он и сам понимал, что тоже звёзд с неба не хватает, но однажды тайком составил таблицу, выписав все достоинства и недостатки, свои и друга, чтобы посмотреть, кто же выигрывает. В тот раз он выиграл, более того, был глубоко убеждён, что все приведённые им пункты полностью объективны. Такие как рост, оценки, игра в футбол... ни с чем из того, что он туда выписал, нельзя поспорить. Что же до психологических качеств, тут он как будто бы был послабее Чжан Фэна, у того был огромный запас энергии и упорства. Однажды во время футбола Чжан Фэн так сильно упал, что у него пошла кровь из носа, окрасив красным форму, а он продержался до самого конца матча. Но это единственное доказательство, больше Чжан Фэну не представилось возможности продемонстрировать свою негибкость. Потому что дальше ждала только протяжная, зыбучая, как пески, повседневность.

Что эта девушка нашла в Чжан Фэне? В этом неизменном упрямце? Разве жизнь, подобная трясине, не раздавила его давным-давно, что у него могло остаться?

Кун Нань не знал, как ответить этой «когда-то девушке Чжан Фэна», как не знал и того, что Чжан Фэн рассказывал ей о нём. Первое предложение на открытке было следующим: «Кун Нань, я знаю, что ты лучший друг Чжан Фэна». Он так представил его? Спустя столько лет, как он мог ещё оставаться лучшим другом Чжан Фэна? Однозначно Чжан Фэн постоянно знакомился с новыми людьми, и наверняка среди них были и более близкие? Возможно, девушка вначале лишь искала, как ей подступиться. У неё

определённо есть какой-то скрытый мотив, может, она мошенница, кто знает, такое в новостях на каждом шагу. Тогда лучше отложить эту открытку. Ведомый угрызениями совести за то, что он тогда потерял все письма друга, он положил открытку в коробку с личными вещами в прикроватной тумбочке. Но кто же знал, что виды с этой открытки, словно по волшебству, будут являться ему в каждом сне.

Эти виды были действительно необыкновенны.

Он никогда не видел столько морских медуз разом: огромное, необозримое глазу, толпище медуз собралось на берегу, точно морской батальон вышел на сражение против сухопутных жителей. Как человек, чья профессия связана с образами и съёмками, он стал очень чутко реагировать на любое изображение. Фотография на открытке была безупречна, утренний мягкий свет и морская голубизна сочетались именно так, как надо. А полотно из медуз напоминало что-то не из этого мира, — как только он закрывал глаза, медузы превращались в прозрачные подводные камни и снова возникали перед ним, проникая сквозь веки, которые как будто ощущали всю их тяжесть. Какой художественный подтекст несла в себе толпа медуз? Этого он не мог сказать точно, но чувствовал. Он втайне даже испытывал уважение к этой девушке, она точно не просто так, не случайно отправила именно эту открытку, а долго и тщательно выбирала. У этой девушки определённо есть чувство прекрасного, она хотела сказать очень многое.

На открытке был номер телефона, ему нужно было лишь набрать, и он смог бы с ней поговорить, узнать, что же двигало девушкой. И даже если это мошенница, он считал, что его IQ хватит, чтобы не попасться на удочку. Если подумать, то достаточно просто не соглашаться ни на какие её условия, и тогда он ничего не потеряет. Чжан Фэна уже нет, отказать его бывшей девушке не то чтобы проблема... Подобные мысли то и дело вырывались из него, словно происходил диалог с неизвестным собеседником. Он знал, что в один день сорвётся и позвонит по этому номеру.

А девушка сохраняла спокойствие и, кроме открытки, ничего больше так и не прислала. Через несколько недель он всё-таки не выдержал и набрал номер девушки.

— Это Кун Нань? — ни секунду не сомневаюсь, заинтересовалась девушка на том проводе.

— Как вы сразу поняли, что это я?

— По определителю номера и ещё интуиции, — девушка рассмеялась, она говорила не спеша, у таких девушек есть вкус, они могут с тобой размеренно болтать о том о сём.

Он позвонил как раз, чтобы поговорить, не дай бог попалась бы неразговорчивая, Кун Нань разочаровался бы.

— Открытка очень красивая, спасибо, — ему хотелось поскорее перейти к сути.

— Это побережье Шэньчжэня, — девушка чуть рассмеялась. — Хорошо знакомые вам места.

— Правда? — он не мог поверить. — Я живу здесь уже много лет и ни разу не видел ничего подобного.

— Я ещё не бывала в Шэньчжэне, только слышала прежде от Чжан Фэна, что город почти окружён морем, — путунхуа девушки был чистейшим,

голос смешивался с электрическим звучанием в телефоне, и было сложно уловить сходу какие-то региональные особенности.

– Да, Чжан Фэн приезжал в Шэньчжэнь, думаю, тогда вы ещё не были знакомы, сколько вы были вместе?

– Мы были вместе три года, незабываемые три года.

– Когда Чжан Фэна не стало, вы ещё были с ним? — он просто спрашивал всё, что приходило ему в голову, ни о чём не задумываясь.

– Была, — договорив, девушка замолчала.

Узнав самое главное, он уже и не знал, что ещё спрашивать, потому что выведывать у неё дальше о последних мгновениях жизни Чжан Фэна было бы слишком бесчеловечно. О смерти Чжан Фэна он сам узнал из классной беседы в QQ. Тётя одного из однокашников работала в больнице, она и написала в чат, сказала, что причиной смерти стал острый панкреатит, а больше ничего не было известно. На момент смерти Чжан Фэн уже потерял связь со всеми одноклассниками. И Кун Нань недоумевал: он сам в Шэньчжэне за тридевять земель, само собой, он отдалился ото всех, но ведь Чжан Фэн работал в маленьком городке, где осталось много одноклассников, и некоторые даже занимали важные посты в муниципалитете, так не ради дружбы, а чисто ради собственной выгоды подобные, стратегически полезные, связи просто необходимо поддерживать! О чём думал Чжан Фэн? Он наплевал на будущее, или того, что у него было, ему было достаточно? Он, как паук, завернулся в свою собственную паутину и позволил только этой девушке войти в его секретный мир.

Девушка всё ещё молчала, и Кун Наню только и оставалось задать главный вопрос:

– Вы... почему вы отправили мне открытку?

– Я очень скучаю по Чжан Фэну, — девушка вздохнула. — У меня остались его вещи, сначала я хотела передать их его семье, но не смогла с ними расстаться. Там нет ничего ценного, так, его личные вещи да кучка писем.

– Там и мои письма? — он не мог поверить.

– Конечно, думаю, все до одного, рассортированы по дате, скреплены зажимами, уложены в красивую железную коробку из-под печенья.

– То есть он хранил мои письма? Он так делал и с письмами от других?

– Другие письма сложены как попало, только ваши рассортированы по дате.

– Я даже не думал... ты их все читала?

– Естественно.

– Хах, да там и не было ничего особо личного, так, юношеские заботы, — успокаивая себя, посмеялся он, чтобы скрыть неловкость.

Он так стремился заполучить собственные письма, но теперь, когда появился шанс, растерялся.

– Так это самое ценное! Хотя я не могу прочесть его письма другим, но через письма, написанные ему, я тоже чуть лучше понимаю, что он за человек, его натуру. Он так заботился о письмах от вас, поэтому я очень хотела связаться с вами, понять, почему вы были так дороги Чжан Фэну.

– На самом деле, я и сам не ожидал, мы вместе учились в старшей школе, тогда были хорошими друзьями, — его голос затих, на сердце стало тяжело.

– А теперь нет, верно? – хоть девушка говорила очень деликатно, но без обиняков.

– Конечно, и сейчас. Я имею в виду, что со времён старшей школы, – у него создалось впечатление, что вопросы девушки смахивают на допрос в суде, и более того, в этом деле она представляла интересы Чжан Фэна, из-за чего Кун Нань напрягся.

Она тихо хохотнула:

– Ага, я уверена, что вы настоящий друг Чжан Фэна, не беспокойтесь... я лишь хочу поговорить немного, не более того, – она всхлипнула, и телефонные радиоволны принесли новую волну печали.

– Отлично, – он вытер образовавшуюся в уголке глаза слезу. – И я бы хотел этого.

城市海蜇

(短篇小说节选)

孔楠又做梦了。那反复出现的梦境，让他突然醒来，感到心悸。不完全是恐怖，在稍稍平息下来之后，更多的是一种茫然。海滩上全是白色的团状物体，不是岩石，而是半透明的卷曲晶体，是塑料垃圾吗？那晶体忽然蠕动起来，像是裸露在外的运动着的胃。那是一种什么生物？来自外星的太空蠕虫？他想看清楚周围，可浓稠的海雾遮掩了一切，只能看到自己赤裸的双脚踩在沙滩上，沙滩极为松软，他几乎无法移动，而那些蠕动的胃正在向他集结而来，自己会在粘稠的胃酸中被消化掉吗？他似乎都闻到了酸腐的气息，一阵难以忍受的恶心，让他从梦中惊醒。

那是海蜇。

惊醒的一瞬间，他终于想到了这种诡异生物的名称。他蜷缩着身体，眼睛又闭上了，嘴里嗫嚅着海蜇二字。前几天收到的那张印着海滩与海蜇的明信片，就放在床头柜的抽屉里，署名是“张锋曾经的女友”。“曾经”两字，指的不完全是分手的事实，更是因为张锋几年前就死了。张锋的死，一度让孔楠难过了好几年，毕竟，他们是一起长大的朋友。那种感觉就像是过去的记忆缺失了最重要的证人，因而过去变得模糊失真了。不过，撕裂的痛感倒是可以忍受的，因为张锋死的那年，他们已经疏于联系了。他们没有什么冲突与矛盾，他们只是因为长期生活在不同的城市，日复一日的琐碎生活像泥淖一般，让人不停地沉陷下去，沉陷下去，变得沉重和笨拙，最终，与过去的事物绷断了那条联系的绳索。

他们是高中同学，因为座位离得近的缘故，于是便一起讨论作业，一起吃饭，一起跑步，成了形影不离的好朋友。张锋个头不高，五官清秀，身形也偏于瘦小，但是他坚持健身，到高中毕业的时候，他已经变健壮了，喜欢撸起袖子跟大家比赛肱二头肌。但他只要多穿两件衣服，看上去又变成一个瘦子了。没办法，骨架就那么大，肌肉再增长也是有限的。高考后，孔楠和张锋去了不同的省份读大学。在没有网络的年代，他们一直保持着通信，孔楠闭上眼睛就可以想起张锋那笔画粗大的字迹，像是螃蟹爬过的痕迹。张锋还在信里自我解嘲写道：“看我的笔迹，就知道我的心有多野。”

刚上大学的第一年，张锋告诉孔楠，他爱上了一个女孩儿，可那个女孩儿却吸烟喝酒，将头发染成鸡屎色的，他不知道该怎么办了，他请求孔楠指点迷津。孔楠没想到自己在中学阶段就谈过一次恋爱，这个时候却成了张锋眼中的情圣。十八岁的张锋那会儿还没谈过恋爱，他对待爱情有一种理想主义的伤感，觉得错过了正在爱着的这个女孩儿，生命的屋顶就会塌方一大块。

孔楠已经忘记了自己是怎么安慰张锋的，他使劲回想着，却无论如何也想不起来了。他忽然很想知道当年自己的回复，觉得那将会意味着当年自己是个什么样的人。他已经忘记了过去的自己究竟是个什么样的人了。人对自己，永远都是没法好好判断的。如今张锋死了，

他的信一定早就当垃圾处理掉了，他失去了判断自己来路的一次绝佳机会。

最让孔楠难忘的一个细节是，张锋在那些苦情信的结尾，都请求他“处理”掉。“处理”这两个字写得格外大，并在字的下方画了一个×，还画着一朵火焰，暗示孔楠要烧掉这些信。但是，孔楠并不在意，他笑笑，把信叠好，跟其他的信一起，放进一个蓝色的文件盒里。很快，大学毕业，孔楠从这所西部的大学出发，前往深圳。传说中，那是一个遍地黄金的地方。孔楠最喜欢的王教授在他毕业的前一年去了深圳，听说去了一所中学。一个教授甘愿去那里当一个中学老师，足以证明那里具备的巨大吸引力。孔楠给王教授写了一封信，表达了自己也想去的愿望，教授没有回信，而是给他打了个电话，电话打到了学校的教务室，孔楠诚惶诚恐地走进去，接过教务主任递过来的话筒，听到教授用疲惫的声音说：“来吧，这里随便一个中学老师的工资，是咱们那儿大学教授的五倍。”

他终于明白了一些什么，不免对印象中清高睿智的王教授有了一丝怜悯，但随即，他也感到了兴奋，“五倍”，他喃喃自语，那种节奏和力度出人意料。“五倍！”摇滚乐似的鼓点声，一直在他耳边回荡着，没完没了，简直类似一种耳鸣折磨着他。

没有什么可以阻拦他去深圳，去那里去做一个小学老师，一个幼师，甚至一个不知道是什么但只要能忍受下去的职业……他将这些年来收藏的书籍打包到一个纸箱里，托付给了一位当地的同学，然后带着几件衣服，便去了深圳。满满一文件盒的同学通信，也放在那箱书里边。两年后，同学打电话给他，很抱歉地对他说：“我妈清理废旧书刊去卖，误以为你那箱书也是我的，给卖掉了，太不好意思了，我怎么才能补偿你？唉，主要是放得太久了，你也不早点来取，我塞到床底下，也早忘了。”

孔楠那会儿已经在一家广告公司找到了职位，虽然只是打杂的实习生，但他已经打定主意，要学习摄影和摄像技术，以后可以自己接拍广告，一次就能挣几千元，是父亲一个月收入的几倍。他已经不自觉地用“几倍”来思考世上的问题。当他得知那箱书丢了，心里首先想起的并不是里边的信，而是一套最爱的金庸武侠小说全集。他感到了一种惆怅，但这惆怅并没有达到揪心的程度。他也不好意思向同学发火，问题的确出在自己身上，他毕业以后，再也没有回过读大学的那座城市。老实说，他已经忘记了那箱东西。

事后，他为了“加倍”补偿自己的损失，去书店里买了一套珍藏版的金庸全集，放在书架上。硬壳精装，金光灿灿，却再也没有闲情逸致去看了，至今已经落满了灰尘。至于文件盒中的那些信，肯定已经化成了浆，重新制作成纸，变为中学课本里的某几页，或是一份报纸里的一张广告插页。这些信的物质形态进入了循环的轨道，正如张锋的身体化成灰烬，融入土地，长成了稻谷或是一棵树。

孔楠曾建议张锋也来深圳发展，张锋一度有些心动，还特意来过一趟的，对深圳的现代化气象赞不绝口。张锋是学工程的，来深圳还是大有前景。但张锋终究还是没有选择留下，他的父亲通过关系，把他安排进了市地税局，虽然只是合同工，但收入在当地也算比较高的。

一年后，张锋通过了公务员考试，获得了正式编制，更是获得了一劳永逸的稳定生活。从此，孔楠和他只有过年时相见。渐渐地，就连过年期间，大家也杂事缠身，无缘得见了。好在通讯方式方便了好多，不写信了，还可以打电话、发短信、聊QQ、聊微信，总算没有彻底断了联系，只是话题越来越稀少。有时，孔楠暗暗感慨，还不如断了联系的好，那样的话，曾经的美好全都封存起来了，心底还留有纯洁的念想；现在，这种过于便捷的联系方式，反而让大家的关系变得越来越尴尬，记忆的美好也随着这种尴尬在变淡变弱.....

张锋的这位女友，孔楠完全不清楚，从没听张锋提起过。张锋一直没有结婚，他说没能碰见合适的女孩儿。有一回，过年的时候，他们约在一家茶馆见面聊了聊。张锋说：“其实，我身边不缺女人。我只是太认真了，一定要找一个自己喜欢的才能结婚。”鸡屎头姑娘这会儿已经彻底从张锋的聊天中消失了。孔楠当时倒是有个女朋友，但他们还没谈及结婚这回事，深圳的压力太大了，远不到考虑这件事的时候。张锋问孔楠：“那你爱你现在的女朋友吗？”孔楠竟然不知该如何回答，只好说：“你现在怎么变得这么肉麻了，一天把爱挂在嘴边，跟女人似的。”张锋笑了起来，说：“看来你也不老实。”孔楠说：“这跟老实不老实没关系，深圳和这里的生活节奏不一样，站不稳脚跟，还结什么婚。”张锋说：“你这都是借口。”后来，有个女人来找张锋，孔楠记得那女人的样子，脸盘圆圆的，前额没有刘海，后脑扎个马尾。笑起来，只有一侧的脸颊有酒窝，不过不能确定是左脸还是右脸了。也许，这次寄明信片来的就是那个女人？他无法确证，他连她的名字都不知道。

无论如何，这个寄来明信片的女人是很爱张锋的，对他念念不忘。要有何等深沉的思念，才能让一个女人在数年后还有勇气写明信片寄给所思所念之人的朋友呢？孔楠想到这里，竟然对张锋有了一丝嫉妒。这是前所未有的。孔楠在心理上，对待张锋还是有一种说不清的优越感。他也清楚自己并非多么优秀的人物，但他曾经暗暗列过一个表，将自己和张锋的优缺点写下来，看看谁更胜一筹。那次的结果是他完胜张锋，而且，他也深信自己列出的这些事项是完全客观的。比如身高，比如学习成绩，比如踢球.....，这些都是摆在那里的，没什么可辩驳的。至于心理素质，他觉得自己似乎比张锋脆弱，张锋身上有一股顽强的劲头，有一次踢球，张锋摔得鼻血染红了球衣，但居然坚持到了全场结束。但那是孤证，再也没有类似的机会让张锋表现自己的顽强了。因为接下来的，只有沙漠一样伸展下去的日常生活。

这个寄明信片的女人喜欢张锋的什么呢？这种内在的倔劲儿吗？沙漠样的生活不是早已把张锋打垮了吗，张锋还有什么呢？

孔楠不知道该怎么回复这位张锋的曾经女友，正如他不知道张锋是如何向这个女人介绍自己的。明信片的第一句这么写着：“孔楠，我知道你是张锋最好的朋友。”张锋是这样向她介绍自己的吗？时隔多年，自己怎么还会是张锋最好的朋友？张锋一定会不断地认识新的朋友，其中一定有更加亲密的吧？也许，这只是女人落笔时的一种修辞罢了。女人一定是别有目的，也许是个骗局也说不定，这样的社会新闻实在太多了。他干脆把明信片放在一边。基于他曾经弄丢了张锋

的全部信件，那种歉疚的心情让他把明信片放在了床头柜的一个私人物品盒里。结果，没想到的是，那个明信片像是施了魔法似的，总让他梦见那片印在其上的风景。

那片风景也真是够诡异的。

他从未见过那么多海蜇挤在一起：一望无际的大片海蜇聚集在沙滩上，像是一场海洋生物对大陆发起的登陆大战。作为以捕捉影像为职业的他，对画面变得极为敏感。那张明信片的照片无可挑剔，早晨的柔光与大海的蓝色都恰到好处，一大片海蜇的形象更是犹如神迹，他一闭上眼睛，那片海蜇变成了透明的礁石，出现在眼帘后边，眼皮都能觉出那种沉甸甸的质感。一大片海蜇有什么艺术方面的意蕴吗？他说不清楚，但他能感觉到。他有些暗暗佩服这个女人，她寄来这样的明信片绝不是偶然、随机的，她一定经过了精挑细选。这个女人有良好的艺术感觉，她要表达的情感很丰富。

明信片留有女人的电话号码，他只需打过去，就可以和这个女人说上话，知道这个女人的全部动机。即便这是个骗局，但他认为以他的智商，也是不可能被骗的。退一步讲，只要对这个女人的任何要求都否定，那么一定不会有损失。张锋已经不在，拒绝他曾经的女友也不是一件让人为难的事情……这样的想法不时冒出来，犹如一场不知对象是谁的对话。他知道，他总有一天会忍不住去拨通那个电话的。

那女人倒也沉得住气，除了这个明信片，再也没有别的东西寄来了。等待数周后，反倒是他沉不住了，拨通了女人的电话。

“是孔楠吗？”电话那边的女人没有迟疑地问他。

“你怎么这么确定是我？”

“根据来电显示，还有直觉。”女人笑了，她的语速不快，这样的女人是有味道的，她可以和你慢慢聊下去。

他打来电话，就是想聊聊的，万一遇见聊不来的人，那是很扫兴的。

“明信片很漂亮，谢谢。”他想尽快把话题引上正途。

“那是深圳的海滩，”女人微笑了下，“你熟悉的地方。”

“是吗？”他不敢相信，“我来这儿好多年了，从来没有见过这样的景象。”

“我还没去过深圳，之前听张锋说过深圳，说那里几乎被大海包围着。”女人的普通话很标准，音色混杂着电话的电流声，一时抓不住特点。

“是的，张锋来过深圳，我估计那时候他还不认识你吧，你们在一起多少年？”

“我们在一起三年，难忘的三年。”

“张锋走的时候，你还在他身边吗？”他几乎想到什么就问什么，不想有所顾忌。

“在的。”女人说完便沉默了。

几个要点问完，他反而不知道还能问些什么了，继续追问张锋的临终状况会显得太不人道。张锋的死讯他还是通过班级的QQ群知道的。有个老同学，他姨妈在医院工作，是他在群里发布的消息，说张锋死

于急性胰腺炎，其他的事情他也不清楚了。张锋死的时候，跟这些中学同学基本上都不联系了。孔楠对此深感纳闷：他在深圳，跟同学们隔着千山万水，时间久了自然会疏远；可张锋在小城工作，那里有着太多的同学，有些同学还在市委一些重要岗位上任职，即便不是出自友情，而是出自个人发展的功利心，这些同学都是必须要保持联系的“统战对象”啊。张锋这是怎么了？他是放弃了未来，还是满足于现状？他像蜘蛛一样，盘守在自己建造的丝网中央，只允许这个女人走进他的秘密世界。

女人的沉默似乎还没有终结，孔楠只好抛出最关键的问题：“你……你为什么寄明信片给我？”

“我一直很怀念张锋，”女人叹口气，“张锋的一些物品还在我这儿，我当时想交还给张锋的家人，但我还是不舍得，这些物品没什么值钱的，只是一些日用品，还有就是他的一堆信件。”

“那里面有我的信？”他难以置信。

“当然，几乎一封不差，按照时间排列，用小夹子夹着，放在一个精致的曲奇铁盒里。”

“你是说，他收藏了我的信？他对其他人的信也这样吗？”

“其他人的信都是随意放着的，只有你的信是按照日期排列的。”

“真没想到……你全看了？”

“当然。”

“哈，应该也没什么隐私，都是些少年人的心事。”他自我解嘲，笑了笑，掩饰尴尬。

他曾渴望得到这些自己写的信，但现在机会来了，他却对此感到了迷惘。

“那才珍贵呢，虽然我看不到他写给别人的信，但我通过看别人写给他的信，也能间接地了解他这个人，理解他的灵魂。他那么在乎你的信，所以，我很想和你联系，想知道你对张锋来说为什么那么重要。”

“其实，我也没想到，我们是中学同学，那会儿是很好的朋友。”他的语气低沉，心里有了悲伤。

“现在不是了，对吗？”女人虽然小心翼翼，却直截了当。

“当然还是。我是说，从中学起。”他觉得女人这样问，像审判一样，而且还像是代表张锋的审判，这让他很不舒服。

她笑了下：“嗯，我相信你是张锋真正的朋友，你不需要有什么顾虑，我只是想……只是想和你说话，仅此而已。”她哽咽，涌起的悲伤也被电磁波携带了来。

“好吧，”他擦去眼角的泪水，“我也一样。”

译者：索罗金娜

ГРИГОРИЙ МЕДВЕДЕВ

МЕДВЕДЕВ Григорий Васильевич родился в 1983 году в Петрозаводске, вырос в Тульской области. По образованию журналист. Публиковался в журналах “Знамя”, “Новый мир”, “Октябрь”, “Юность” и др. Автор книги стихов “Нож-бабочка” (“Воймега”, 2019) и “Ночной редактор” (2024). Лауреат премий “Лицей” и “Звездный билет”, победитель Волошинского конкурса. Живёт в Московской области.

格里高利·瓦西里耶维奇·梅德韦杰夫 于1983年出生于彼得罗扎沃茨克，在图拉州长大。他接受过新闻学教育，曾在《旗帜》、《新世界》、《十月》、《青春》等杂志上发表作品，著有诗集《蝴蝶刀》（2019年）和《夜间编辑》（2024年）。曾获得莱西姆奖和星票奖，并赢得沃洛申斯基诗歌比赛的冠军。目前居住在莫斯科州。

* * *

*Яблоня плодоносит лет пятьдесят,
если хватает сил.
Мой дед, посадивший сад,
его уже пережил.
Мы вдвоём в запустелом сидим саду,
август, трава ничком.
Поднимаю и на скамейку кладу
антоновку с битым бочком.
Дед выпрямляется, гладит кору
яблонь, кора жестка.
Верю, приговорённые к топору,
они узнают старика.
Жалко тебе их? Кивает: да.
Ветер доносит дым.
Он всё понимает и смотрит туда
куда-то. И мы молчим.*

* * *

*Смотри, как волна вырастает холмом:
накатит, затопит, ослабнет, схлынет,
но заперто море в себе самом
и края не отодвинет.
И кто только с берега не глядел
на длящееся в заведенном повторе
и всё продолжал о кремнистый свой биться предел,
себя ощущая старше, чем это море.*

* * *

*Счастья нет, но есть зима и море.
Долго-долго ехали на юг.
Паузы в ненужном разговоре
заполнял колесный перестук.
Взяли чаю у широкоскулой
проводницы, но не стали пить.
Всматривались тщетно в тьму за Тулой,
в Курске выходили покурить.
Будто из тяжелой серой пряжи
море ткал отлаженный станок,
и сукно шинельное на пляже
собиралось складками у ног.
Древние скрежещут шестерёнки,
поворачиваются валы.
На бесхозном лежаке-шезлонге
рядом посидим, невеселы.*

*День кончался, нависала морось,
и, ладони спрятав в рукава,
мы безлюдной набережной порознь
уходили. Года через два
я ракушку за подкладкой куртки
вдруг нащупаю и пальцы обожгу.
Волны волокли медуз, окурки,
перья чаек, щепки, шелуху.*

** * **

*Жизнь будет легка-легка,
только с трещиной посередине,
вроде первого на реке ледка, —
ненадёжна отныне.
Но срастается перелом
и вправляется ноющий вывих,
не тому ли вода подо льдом
учит нетерпеливых?
На Волхонке снежок, на Стромынке.
Пусть зима промелькнёт, недолга,
нам показывая картинки
цвета низкого потолка.
Из кафешного тёплого зальца
выйти как-нибудь ввечеру,
жизнь легко выпуская из пальцев,
словно пёрышко на ветру.*

* * *

苹果树能结五十载的果实，
如果它还勉强可以。
我那打理这片果园的爷爷，
早已超出这个年纪。
荒废的园中我们坐在一起，
八月里的芳草萋萋。
捡起一个伤痕累累的苹果，
让它也来坐上长椅。
爷爷直起身抚摸果树的皮，
是岁月粗糙的痕迹。
我无疑它们已被判处斧刑，
却有一事定要问清。
你怜悯将死之辈？是的，怜悯。
清风徐来携烟而行。
他虽全然明了却茫顾四境，
我们只得无言相依。

* * *

你看，海浪如山丘般升起：
涌来，淹没，减弱，退去，
被囚禁在大海之中，
挣脱不出海的边际，
可曾有人驻足凝望，
重复这循环的哀伤，
枉然冲击山石嶙峋的疆界，
蓦然方觉衰老，老过海洋。

* * *

我们久久地向南远航，
全无幸福，唯有严冬和海洋。
车轮的咔嚓声充斥耳边，
在无意义的谈话中的徜徉。
我们从宽脸的列车员那里
端来了茶，却没有品尝。
在库尔斯克下车抽烟，
徒劳凝视着图拉城外的神伤。
仿佛用沉重的灰色纱线，
大海被一台精密的织机织纺，
军大衣般的布料在沙滩上，
堆积在脚旁。

古老的齿轮吱嘎作响，
纺轴在奔忙。
在无人认领的躺椅上，
我们并肩坐着，心情忧伤。
天黑了，细雨飘荡，
手掌在袖子里躲藏，
我们沿着无人的堤岸上
各自离开。两年流淌，
我在夹克里摸到一个贝壳，
手指却被烫伤。
水母、烟头、海鸥的羽毛、
木屑和果皮在浪里荡漾。

* * *

生活会变得轻轻盈盈，
只是中间有一道裂隙，
像河上第一层薄冰——
从今以后不再可依。
但骨折终究会愈合，
脱臼之痛复位可期，
难道不是冰下的水
正在鼓噪人的焦急？
沃尔洪卡有雪光临，斯特罗明卡亦不破例。
就让冬天匆匆而过，汹涌湍急，
向我们显现
天穹彩绘的触手可及。
就在某个晚上，
走出咖啡馆的温馨惬意，
从指尖轻轻放开生命，
像一片羽毛在风中不羁。

译者：柴旭东

ХОУ ЛЭЙ

Хоу Лэй (1983 г.р.) – уроженец Пекина, молодой писатель, поэт, исполнитель музыкальной драмы кунъюй, культуролог. Окончил Гуманитарный институт Китайского народного университета и получил степень магистра искусств. Автор сборников очерков «Дымчатые деревья Пекина» и «Неофициальные заметки о звуках и красках», романа «Возвращение к солнцу», сборников рассказов «Человек подо льдом» и «Берег прозрения». На протяжении многих лет увлекается изучением традиционной культуры, истории, географии и народных обычаев Пекина, редактировал сборники классической литературы, такие как «Вкус Пекина» и «История Яньду». Хоу Лэй является обладателем литературной премии Хэ Цзяньмина, премии имени Бин Синь в области прозы, премии «Литература без границ», в 2023 году был удостоен награды «Золотая медаль Пекина» как популяризатор чтения. Некоторые из его произведений были адаптированы для кино и телевидения и переведены на иностранные языки для публикации за рубежом. Сейчас занимается литературным редактированием.

侯磊

侯磊，1983年生，北京人，青年作家，诗人，昆曲曲友，文化学者；毕业于中国人民大学文学院，文学硕士。著有散文集《北京烟树》《声色野记》等，长篇小说《还阳》，中短篇小说集《冰下的人》《觉岸》。多年来热衷于传统文化和北京史地民俗掌故的研究，点校整理古籍《北京味儿》《燕都掌故》等。曾获何建明中国创意写作作品奖、冰心散文奖、无界文学奖等，被评为2023年度北京金牌阅读推广人，有部分作品被改编成影视或译为外文发表，现于从事文学编辑工作。

МАСТЕР ПО РЕМОНТУ ВЕЛОСИПЕДОВ

(отрывок из рассказа)

1

Спустя какое-то время мой велосипед намок, колеса еле проворачивались и постоянно уходили куда-то вбок. Тогда я снова толкнул велосипед и побрел искать Пятно.

У нас в хутонах¹ жил мастер по ремонту велосипедов. Из-за перенесенного в детстве полиомиелита он иногда ходил с тростью, на лице же у него красовалось немаленькое родимое пятно. Соседи считали невежливым называть его «хромоногий», поэтому обращались к нему «Пятно» и в конце концов забыли его настоящее имя. В то время среди давних соседей было принято давать друг другу прозвища.

Хутун, где проживал Пятно, располагался с запада на восток, а его дом находился на северной стороне дороги, немного в отдалении от нее. На образовавшемся пятачке между дорогой и домом Пятно поставил несколько бамбуковых шестов, натянул на них полиэтиленовый навес и устроил там мастерскую по ремонту велосипедов. Позже он снес большую часть стены дома со стороны улицы, где находились смежные комнаты. Сам он уютился во внутренней камерке «тáтар» (тáтар – одноместная комната, разделенная перегородками, слово заимствовано из маньчжурского языка), а внешние комнаты он отвёл под ремонт велосипедов. Места в целом было немного. Зимой на вход в мастерскую вешали болоневое одеяло, а летом приподнимали полиэтиленовый навес и опускали бамбуковые шторы. Сооружение походило на простой рабочий сарай, в нем было не холодно и не жарко. Время работы мастерской зависело от настроения хозяина. Никогда не исключалась возможность, что он не откроет мастерскую и вовсе, но порой я видел, как он сидит у дверей сарая без дела и ждет у моря погоды. К югу от хутонов стоял магазинчик, его хозяин носил фамилию Лю, и ему было больше восьмидесяти. Он говорил, что это его отец передал ему по наследству антикварный магазин, там я читал роман «Троецарствие»² издания времен Цин. И даже в сравнении со стариком Лю из антикварного магазинчика мастер по срочному ремонту велосипедов Пятно не отличался пунктуальностью. Однако, если дело не терпело отлагательств, можно было постучать в дверь его дома, и он всегда поднимался с постели, накидывал на себя что-нибудь и тотчас брался за устранение поломки.

2

В 1980-х годах накачать велосипедное колесо в Пекине стоило два фэня, что равнялось стоимости газеты «Вечерние новости Пекина»; в 1990-х годах накачка обходилась в два мао, что равнялось покупке фруктового

¹ Хутоны – тип средневековой китайской городской застройки. – *Прим. пер.*

² «Троецарствие» – исторический роман XIV века, авторство которого приписывается Ло Гуаньчжуну. – *Прим. пер.*

льда из ягод боярышника; починить внутреннюю шину стоило два юаня, выпрямить восьмерку – десять юаней; позже накачка стала стоить три мао, цена починки внутренней шины выросла до пяти юаней, а внешней – до двадцати. Внезапно на какое-то время за накачку перестали брать плату, видимо, сумма в три мао казалась уж очень ничтожной. А внутреннюю камеру и покрышку колеса начали называть внутренними и внешними мешками.

В тот день в мастерской людей было под завязку. Дотащив свой велосипед до ларька Пятна, я увидел младшеклассника, который хотел подкачать колесо своего роскошного транспортного средства. Этот бесстыдник знатно рассердил Пятно.

Вначале школьник спросил, сколько будет стоить услуга подкачки колеса, имея в виду, что этим должен будет заняться сам мастер. Пятно вспыл и выкрикнул: «Два юаня!»

Два юаня – большие деньги. Мальчик потянулся к своему увесистому кожаному кошельку и достал оттуда два юаня, намекая Пятну приступить к работе. Пятно метнул косой взгляд и, не удержавшись, пробормотал: «Если он и этого не может сделать сам, что ж с ним будет в будущем? Со всем малолетка, а какой наглец!»

Пятно подошел к занавеске и сел на раскладной стул. На скамье около него стояли радиоприемник и глиняный чайник. Поначалу из радиоприемника шел очень тихий звук, но Пятно прибавил громкости, и теперь до слуха долетал монолог сказителя Шань Тяньфана. Поднеся ко рту глиняный чайник и сделав глоток из его носика, велосипедный мастер бросил взгляд в сторону железного подноса с инструментами и постучал по нему, показывая, куда нужно положить деньги. И вдруг невесть откуда Пятно вытащил два грецких ореха и стал перебирать их в руке. По его действиям было очевидно, что делал он это нечасто.

Школьник небрежно бросил два юаня в лоток с инструментами и, увидев, что Пятно не шевелится, сам потянулся к нему. По старику было трудно понять, заметил ли он смятение школьника или не придал ему никакого значения.

– Сколько бы ты не тер грецкие орехи, все равно останешься вонючим ремонтником.

Когда мальчик ушел, Пятно продолжил обслуживать клиентов с мрачным выражением лица. Если кому-то нужно было заменить шину, покрышку или другие запчасти, Пятно говорил: «Подсобите мне». Один клиент, одетый в рубашку, брюки и белые перчатки выглядел настолько опрятно (об этом также свидетельствовали начищенные до блеска ботинки), что походил на вернувшегося из-за границы китайца. Но снять перчатки ему всё же пришлось, а после оттирать руки от машинного масла.

Потихоньку люди стали расходиться, и настал мой черед. Как только Пятно взглянул на мой велосипед, его глаза заблестели:

– 13 лет модели, 28-дюймовые колеса со стальными спицами, куплен примерно в 1980 году, стоил порядка 190 юаней.

А ведь правда! Отец рассказывал мне, что в молодости он купил его на накопленные деньги, которые откладывал десять лет. В те зимние деньки

мой отец в шинели и в шапке из цигейки, по типу той, что носил Лэй Фэн¹, ездил на велосипеде в Шичахай² кататься на коньках, а после он встречался с мамой и, радостно несясь с ней наперегонки на красный свет светофора, оборачивался, замечая, что мама отстает.

– Велосипеду около 7 лет, он твоего старика, не так ли?

– Да, купили его на пустыре перед комиссионным магазином, обменял на бензобак.

Мы с Пятном нашли общий язык. Он начал сетовать на богатенького школьника, который не так давно невольно ужасно его рассердил:

– Если бы это был мой сын, я бы с удовольствием содрал с него шкуру и вправил бы ему мозги.

Видимо, парень и не догадывался, что значит “вправить мозги”.

Пятно взялся за руль моего велосипеда и оценивающе взглянул на него:

– Задняя ось изнасилась, нужно менять цепь. Каждый день на таком не поедешь, намаешься. Купили ведь его подержанным, так? Подержанные всего на юаней 20 дешевле, я за эти деньги и почию.

Он начал разбирать велосипед: выкрутил втулку, за ней начал выкручивать изношенную ось. Время от времени он оборачивался в поисках винтов и гаек, которые скопились у него за много лет работы в разных коробках, железных лотках, бутылках и жестянках. В железном лотке, покрытом ржавчиной, имелись прокладка для шин, велосипедная кассета, масло и старый велосипедный гудок, весь в ржавых пятнах. Сперва мастер поменял ось, а потом провернул цепь и ударил по ней и по защитной крышке; немного укоротил цепь, а затем соединил концы, пояснив, что так цепь будет слетать реже.

Он сказал, что мой велобагажник не оригинальный, слишком тонкий и шатается вместе с колесом. Не говоря ни слова, он заменил его на оригинальный багажник из кованого железа, достойный моего двухколёсного транспорта. Пятно отдал его просто так, чтобы освободить место в сарае. Я чувствовал себя немного виноватым, когда протягивал деньги, ведь с точки зрения потраченного времени его бизнес нес убытки. Судя по его ценнику, ежедневная работа что в знойную жару, что зимнюю стужу не окупалась и приносила ему тысячи две-три.

– Эй, я тут не ради денег. Так, для развлечения.

Он аккуратно положил гаечный ключ в лоток для инструментов. Послышался легкий щелчок, совсем не похожий на тот грохот, с которым другие мастера бросают свои инструменты.

¹ Лэй Фэн (1940-1962) – китайский сирота; прославлен пропагандой как образец самопожертвования, альтруизма и верности коммунистическим идеалам. – *Прим. пер.*

² Шичахай – историческая область из трех озер в северной части центрального Пекина. – *Прим. пер.*

修车大师

(短篇小说节选)

一

有一阵子，车淋了雨，轱辘转得不利落了，总有点歪，我又推来去找大点儿。

我们那片胡同里有个修自行车的，小儿麻痹后遗症，走路有时要拄拐，脸上还有一颗不小的痞子，街坊们觉得直接叫瘸子没有礼貌，就叫他“大点儿”，一来二去也忘了他真名。那时候老街坊之间，都相互叫外号儿。

大点儿家所在的胡同是东西向，路北就是他家，比别的地方都瘪进去一块，形成了一块窝风之地，他在此架上几根竹竿搭起塑料棚子，布置了一个修车摊儿。后来他把临胡同一面的墙拆去不少，打通成了套间，在里间那个小塌塌儿（塌塌儿：隔断的单间，源自满语。）窝居，这外间正好修车，拢共没多大的地方。冬天挂上棉门帘子，夏天掀起塑料布，耷拉着竹帘子，倒像个简易的工棚，冻不着也热不着。具体营业时间看他心情，推车过去指不定开不开，没事的时候又见他在门口守株待兔。往南的一条胡同里有家古玩店，老板姓刘，八十多了，说是他爸爸传下来的，我在他那儿看过清版的《三国演义》。大点儿的修车摊儿比刘爷爷的古玩店，开门的时间还没准点。可你真有急事去砸他家门，他没准也会起身来披上衣服，弯腰就给你修。

二

20世纪80年代，北京的自行车打气要二毛钱，等同买一张《北京晚报》；90年代时打气两毛，相当于买一根红果冰棍；补内胎是两块，拿龙一口价十块；后来打气三毛时，补内胎已经到了五块，外胎二十块。忽然间有那么一阵子，打气不收钱了，好像那三毛钱不屑于要。而车轱辘的内胎、外胎叫白了，就叫内袋、外袋。

这天来修车的人不少，我推车来到大点儿的摊位时，有个初中生正来给他花哨的新车打气。这熊孩子把大点儿给气着了。

原来，学生问他打气多少钱时，那意思竟然是让大点儿亲自给他的车打气。大点儿火了，张嘴就要：“两块！”

两块钱不少了。学生伸手从鼓鼓的真皮钱包里掏出两块钱来，干等着大点儿来动手。大点儿眼睛往边上一瞟，不由得小声念叨：“这都不自己动手，将来还能干点什么。年轻轻的小伙子，什么德行！”

大点儿真递了葛，摊位上有张躺椅，他往躺椅上一靠，身边有很小的板凳，板凳上放个话匣子，再陪衬把紫砂茶壶。话匣子声原本很小，他伸手就给拧大了，把单田芳的评书送到耳朵里，抄起紫砂茶壶嘴对嘴先嘬上一口，冲着放工具的铁盘子上一努嘴，示意把钱放在那里，又冲着旁边的气筒子一努嘴，自己打吧。他的另一只手原本很闲，突然间不知从哪掏出俩核桃，开始揉。明眼人能看出，他并不经常盘核桃。

学生往工具盘里满不在乎地掉下两块钱，见大点儿没动静，就自

己伸手了。至于大点儿对他的态度，他要么没看出来，要么全不在意。——再揉核桃，你也是个臭修车的。

学生走后，大点儿对其他顾客都黑着张脸，有人在补内外胎，换车条时，他说：“你帮我扶着点。”那顾客正穿着衬衫西裤戴白手套，捋饬得毗儿啪的（形容穿着皮鞋打扮得闪光），如归国华侨的一身行头，不由得忍着摘了手套，蹭得满手油泥。

不一会儿没人修车了，轮到了我。大点儿一看我的车，眼睛里闪了一下光：“永久13型，锰钢二八，1980年前后买的，得一百八九十块。”

还真对，我爹跟我说过，是他当知青回来，拿他十年知青攒的津贴买的。那时候，我爹冬天穿着军大衣骑着车，人工羊剪绒的雷锋式棉帽子，到什刹海去滑冰，后来约我妈出去玩就骑着这辆车，过红绿灯时一高兴骑快了，转身把我妈就给丢了。

“七几年的车，你家老爷子的吧？”

“是啊，委托商店前的空场买的，我拿它换煤气罐。”

我跟大点儿一下子近乎起来。他开始控诉刚才指着他打气的阔学生，他不由自主地愤怒：“那要是我儿子，真想给他松松皮子，拿拿龙。”

估计那孩子不知道什么叫“拿龙”吧。

大点儿双手扶着我的二八大杠把掂了掂，“后轴磨损，珠子也该换了，骑得够狠，天天带人，当初买的是二手的吧？二手也就便宜个一二十块，就我这儿修得好。”他动手把车给卸了，把挡拆下来，轴碗拧下来，磨损的车轴取出来，不时转身去找各种盒子、铁盘、瓶瓶罐罐里，找他攒了多年的螺钉螺母，垫片、车珠子、黄油，铁盘里还有一个老式自行车上手捏的喇叭，早已锈迹斑斑。他先换了车轴，再转转链条敲了敲，没卸链套，就把链条截下来一小骨节再接上，说这样防止掉链子。

他说我车的后架子不是原装，太细，带煤气罐直晃悠。二话不说就给换上熟铁电镀的原装架子，这才配得上二八大杠。架子白送不要钱，就当给他腾地方。我交钱时有些愧疚，就工时而言，他这单生意赔了。按他的工价，每月不过能在烈日或寒风中赚得两三千。

“嘿，我挣钱的地方不在这儿。这就当玩儿。”

大点儿潇洒地把扳子往工具盘里一放，发出轻微的咔的一声，不像很多修车人似的哐地一扔。

译者：娃拉夫科

САДИГ МАМЕДОВ

Мамедов Садиг Сардарович родился в 1997 году в городе Иркутске, живет в поселке Горном Иркутского района. Окончил Исторический факультет ИГУ с отличием. С января 2022 года служит в воздушно-десантных войсках. Награжден медалью Жукова и медалью Суворова за боевую доблесть. Стихи начал писать в 22 года.

萨迪格·马梅多夫

马梅多夫·萨迪格·萨尔达罗维奇（1997~）出生于伊尔库茨克，现居伊尔库茨克区戈尔尼镇。以全优成绩毕业于伊尔库茨克国立大学历史系，2022年1月起在空降部队服役，因作战英勇被授予茹科夫奖章和苏沃洛夫勋章。22岁开始写诗。

1

*Знаешь, война — совершенно не весело.
Был ты, к примеру, здоровый пацан.
Вдруг вместо глаза — кровавое месиво:
Нету теперь половины лица.*

*Кто-то взывает молитвенно — Отче наш,
Кто-то — к Аллаху, как вспыхнет заря:
Только бы это когда-нибудь кончилось,
Только бы это всё было не зря...*

2

*Запаяна клетка, и мёртвая птица
Внутри молчаливую песню поёт —
О том, как мучительно воли лишиться,
О том, как мечтается снова в полёт.*

*Пустыми глазами на небо сквозь прутья
С тоскою она продолжает смотреть.
А ей облака бы прорезывать грудью!
А ей хоть разок пересилить бы смерть.*

*Расправиться в крыльях, свободы напиться,
Вспорхнуть в небеса, налетаться бы властью...
Запаяна клетка. В ней — мёртвая птица.
А мёртвые больше не могут летать.*

3

*Солёный воздух, неба купол
Пронзает взрывчатый металл.
Вздыхает шумно Мариуполь,
Он так же, как и я, устал.*

*Встает светило на востоке,
Тела погибших осветив,
И крови алые потоки
Стекают в Керченский пролив.*

*Цветущие кварталы выжег
Осадок залповых огней.
Торчат осколки, словно грыжи,
Из позвоночников людей.*

*В могилах трупы. Черви жрут их.
Ещё раkitник не порос.
А сколько горьких, сколько жутких
Над ними будет литься слёз...*

4

*Осень. Вечер. Небо. Звёзды.
Запах дыма — выдох, вдох...
Я как будто — меньше ростом,
Я как будто бы оглох.*

*Ослеплён упавшей миной,
Мир — осколками в груди.
Я контужен Украиной,
И такой я — не один...*

5

*Кузов УРАЛа — набитый трамвай.
Путь — отбивающий почки, несносный.
В прорезях тента — сгоревшие сосны
Жёлтыми иглами машут: «Бывай».*

*Щепки летели — валил я сушняк,
В печку полешко — топилось бунгало.
Дерево выло, трещало, стонало.
Либо оно, либо я — было так.*

*Вовсе не женскими ласками пах
Трогала в стужу окопная сырость.
Комья земли с насекомыми сыпать
Не прекращали при танковых «Бах!»*

*Вовсе не праздничный брызгал салют.
«Фосфорный дождь!» — доносилось из раций.
Выл истерически дрон-камикадзе.
Сунешься, спрячешься — всяко убьют.*

*Были, кто мне бы сгодились в отцы,
Были и юные, нежные лица.
В госпиталь кто-то отправлен лечиться,
Кто-то — в Россию, положенный в цинк.*

*Мой обожаемый фрукт — апельсин.
Я — апельсин, только сморщенный, выжатый.*

*Долг перед Родиной выплачен! Где же ты
Мой Чебурашка? Приди и спаси...*

*Враг наступает. Задача проста:
Сдерживать, с места на место кочуя...
Орден? Медаль? Ничего не хочу я.
Только прилечь и уснуть. Я устал.*

1

要知道，战争一点都不好玩。
比如说，你本是个健康的孩子，
突然间眼睛变得血肉模糊：
一下子没了半边脸。

有人大声祈祷：我们的在天之父啊，
有人在破晓之时求助于真主：
只盼这一切尽快结束，
只盼所有的努力不会化为虚无……

2

笼门被焊死，一只衰亡的鸟
在里面唱着无声的歌——
失去自由多么悲伤，
多么渴望再次飞翔。

空洞的眼神穿过铁笼
长久而忧郁地凝望着天空。
它多想用胸膛划破云层，
哪怕能有一次将死亡战胜。

展开双翅，畅饮自由，
一飞冲天，尽情翱翔……
一个焊死的笼子。里面有一只衰亡的鸟。
而衰亡之鸟再也不能飞翔。

3

咸湿的空气，炸弹
将天空的穹顶刺穿。
马里乌波尔¹长吁短叹，
它和我一样疲惫不堪。

太阳从东方升起，
照亮了死者的尸体，
鲜红的血水
向刻赤海峡流去。

¹ 马里乌波尔：位于乌克兰东南部，顿涅茨克州第二大城市。

围攻的炮火
烧毁了繁华的街区。
弹片林立，
像脊背上鼓起的疝气。

尸体在坟墓里。被蛆虫啃食。
爆竹柳还没有发芽。
将有多少痛苦的难过的泪水
溅湿它们的枝桠……

4

秋天。傍晚。天空。繁星。
烟雾弥漫——呼气，吸气……
我似乎个头变矮，
我似乎两耳失聪。

世界被投下的地雷炸瞎了，
被胸中的弹片炸瞎了。
我在乌克兰遍体鳞伤，
而我并非唯一这样的人……

5

“乌拉尔”卡车像一辆拥挤的电车。
路途苦不堪言，颠得五脏翻腾。
车篷的缝隙闪过烧黑的松树，
焦黄的针叶挥舞着：“保重”。

木屑纷飞——我在砍伐枯萎的树干，
把木柴丢进炉膛——给房间取暖。
木柴劈啪作响，不断哀号和呻吟，
它或者我，都逃不过这样的命运。

严寒中战壕潮湿的触摸，
远不是女人温存的爱抚。
夹带着昆虫的泥土
在坦克砰砰的撞击中散落。

那不是燃放节日烟花。
“磷弹！”——无线电台里传出呼喊。
神风无人机歇斯底里吼叫着，
不论你如何躲藏，终归会命丧黄泉。

有些人和我的父亲年岁相当，
有些人还是年轻稚嫩的面庞。
有些人被送往野战医院疗伤，
有些人用锌棺运回了俄罗斯联邦。

我最喜欢的水果是橘子，
我就是橘子，一只被挤干了揉皱的橘子。
我和祖国已两不相欠！你在哪儿，
我的切布拉什卡¹？快来救救我吧……

敌人发起进攻。任务很简单：
顶住！从一个阵地转到另一个阵地……
勋章？奖章？我什么都不想要。
只想躺下睡觉。我已力尽筋疲。

马卫红译

¹ 切布拉什卡：是俄罗斯儿童文学家艾杜瓦德·乌斯宾斯基1966年创作的绘本《鳄鱼根纳和他的好朋友》中一个大耳猴的名字，是俄罗斯家喻户晓的动画明星。2004年雅典奥运会之后，它成为俄罗斯代表队的官方吉祥物。

ГУ ВЭНЬЯНЬ

Гу Вэньян, доцент Факультета китайского языка Восточно-Китайского университета по сравнительному литературоведению и мировой литературе, доктор наук совместной программы Факультета китайского языка Фуданьского университета и Кёльнского университета. Опубликовала монографию «На страже диалектической литературы: современная китайская литература в немецкоязычном мире» (2022); романы «Паранойя» (2014), «Из глубины» (2012), «Риф десяти одиночек» (2011) и другие; рассказы опубликованы в таких журналах, как «Чжунишань», «Цзяннань», «Урожай» и других.

顾文艳

顾文艳，华东师范大学中文系比较文学与世界文学副教授，复旦大学中文系与德国科隆大学联合培养博士。出版专著《辩证性的文学守望：中国现当代文学在德语世界》（2022），长篇小说《偏执狂》（2014）《自深深处》（2012）《十人孤独礁》（2011）等，中短篇小说见《钟山》《江南》《收获》等文学期刊。

ИСКУССТВЕННОЕ ОЗЕРО

(отрывок из рассказа)

Когда все случилось, Сюньцзэ стояла в гостиной Линьцюн перед панорамным окном с видом на озеро.

Она всегда любила панорамные окна, светлые и просторные помещения. Но панорамное окно в доме Линьцюн ей не нравилось с самого начала. Его фасадная рама была слишком узкой, и толстое стекло почти упиралось в цементные стены; оно состояло из трех слоев и было склеено слишком изящно, в крошечных щелях между слоями проблескивали искорки света, словно демонстрируя изысканный художественный замысел; форточка находилась в крайнем правом углу, ее окантовка была слишком широкой и бросалась в глаза.

Сюньцзэ сопровождала Линьцюн, когда та в первый раз ходила на осмотр своего нового дома с готовой отделкой. Сюньцзэ вскользь заметила:

– Эти окна будто сняли с витрины торгового центра.

– Ну и замечательно! Пусть небо и озеро смотрят, как я живу.

Да уж, казалось бы, Линьцюн очень интеллигентна и говорит грамотно, но все-таки это звучало пошло. В конце концов, в университете они обе изучали историю западного искусства. Вульгарность Линьцюн в основном была связана с тем, что ее претенциозное поведение и поэтичные речи слишком банальны. К примеру, эта фраза, конечно же, была отсылкой на «Жизнь в лесу»¹. За окном дома Линьцюн находилось одно из искусственных озер Шанхая, оно было вырыто совсем недавно. Линьцюн совершенно не понимает, что такое искусство, и тем более, что такое чистота. Самое чистое, что есть в ее жизни – это панорамное окно в гостиной. Оно широкое и чистое, но ужасно вульгарное.

Это был воскресный вечер в конце лета. Бывшие однокурсники сидели в гостиной Линьцюн и болтали. Некоторые из них энергично размахивали геймпадами XBOX, управляя персонажами, которые кружились в безумном танце на огромном экране. Додо, семилетняя дочь Линьцюн, внезапно выбежала из своей комнаты и бросилась в объятия матери, громко визжа:

– Я тоже хочу! Я тоже хочу играть в танцы!

Хозяйка дома нежно и с любовью улыбнулась и погладила дочь по вздрагивающей голове с прической под горшок, будто гладила слишком озорную пятнистую собачку. Знаете, многие люди растят своих детей как домашних животных. У Линьцюн когда-то давно была совсем маленькая собачка, кажется, шпиц, но она отдала ее, когда забеременела Додо.

– Додо, уступи гостям, ты скоро станешь школьницей, пора учиться манерам! – сказала Линьцюн, расчесывая ее мягкие волосы. – Вы не слушайте ее, она просто привлекает внимание. Каждый день тут взаперти резалась в теннис, танцы, давно уже устала от приставки.

¹ «Уолден, или Жизнь в лесу» – автобиография американского поэта и мыслителя Генри Дэвида Торо. – *Прим. пер.*

– Мой сын такой же, вечно жметесь ко мне! Хоть и не выходил из дома, но не потолстел, а в итоге даже сбросил несколько килограммов, – тут же подхватил разговор однокурсник, чье имя она даже не помнила.

Затем все начали обсуждать карантин. Ехань, живущая в Сюйхуэй¹, рассказала, что ее старушка-соседка привязала к карнизу бечевкой полностью облитую дезинфектором бамбуковую корзину и каждый день притягивала с ее помощью продукты, которые ей передавали снизу, но в итоге все равно заразилась. Сюй Кэцзюнь, живущий в Пудуне², рассказал, что его сосед снизу обожал сдавать ПЦР-тесты. Когда на ковид проверяли жителей соседнего дома, он смешивался с толпой и присоединялся. В районе более семидесяти зданий, поэтому в лучшие дни он проверялся на коронавирус по пятьдесят раз. В конце концов об этом узнал районный комитет и отправил ему жалобу, но он не признал вину.

Чем больше мы обсуждали все это, тем больше воодушевлялись, все прямо-таки сияли от ажиотажа. Додо, однако, становилось все более скучно и в знак тихого протеста она тыкала рукой в живот мамы. Линьцюн все же улыбалась и гладила Додо по голове:

– Додо, иди-ка ты в свою комнату и посмотри мультик, хорошо? – прошептала ей мама.

Додо хлопнула глазами и, взвесив все «за» и «против» мультиков и маминой ласки, кивнула. Как раз в этот момент домработница принесла тарелку с нарезанными овощами и фруктами. Линьцюн распорядилась:

– Тетушка, отведи Додо обратно в комнату, пусть полчаса посмотрит мультфильмы на английском.

У гувернантки было большое круглое лицо, очень застенчивое, выражавшее особенную почтительность перед гостями, как и полагается современным домработницам. Она явно была моложе хозяйки дома, но та все же прозвала ее тетушкой. Услышав это, Додо осознала, что выбор был сделан неверно, ведь мультик придется смотреть не по собственному выбору. Она поникла, неохотно попрощалась со всеми и удрученно последовала за няней в свою комнату. Все же ее силуэт был невероятно милым, девочка прыгала мелкими шажками, розовая пышная юбка колыхалась в такт, как большой пушистый хвост. У няни корпус был перекошен в одну сторону, поэтому ее худой силуэт выглядел особенно комично.

Сюньцзэ не проронила ни слова и спокойно наблюдала, как силуэты Додо и домработницы скрылись за углом.

В этот момент Линьцюн снова заговорила о том, что во время карантина гувернантка тоже оказалась заперта вместе с ними.

– Благо, что здесь есть гостевая комната, полностью изолированная от гостиной, – сказала Линьцюн, указывая на дверь в северной части фойе.

За этой дверью находилась хозяйственная часть дома: кухня, прачечная, спальня для домработницы и гостевая ванная комната. Во время первого осмотра дома Линьцюн все восхитилась великолепной планировкой.

– Линьцюн, это слишком расточительно – иметь только одного ребенка в таком большом доме, как ваш. Посмотрите на нас, скоро родится

1 Сюйхуэй – район Шанхая. – Прим. пер.

2 Пудун – район Шанхая. – Прим. пер.

третий ребенок, а мы все еще ютимся в лачуге площадью 90 квадратных метров – подхватил разговор Лишуан, указав на свою брюхастую жену. Она как раз запихивала в рот два куска дыни, обнаружив, что ее муж так не вовремя привлек к ней всеобщее внимание. Ей оставалось только с укором взглянуть на него, глупо улыбнуться и доесть дыню.

– Мы тут в таком отдалении, жить с ребенком очень неудобно, уж лучше бы к вам в центр города – сказала Линьцюн с улыбкой.

Сюй Кэцзюнь внезапно вмешался:

– Ну что-ж ты! Не стоит нам, живущим в пригороде, прибедняться. Посмотри на цены в Цяньтане¹, да и у нас в Пудуне доходит до 100,000 юаней за квадратный метр. А у тебя тут вид на озеро, так что дом явно не дешевле, чем квартира Лишуана.

Линьцюн заметила, что жена Лишуана внезапно стала глотать фрукты медленнее и поспешила ответить:

– Нет-нет, не может такого быть. Это сельская местность, если начальная школа тут еще неплохая, то насчет средней до сих пор непонятно, куда же отправить Додо.

Кажется, именно в этот момент Сюньцзэ, наконец, молча встала с дивана и пошла к панорамному окну, которое ей никогда не нравилось. За ее спиной все еще продолжалась дискуссия. Чистое и тонкое меццо-сопрано Линьцюн не прекращалось, она распевала о том, как жизнь бьет ключом. На самом деле, на протяжении всего дня болтовня была неизменно веселой и беспечной. Однако, пожалуй, все, кроме Додо, в минуты молчания ощущали какую-то тревогу, которая не поддавалась описанию. Возможно, дело было в том, что летний зной наконец-то пробрался сквозь изящные оконные щели в прохладную и приятную комнату с кондиционером. А может быть, некая сила, достаточно могущественная, чтобы разрушить жизнь каждого, медленно, словно темная туча, захватывала чистое небо за панорамным окном. С этими мыслями Сюньцзэ, наконец, подошла к окну.

За окном было серо-голубое полотно. Когда она сидела на диване и смотрела на улицу, серо-голубым было только небо. Но когда она встала перед окном, пейзаж стал многослойным. Между небом и гладью озера проходила золотисто-зеленая линия, очерчивающая границы дальнего берега искусственного озера. Озеро мимикрировало под небо, его серо-голубой оттенок почти полностью совпадал с небесным, за исключением того, что совсем рядом на водной глади лежала очень длинная, густая и темная тень. Это солнце отбрасывало тень здания на воду. Сюньцзэ вгляделась вдаль и увидела перед собой еще пять жилых высоток, в каждой из которых было около тридцати этажей. Эти здания тоже дугой прилегли к берегу, и их мрачные тени беспардонно тянулись по озеру. Так оно и было. Безобразно, сумасбродно, дерзко, с какой-то несуразной агрессивностью.

Она невольно нахмурилась, осознав, что оскорблена открывшимся перед ней пейзажем. Но прежде, чем она успела проанализировать, откуда взялось это чувство обиды, у нее внезапно закружилась голова.

¹ Цяньтань – район Шанхая. – *Прим. пер.*

Подоконник был настолько узким, что она не знала, за что ухватиться. Она могла лишь слегка покачиваться, едва удерживаясь на ногах. В ушах зашумело, а болтовня за спиной вдруг стала очень отчетливой:

– Линьцюн, не слишком ли влажно здесь у тебя? Я слышал, что в комнатах с видом на озеро слишком сыро – красиво, а пользы мало, – беззастенчиво спросил Лишуан. Линьцюн, будто опьяненная собственным успехом, ответила с обворожительной улыбкой:

– Да, очень влажно. Сделать посуше можно только центральным кондиционером, а зимой включать теплые полы.

Не только слух, но и все восприятие Сюньцзэ, казалось, в одно мгновение улучшилось: пейзаж за окном стал более ярким, а тени, отбрасываемые зданиями на озере, казались более глубокими и опасными. Остолбенев, она смотрела в окно, наблюдая, как мелкая рябь на поверхности озера накапливается и движется, образуя рисунок потока ветра.

– Сюньцзэ, ты в порядке?

Она тотчас обернулась, и серый хлопковый подол ее юбки закружился в воздухе. Линьцюн, наконец, поняла, что с ней что-то не так. В этот момент Сюньцзэ почувствовала на себе наглые взгляды всех присутствующих. Она не осмеливалась отвечать на эти взгляды. Ей было страшно, что все увидят состояние ее души, которое трудно было спрятать за маской. Сюньцзэ задумалась, что бы такое сказать в этот момент, может быть, пошутить? Размышляя об этом, она увидела, как из-за угла в зал выскочила розовая фигурка Додо, а за ней мелкими шажками последовала няня. Прижимая к груди планшет, подобно тому, как очаровательные щенята держат во рту фрисби, Додо взволнованно бросилась к маме и закричала:

– Мапочка, мамочка! Меня приняли в школьный хор!

Все внимание компании тут же вернулось к Додо. Линьцюн впервые за этот день показала настоящую эмоцию и засияла в улыбке. Кажется, хор все еще оставался самой важной организацией в начальной школе.

На лице Сюньцзэ, стоявшей у окна, медленно появлялась улыбка. Несколько миллилитров жидкости струйкой стекли по ногам к самым щиколоткам.

Когда Сюньцзэ почти добралась до дома, Гаосэнь, наконец, позвонил ей.

До ЖК оставалось еще два перекрестка, и в этом глухом месте, вопреки ожиданиям, было довольно оживленное движение. В машине играл плейлист хип-хоп песен из ее старой коллекции. Какой-то афроамериканец (его застрелили в 90-е) читал рэп о том, что угнетение бывает везде и во все времена, но жизнь продолжается или что-то в этом роде. Его голос звучал очень смело, и рэпер был полон веры, что ему все нипочем. Каждый раз, когда Сюньцзэ слушала его, ее дух приободрялся. Конечно, сегодня у нее и так было хорошее настроение.

В голосе Гаосэня чувствовались нотки усталости и безразличия ко всему происходящему. Сюньцзэ рассказала о событиях дня и о внезапной физической реакции перед панорамными окнами у Линьцюнь. Она сказала, что лекарство, видимо, подействовало, но завтра нужно пойти в больницу, чтобы удостовериться в эффекте. Гаосэнь ответил, что это было бы здорово, но он пробудет в Пекине еще два дня, поэтому на следующей неделе вернуться не успеет.

– А, ничего страшного, все равно на следующей неделе не должно быть овуляции. Прежде, чем делить постель, нужно проверить у врача, что гормоны в норме, так что ты никуда не опаздываешь, – проговорила девушка.

Затем они поболтали немного о всякой ерунде – кто пошел на вечеринку Линьцюн, а кто нет, и, когда Сюньцзэ заезжала в ЖК, разговор наконец закончился.

Сюньцзэ закрыла дверь машины и поднялась со стоянки по винтовой лестнице. Парковочное место, которое она купила, находилось не очень близко к ее корпусу, и обычно она ехала на лифте. Но в этот вечер ей захотелось выйти на улицу, прогуляться и подышать воздухом. Как только она вышла с парковки, она почувствовала, что лето закончилось. В ночном бризе ощущалась чистая безмятежность и прохлада, которая обычно приходит только с наступлением осени, но она уже не так смущала Сюньцзэ, как в предыдущие дни.

Среди обитателей ЖК было не мало любителей вечерних прогулок. Сюньцюээ не сделала и двух шагов, как наткнулась на высокую, худую, длинноволосую соседку из квартиры №802, которая вместе с сыном школьного возраста выгуливала собаку. Сюньцюээ не знала, как зовут эту женщину и как она выглядит на самом деле. Женщина переехала сюда только в прошлом году ради сына, потому что тот пошел в местную школу, и Сюньцюээ никогда не видела ее без маски. Сюньцюээ не нравилась длинноволосая женщина из квартиры №802. Когда ЖК был закрыт на карантин, длинноволосая женщина из дома №802 как-то подарила Сюньцзэ связку бананов. Сюньцзэ была тогда очень благодарна. Но вскоре ее стало раздражать поведение женщины из квартиры №802 в WeChat группе. Женщина из квартиры №802 передала масло и рис в квартиру №1501. Она работала волонтером с утра до вечера. Женщина из квартиры №802 отправляла голосовые сообщения с оповещениями, чтобы все спускались делать ПЦР. Женщина из квартиры №802 помогала распечатывать учебные материалы для онлайн-занятий детей из квартиры №703. Женщина из квартиры №802 помогала управляющей компании вести бухгалтерский учет. Женщина из квартиры №802 помогала бабушкам на первом этаже забирать продукты. Женщина из квартиры №802 оставила запасы дезинфектора в лифте, чтобы все могли ими пользоваться. Женщина из квартиры №802 раздавала тесты на антитела. Женщина из квартиры №802 осуществляла коллективные закупки. Спасибо славной женщине из квартиры №802! Сюньцзэ жила в квартире №10 и каждое утро просыпалась с ощущением, что из окна квартиры №802 исходил ужасающий энтузиазм, который вместе с коронавирусом распространялся по воздуху и влетал в ее квартиру со злобной ухмылкой, словно демон. Иногда она со злостью думала, что если бы не такие люди, как женщина из квартиры №802, которые с бездумной, тупой страстью принимают иррациональную реальность, то, возможно, все давно бы закончилось.

Сюньцзэ не желала видеть женщину из квартиры №802. Если она сталкивалась с ней у входа в лифт, то обычно находила причину, чтобы не заходить туда. Стоило ей увидеть женщину из квартиры №802, как она

вспоминала это возбуждение в WeChat группе. Потом она с жалостью и презрением вспоминала те дни дома, ту необъяснимую муку, которую она тогда испытывала. Она вспоминала собственную слабость. Так и в этот вечер, легкость свежего воздуха тут же развеялась из-за появления женщины из квартиры № 802. Сюньцзэ начала жалеть, что не пошла своим обычным путем на лифте. Ну вот зачем ей понадобилось выходить во двор? Она явно всем сердцем ненавидела этот ЖК. Она почувствовала вонь от пункта сортировки мусора. Плотные ряды зданий перед ней были похожи на пещеры, которые в любой момент могут обрушиться – фасады были покрыты обшарпанной штукатуркой. В похожих на раны оконных проемах мелькал холодный лунный свет, в каждом проеме – своя жизнь, наполненная болью. Мимо нее с неадекватной скоростью пронесся электромобиль с ослепляющими фарами. Звук разгоняющегося электромобиля всегда заставлял ее думать о газообразном водороде или о космическом корабле из научно-фантастического фильма. «Слияние людей и машин таит в себе огромную опасность», – подумала она. Потом она вспомнила, что эту фразу она впервые услышала от Линьцюн. В районе Линьцюн, конечно же, не было слияния людей и машин.

– Сюньцзэ, когда у тебя появятся дети, ты поймешь, какое это варварство и как опасно, когда по району разъезжают машины.

Она вспомнила, как искренно были сказаны эти слова. Линьцюн всегда была более дальновидна, чем Сюньцзэ. Она всегда острее, чем Сюньцзы, осознавала свои материальные потребности, и в результате ее психика была более стабильна. На самом деле, Линьцюн была права. Сюньцзэ терпеть не могла и людей, и машины, которые буйствовали в этом районе. Дикие, опасные. Когда она гуляла по двору своего ЖК, ей на ум приходили сумасшедшие рыбы, креветки и крабы в искусственных прудах и маленькие лодки, выпачканные в моторном масле. Она не могла выносить машины и людей в этом районе. Она ненавидела этот ЖК. Поэтому в день, когда местные машины и люди вдруг стали угрожать стать для нее всем миром, она поняла, что полностью уничтожена.

Сюньцзэ ускорила шаг. Она заметила, что женщина из квартиры № 802 идет в том же направлении, но ее скорость была ограничена, так как они с сыном выгуливали собаку. Сюньцзэ поспешила вперед и вскоре достигла входа в дом. Убедившись, что женщина из квартиры № 802 не попадет в тот же лифт, что и она, Сюньцзэ вздохнула с облегчением. Под почтовым ящиком у входа прятались две бездомные кошки и что-то ели. Услышав ее приближение, они наострили уши и повернули головы, озлобленно оглядывая ее. Шанхайская старуха, которая одиноко жила на нижнем этаже, снова начала их подкармливать. Сюньцзэ терпеть не могла высокомерное лицо старухи, когда та раскладывала у подъезда воду и корм. Людям свойственно быть уверенным в благородстве своих поступков. Сюньцзэ посмотрела на этих двух кошек, – этих меланхолических, слабых и бесхозных существ она тоже ненавидела. Каждое благородное побуждение может оказаться опасным. Очередной момент искренней ненависти перерос в поток, который нельзя остановить. Она оглянулась – женщины из квартиры № 802 все еще не было видно. Тогда она направилась к почтовому ящику. Кошки тут же испугались ее и отскочили по-

дальше. Она схватила стоявшую на земле красную кормушку и без колебаний швырнула ее в ближайший куст.

Сюньцэ впервые выбросила кормушку старухи. Она давно вынашивала эту идею, но обычно поднималась с парковки на лифте и редко заходила через основные двери. Кто-то из жильцов дома давно жаловался на старуху в WeChat группе:

– Пусть либо заканчивает с ними возиться, либо забирает к себе домой, а то перед нашим домом постоянно толпятся кошки и собаки, а дети боятся возвращаться домой.

Но старуха, похоже, не пользовалась WeChat, поэтому, конечно, не отреагировала на обвинения. Кто-то даже звонил в управляющую компанию, чтобы та разобралась с этим вопросом. Застройщики знали, что вопросы, связанные с собаками и кошками, всегда чреватые длительными спорами между собственниками, что их трудно решить раз и навсегда, поэтому лучше сидеть сложа руки и наблюдать за развитием ситуации. Сюньцэ вошла в нелюбимое ею здание, наслаждаясь экстазом своей шалости.

Она не понимала, что с ней происходит.

人工湖

(短篇小说节选)

这事发生的时候，寻泽正站在林琼家客厅朝湖那面巨大而纯粹的落地窗前。

她向来喜欢落地窗，喜欢光线充足的暴露，宽阔敞亮的体面。但她从一开始就不喜欢林琼家的这面落地窗。外窗沿实在太窄了，玻璃几乎是在贴着微水泥墙走线；三面厚玻璃过于精致地粘合在一起，细微的缝隙里都闪着斑斓的光点，好像是在炫耀某种昂贵媚俗的工艺；可以打开的那扇通风窗在最右边，这一小片窗沿又太宽了，突兀。她第一次陪林琼参观精装房的时候就简短地评价过一句，这窗感觉是商场用来陈列展览的橱窗，一点儿不像公寓房的窗子。林琼说那太好了啊，我就想把我的生活展示给外面的天空和湖泊呢。嗯，林琼这人看起来和说起话来其实挺文艺的，就是有点俗：毕竟她俩大学时候都辅修了西方艺术史。林琼的俗气主要在于她那些故作文艺的行为和故作诗意的话语里爬满了庸常无聊的逻辑。比如这句天空和湖泊，当然是在说，湖景房。林琼家窗外是上海最新挖凿的一片人工湖。林琼根本不理解艺术，更不理解纯粹。林琼生活里最纯粹的东西就是她客厅里这面落地窗了。宽阔，纯粹。但还是免不了逼仄，庸俗。

这是一个夏末的周日午后。老同学们正坐在林琼的客厅里闲谈。有几个精力旺盛的挥舞着XBOX操控仪，对着巨幅荧屏上的动画人乱扭狂舞。林琼七岁的女儿朵朵突然从自己的房间里跑出来，冲到妈妈怀里，尖着嗓子叫，我也要我也要玩跳舞机游戏嘛！女主人温柔慈爱地笑，抚摸着女儿摇晃的蘑菇头，像是在摸一只过于顽皮的小花狗；要知道，有多少人养孩子跟养宠物的方式是一样的；林琼很久以前确实有一只很小的狗，可能是小博美，后来怀上朵朵就送人了；朵朵，你得让客人先玩，你马上就是一个小学生了，要懂礼貌呢。林琼边说边爬梳朵朵柔顺的毛发，然后又对大伙儿说，你们别理她啊，她就是人来疯，封闭那会儿天天用这个打网球，跳舞运动，早就玩厌掉了。

我家儿子也是，还硬拉我陪咧，那阵子关家里一点儿没胖最后还瘦了好几斤。有个她已经不太记得名字的男同学马上接上话掰扯起来。然后大家就开始讲封闭那会儿的事。住徐汇的叶涵说她的邻居老太太每天在窗前拽根麻绳，把喷满消毒液的竹篮从窗口一点点放下楼，装了菜再一点点拉上来，最后还是被感染了。住浦东的徐可君讲他楼下有个男的很喜欢做核酸，按楼栋检测的时候他就一栋栋跟着转，混在人群里。小区一共七十几栋楼，他一天最多的时候做了不下五十次核酸，最后被居委发现通报了也不肯悔改。大人们越讲越兴奋，一个个神采飞扬，欢欣鼓舞。朵朵却越听越无聊，气鼓鼓地用手戳她妈妈的肚子，悄声抗议。林琼还是微笑着摸了摸朵朵的脑袋，轻声说，朵朵先回房间自己看会儿动画片好不好？朵朵眨了眨眼，权衡了下继续撒娇和看动画片的利弊，点点头。正好保姆端了盆切好的瓜果过来。林琼吩咐了一声说，阿姨，你带朵朵回房间看半小时英文动画片吧。保姆有张圆盘大脸，很腼腆，极不自然地在众人面前表演一种符合现代

保姆气质的殷勤；她年纪显然很轻，还没女主人就被叫成了阿姨。朵朵一听，知道自己这下失策了，最后也没法看想看的动画，立马耷拉下脸，不情愿地跟大家说了声拜拜，无精打采地跟着保姆回房间。朵朵的背影倒是蛮可爱的，一跳一跳地小步走，粉色蓬蓬裙跟着步伐摇摆，像一团蓬松的大尾巴。保姆的背影瘦小而滑稽，走路往一边倾斜。

寻泽一言不发，平静地看着朵朵和小保姆的背影消失在里厅的拐角。

这时候，林琼又开始讲小保姆跟他们一起封在家里的事。还好有个跟主厅完全隔绝的保姆套房啊，林琼指了指玄关北侧的门说。那扇门后面是个完整的后勤屋，厨房，洗衣间，保姆单卧和客用卫生间。大家第一次参观林琼房子的时候已经赞叹过这绝妙的设计了。林琼，你们家这么大一宅，只生一娃也太浪费了吧。你看我们家都快生老三了，还是只能窝在九十平的破房子里哎。李双接上话，边说边指了指旁边挨着他的大肚皮老婆。他老婆刚接连塞了两块甜瓜到嘴里，发现老公居然如此不合时宜地把众人的注意力全引到了自己身上，只好埋怨地瞥了一眼李双，讪笑吃瓜。林琼笑了笑说，我这儿这么偏，带娃都不方便，哪儿能跟你们住市中心比呢。徐可君突然插话进来说，不过啊，咱们这些住郊区的还真别妄自菲薄，你看前滩那房价一起来，我们浦东那么偏的位置都快十万了。林琼就你这地段这湖景，单价可能早就不比李双那儿便宜了。林琼看到李双老婆吞咽瓜果的速度骤然减缓，忙说，不可能不可能，我这是乡下，周围就一个稍微好点的小学学区，朵朵初中还不知道怎么办嘞。

应该就是在这时，寻泽终于默默地从沙发上站了起来，起身走向那面自己从来不喜欢的落地窗。她身后的讨论还在继续。林琼清醇柔和的女中音绵绵不绝，演唱着生活的欣欣向荣。事实上，整个下午的闲谈始终欢快轻松。可是，大概除了朵朵，所有人都在某个猝不及防的沉默的空隙，感受到过某种难以名状的焦虑。可能是夏日持续的燥热终于挤进了精致的窗缝，钻进了清凉得甜腻的空调房。也可能是某种足以摧毁所有人生活的强大的力量，正在像乌云一样慢慢占领落地窗外的晴空。她这么想着，终于走到落地窗前。

窗外一片荒芜的灰蓝。坐在沙发上向外看的时候，灰蓝的大部分是天空。但当她站到窗前，窗外的风景就出现了清晰的分层。天空与湖面之间有一道金绿色的分割线，勾勒出远方人工湖岸的边界。人工湖对天空的摹仿十分忠诚，灰蓝的色调与天空几乎完全一致，只不过近处的湖面上多了一道粗长的黑影。是阳光把这栋楼的影子拉到水面上的。她往远处看，前面还有五栋高层住宅，每栋都有30来层。那几栋楼也沿着弧形的水岸，直起了粗壮硬挺的阴影，在湖面上放肆地延展。是的。放肆，狂妄，大胆地显露着某种荒谬的攻击性。

她不由自主地皱了皱眉，意识到自己是被眼前的风景冒犯到了。可她还没来得及分析自己为什么会产生这种被冒犯的知觉，就被一阵突如其来的晕眩震住了。窗沿实在太窄，她不知道自己扶在哪里。她只能稍微移动了一下脚步，勉强稳住了自己的身体。她感到耳廓一阵轰鸣，身后的聊天声突然间变得那样清晰——林琼，那你们住这儿

会觉得特潮湿么？我听人家说，湖景房的问题就是太潮，中看不中用。她听到李双又在无耻地发问，接着又听到林琼继续在她优越迷人的微笑里自我沉醉般地回答，肯定会呀，只能靠中央空调抽湿，冬天开地暖了呀——不仅是声音，她的整个感知能力好像都在一瞬间提得到了提升，因为窗外的风景更加色泽鲜明，楼栋投射在湖面上的阴影也显得更深邃，危险。她怔怔地看着窗外，湖面细小的波纹堆砌移动，构筑起一阵阵风的形状。

“寻泽，你没事吧？”

她立即转过身，灰色的棉质裙摆在空中旋转了半圈。林琼终于注意到了她的反常。她感觉得到此时所有人轻佻短促的目光。她不敢回应那些目光。她害怕会看到某个没能被身躯裹严实的，已经被摧毁的灵魂。她想着这时该说些什么，也许说一个笑话？她正想着，只见朵朵粉色的身影从里厅拐角蹿了出来，后面跟着小步快走的保姆。朵朵把平板电脑举在胸前，像一只叼着飞盘的可爱小狗，激动地冲到她妈妈前面尖叫，妈妈妈妈！我被学校合唱团录取啦！大伙儿的注意力这下立即回到了朵朵身上。林琼在这天第一次表现出了真实的激动的情绪，绽开了灿烂的笑容。合唱团可能还是一个比较重要的小学的组织。

寻泽站在窗前，脸上也慢慢地浮出了笑容。有几毫升的水正贴着她的腿，缓缓流向脚踝。

快到家的時候，寻泽终于接到了高森打回来的语音电话。

这时她离小区还有两个路口，这僻静的地方居然还有点堵车。她本来在车上放的是以前收藏的嘻哈歌单，有个90年代被枪杀的美国黑人歌手在说唱着什么世间到处有压迫，但生活依然继续之类的事。那声音有种无所畏惧也无所谓的信念。她每次听都会情绪高昂。当然，她今天的情绪本来就很好。

高森电话里的声音带点倦意，也有种万事无所谓的腔调。寻泽说了下午的事，在林琼家落地窗前突如其来的生理反应。她说药估计起作用了，明天再去医院确认一下。他说那太好了，可他这两天还在北京，下周估计还回不来。她说，哦，也没关系，反正下周应该还没到排卵期，先跟医生确认激素正常了再安排同房也不迟。然后他们又聊了两句无关紧要的，林琼聚会谁去了谁没去之类的，最后在她开进小区车库入口前结束了通话。

寻泽关上车门，从车位边上的旋转楼梯走上楼。她买的车位离楼栋不近，一般她都会在车库里走上一段路，走到自己楼栋的电梯口直接坐上去。但她今天想在外边走走，吹吹夜风。她一走出车库，就感觉这个夏天已经结束了。夜风里有了一种透明的宁静，秋天才有的凉爽，不再像前几天那样令人不安了。

小区里有不少饭后散步的人。寻泽没走两步就碰到同一栋楼802瘦高的长发女人和她上初中还是高中的儿子在遛狗。她不知道这女人叫什么，也不知道她到底长什么模样。这女人是去年才搬来陪读的，寻泽从没见过她不戴口罩的样子。寻泽不喜欢802的长发女人。之前封小区的时候，802的长发女人给寻泽送过一串香蕉。寻泽当时是挺感

激的。但没过多久，她就开始无法忍受这女人在楼栋微信群里的分身。802给1501送了油和米。802每天从早到晚都在当志愿者。802发语音让大家下来做核酸。802帮703上网课的小孩打印了作业。802在帮物业和居委分发物资。802帮二楼老奶奶抢菜。802把自己囤的消毒液放到电梯里供大家喷用。802分发抗原试剂。802给大家分享团购。谢谢802的好邻居！寻泽住在10楼，那时她每天早上醒来，都感觉有一种可怕的激情从楼下802的窗户里漫溢出来，和病毒一起在空气中弥漫，像妖怪一样狞笑着爬进了她的房间。她有时候会愤怒地想，如果没有802这种人，用不假思索的愚蠢的热情拥抱无理的现实，或许这一切早就结束了。

寻泽不想看到802。如果在电梯口碰到，她一般都会找个理由避免十几秒的窒息。只要看到802，她就会想起那个在楼组微信群里亢奋跳动的小人。然后，她会想起那段居家的日子，想起一阵阵莫名其妙的酸楚、卑微和鄙夷。她会想起自己的弱小。就像这个晚上，寻泽吹夜风的闲情立即因为802的出现而消散了。她开始后悔没有按照惯常的路线从地库上楼。是啊，她为什么要从小区地面走呢？她明明真心地厌恶这个小区。她闻到了垃圾分类投放点分裂的熏臭味儿。眼前一排排密集的楼房像随时将会坍塌的洞窟，外壳掀起数块陈旧斑驳的墙皮。清冷的月光停在一个个伤口般的洞口，每扇窗洞里都分装着不同的生活，注满了不堪的时光。一辆电动汽车打着刺眼的前置灯，用不可理喻的行驶速度从她身边驶过。电动汽车加速的声音总让她想到氢气体，或者科幻电影里太空船的画面。人车不分流真是一个巨大的隐患，她想。然后她记起这话最早是林琼对她说的。林琼家的小区当然是人车分流。寻泽，你以后生了小孩就知道了，车在小区里横冲直撞的，多野蛮，多危险呐。她想起林琼当时的话，真诚的语调。林琼总是比寻泽更有先见之明。她总是能比寻泽更敏锐地意识到自己的物质需要，也因此始终拥有更稳定的精神。可事实是，林琼总是对的。寻泽的确无法忍受这个小区横冲直撞的人和车。野蛮，危险。在小区地面走路会让她想到人工鱼塘里疯癫的鱼虾蟹和泛油的小轮船。她无法忍受小区里的车和人和人。她无法忍受这个小区。因此，当这个小区以及这个小区里的车和人和人突然威胁着要成为她的全部世界时，她知道自己已经在那一天被彻底摧毁了。

寻泽加快了脚步。她发现802也是在往楼栋的方向返回。但由于母子俩在遛狗，他们步行的速度还是受到了限制。寻泽一路加速，很快就到了楼栋门口。她确保802是赶不上跟自己坐同一部电梯了，松了一口气。有两只流浪猫正躲在门口信箱底下吃东西。它们听到了她靠近的声音，竖起耳朵，扭过头来凶狠地瞪着她。楼下独居的上海老太又开始在楼栋入口投喂流浪猫了。她讨厌老太每次在门口摆放水和食物时，那一脸不容置疑的高傲。人总是固执地认为自己的行为是高尚的。她也瞪着那两只猫，她讨厌这些阴郁弱小的无主之物。可每一个高尚的理由都是危险的。又是一阵由衷的厌恶，并且加速演变成了一种无法抑制的冲动。她环顾四周，802还没出现在视线里。于是她大步走向信箱。两只猫立即被她的气势吓得弹跳逃窜。她一把抓起地上红色的投喂碗，毫不犹豫地扔进了旁边的灌木丛。

这是寻泽第一次丢掉老太的投喂碗。她有这个想法已经很久了。只是她一般都从地下车库上楼，不怎么经过地面的门禁。楼栋里早有人抱怨过这个老太。要么就自己带回家养，搞得我们楼前总是一群猫狗，小孩都不敢回自己家了。有人曾在微信群里大声疾呼。不过老太好像不用微信，可以顺理成章地无视他人的指责。以前还有人使唤物业去处理这事儿。物业知道有关猫狗的事向来容易引起业主持久的争端，很难一劳永逸地解决分歧，倒不如坐观其变。寻泽一边走进她嫌恶的楼窟，一边肆意地享受恶作剧的狂喜。

她不知道自己是怎么了。

译者：基克莉娅

ЧЖОУ КАЙ

Чжоу Кай, 1990 года рождения, уроженец Лэшаня, провинция Сычуань. Опубликованы роман «Мох» и сборники рассказов «Будущее писателя детективов», «Молодость, румяна и приведения».

周恺

周恺，1990年生，四川乐山人，出版有长篇小说《苔》，中短篇集《侦探小说家的未来之书》、《少年、胭脂与灵怪》。

ЭХО

(отрывок из рассказа)

Помимо уровня прогестерона, все результаты анализа были в норме. Врач прописал ряд медикаментов для профилактики выкидыша, в рецепте значились как западные лекарства, так и традиционные китайские. Западные лекарства отпускались прямо в больнице, а вот за китайскими пришлось идти в аптеку, что находилась возле входа. Там работник взял в руки нужный препарат, отсканировал штрихкод; цена оказалась заоблачно высокой, так что Сяо Сяо пришлось ответить, что ей нужно подумать. Выйдя из аптеки, она присела, решив изучить состав и побочные эффекты выписанного лекарства. Информация в интернете была путанная и неясная, поэтому ей пришлось после названия препарата дописать «приводит к» и ввести поисковый запрос еще раз. Теперь она точно убедилась в недобросовестности врача, а составленное им медицинское заключение вовсе перестало вызывать хоть каплю доверия. Сяо Сяо сделала скриншот сайта, сфотографировала результаты обследования и отправила все Чэн Каймину. Собираясь записать голосовое сообщение, она мельком увидела «собеседник печатает». Уведомление так и не пришло, дисплей телефона потемнел, в тусклом экране отразились угол крыши и облака. Послышались раскаты грома, либо же какой-то огромный агрегат зарычал и начал работу. Сяо Сяо взглянула на небо, сложила в стопку документы, убрала их в сумку, закинула ее на плечо и, на ходу постаравшись записать голосовое сообщение, двинулась в сторону метро.

Хоть по календарю и наступила осень, она еще не успела вступить в законные права: листья не пожелтели, стрекот цикад не затих, жидкая древесная смола растеклась по земле, словно пролитый из стакана напиток, а в воздухе стоял прогорклый запах плодов дерева гинкго. Сяо Сяо дошла до перекрестка, где захавший на тротуар доставщик еды едва не сбил торгующую цветами старушку.

– У тебя глаз нет? – с полной уверенностью в своей правоте крикнул мужчина.

– Ублюдок! – огрызнулась старушка.

Сяо Сяо минула перекресток, оглянулась и увидела у торговки цветами магнолию. Девушка жила в Пекине почти десь лет, но впервые в живую увидела этот цветок. Запись голосового прервалась, Сяо Сяо встала на эскалатор и взглянула в телефон. Необъяснимым образом на экране снова высветился тот самый скриншот. Из-за этого девушка чувствовала себя как на иголках, словно он преследует ее и от него никуда не деться. Все же, избавившись от скриншота, Сяо Сяо не стала утруждать себя тем, чтобы продолжить голосовое сообщение, ведь это не имело смысла. Чэн Каймин сейчас на парах и не отвлечется на телефон, что говорить о том, чтобы всё прослушать. Она подняла воротник от подувшего ветра и, казалось, почувствовала аромат магнолии, от чего расслабилась и перестала хмуриться.

На десятой неделе беременности плод размером с небольшой фрукт кумкват. Внешне Сяо Сяо почти не изменилась, но внутри произошли

необратимые перемены. Это не единственный парадокс, с которым ей предстояло столкнуться.

Сяо Сяо родилась в до неприличия нормальной семье. Уже девчонкой осознала, что так называемая нормальность – результат выученного безразличия родителей к друг другу, а также дочери к ним. Тогда она дала клятву, что никогда не выйдет замуж и не родит детей, а приобретённый личный опыт и прочитанное в книгах только укрепили ее позицию в этом вопросе. Каждый раз занимаясь сексом, в независимости от того, как сильно она была пьяна, а партнер силен и настойчив, она всегда предохранялась. Отношения с Чэн Каймином не были исключением. Когда она увидела на тесте на беременность две полоски, первые мысли были о том, каким мертвенно-бледным будет лицо после аборта. Затем она кинула взгляд на неумолкающего Чэн Каймина.

– Это же подарок Бога! – протараторил он.

– Не твое собачье дело! – Сяо Сяо вспыхнула. – Я сама решу, как мне быть!

И вот, что вышло. Когда девушка пришла на обследование в больницу и получила на руки узи, ее сердце смягчилось, а потом она до слез была тронута вульгарными словами «жизнь» и «чудо». Чэн Каймин же решил, что она просто испугалась боли и принялся утешать. В конце концов Сяо Сяо сама приняла решение, как же ей теперь быть.

В первые несколько дней Сяо Сяо, как и все беременные на раннем сроке, скачала кучу приложений для будущих мам и подписалась на всевозможные сообщества в соцсетях. Когда у нее обнаружили пониженный ХГЧ, она не только сама бросила курить, но и настояла, чтобы такой заядлый курильщик как Чэн Каймин отказался от сигарет. Потом характер течения беременности резко изменился. Она работала в учебном отделе и теперь частенько, оставляя все дела, торопясь, прикрывая рот рукой, бегала в туалет. Однажды начальник проявил интерес и уточнил, не беременна ли она, в таком случае ее бы перевели на другое место. Получив отрицательный ответ, начальник еще раз напомнил, что в конце года все перейдут в новый большой зал, а там все еще воняет химией, а когда включают отопление, проветрить будет нельзя. Сяо Сяо продолжала настаивать, что это дают о себе знать старые проблемы с желудком и кишечником. Вернувшись за рабочее место, девушку охватило чувство стыда, ведь в конце года ей снова предстоял бы этот разговор. Начальник был не из тех людей, которым доставляло удовольствие копаться в чужом грязном белье, искать достижения, награды или поводы для грязных слухов. Сяо Сяо в какой-то момент перестало что-либо волновать, кроме ее собственного организма и происходивших в нем процессов. Если поначалу силе и решительности девушки можно было позавидовать, то сейчас ее поведение стало нелепым и смешным. На этой неделе негативные симптомы беременности отступили, но стыд за собственное тело остался. Впервые увидев очертания плода, Сяо Сяо ощутила, что материнский инстинкт стал сильнее и усиливался по мере роста дитя. Она изо всех сил старалась справиться с конфликтом стыда и материнского инстинкта, но подход, что она выбрала, был не самый удачный – она держала беременность в секрете, и даже родители ничего не подозревали. Чэн Каймину так же не разрешалось распространяться на это

счет. Что касается гардероба Сяо Сяо, он остался неизменным. Она продолжала носить те же вещи, что и до беременности, иногда даже надевала обувь на каблуке. Обязательно наносила тональный крем, подкрашивала брови и время от времени использовала губную помаду, правда теперь она отдавала предпочтение более дорогому бренду косметики.

У подножья эскалатора, в проходе меняли рекламные плакаты. Старые уже сорвали, а вот новые так и не приклеили. Рядом стоял мужчина в специальной форме и активно поторапливал рабочих. Здешний охранник без остановки трепал языком, что казалось жутко раздражало человека в форме. Один охранник залился смехом, а другой, указывая пальцем куда-то в сторону, тоже не мог сдержать улыбку. Сяо Сяо только дошла до турникетов метро, как раздался телефонный звонок от Чэн Каймина. Она положила термос в сумку и ответила: «Я была у врача, а сейчас уже иду домой. Я думала, ты на парах и не стала отвлекать». Затем девушка включила громкую связь, уменьшила звук и открыла QR-код для оплаты проезда.

– Я посмотрел то, что ты прислала, но голосовое прослушать не успел.

Чэн Каймин должно быть на перерыве вышел на стадион, чтобы сделать звонок, потому что сквозь телефон доносились посторонние голоса и гул улицы.

– Можешь не слушать. Мне просто нужно было выговориться.

Сяо Сяо ненадолго отвлеклась, прошла через турникет и двинулась к четвертой ветке метро. «Алло, алло!» – несколько раз повторил Чэн Каймин прежде, чем услышал «да да, слушаю». Сяо Сяо вернулась к телефонному разговору.

– Ты сейчас в метро? – поинтересовался Чэн Каймин

– Ага, оказалось, к больнице не так просто вызвать такси.

– Кажется пойдет дождь, у тебя есть зонт?

– Нет, если будет дождь, я где-нибудь пережду, а потом пойду.

– Ну ты даешь! У меня нет слов. То ты перегибаешь палку с контролем, то чересчур беспечная.

Сяо Сяо про себя подумала, как же можно так лицемерить. Если бы он правда переживал, то не брался бы по ночам за дерьмовые, сомнительные халтуры. Эти мысли так и остались в голове, озвучить их она не решилась.

Но казалось, он понял все без слов.

– Неважно идет ли дождь, когда выйдешь из метро обязательно возьми такси, а дома поужинай. Попроси тетушку Цуй приготовить.

– Ну уж нет. Ее стряпню я не перевариваю, а ее саму не переносу. – Тетушка Цуй открыла забегаловку с хунаньской кухней на первом этаже дома, где жили Сяо Сяо и Чэн Каймин. Сяо Сяо считала ее чрезмерно приставучей, тетушкин язык был без костей. – Я закажу доставкой что-нибудь легкое.

– Ты там будь поаккуратнее. Если тебе неудобно звонить на мой обычный номер, то звони на этот. Я на связи. Ах да, вот еще что, я глянул твое медицинское заключение и нашел кое-что в интернете на этот счет, – потом добавил. – Я тебе потом пришлю ссылку.

– Да не нужно мне ничего присылать. Все, что написано в интернете, я уже читала. Переживаю я не из-за этого. Ты видел скриншот, который я

отправила? – Сяо Сяо вышла на станции и встала в очередь за парочкой, пытающийся совладать с тяжелыми чемоданами. – Что-то я не доверяю этому врачу.

– Вот в чем дело. Ты говорила, он там выписал что-то. – поинтересовался Чэн Каймин

– Да, кроме того, отправил в аптеку за территорией больницы, – на душе Сяо Сяо снова стало беспокойно. – Мне нужно его подловить.

– Стоит ли сейчас это делать? – на следующей фразе голос его прозвучал ниже. – А почему бы нам не связаться с доктором Чжу.

– Да не в конкретном враче дело, уважаемый учитель Чэн, Вы правда не понимаете, что я имею в виду? Если в больнице работают такие врачи, значит, всё в этой больнице через одно место.

Пара перед Сяо Сяо, казалось, ехала искать жилье, а один расфуфыренный мужчина впереди поворачивал голову и устремлял на Сяо Сяо заинтересованный взгляд. Девушку отпустили эмоции, и она села в вагон.

– Я тут подумала, может стоит наблюдаться у врачей при Пекинском университете.

– Мы подумаем об этом. – Чэн Каймин, очевидно, не имел понятия, как это устроить, хотя сам изначально предлагал вести беременность там. – Боюсь, сейчас перевестись туда будет затруднительно.

– Трудности трудностями, многие анализы придется сдавать заново, к тому же... – Сяо Сяо перебила себя на полуслове – Потом вернемся к этому. У тебя еще есть пары?

– Ага, есть. Хорошо, обсудим это потом, – Чэн Каймин прокашлялся. Его профессорский тон сменился на тот, каким он говорил лишь с ней. – Мне кажется, ты похожа на маленького дракончика.

Сяо Сяо почувствовала себя неловко, а потом вдруг обнаружила, что всю дорогу разговаривала по громкой связи

– Хорошо, хорошо! Я в дороге. Больше ничего не скажу. Возвращайся сегодня пораньше, – спешно проговорила она.

Сбоку в вагоне сидела лишь женщина в маске, в одной руке у нее был пакет из гипермаркета, а в другой зонт-трость. Сяо Сяо некоторое время смотрела на попутчицу, затем перевела взгляд в другую сторону:

– Понял, пока-пока.

Сейчас Сяо Сяо и Чэн Каймин проживали в небольшом старом жилом квартале недалеко от Хуантинцзы в квартире с одной спальней и гостиной. Квартиру они снимали, а если точнее, ее снимала Сяо Сяо. Чэн Каймин переехал сюда полгода назад сразу после того, как развелся с женой. Сяо Сяо в Пекине жила всего в двух местах. Когда она впервые приехала сюда для прохождения практики, какое-то время пришлось пожить в олимпийской деревне, потом она устроилась на официальную работу в учебный центр в районе Хуантинцзы и проработала там почти семь лет до середины 2020-х. Столкнувшись со всеми прелестями пандемии и испугавшись слухов о новой государственной политике, ее руководство неожиданно сбежало. В то время Сяо Сяо встречалась с одним легкомысленным и расточительным парнем – студентом института кинематографии. Расходы были велики, и в случае, если ей задерживали зарплату, приходилось оформлять кредитные карточки. Заканчивался лимит на одной, она открывала новую,

чтобы погасить долг на предыдущей. В такие моменты Сяо Сяо часто подумывала бросить все и вернуться в Чэнду, но в конце концов ей все же улыбнулась удача, ее взяли на работу в книжный магазин в районе Цзюсяньцяо. Дорога из района Хуантинцзы в Цзюсяньцяо занимала где-то час. Несмотря на то, что из-за новых витков пандемии она несколько раз была вынуждена сидеть на самоизоляции, в глубине души Сяо Сяо понимала, что временная работа в книжном магазинчике куда приятнее, чем прозябание в учебном центре или на ее нынешнем месте.

Сяо Сяо любила литературу и даже мечтала стать писательницей, но посчитала, что не хватит таланта. Работа Чжу Тяня «Великолепие конца века» – вот, что впервые ее взбудоражило так, словно коснулись оголенного нерва. Тогда Сяо Сяо еще училась в младших классах средней школы и отправилась на книжные развалы подобрать учебные пособия. Необъяснимым образом в ее руках оказался сборник Чжу Тяня, и она погрузилась в чтение на весь вечер. Сюжет был понятен лишь на половину, а слова монолитной плитой легли на душу. Она взялась за перо, чтобы создать историю о двух тайных влюбленных, себе и мальчишке, а также о маме и каком-то дяде с работы. Ранние писательские опыты укрепили мысль, что быть писателем – каторжный труд, а в качестве результата получаешь лишь чувство собственной никчёмности. Но это не отвратило от литературы, напротив, за таинственность и невозможность ее познать Сяо Сяо влюбилась еще сильнее. Какими бы серьезными ни были книги, Сяо Сяо не решалась самостоятельно их покупать, поэтому скачивала все на MP3 плеер и читала тайком. Она так зачитывалась, что посадила зрение и в определенной степени запустила учебу. Получив на руки результаты экзамена гаокао, Сяо Сяо подалась в педагогический университет на факультет китайской филологии, однако балов для поступления не хватило, и пришлось отдать предпочтение отделению рекламы и маркетинга. Уже после поступления ей посчастливилось посетить пару занятий на факультете китайского языка. Тогда она поняла, какое же счастье, что ее не приняли, потому что ни одна лекция не смогла ее заинтересовать. Она сама открывала для себя мир литературы, словно искала лучшие фруктовые плоды для пропитания. От одной книги переходила к другой, от одного писателя к другому. Так, в читательской биографии появились Ю Шоушу и Мэй Цзюжу. Единственная сохранившаяся работа Мэй Цзюжу – «Древний фарфор в пламени свечи». В книге рассказывается о случайных людях, что встретились автору, когда она прогуливалась возле общежития, и о сне, что ей потом приснился. Сяо Сяо приехала жить в Пекин из-за работ Мэй Цзюжу.

Во сне или наяву Мэй Цзюжу видела выпачканную в золе восьмизнаменную цинскую знать¹ и спасающихся раненых солдат с поля боя у крепости Губэйкоу². А вот Сяо Сяо дни напролет сталкивалась лишь с интригами коллег, докучающими родителями и противостояла поочередно сменявшимся приступам астмы и анемии. В первый же год мечты рухнули,

1 Представители «восьмизнаменной» бюрократии (система административного деления при династии Цин). – *Прим. пер.*

2 Битва с японскими захватчиками. С 10 марта по 14 мая 1933 года у крепости Губэйкоу на Великой Китайской стене шли кровопролитные столкновения. – *Прим. пер.*

дни превратились в перманентную борьбу за выживание, а ночи в погружение в плотские утехы. Стоит ли говорить, что в жизни хватало как благородства, так и порочности. Так Сяо Сяо посадила под замок имя Мэй Цзюжу и заново открыла ее в книжном магазине в районе Цзюсяньцяо. В 2021 году, в 140-ю годовщину со дня рождения Лу Синя, издательство провело в книжном магазине серию мероприятий по современной литературе. Независимо от того, была ли ответственна за организацию лекций Сяо Сяо, она обязательно приходила. Доклады были намного интереснее вузовских пар, однако по итогу что-то здесь заставляло Сяо Сяо чувствовать себя растерянно.

Чэн Каймин вел лекции, посвященные современным литературным журналам. На Сяо Сяо он не произвел хорошего первого впечатления. Во-первых, лицо его было небрито и усыпано прыщами, а во-вторых, он не говорил – он сыпал терминами. Люди неохотно посещали публичные выступления Чэн Каймина, потому что речь в докладах всегда шла об одном и том же – литературных журналах. В этот раз пришло еще меньше слушателей, чем в прошлый. К середине лекции в зале вовсе осталось два или три уткнувшихся в телефоны человека, и те – продавцы книжного магазина. Сцена весьма неловкая.

Сяо Сяо внимательно выслушала весь доклад, но только потому, что Юй Шоушу при поддержке книжного магазина Бэйсинь выпускал литературный журнал «Цюаньянь». Сборники Лу Синя когда-то тоже публиковались здесь, писатель даже упоминал название журнала в своих дневниках. Как и ожидала Сяо Сяо, Чэн Каймин, рассказывая о личности Юй Шоушу и его профессиональной деятельности, не забыл упомянуть: «Я должен сказать, что вклад сычуаньских писателей в современную литературу сильно недооценен, и речь сейчас не только о Юй Шоушу». Сердце Сяо Сяо бешено заколотилось, Чэн Каймин продолжал «У Юй Шоушу была возлюбленная Мэй Цзюжу – тоже уроженка Сычуани. На мой взгляд ее “Древний фарфор в пламени свечи” должен стоять рядом с “Пьянящими весенними ночами” Юй Дафу. Жаль, ее жизнь не сложилась, она рано умерла, и была забыта». Сяо Сяо уткнулась носом в пол и до синяка ущипнула себя за бедро. Когда лекция закончилась, она с красными глазами подошла к расстроенному Чэн Каймину и сказала: «Учитель Чэн, спасибо, что вспомнили Мэй Цзюжу».

回响

（短篇小说节选）

别的指标都正常了，就孕酮仍只有十七点几，医生开了些保胎的药，有西药，也有中成药，西药已经在医院的药房配好了，中成药则需要到门口的这间药店来拿，店员取了药，扫了码，价格贵得离谱，肖潇答说再考虑下，从药店出来，坐到椅子上，查这药的成分和副作用，说法尽模棱两可，干脆在药名后头添上“导致”再搜索，这下便笃定那医生是黑心医生，连带检查结果也不肯信了，页面截了图，检查报告拍了照，发给程开明，正要再发语音，瞥见顶框闪“对方正在输入”，等了片晌，没有消息过来，屏幕逐渐暗了，暗了的屏幕上映现出房顶一角和云。似有雷声，也像是大型机械的响。肖潇望了望天，然后将检查报告理成一沓，收回书包，挎起书包，按着语音键，边说，边往地铁口走。

节气上虽已入了秋，但真正的秋还没有来，叶子没有黄，蝉鸣没有衰，地上的树胶似打倒了饮料，空气里弥漫着白果的臭。到十字口，个外卖员想把车骑到人行道上，险些撞到卖花的老太婆，外卖员理直气壮地嚷：“没长眼睛吗？”老太婆则啐了一口，“给你们丫惯的。”肖潇走都走过了，又回头看，竟卖着黄桷兰，她来北京快十年了，这还是第一次遇到卖黄桷兰的。正说着的话断了，站上扶梯，再看手机，手机莫名滑回到了截图处，那标题如芒刺背，撤是撤不回了，删掉了，也懒得再接上刚才的话，没有意义，程开明还在上课，是不会分神看手机的，更不会听语音，提着衣领透了透风，似乎闻到了一股黄桷兰的香味，舒展开眉头。

才十周零四天，胎儿只金桔般大小。体态上，肖潇几乎没有变化，心态上，转变过来了，但又处到了另一种矛盾之中。

肖潇生在一个再正常不过的家庭，但在少女的时候，她便察觉到这所谓的正常是父母对彼此的束缚以及她对父母的束缚的结果，那时候，便立了誓，一辈子不结婚，一辈子不要小孩，往后的经历以及读到的书，更加固了她的这想法。她每次做爱，不管醉得有多凶，也不管对方多么强势或者怎样死乞白赖，都会做好防护，包括跟程开明也是，这颗金桔的到来纯属意外。她刚看到验孕棒上的两条杠时，脑海中首先冒出的，是一张做完人流后的煞白的脸，然后便瞪着絮叨的程开明。程开明说：“God-given gift。”她说：“关你屁事，我自己作主。”哪晓得，到了医院，做了检查，一拿到B超片子就心软了，先是心软，继而被生命咯、奇迹咯这些烂俗的词感动得一塌糊涂，程开明以为她是怕痛，反过来安慰她。结果倒也真真是她自己作的主。

头的几天，她也跟别的同期的孕妇一样，下了一堆APP，关注了一堆公众号，待查出HCG和孕酮偏低，不单自己这样忌，那样忌，还叫程开明这杆老烟枪也戒了烟。然后，强烈的孕反就来了。她的工作恰是学生处的窗口岗，经常地，事情办到一半，便慌忙撂下事情，捂着嘴往卫生间跑，小领导主动找到她，问她是不是怀孕了，要真是怀孕了，就调她到别的岗，她答说，没有，小领导又提醒她，他们年底会搬去

新装的大厅，那边甲醛重，暖气一开，还不透气，她仍答说，只是肠胃上的老毛病犯了，回到工位，她心头念着，到了年底又再说，羞耻感忽地涌了上来。小领导不是那种以探测他人隐私为乐的人，至少明面上不是，暗底下是，她也不在乎，令她真正羞耻的仅是自己的种种生理反应和行为。当初的意志有好坚决，当下的这些反应和行为就有好可笑。到了这周，孕反总算减轻了，羞耻感却没有消退，而刚见到胎儿轮廓时，激发出的母性，竟也随着它的轮廓渐清晰而变得更浓厚。她在这两种截然相反的感受间，尽力保持平衡，应对的办法是消极的——继续瞒着怀孕的事，自己不对外人（包括父母）讲，也不准程开明讲。自然，在穿着打扮上，她又恢复成了怀孕前那样，衣裳是她过去爱穿的衣裳，在某些场合，也会穿带跟的鞋，隔离霜必是要抹的，眉必是要画的，口红偶尔也会涂，只是换成了更好的牌子。

扶梯到了底，过道口，工人在更换墙上的广告，旧的已经扯下来了，新的还没贴上去，侧旁站了个穿制服的，在催促着。安检员趁着这时候闲谈几句，那穿制服的似乎很招人厌，这一安检员正笑着，另一安检员往那方一指，只得把笑憋了回去。到安检处，程开明的电话便打了过来，肖潇将递回来的水杯放进包里，“我这边已经检查完了，往家走了，想着你在上课，就没给你打。”然后按了免提，调小音量，再滑到乘车码的界面。

“我看到你发的报告了，但是语音还没来得及听。”程开明应是趁着课间时候，到操场上打的这通电话，背景有稀落的笑声。

“用不着听，就几句牢骚话。”肖潇分着心，过了闸机，往四号线方向走了一小段，反应过来，才又转回来。

程开明那边“喂”了几声，肖潇答应“听得到”。

“你是在坐地铁吗？”程开明问。

“嗯，医院外面不好打车。”肖潇说。

“像是要下雨，你拿伞了吗？”程开明问。

“没拿，待会儿真下雨了，我就等一等再走。”肖潇说。

“你呀，真不知道怎么说，有时候过于紧张，有时候又太过于大意。”程开明说。

肖潇心头想，假惺惺，你要硬上心，晚上就不会去参加什么狗屁节目录制，只是心头想，没接他的话。

程开明似乎猜到肖潇心头在想什么，“出了地铁口，甬管下没下雨，你都打个车回去，然后晚饭，我还是叫崔阿姨送？”

“别，我吃不惯，也不喜欢她。”崔阿姨是他们楼下开湘菜馆的，肖潇嫌她嘴碎，“我自己点个清淡点的外卖就好。”

“反正你当心点，不舒服打我电信那个号，那个号我一直开着，哎，对了，我刚才就是说那个检查报告，我给你念下我查的说法。”程开明说，又说，“我待会儿把链接发你。”

“不用发我，网上查得到的，我都看过，我生气倒不是因为这个，你看我发你的截图了吗？”下到站台，肖潇排到了一对拖行李箱的情侣后头，“我是觉得他们那儿的医生很不靠谱。”

“哦，你说医生给你开这个药了？”程开明问。

“是啊，而且让到外面的药房拿。”肖潇心头又浮起了些不快，

“我就该举报他的。”

“现在还允许这么干？”程开明应了声别处，再说话时，声音压低了些：“要不咱们还是挂之前那个祝医生吧。”

“不是哪个医生的问题，程老师——，你没明白我的意思吗？既然有医生这么搞，说明他们整个医院的管理都很混乱。”肖潇说。前头那对情侣像是来找房子的，再前头是个中介打扮的男的，那男的扭过头来阿谀时，总要借机瞥眼肖潇。肖潇平复了一下，挪步到了另一节车厢处，“我在考虑要不要改到北大人民那边去。”

“嗯，我也觉得可以考虑下。”程开明显然不晓得该怎样应付，起初他就建议去那边建档，“现在改，流程上麻烦吗？”

“麻烦肯定会麻烦一点，好些检查得重新做，而且……”肖潇搁下了半截话，“我再看看，你还有课的吧？”

“嗯，有课，嗯，再看看。”程开明清了清嗓子，语气也由惯有的职业语气，换成了同她单独相处时的语气，“哎，我看小辰龙的额头跟你一模样。”

肖潇感觉肉麻，然后猛一下发现，免提一路都开着，匆忙说，“好了，好了，上车了，我不跟你讲了，晚上早点回来。”侧边只一个戴口罩的女人，一手提CT口袋，一手拿长柄伞，肖潇跟她对视了一下，就望向了别处，“知道了，拜拜。”

肖潇和程开明眼下仍住黄亭子附近的一个老小区，一室一厅，房子是租的，确切说，是肖潇租的，程开明半年前同前妻离婚后，才搬过来。肖潇在北京就只住过两个地方，刚来北京实习时，在亚运村短住了个把月，然后便在黄亭子一家培训机构找到了正式工作，随到就搬了过来，她在那家培训机构干了将近七年，干到二零年年中，受疫情的影响，又受风传的将出台的政策的影响，机构头头竟跑了路，那时，肖潇正谈个电影学院的驺神男友，开销很大，拖欠的工资又要不到手，只得办了好几张信用卡，这张拆来补那张，那张拆来补这张，其间也动过回成都的念头，终还是捱了下来，竟瞎猫碰死耗子般，应聘去了酒仙桥一家书店。从黄亭子到酒仙桥，少说要个把小时，且还不说酒仙桥反复的疫情令她好几次被关在家里，但在她内心底，那份短暂而陌生的工作既比培训机构的工作好，也比现在的工作好。

她喜欢文学，也曾梦想当个作家，只是自认为没有天赋。初给她拨开这条敏感神经的，是朱天文的《世纪末的华丽》，那时候，她才念初中，去书市选教辅，莫名捧起朱天文的集子，竟读了一下午，情节半懂不懂，但那些文字仍像石头一样压在她心头，便提起笔，试着写自己与暗恋的男生以及隐约察觉出的母亲与同单位的叔叔的故事，试得早了点，而写作又是一项苦役，结果便是自轻自贱。但她并没有远离文学，反倒还因其神秘、不可及，而爱得更深了。那些书再严肃，在那个年龄阶段，仍不敢光明正大地买，只能下到MP3里，偷偷读，坏了眼睛，也在一定程度上耽误了学习，到高考报志愿，本心想报某二本师范的中文系，奈何分不够，被调剂到了广告营销。待进了大学，蹭过几堂中文系的课后，又庆幸没被中文系录取，那些课程她一点兴趣都没有。她是自顾自闯进文学的门，又自顾自摘果子吃，这部作品牵出那部作品，这个作家牵出那个作家，独有的这张谱系逐渐延伸到

了角落的位置，延伸到了角落的喻守枢，然后是更角落的梅九茹。梅九茹署原名留下来的作品只有《古瓷器与烛火》一篇，写的是她在宿舍附近散步时，遇到的形形色色的人以及回宿舍后做的一场梦，肖潇就是因梅九茹的这篇作品，去的北京。那梦究竟是梅九茹的梦，而北京也早都不是北平，梅九茹遇到的是煤焮焮的八旗子弟和古北战场上逃回来的伤兵，肖潇成天面对的则是勾心斗角的同事和盛气凌人又斤斤计较的家长，再加上哮喘和冻疮的轮流折磨，头一年，原本抱的幻想便彻底破灭，肖潇的生活坠到了几乎完全相反的一面，白天为生存奔波，晚上沉浸于肉体之欢，讲堕落也对，讲坚韧也对，总之，梅九茹这个名字被肖潇锁了起来，直到去了酒仙桥那家书店。二零二一年，逢鲁迅诞辰一百四十周年，某家出版社在书店办了一系列的现代文学的活动，不管是不是肖潇负责对接，她都会去听。那些讲座要比她大学时候听过的课有趣得多，但到结束时，心头总是失落的。程开明那场讲的是现代文学期刊，他对他的初印象并不好，一是因为他胡子拉碴、满是痤疮的脸，二是因为他开口闭口都是术语。程开明在大众层面几乎没什么名气，讲的又是文学期刊，来参加的读者本就比往场少得多，待活动进行到一半，真正的听众只剩三两个人，凑数的店员也玩起手机，场面很是尴尬。肖潇自始至终都耐着性子在听，只因为喻守枢曾经在北新书局的资助下，办过一份叫《泉眼》的杂志，鲁迅编的一本集子，收过《泉眼》上刊发小说，在日记里也曾提到过这份杂志，谈现代文学期刊，应当是会谈到这份杂志的。果如肖潇所料，程开明谈到了《泉眼》，谈到了喻守枢，他说：“不得不说，四川作家对现代文学的贡献，被大大低估了，不只是喻守枢，不只是《泉眼》社的成员。”肖潇心头咯噔了一下。“喻守枢有过一个恋人，叫梅九茹，也是四川来的，在我看来，她写的《古瓷器与烛火》是应当与《春风沉醉的晚上》并排的，可惜她命不好，早早去世，早早被遗忘了。”程开明接着说。肖潇把头埋了下去，把大腿掐得发紫。待活动结束后，她红着眼眶走到沮丧的程开明面前，“程老师呀，谢谢你提到梅九茹。”

译者：卡莉娅基娜

МИХАИЛ СЕРЕБРИНСКИЙ

Серебринский Михаил – поэт, переводчик, 2000-го года рождения, город Санкт-Петербург. Студент филологического факультета ЛГУ имени А. С. Пушкина. Победитель конкурса поэзии международного литературного фестиваля «Поэзия кино» 2021 года, лауреат первой степени всероссийской премии «Молодой Петербург» в номинации «Поэзия» за 2021 год.

米哈伊尔·谢列布林斯基

米哈伊尔·谢列布林斯基：诗人、译者。2000年出生于圣彼得堡。列宁格勒国立普希金大学语文系在读，俄罗斯作家协会青年文学家理事会成员，俄罗斯作家协会“青年彼得堡”文学协会会员。在杂志发表诗歌和译诗若干，2019年出版诗集《帝国之后》。2021年“电影诗歌”国际文学节诗歌竞赛获奖，2021年全俄“青年彼得堡” 奖获诗歌组一等奖。

* * *

*Как некий садовод, ботаник древних чар,
Ращу тебя и не справляюсь, но смеются
Зелёные глаза – ты в них и бог и царь –
А значит, чудеса когда-то удаются.*

*Как древний истукан Навуходоносор,
Не городил садов в нелепом исступленьи,
Но знал: цветок любви – не царственный узор,
Не дело лёгких рук, а чудо и терпенье.*

*Когда у царских врат впервые я стоял,
Просил мне объяснить древнейшую природу
Любви, смеялся Бог и мне лопатку дал,
И указал тебя и сделал садоводом.*

*И я тебя ращу, Как хорошо, когда
Ты – выше мастерства, ты – больше, чем творенье,
Чем я, Когда цветут в твоих земных садах
Зелёные глаза божественного зренья.*

* * *

*Это всё уже было, было:
Эта ветка и этот свет
За окном. Ты всегда любила
Их спросонья. А, скажешь, – нет?*

*Ты была. До времён. До знаков,
До глагольных моих на -ил
Рифм. И я – как пророк Иаков –
Самый первый тебя любил.*

*Мы всегда выходили к лесу
Посмотреть допотопных птиц.
Жизнь была только парой жестов:
Взмах крыла, взмах твоих ресниц.*

*Только воздух и только души,
Принимавшие форму нас.
Только снег, ледяные кущи,
Пара масляных птичьих глаз.*

*Больше жизни прошло, ты помнишь
Самый первый, простой завет?
Взмах ресниц – и с утра, в окошке,
Эта ветка и этот свет...*

* * *

*Последние прогулки короля
Прошли среди осенних декораций,
Где кончился спектакль, нет оваций,
А вместо сцены – чёрная земля.*

*Кормившая пескариков рука
Простилась со страной (да бог-то с нею),
С самой игрой, с самой смешной затеей
И трогала рукав духовника.*

*Под мерный ритм, тихий скрип колёс
Фигура в механической коляске
Плыла навстречу inferнальным пляскам,
И парк её просвечивал насквозь.*

*Здесь был король, теперь пройдем и мы.
Как пишется, хотя бы на минутку,
Душа моя, – на жизнь, на смерть, – дай руку
Дай синий парк в преддверии зимы.*

* * *

...Нет времени, есть место.

Елена Иванова

*Нет времени, есть место, и тогда
Мы снова соберёмся в этом месте,
И станет водкой по щелчку вода,
А ты – моей невестой – честь по чести.*

*Сползётся на пирушку целый мир,
Где в общезжитии (не помню номер)
На полках – И. А. Бродский, Г. Сапгир;
И очень жаль, что Цой, конечно, умер.*

*Почти пародия. Почти семья.
Вокруг друзья – я всех готов представить
На строгий суд. Смотри: вот ты, вот я –
Такая фотография на память.*

* * *

像某位园丁，某位拥有古老魔力的植物学家，
我种植你失败了，但是绿色的眼睛
在笑——你是其中的神和国王——
这意味着奇迹的发生。

像古时的尼布甲尼撒，
他没有疯狂地种植花园，
但却知道：爱之花——并非帝王的装饰，
不是信手拈来的作品，而是奇迹和耐心。

当我第一次站在帝王的门前，
请求向我解释古老的爱之本质，
上帝笑了，给我一把小铲，
指了指你，让我成为园丁。

然后我种植你，多好啊，当你
超越技艺，超越创造，超越我，
当在你尘世的花园中绽放着
目光神圣的绿色眼睛。

* * *

这一切都已存在过，存在过：
窗外的这一根树枝和这一束光。
睡意朦胧中你一直爱着它们。
如今，却说——没有？

你曾来过。在时间之前，在符号之前，
在我以动词词尾为韵脚之前。
而我——就像先知雅各布——
是第一个爱上你的人。

我们总是走到树林中
去看大洪水之前的鸟儿。
生命只是几个手势，
翅膀的颤动，你睫毛的颤动。

只有空气，只有接纳了
我们形状的灵魂。

只有雪，只有冰丛，
只有一双油漉漉的鸟眼。

一生多都过了，你还记得
第一个简单的立约吗？
睫毛轻颤——清晨，小窗前
这一根树枝和这一束光……

* * *

在秋日的布景中，
国王完成了最后一场散步，
演出结束，没有掌声，
舞台不再，唯有黑色的土地。

一只喂养鮎鱼的手
告别了国家（愿上帝与之同在），
告别了游戏，告别了可笑的企图，
又触摸了神甫的衣袖。

节律声声，车轮轻响，
一个身影坐着轮椅
缓缓走向地狱之舞，
他的公园照亮了一切。

此处国王曾来过，如今我们也要走过。
如何书写，哪怕只是片刻，
我的灵魂——向生，向死，给我一只手，
给我冬日前夕的蓝色公园。

* * *

……没有时间，只有地点。
——叶莲娜·伊万诺娃

没有时间，只有地点，那时
我们会再次相聚于此，
手指一弹，水就变成伏特加，
而你——确定将是我的新娘。

整个世界都将欢聚盛宴，
某处宿舍（我不记得房号）
书架上——是布罗茨基，萨普吉尔；¹
可惜的是，崔当然已经死了。

¹ 根利赫·萨普吉尔（1928-1999），俄苏作家、诗人。

几近讽刺。几近家庭。
周围都是朋友——我准备把所有人都
送上严厉的法庭。看吧：你在这里，我在这里——
一张值得纪念的照片。

于晓婷译

ЯНА САФРОНОВА

Сафронова Яна Владимировна — литературный критик, организатор литературного процесса. Родилась в 1997 году в Смоленске. Окончила Московский государственный институт культуры по специальности «литературное творчество». Критические статьи опубликованы в журналах «Юность», «Наш современник», «Москва», «Сибирские огни», «Дружба народов» и др. Лауреат Всероссийской литературно-критической премии «Неистовый Виссарион» (специальный приз «Перспектива») и др. В разное время работала руководителем проектных офисов Ассоциации союзов писателей и издателей России, руководителем проектного департамента Фонда кино. Заведует отделом критики журнала «Наш современник». Живёт в Москве.

雅娜·萨弗罗诺娃

萨弗罗诺娃·雅娜·弗拉基米罗夫娜是一位文学评论家和文学活动组织者。她于1997年出生在斯摩棱斯克。毕业于莫斯科国立文化学院，主修“文学创作”。她的评论文章发表在《青春》、《我们当代》、《莫斯科》、《西伯利亚之光》、《人民友谊》等杂志。曾荣获全俄文学评论奖“狂热的维萨里昂”的特别奖“前景”等奖项。曾在不同时期担任俄罗斯作家和出版商协会项目办公室主任、电影基金会项目部主任。她目前负责《我们当代》杂志评论部。现居住在莫斯科。

ПОРА ЛИХОЛЕТИЙ

О романе Веры Галактионовой «Спящие от печали»

*Вселенский ужас веет над землёй,
Взлетает вихрем вырванный барак.
Кривляясь, звёзды рушатся во мрак,
А двое спящих держат путь домой.*

Георг Тракль

Так вышло, что об одном из главных романов начала двадцать первого века в критике сказано было немного. С момента публикации «Спящих от печали» Веры Галактионовой прошло уже почти десять лет. Но произведение, масштабно осмысливающее трагедию русского народа в девяностые годы, само в полной мере осмыслено не было. Из всех немногочисленных литературно-критических публикаций о романе стоит выделить две: статью известного критика Капитолины Кокшенёвой «Роман-крест Веры Галактионовой» и исследование «ассоциативно-символических рядов повести» доцента Кубанского госуниверситета Станислава Чумакова — «Знаки гибели и надежды».

Обе работы концентрируются в основном на частностях, отдельно выделенных аспектах текста. Наиболее очевидно это в статье Кокшенёвой, главная мысль которой в следующем: «Роман «Спящие от печали» — самое глубокое и тонко-ограниченное произведение новейшего времени, построенное на крестоцентричном и христоцентричном фундаменте». Далее Кокшенёва развивает авторскую концепцию, объясняющую, почему это так: оказывается, что и движется роман, и герои распределены — чётко по горизонтали и вертикали. Только вот сосредоточившись на доказывании геометрического тезиса, критик исключает из поля своего зрения всё к нему не относящееся. В ином направлении работает Станислав Чумаков. Его академически точные рассуждения о «Спящих от печали» серьёзны и внимательны. Чумаков подробно рассматривает образно-символический пласт произведения, выявляет основные смыслы и мотивы, однако на этом останавливается.

Другая проблема — в том, что ни один из критиков, писавших о романе, не усомнился в его художественном методе. Так, Чумаков как бы невзначай несколько раз произносит: «...новое произведение Веры Галактионовой, уже заслужившей репутацию одного из отечественных первопроходцев психологического реализма»; «Это не означает, что Вера Галактионова в чём-то отходит от крепкой реалистической основы своего произведения». Кокшенёва же лишь оговаривается, что подлинное обновление литературы возможно только «как преодоление «гипноза» простейшей реалистической эстетики и понимания художественной практики как глубоко-личностного переживания христианских смыслов».

Определение «Спящих от печали» как психологического реализма и реализма вообще вызывает сомнения. Роман обладает рядом черт, которые позволяют предположить его принадлежность к модернизму. Возможно,

именно из-за ошибки в определении метода случаются разночтения в жанровом определении. Например, Кокшенёва без раздумий называет произведение романом, а Чумаков убеждённо зовёт его повестью. Но если попробовать рассмотреть «Спящих от печали» как модернистский роман, многое встанет на свои места.

Во-первых, в романе реализуется характерная модернистская установка «мир-хаос». В «Спящих от печали» перед нами — страна в эпоху кризиса, страна, ввергнутая в социальную катастрофу на крутом историческом повороте. Действие романа происходит в азиатском степном городе Столбцы (Казахстан), который после развала СССР оказался за географическими пределами России. Жители его существуют в ужасающей бедности: горно-обогатительный комбинат закрылся, и люди просто не могут больше найти для себя достойного занятия. Пустота, холод и печаль царят в ночном обесточенном городе. Конкретный момент повествования — ночь Великого Перелома, бурана, когда зима побеждает осень и утверждается в своих правах. В эти часы обитатели маленького барака спят и видят сны, их прошлое и будущее являют себя в тяжёлом сновидении. Будто в состоянии сонного паралича, они не могут очнуться от осознаваемого кошмара. Белая бабочка дрёмы летает над ними и творит всё новые видения. Спящие от печали — не только конкретные герои, но и весь народ, который не может очнуться от болезненного оцепенения.

Во-вторых, в основе произведения лежит христианский миф: молодая мать Нюрочка и её муж Иван растят младенца Саню, в котором брезжит будущее избавление. С новым мессией связан ряд событий, прямо указывающих на его высшую природу. Это и Вифлеемская звезда — «весёлая звёздочка», зажигающаяся от крика Сани; и Сретение — наречение Сани монахом Порфирием; и Благовещение — «весть», принесённая тремя белыми голубями в финале. Кроме того, заброшенные горные работы сравниваются со строительством Вавилонской башни, где раньше звучал «гвалт языков и наречий со всего Советского Союза». Не раз упоминается и «небо вынужденного греха», под которым жители Столбцов оказались не по своей воле. Принципиальное мифологическое мироощущение романа выражается также в тотальной символизации художественного пространства и, как следствие, сакрализации мифа.

В-третьих, в романе присутствуют формальные признаки модернизма. Его структура — это совмещение эпизодов, которые каждый из героев видит во сне и переживает в настоящий момент. Полноценная картина складывается благодаря частому чередованию повествовательных планов — прошлого, настоящего и фактического момента сна. Постоянная смена кадра может быть названа приёмом монтажа. Частые временные сдвиги и переплетения образуют свободную композицию. В «Спящих от печали» отсутствует единая сюжетная линия, фабула нивелирована. Вместо этого — множество сюжетных линий, каждая из которых лишена линейности повествования. Монтаж, свободная композиция, уничтожение фабулы и отсутствие линейности — типичные формальные характеристики модернистского романа.

Примечательно, что критик Алексей Татаринov в одном из своих выступлений схоже характеризует роман: «Прекратите пользоваться словом

«постмодернизм». Иначе на долгие годы попадёте в компанию унылых демагогов. Попробуйте посмотреть на литературный процесс XXI века как на яркий, вполне личностный «неомодерн». <...> Есть ли патриотический неомодерн? А как же! Роман Петра Краснова «Заполье». Роман Владимира Личутина «Беглец из рая». Повесть Андрея Антипина «Дядька». Роман Веры Галактионовой «Спящие от печали». Роман Юрия Козлова «Свобода». Весь Проханов...» И, хотя введённый Татариновым термин существует в рамках совсем неоднозначного призыва, внимания и размышления он заслуживает точно.

«Спящие от печали» — произведение гораздо более сложное, противоречивое, многогранное, чем то представление о нём, которое складывается после прочтения критики. И его открывшаяся модернистская природа станет отправной точкой для подробного и внимательного рассмотрения.

Теперь разберёмся в сложном устройстве «Спящих от печали». Кокшенёва сводит его к крестоцентричности, настаивая на том, что в романе есть образы «осевые», вертикальные (старшее поколение, хранящее прошлое), и горизонтальные: «Подлинная ценность определяется вертикальной концепцией — горизонталь не удержит человека в образе «вполне человека» (библейское) и историю в образе, присущем русскому народу». К людям «горизонтальной оси» критик причисляет, например, молодых братьев: наркомана и бандита. Кокшенёва не иллюстрирует свою мысль подробным делением героев, потому читателю остаётся самому домысливать принадлежность персонажей к той или иной линии. Вообще всё это напоминает скорее философию «Общего дела» Н. Ф. Фёдорова, где утверждается, что прежде всего физически горизонтальное положение для человека — зависимое, и в процессе своей эволюции он приходит к освобождению, т. е. к положению вертикальному. Но если бы образную систему «Спящих от печали» можно было решить двумя пересекающимися друг друга росчерками, доказательная база Кокшенёвой была бы гораздо более внушительной...

Действительно, в романе можно выделить два основных типа героев, да вот только по другому принципу, и в тесном взаимодействии друг с другом. Это «бывшие» советские люди, с развалом Союза лишившиеся своих социальных ролей, и «нынешние», окончательное взросление которых пришлось на ранний постсоветский период.

Среди первых — деятельная учительница физики Сталина Тарасевна. Вместо ударного педагогического труда она теперь сторожит автозаправку и мечтает о случайной бандитской пуле. Причины мечты утилитарны: если убьют на работе, похоронят бесплатно. У семьи Тарасевны, которая состоит из дочери, безработного зятя и внучки, денег не то что на похороны, а даже на жизнь — нет. Сон Тарасевне приходит соответствующий: «Даже под тяжёлым одеялом она спала в позе бегущей стремглав старухи — выбросив руки вперёд, к желанной цели, и широко улыбаясь во сне беззубым ртом: Тарасевне снилось, что её убили».

«Бывшим» является и старик-азиат Жорес, несмотря на свою национальную принадлежность остро ощущающий потерю страны. Всю свою жизнь Жорес тяжело и честно работал на стройках социализма, а теперь,

отселённый в барак предприимчивой невесткой, мучается от честно же заработанных когда-то болезней: «Бросает старика Жореса то в нестерпимый жар, то в холод проклятая ревматическая лихорадка. Гуляет в теле болезнь, змеится, будто позёмка, лижет ледяными тонкими языками его суставы — и жжёт. Или это он опять плывёт в зимнем котловане, отыскивая в бурлящей ледяной воде край трубы».

В самой крошечной комнате обитает всеми забытый поэт Бухмин. Ставший своей тенью, эгоцентричный и когда-то известный, он предпочитает лишний раз себя собой не ощущать: «Давно уже не весёлый и не красивый, поэт перестал смотреться в навесное зеркало — из стекла глядела на него после умывания только тёмная и старая чья-то рожа с жёсткими волосами, торчащими из ноздрей, из жёлтых огромных ушей. А таким бывший красавец Бухмин видеть себя не желал. За хлебом он выходил в сумерках, брёл кривой захолустной дорогой, где не было встречных людей, в магазине же прятал лицо в воротник».

Менее сочувственно изображён свекр Нюрочки, Бирюков-старший, который регулярно приходит к молодой семье, чтобы упрекнуть в нечестном заработке и набить желудок чужой едой. Сам же Бирюков-старший в партийное своё время пользовался властью не во благо: «Он, когда партийный был, горнякам часы урезал, из принципа! А они ведь таких фуфайками душили...» В настоящем Бирюкову осталась только его любимая история про молодую проститутку, которой он добродетельно дал денег и отпустил. Но, несмотря на хроническую гордость этим главным поступком в своей жизни, Бирюков всё же до сих пор о деньгах помнит и желает их вернуть.

Каждому из «старших» героев соответствует определённый образ-символ, так или иначе их определяющий. Для Тарасевны это — плюшевые передники. Её бывший ученик, коренной житель азиатских Столбцов, когда-то ругаемый ею за незнание русского языка и в особенности — за игнорирование знаков препинания, теперь стал большим депутатом. Но главное: «И ещё целый набор передников подарил Тарасевне — синих, цвета школьных тех тетрадей, в которые ставила она ему двойки, двойки, двойки. И на каждом переднике, посередке, красуется огромный полукруглый белый карман. А на кармане — большущий знак препинания». Тот, кого учительница корила за безграмотность, научил её новой грамоте. И она носит знаки позора с честью, ведь «ценить надо, что ещё не трогают нас и жить нам дают».

Течение жизни Жореса задают старые часы, которыми он когда-то был премирован за подвиг на котловане. И они «не отсчитывают время, а куют его, раскалённое, на какой-то железной наковальне — бум, бум». Непреходящей заботой Бирюкова-старшего является продажа старого ружья, свидетельства его былой силы. Но партийный прямой ствол без труда погнули бандиты в драке, потому теперь, с поправкой на современность, мужчина пытается продать согнувшееся, ни на что негодное, бездейственное оружие прошлого.

Судьбоносен образ-символ для Бухмина. Его старую квартиру с лёгкостью отнимает предприимчивая женщина, угрожающая выдуманном от него ребёнком — помогает ей в этом и переселяет Бухмина в барак хитрый спекулянт с блестящей серьгой в ухе. В своём новом жилище над окном

Бухмин видит кольцо из нержавеющей стали. И предполагает, что на нём висела клетка: «С певчей? — обомлел поэт от своей догадки. — Где же она теперь? — Всё певчее теперь сдохло! — грубо оборвал его обалдуй с серьгой». Певчим больше здесь не место, в их числе — забытому поэту. Символ свободы рифмуется с аксессуаром пройдохи-обманщика и в него трансформируется. Важно, что именно на этом потерявшем своё сакральное значение кольце Бухмин в итоге вешается.

И бывшее когда-то важным и значимым из фильтра времени выходит покалеченным. Гордость превращается в унижение, подвиг в мучение, сила в слабость, свобода в неволю.

Как уже было сказано, все «бывшие» потеряли свои социальные роли. Но проблема несколько шире, чем просто потеря занимаемого в обществе положения. Перед нами — «люди труда, у которых отобрали труд». Для советских людей выпадение из трудового процесса равносильно социальному самоубийству. Потому все перечисленные образы-символы олицетворяют занятие, деятельную сферу потерянной жизни, которая навсегда останется с ними.

Из-за этого и взаимоотношения между «бывшими» и «нынешними» во многом строятся на оценках образа труда первых. «Младшие» тесно связаны со «старшими», они — их полюса, их искривлённые зеркальные отражения.

Бесконечно раздражающий Тарасевну зять, молодой безработный физик Коровко, экзальтированно рассуждающий о науке, вопиюще отвратителен ей своей бездеятельностью в противовес её энергичности. Порой даже прямо называются антонимично-схожие черты: «В общем, надежды на зятя не оставалось никакой. То он степень свою защищал, ездил и ездил от семьи, пока границ не было. Потом дома бумагу без толку марал. Школьные тетрадки у детей перетаскал, их шариковые ручки исписал без счёта, последнюю точилку для карандашей вчера сломал! А теперь наладилась такие речи вести, будто не Тарасевна в школе проводила свои политинформации из года в год, а он, который и газет-то не читал...» Честная работа старика Жореса трагически преломляется в двух его внуках. Один из них — бандит, угрожающий Нюрочке в случае неотчетных чувств посадить её сына на иглу, а мужа убить. Второй — наркоман, которому решено молодую мать передать после всех обещаемых зверств. Бесхитростности и слабости Бухмина противопоставлен упомянутый паренёк с серьгой, который двумя словами ловко решает квартирный вопрос поэта и моментально исчезает из его жизни. Также, как Бухмин когда-то исчез из жизни своей тётки и возлюбленной...

Самое явное, обратное отражение — это Бирюков-старший и семья его сына. В каждый приход к молодым Бирюков-старший поучает: «Ра-бо-та-ть надо!!! Спекулянты вы, а не дети. <...> А сами кто? Рабочий класс? Нет: шантрапа вы. Барыги». Спекулянтами молодых людей он называет потому, что единственным доступным способом заработка для них стало плетение похоронных венков и изготовление водки. Но смерть в своём доме Бирюковы-младшие приютили ради жизни: любыми способами им нужно вырастить Нового человека, Саню — «слабого, что поднимет сильных», того,

кто разбудит спящих от печали. В шаблоне мира Бирюкова-старшего продавать водку и торговать похоронными венками — недостойно, привычный ему строй порицает это.

«Нынешние», представленные в романе, воспитаны в условиях нового времени. Они, не имея за плечами иного опыта, совершенно естественно «встраиваются» в реальность и ищут способы выжить. И если Тарасевна желает скорой смерти, Жорес тяготится болезнями, Бухмин не может выдержать состязания с реальностью и кончает с собой, то молодые не так категоричны. Внуки Жореса, бандит и наркоман, а вместе с ними паренёк с серьгой растворяются в существующих условиях и становятся типичными представителями времени. Коровко и дочь Тарасевны Галина существуют в режиме экономии энергии, пассивно надеются на будущее. Схоже для своей цели накапливают силы Нюрочка и Иван. Даже речевые характеристики «нынешних» резко отличаются от «бывших». Молодые говорят коротко, скупое, часто не отвечают вовсе. Вот бандит угрожает Нюрочке: «Упрямая, да? Чухан будет — ребёнок твой. Игла, игла. Лучше открывай». А это сама Нюрочка и Иван игнорируют увещания Тарасевны: «Чужих вождей мы выучили, а своего-то вождя, заступника своего, не догадались взрастить! Народного, нашего. Настоящего... — Иван словно не слышал и на яркий восклицательный знак внимания не обращал. <...> Крошечный, — не слушая Тарасевну, говорила Нюрочка и улыбалась младенцу. — Маленький...»

Но в этом сложном лабиринте отражений роднит и объединяет «нынешних» и «бывших» общая беда. Народ ощущает себя исторгнутым страной, потерянными, блуждающим. Ощущение катастрофы оглушает, предчувствие конца постоянно сменяет истерическая, мессианская, высшая надежда: «Мы — человеческий хлам, живой сор, многомиллионные отбросы, плачущие по всем окраинам бывшего Союза, на бывшей своей земле. Мы — бывшие советские люди. Мы — бывшие люди. Но мы — хлам, который прорастет. <...> Пожелтевшие от времени страницы старых наших книг ждут тебя, Саня... Скоро, скоро я покажу тебе большую премудрость, спящую в толстых томах. В одном из них писатель с бородою говорил о человеке Неклюдове, в другом писатель без бороды рассказал о человеке Хлудове. Клюв, хлуд — это хлам, Саня. Хлюд, клюд это сор». В этом выразительном и мастерском с точки зрения языковых средств отрывке нам открывается один из основных мотивов произведения. Молодая мать неоднократно повторяет, что воспитает нового человека с помощью «пожелтевших томов», которые, быть может, она сама в поспешности понимает не до конца, но Сане передаст в безусловной достоверности. Не случайно упоминаются персонажи романа «Воскресение» Толстого и пьесы «Бег» Булгакова: спаситель человечества должен быть воспитан на классической русской культуре.

Совершенно отдельно, будто «над» текстом, располагается следующая группа образов: сумасшедшая, немая и монах-штатун Порфирий. Галактионовские блаженные, они тесно связаны с понятием «границы» в художественном пространстве романа.

Сумасшедшая в советские времена встречала приезжающих утренним поездом в Столбцы предостерегающими криками: «И плакала безутешно

над будущими их судьбами, и билась поодаль, в полыни, и кружила, и ругала спешащих к новой жизни по старому степному тракту — со своими сумками, тюками, чемоданами; с направлениями на комсомольскую ударную стройку: «Дураки... Какие дураки-и-и... К беде своей приехали! Вернитесь!!! Не поздно ещё...» Её видела и Тарасевна во времена своей ранней юности, когда приехала работать в маленький городок учительницей. Именно она на протяжении всего повествования находится в самой тесной связи с юродивыми и, несмотря на своё атеистическое мировосприятие, замечает трёх белых голубей, которые «пересекли линию человеческого взгляда крестообразно» — весть о будущем спасении русского народа.

Сумасшедшая, сгнувшая во времени, оставила по себе память: на месте её беспрестанного кружения теперь стоит остановка из тюремной решётки, олицетворяющая ту самую, ненавистную жителям азиатской страны границу. И каждый день толпа людей, движимая инстинктивной злостью, сносит её в едином порыве: «Бежит толпа. И вот уже десятки рук, мужских, женских, детских, ухватившись за чугунные ребристые прутья, раскачивают решётку по всей длине — упрямо, неистово, молча... До тех пор, пока, заскрипев, заскрежетав, покачнувшись, не опрокидывается она в канаву, с грохотом, вся как есть». Остановка — символ неестественного рубежа между Россией и странами бывшего Советского Союза. Границы, расчертившие целое на части, разорвавшие единую ткань на лоскуты, являются предметом бесконечной народной ненависти.

Связан с лейтмотивом романа и образ немой, жившей в бараке в комнате номер три (цифра явно неслучайная), но пропавшей без вести. О её судьбе снова беспокоится одна только Тарасевна. Немая стережёт жизненные границы барачных жителей. Она, введённая в повествование после исчезновения сумасшедшей, является как бы её прогрессией. Из «смуглой красавицы юродивой» становится «дебелой немой», предупреждает о страшном не криками, но мычанием, потому что время отняло у неё речь. Вырождается, исходит, слабеет.

Немая предвещает несчастье Нюрочке: «Я лично, сказала ей дебелая немая, ударяя себя кулаком в грудь, за такого, показала она на Ивана кулаком и скрючила палец, никогда, никогда бы не вышла, мотала она головой. А Нюрочка — красавица! Вот!» Но что самое важное — немая является вестником центральной притчи романа о русском голубе, прилетающем в азиатскую степь, когда русский народ сошёл со своего пути. Именно немая своим страшным мычанием приводит всех к растерзанным голубем молодым голубятам и оставшимся от голубки кровавым перьям. Подведя русских к знамению об их конце, она пропадает навсегда.

Кульминацией «юродивого» в романе становится образ бродячего монаха Порфирия, калики перехожего. Не зря Галактионова «вводит» этого героя под конец повествования. Для него нужно было подготовить почву, он — объединяющая высшая сила, олицетворённая древняя Русь, предвестник главного события. Порфирий носится из одной части Руси в другую, собирает и носит на себе грехи всего народа. Ряса его состоит из множества разных кусочков чужих одежд, которые он сшивает на себе воедино. Сводя вместе потерянные части страны, разных людей, он прострачивает крепкой ниткой метафизические границы: «На подоле, к примеру, алел

кружок, вырезанный из детского носка, изношенного понизу, но вполне крепкого сверху. Зеленела также на правом боку особо надёжная заплатка из старой солдатской гимнастёрки. И даже крепкий угол выцветшего бабьего платка весьма уместно синел на левом его локте». Из уст Порфирия звучат две основные мысли «Спящих от печали». Это — и корневое понимание проблемы границы: «Истинно! Правое дело — заградить межи. Заштопать их надобно научным путём», и осознание чужеродности нынешней власти: «Нет, не власть нам та, что не от Бога. Которая не от Бога — никакая она не власть нам, нет...» Понятно, что Порфирий — лишь предтеча будущих событий, пока он только отмаливает народ.

В конце романа монах возжигает огромное количество свечей за всех своих близких, за все двадцать миллионов, которые никогда не узнают об этом. А затем... Порфирий засыпает, и во сне получает разрешение завершить свой путь. Засыпает, благодаря чему возможно пробуждение для брошенного народа Столбцов от вязкой печали. Засыпает за него.

Важна и встреча Порфирия и Сани, в результате которой Порфирий нарекает ребёнка воином: «Скажи только: воин — здесь пребывает, а Спаситель — там, над нами. Быстрой дорогой Воин к нему идёт... Или ничего не говори. И без меня всему научены будут, в положенный-то срок». Крик пробуждения Сани становится возможен только благодаря жертве Порфирия.

Конечно, можно и нужно сказать о том, что при формальном рассмотрении романа внезапное появление Порфирия может быть расценено как «Deus ex machina», неорганическое внедрение в текст идеологического подтекста. Но на самом деле Порфирий, поднявшийся над текстом в заключительной части романа, является его логическим выводом. Сумасшедшая, немая, Порфирий, Саня — все эти надмирные, пророчески-мессианские герои на самом деле выразители главных идей и посылов произведения. Стоящие как бы отдельно от сложно организованной образной системы, они поднимаются над ней и делают его законченно цельным. Постоянно повторяемое «Расти, Саня, расти» окончательно утверждается напутствием Порфирия. Только благодаря ему читатель может быть уверен, что Саня теперь точно вырастет.

Как мы видим, двухчастная структура при более подробном рассмотрении легко превращается в трёхчастную, но и это ещё не предел. На самом деле в романе живёт множество других героев, которые не умещаются в схему и могут послужить основой для построения новой концепции.

До конца не обозначенной остаётся родовая линия Жореса: образы двух его сыновей, Максима и Горького, могут быть прочтены как два характерных пути их поколения. Максим умер пьяным в пожаре, а Горький поддался тотальной американизации и даже называться стал по-новому: Гариком. Но это не спасло его от угасания вблизи деспотичной торгашки, «чёрной боевой курицы», его жены. Она же, когда-то отселившая Жореса в барак, может быть сопоставлена с отчаянной мучительницей Бухмина, новой владелицей его квартиры.

А ведь есть ещё и мир чуханов, детей-оборванцев, которые живут в подвалах заброшенных цехов. Среди них особенно выделяется девочка-проститутка Алина: вынужденным трудом она добывает еду для детей и из

последних сил заботится о своём младшем брате. Образует с ней синонимичную пару внучка Тарасевны, Полина, домашняя, искренне верующая и готовая заранее всех простить. Образную цепочку можно продолжать до бесконечности, различным образом группируя и связывая персонажей между собой. Ясно одно: роман «Спящие от печали» простирается за пределы любых концепций и схем, он в них просто не «влезает», что лишний раз говорит о масштабе изображения.

Подобно многогранной образной системе романа, метафорическая основа произведения тоже имеет несколько слоёв. В «Спящих от печали» существует два вида метафоры: внешняя развёрнутая и внутренняя сквозная. Внешняя характерна тем, что её мы можем обнаружить при беглом взгляде на текст, она наиболее очевидна. И даже вынесена в заглавие, ведь сон здесь имеет второе значение. А именно: забытие не только жителей городка, но и перманентная тяжёлая дремота многонационального народа бывшего Союза. Это могучая метафора, довлеющая над текстом и подчиняющая его себе. Внутренняя же метафора — та, что находится в «глубине» текста и постоянно развивается. Самой важной внутренней сквозной метафорой является кровь, на которой буквально «замешан» роман.

В первый раз кровь упоминается как связующее звено между матерью и ребёнком, Нюрочкой и Саней: «Да, да... Мужчина не сопряжён с ребёнком нужным количеством крови, и боли, и мук». Затем кровь наделяется свойством содер­жательности, через неё Нюрочка собирается передать Сане знания: «Я торопилась прочесть их до твоего рождения, чтобы кровь моя влилась потом в твои маленькие вены и артерии, обогащённая важным знанием — да, наскоро обретённым, да, лихорадочно усвоенным, да, непомерным для меня знанием». Ещё раз кровь в своём онтологическом значении звучит в связи с вопрошающим призывом Нюрочки к жителям Гнезда, места в десяти километрах от Столбцов, где в роскоши живут богатые повелители этого мира. «Звери! Зачем питаетесь вы нашими живыми жизнями?» — восклицает мать во сне и не получает ответа. Здесь же мы узнаём, что Нюрочка страдает малокровием, из-за чего Саня родился, задыхаясь. От малокровия послеродовые швы никак не могут зажить, и, чтобы избавиться от болезни, Нюрочке нужно гулять под солнцем и пить гранатовый сок. Его вампирически сосут из высоких стеклянных бокалов повелители Гнезда, «сбивающие свой наркотический коктейль из цветных точек — неустанно смешивающих в своём мерцании Запад с Востоком, Восток с Западом в одно дикое, рябое месиво, в котором становится всё больше красного, багрового, тёмного». Они полностью отняли у народа жизненно необходимые ресурсы и теперь празднуют это за своими более чем полными столами. Это в первом значении, буквальном. В переносном же смысле обитатели Гнезда пьют кровь выброшенных за границы, оставляют их страдать от обескровленной, призрачной жизни.

С течением повествования кровь продолжает трансформироваться. В одном из лучших эпизодов романа Порфирий будто случайно показывает Тарасевне, как выбраться из тьмы, их окружившей. В ответ на её напористые вопросы он наливает вино в стакан: «И вот глядит она на тонкую алую струйку, глядит. До половины красен стакан, а там и на три четверти багров,

вот уж совсем он полон и чёрен стал почти. Молчит Порфирий и своего занятия не прерывает. Молчит и Тарасевна, опешив от происходящего. Через край льётся дешёвое терпкое вино, на свежую скатёрку её, выстиранную с хозяйственным мылом и прокипячённую в старой кастрюльке до полной, ослепительной белизны, а бродяжка всё льёт! <...> Слово «хватит» запомнила, нет? Или ещё, вот, слово есть. Не слабей оно этого: «довольно». Сумеешь ли распознать, когда надо его произнести?». Вино олицетворяет как человеческое терпение, которому когда-нибудь должен настать конец, так и всё ту же народную кровь, льющую через край.

С этой трактовкой связана и следующая, заключительная метаморфоза. Главный символ терпения в романе — чайный гриб, который выращивает Тарасевна на своём окне. Вещество растёт в любых условиях, но лучше всего «набирает» от случайных слёз старой учительницы. Бухмин, которого стеклянные банки на подоконниках бесконечно пугают, видит, что «в разбухающей осклизлости уже зарождается некий багровый знак — что-то живое и ещё не грозное, похожее на малый кровавый сгусток внутри куриного яйца, он видел это, видел. Как в избыточности терпения зарождается кровь...». Внутри всенародного великого терпения зарождается русский бунт, кровь, которая может пролиться в любой момент.

А Тарасевна видит опасно зовущее красное в небе над степью, прямо над банкой с чайным грибом: «Но там, над грибом, всё разрастается отчего-то красное, багровое, пугающее Тарасевну — то ли это болезнь её расцветает над степью зловещим заревом, то ли страх перед смертью домашней искажает зренье сторожихи, хватающейся за сердце здесь, в бараке, не на производстве». Маленькая дорожка крови, соединяющая родных людей, ручейками растекается по почве романа. Только ребёнок может разбить банку, чтобы остановить течение крови.

Причудлива мелодия галактионовской прозы. Ощущение баюкающей монотонности достигается за счёт ритмических повторений. Не прекращается беспокойная колыбельная Нюбочки, которая задаёт ритм всему повествованию. «Расти, Саня, расти», — повторяет мать свою мантру, баюкая спящих от печали. Этот пульс начинает биться всякий раз, когда воспоминание спящих затягивается. Речь Нюбочки — источник наиболее отчаянной и отчётливой ритмизации: «Я должна буду сказать очень многое тебе — и как можно раньше... Но, окрепнув и возмужав, однажды ты потребуешь ответа от них — от всех, кто решает, и решает, и решает, что русские — хлам...» В такие моменты повествование достигает своего интонационного пика и, прерываясь, исходит в другой эпизод.

Когда же в это затверживание вмешивается автор с описательной или даже публицистически окрашенной речью, рассказ приобретает особенно гулкое звучание. Интонация Галактионовой простирается далеко за пределы синтаксически обозначенного предложения, продляется в эхо: «И не завывает ветер в выбитых окнах брошенных многоэтажек, торчащих на горе. Немо зевают они в ночи, без вдоха и выдоха. Низом, низом летит стремительный лютый холод. И уже оцепенела от него земля, сделавшись каменной».

Язык произведения насыщен и образен. Работая с многозначием и многомерностью слова, Галактионова достигает настоящей поэтичности:

«У тебя нет света, в земле... И здесь его тоже нет... Конец света, Лиза, наступает у нас тоже — каждый раз, когда отключает электричество кто-то, завладевший светом. Всем светом... Концом света». Построенный на омонимичности слова «свет», пример этот существует сразу в нескольких жизненных плоскостях.

Не только языковая игра доступна Галактионовой, но и богатая языковая образность. Вот, например, динамичное и наполненное описание перелома осени зимою: «Зима овладевала городом. Она норовила снести махины тяжёлых голосащих домов и завертеть их по кругу, как спичечные коробки. И не было больше багрового зрака в вышине, лишь свинцовая серость тихо плавала над бурей, теряя свои очертания, пока и её не поглотила воющая, ревушая тьма. Только сухое электричество посверкивало мелкими холодными зимними молниями, коротко вспыхивающими в недосыгаемой высоте...» Пульсирующее художественное пространство одушевлено и будто само ощущает свою пустынную и оставленность.

Мир «Спящих от печали» и вообще восприимчив и чуток к состоянию героев, он реагирует на присутствие того или иного героя резкой образной вспышкой, соответствующей ситуации. Реальность то демонически клубится: «А внук его, пахнувший парным мясом, жарко дышит в коридоре, переступая с половицы на половицу. И табачный дым вползает оттуда волнами. Они, длинные, сизые, шевелятся возле младенца, поднимая змеиные головы»; а то упорядоченно концентрируется: «Точно посередине круглого стола стояла пустая круглая солонка, потому что соль кончилась в доме. Иван и Нюрочка сидели вокруг небольшой пустоты, заключённой в тусклое стекло...» Но есть и обратный процесс: образность меняется, «подстраивается» под мироощущение героев. И если в деревенской юности Нюрочки мы можем осязать чистую пустоту, то в её постсоветском материнстве — уже только фантазмагорические видения.

«Спящие от печали» — огромная паутина, где каждая нить пересекает другую и тянет за собой третью. Она замысловато сплетена, и за рассмотрением её хитрого узора можно провести часы. Она крепче стали и обладает удивительным свойством останавливать кровь. Она состоит из множества маленьких частей — и является единым неделимым целым.

Роман масштабен и многообразен. В нём есть герои со своими судьбами; сложная образная система; различные виды метафор; многоуровневая работа с языком. С помощью сложной архитектоники текста Галактионовой удалось передать суть переходной эпохи, сделать это достоверно и монументально. И даже то, что произведение написано так, как оно написано, будто бы объясняется самой сутью хаотичного времени. Период девяностых годов в России — это и есть распад целого, после которого человек ощутил себя неприютной частицей несуществующего. Это великое множество людей, прошлое и будущее которых стали контрастны. Героя времени больше нет, тут все — герои, резко почувствовавшие себя антигероями в условиях случившегося выживания.

Однако финал романа, имеющего в своей основе миф, решён в спорном с ним соответствии. История всеобъемлющей народной боли неожиданно заканчивается прилётом трёх голубей, которые несут «весть». Кокшенёва,

например, видит в этом органический художественный выход: «Как большой художник, Вера не могла оставить героев в эсхатологической тоске — знаком новой жизни и надежды станут три белоснежные белые птицы, крестообразно пролетевшие над Столбцами (так видели герои)». Но почему? С прилётом трёх белых голубей перестает ругать зятя Тарасевна, а внуки Жореса пропадают из города, «спешно уехав куда-то в степь». Галактионова авторитарно убирает их из романа, однако ощущение художественной правды и последовательности подсказывает: они не могут просто исчезнуть. В данном случае символ в романе подменяет объективную реальность.

Гораздо более мощным средством против «эсхатологической тоски» кажется пронесённая через весь роман надежда на подрастающего Саню. Да, это ещё не утверждение, но уверенное предположение. Критики говорят о Сане в одном ключе: «Катарсис намечен, но отложен... Надежда дана, но остаётся и трагизм. Ещё слишком мал Саня, и непредсказуемы перипетии его дальнейшей жизни»; «Этого героя пока почти что нет, он — русское может быть. Здесь русская надежда, шанс на воскресение всех прошлых побед. Герои романа сами не смогут, только Саня». Тарасевне же Саня и вовсе видится будущим вождём русского народа: «Чужих вождей мы выучили, а своего-то вождя, заступника своего, не догадались взрастить! Не подготовили! Великого. А почему?.. Мы, мы, все учителя, сами себе должны за это поставить двойки!» Но если перипетии жизни приведут не туда, если «может быть» не превратится в «точно», то результат, к сожалению, вполне предсказуем. Спящие от печали так и не проснутся, а все возможные революционные действия, вдохновлённые «вождём», будут совершены в ненадёжном порыве снохождения.

Зайти на новый круг сна — не совсем то же самое, что вырваться из него. И если надежда на Воина и Защитника представляется зыбкой и сомнительной, то вера во взрослеющего ребёнка как в нового человека, символ следующего родового звена — тверда и имеет под собой основания. Дело же не только в Сане, чудо-мальчике, который придёт и всех спасёт. Ведь и внучка старой учительницы, упорствующая пойти на уроки в пустую зимнюю школу, отвечает на вопрос бабки: «Зачем идти, Полина? Что, президентом ты станешь главным?» — весьма однозначно: «Если надо, стану». Да и проститутка Алина, жертвуя собой, спасает от голода мать и детей-чуханов. Два второстепенных старших «детских» образа, две стороны одной медали, Полина и Алина, уже готовы брать на себя ответственность. Их наличие в романе позволяет говорить о том, что это не история о лидере-мстителе, а произведение о народном оздоровлении через приходящих в этот мир новых детей России. По мысли Галактионовой, вырастить не только Саню, но его поколение, где он будет первым среди равных — общее дело. Благо, время на это есть: ведь Сане пока только десять лет.

В конце одного из интервью Галактионову спросили, на какой вопрос она хотела бы ответить, но ей его не задали. Писательница быстро нашлась: «Вы не спросили, какое самое короткое стихотворение, на мой взгляд, отражает время распада Советского Союза. Вот оно:

*Думали: нищие мы, нету у нас ничего,
А как стали одно за другим терять,*

*Так что сделался каждый день
Поминальным днём, —
Начали песни слагать
О великой щедрости Божьей
Да о нашем бывшем богатстве.*

...Это стихотворение Анны Ахматовой. Датировано стихотворение 1915 годом. Выходит, есть пророки в нашем литературном Отечестве. Пророчицы тоже. А остальное приложится». И действительно, есть. Хотелось бы верить, что Вера Галактионова — одна из них.

Опубликовано в журнале «Подъём» (№3, 2019 г.)

动荡时期

——评薇拉·加拉克季奥诺娃的长篇小说《悲伤的沉睡者》

全球性的恐怖在地球上肆虐，
被连根拔起的营房在旋风中飞舞。
星星在黑暗中扭曲坠落，
而两个沉睡者正在回家的路上。
——格奥尔格·特拉克尔

事实证明，关于21世纪初最重要的长篇小说之一，薇拉·加拉克季奥诺娃的《悲伤的沉睡者》出版以来，已经过去了近十年，评论界的讨论相对较少。尽管这部作品规模宏大地反思了90年代俄罗斯民族的悲剧，但它本身却未得到充分的解读。在关于这部小说的为数不多的文学评论中，有两篇值得注意：一是著名评论家卡皮托利娜·科克谢尼奥娃的文章《薇拉·加拉克季奥诺娃的十字架式小说》，二是库班国立大学副教授斯坦尼斯拉夫·丘马科夫关于“小说联想和象征序列”的研究——《灭亡与希望的符号》。

这两项研究主要集中在细节和文本的特定方面上。科克谢尼奥娃的文章中最为明显，其主要观点如下：“长篇小说《悲伤的沉睡者》是当代最深刻且精雕细琢的作品，建立在以十字架和基督为中心论的基础上。”随后，科克谢尼奥娃发展了作者的理念，解释了为什么如此：原来，小说的情节发展和人物分布都严格遵循水平和垂直的布局。然而，评论家在集中证明这一几何学论点时，却将所有与之无关的内容排除在了视野之外。斯坦尼斯拉夫·丘马科夫则采取了不同方向。他对《悲伤的沉睡者》的学术性精确论述既严肃又细致。丘马科夫详细分析了作品的意象符号层面，揭示了主要意义和动机，但也仅止于此。

另一个问题在于，所有评论这部小说的批评家都未曾质疑其艺术手法。例如，丘马科夫似乎不经意地多次提到：“……薇拉·加拉克季奥诺娃的新作，她早已被誉为国内心理现实主义的先驱之一”；“这并不意味着薇拉·加拉克季奥诺娃在某种程度上偏离了她作品中坚实的现实主义基础。”而科克谢涅娃则只是附带提到，真正的文学革新只能是“超越最简单现实主义美学的‘催眠’，并将艺术实践理解为对基督教意义的深刻个人体验。”

将《悲伤的沉睡者》定义为心理现实主义乃至一般现实主义，这一点引发了质疑。小说具备一系列特征，足以让人推测其应归属于现代主义。或许正是由于在手法定义上的错误，才导致了体裁认定上的分歧。例如，科克谢涅娃毫不犹豫地将这部作品称为长篇小说，而丘马科夫则坚定地称其为中篇小说。然而，如果尝试将《悲伤的沉睡者》视为一部现代主义小说，许多问题便会迎刃而解。

首先，小说体现了一种典型的现代主义观念——“世界即混沌”。在《悲伤的沉睡者》中，我们看到的是一片处于危机中的土地，一个在

历史剧变中被卷入社会灾难的国家。小说的故事发生在一个位于亚洲草原上的小城——斯托尔布齐（哈萨克斯坦），这座城市在苏联解体后位于俄罗斯的地理边界之外。这里的居民生活在极端贫困中：矿石加工厂关闭了，人们再也找不到体面的工作。空旷、寒冷和悲伤笼罩着这座在夜晚断电的城市。叙事的具体时刻是“大转折”之夜，一场暴风雪中，冬天战胜了秋天，宣告了它的到来。在这几个小时里，小棚屋里的居民们沉睡并做梦，他们的过去和未来在沉重的梦境中显现。仿佛处于梦魇的状态，他们无法从意识到的噩梦中醒来。梦中一只白色蝴蝶在他们头顶飞舞，不断创造出新的幻象。“悲伤的沉睡者”的不仅是具体的角色，更是整个民族，他们无法从痛苦的麻木中苏醒。

其次，作品的基础是基督教神话：年轻的母亲纽罗奇卡和她的丈夫伊万抚养着婴儿萨尼亚，他象征着未来的救赎。与这位新救世主相关的一系列事件直接指向他的神圣本质。例如，伯利恒之星——萨尼亚的哭声点燃的“欢快的小星星”；相遇——将萨尼亚命名为修士波尔菲里；以及报喜——结尾处三只白鸽带来的“消息”。此外，废弃的矿山工程被比作巴别塔的建造，那里曾经回荡着“来自全苏联的各种语言和方言的喧嚣”。小说中还多次提到“被迫犯罪的天空”，斯托尔布齐的居民们并非出于自己的意愿而生活在这片天空之下。小说根本性的神话世界观还体现在艺术空间的全面象征化，以及由此带来的神话的神圣化。

第三，小说中具有现代主义的形式特征。其结构是将每个角色在梦中看到和当下经历的情节交织在一起。完整的画面通过频繁交替的叙事层面——过去、现在以及梦境中的实际时刻得以呈现。这种持续的镜头切换可以被称为蒙太奇手法。频繁的时间跳跃和交织形成了自由的叙事结构。在《悲伤的沉睡者》中，缺乏单一的主线情节，故事线索被淡化。取而代之的是多条情节线，每一条都打破了线性叙事的传统。蒙太奇、自由结构、故事线索的消解以及非线性叙事，这些都是现代主义小说的典型形式特征。

值得注意的是，评论家阿列克谢·塔塔里诺夫在一次演讲中对这部小说进行了类似的描述：“请停止使用‘后现代主义’这个词。否则，你将长期与一群乏味的诡辩家为伍。试着将21世纪的文学进程视为一种鲜明且极具个性的‘新现代主义’吧。〈……〉是否存在爱国的新现代主义？当然有！彼得·克拉斯诺夫的小说《扎波利耶》、弗拉基米尔·利丘京的小说《天堂逃犯》、安德烈·安季平的中篇小说《叔叔》、薇拉·加拉科季奥诺娃的小说《悲伤的沉睡者》、尤里·科兹洛夫的小说《自由》，还有普罗哈诺夫的所有作品……”尽管塔塔里诺夫提出的这一术语在其颇具争议的呼吁中使用，但它绝对值得关注和深思。

《悲伤的沉睡者》是一部远比评论所呈现的更加复杂、矛盾且多面的作品。而它所揭示的现代主义本质，将成为深入细致研究的起点。

现在，我们来剖析《沉睡于悲伤》的复杂结构。科克谢涅娃将其归结为以十字中心性，坚持认为小说中存在“轴心式”、垂直的形象（保存过去的老一辈）和水平形象：“真正的价值由垂直概念决定——水平线无法将人维持在‘完全人’（圣经意义上的）的形象中，也

无法将历史保持在俄罗斯民族特有的形象中。”她将年轻的兄弟——一个吸毒者和一个匪徒归于“水平轴线”人。科克谢涅娃并未通过详细的人物划分来阐释她的观点，因此读者只能自行揣测角色属于哪一条线。总的来说，这更像是尼古拉·费奥多罗夫的《共同事业》中的哲学体现，其中提出，人首先在物理上处于水平位置是一种依赖状态，而在进化过程中，人将走向解放，即垂直状态。但如果《悲伤的沉睡者》的形象体系真的可以用两条交叉的线条来解决，那么科克谢涅娃的论证基础将会更具说服力.....

实际上，小说中可以区分出两种主要类型的角色，但依据的是另一种原则，并且彼此之间存在紧密的相互作用。一类是“前”苏联人，他们随着苏联的解体失去了自己的社会角色；另一类是“现在”的人，他们的成长阶段恰逢苏联解体后的早期。

在第一类人中，有积极活跃的物理教师斯塔利娜·塔拉谢夫娜。她不再从事紧张的教学工作，而是看守加油站，并梦想着被匪徒的子弹意外击中。她梦想的原因很实际：如果在工作中被杀，可以得到免费的葬礼。塔拉谢夫娜的家庭——包括女儿、失业的女婿和外孙女——不仅无力支付葬礼费用，甚至连生活都难以为继。塔拉谢夫娜的梦境也与此相符：“即使在厚重的被子下，她也以一种狂奔的老妇人的姿势入睡——双手向前伸出，追寻渴望的目标，在梦中无牙的嘴巴大笑着：塔拉谢夫娜梦见自己被杀死了。”

曾经的亚洲老人热雷斯，尽管有着自己的民族身份，却敏锐地感受到国家的丧失。他一生都在社会主义的建设工程地上辛勤而诚实地工作，而如今，被精明的儿媳安置到简陋的宿舍里，他饱受因曾经诚实劳动而得的疾病折磨：“该死的风湿热让老人热雷斯时而感到难以忍受的炎热，时而感到刺骨的寒冷。疾病在体内游走，像雪尘一样蜿蜒，用冰冷细长的舌头舔舐他的关节——既灼烧又刺痛。或者，他仿佛又漂浮在冬天的基坑中，在汹涌的冰水里寻找管道的边缘。”

在最狭小的房间里，居住着被所有人遗忘的诗人布赫明。他变成了自己的影子，以自我为中心且曾经声名显赫，如今却宁愿不再过多地感受自我存在：“早已不再快乐与英俊的诗人，不再照挂在墙上的镜子——洗脸后，镜子里只映出一个阴暗而衰老的面孔，鼻孔和黄色的大耳朵里长着粗硬的毛发。曾经的帅哥布赫明不愿看到自己这副模样。他总在傍晚时分才出门买面包，走在偏僻曲折的小路上，避开行人；在商店里，他将脸藏进衣领之中。”

纽罗奇卡的女婿，老比留科夫的形象刻画更为冷峻。他时常造访年轻夫妇的家，一面责备他们的收入来路不正，一面则大吃特吃人家的饭菜。然而，老比留科夫自己在担任党内职务时，却曾滥用权力，损害他人利益：“他当权那会儿，出于所谓原则，给矿工们削减工时！那些矿工用棉袄勒他的脖子.....”如今，老比留科夫只剩下一桩引以为豪的往事：他曾“高尚地”给了一个年轻妓女钱又放她自由。然而这份对其人生最高光时刻根深蒂固的自豪，尽管他始终为自己人生中最主要的这一善举感到骄傲，但比留科夫至今仍对那些钱念念不忘

——至今仍盘算着如何讨回。

对于每一个“老一辈”角色，文本中都对应着一个特定的象征性

意象。塔拉谢夫娜的标志是那些绒布围裙。她曾经的学生，一位来自亚洲斯托尔布齐的土著居民，当年因不懂俄语，尤其是忽视标点符号而被她责骂，如今却成了大议员。但更主要的是：“他还送给塔拉谢夫娜一整套围裙——蓝色的，就像她曾经给他打2分的笔记本的颜色。每条围裙正中央，都有一个巨大的半圆形白色口袋，口袋上印着大大的标点符号。”那个曾被老师斥为文盲的人，如今教会了她新的“语法”。而她则怀着尊严穿着这些耻辱的标志，因为“要知足，至少眼下还没人找麻烦，容我们活着。”

热雷斯生命的节奏由那台旧钟摆布——那是他当年在基坑抢险立功所得的奖赏。这些钟表“不是在计算时间，而是在某个铁砧上锻造着炽热的时间——咚，咚”。

老比留科夫始终关心的是出售那把见证他昔日力量的旧枪。然而，这把党员的直筒枪在一次斗殴中被匪徒轻易弯曲，因此现在，考虑到时代的变化，他试图出售这把弯曲、无用且失效的过去武器。

对于布赫明来说，象征性意象是决定命运的。一个精明的女人轻易夺走了他的旧公寓，威胁要生下他虚构的孩子——一个耳戴闪亮耳环的狡猾投机者帮助她，并将布赫明安置到简陋的宿舍。

在他的新住所，布赫明在窗户上方看到一个不锈钢环。他猜测曾经挂着一个鸟笼：“是养鸣鸟的吗？——诗人被自己的猜测惊呆了。——现在它在哪儿？——所有会唱歌的都死光了！——那个戴耳环的笨蛋粗暴地打断了他”。

鸣鸟在这里不再有容身之处，被遗忘的诗人也是其中之一。自由的象征与骗子的饰品押韵，并转化为后者。重要的是，布赫明最终在这枚失去神圣意义的环上自缢。

曾经重要和有意义的事物，经过时间的过滤，变得残缺不全。骄傲转为屈辱，英勇转为折磨，力量转为软弱，自由转为束缚。

诚如前文所述，所有“前朝遗老”都失去了社会角色。但问题远不止社会地位的丧失——这是群“被剥夺了劳动权利的劳动者”。对苏联人而言，脱离劳动进程无异于社会性自杀。因此，文中所有象征意象都指向他们被剥夺的生存领域，那些永远刻在生命里的劳作印记。

正因如此，“遗老”与“新人”的关系始终缠绕着对劳动价值的评判。年轻人与老一辈互为两极，如同扭曲的镜像共生。塔拉谢夫娜对女婿科列夫科的厌憎便源于此：这个失业的年轻物理学家终日空谈科学，游手好闲的姿态与她雷厉风行的作风形成刺眼反差。文中甚至直白罗列这对反义镜像的特征：“对女婿不抱指望了。从前他忙着答辩学位论文，抛妻弃子四处奔波。如今在家胡乱涂鸦，翻弄孩子的作业本，无节制地用着无数圆珠笔，昨儿还掰断了最后一只卷笔刀！现在倒夸夸其谈，仿佛当年在学校做政治宣传的是他这个从不看报的人，而不是年复一年站讲台的塔拉谢夫娜……”

老比柳科夫毕生恪守的诚实劳动，在其两个孙子身上折射出悲剧性裂变。一个成了黑帮份子，威胁纽罗奇卡若不从便要让她儿子染毒隐；另一个是瘾君子，盘算着将年轻母亲送入魔掌。布赫明的天真懦弱，则与耳钉男的狡黠形成镜像——后者三言两语便解决了诗人的住房危机，又抽身离去，恰似布赫明当年悄然消失在姑妈与挚爱的生命里。

最鲜明的镜像对照莫过于老比柳科夫与其子一家。每次造访，老人都要教导：“要踏踏实实劳动！！！你们是投机分子，不是孩子。〈...〉算哪门子工人阶级？投机倒把的市侩！”他斥责年轻人“投机”，只因他们只能靠编丧葬花圈、酿私酒维生。但年轻的比柳科夫夫妇收容死亡恰是为了孕育新生：他们要不惜一切代价培养“新人类”萨尼亚——“孱弱到能唤醒强者”的存在，能令悲恸中沉睡者惊起。而在老比柳科夫的认知里，贩私酒卖花圈是下作勾当，他熟悉的旧秩序永远在审判这些行径。

小说中的“新一代”成长于全新的时代语境。他们未经历史重负，自然而然地“嵌入”现实并寻求生存之道。相较于塔拉谢夫娜渴求速死、若列斯困于病痛、布赫明无力对抗现实而自缢，年轻人显得更为暧昧混沌。若列斯的两个孙子——恶棍与瘾君子，连同耳钉男，皆在现存秩序中消融为时代的典型标本。科列夫科与塔拉谢夫娜之女加林娜以节能模式存活，消极地寄望未来；纽罗奇卡与伊万则为培育“新人类”默默蓄力。两代人的话语体系更形成锋利割裂：新世代的言辞短促吝啬，常以沉默应答。恶棍威胁纽罗奇卡时甩出匕首般的短句：“还倔？你崽子的命——针管，针管。趁早开门。”而纽罗奇卡与伊万对塔拉谢夫娜的规训充耳不闻：“外邦领袖咱倒背如流，偏忘了栽培自己的守护者！属于人民的，货真价实的……”伊万恍若未闻，连惊叹号都砸不醒他。〈...〉“小不点儿”纽罗奇卡径自对着婴儿呢喃浅笑，将老人的箴言碾作齏粉。

然而在这错综的镜像迷宫中，新旧世代却被共同的苦难焊接。民众自觉被故土放逐，如失群的羔羊游荡荒原。末日的预感与救赎的狂想交替撕扯神经：“我们是人形废料，活体渣滓，数以千万计的弃民，在联盟废墟的边际恸哭。我们曾是苏联公民。如今只是前朝幽灵。但废料终将萌芽……泛黄的故纸在等你，萨尼亚……我很快就要向你展示沉睡在巨著中的大智慧。某卷里蓄须的作家讲述涅克拉索夫，另卷里剃须的作家描摹赫鲁多夫。‘涅克’与‘赫鲁’皆是废料，萨尼亚。‘赫鲁’与‘涅克’终成沃土。”这段充满语言张力的独白，昭示着作品的核心母题。年轻的母亲反复誓言要借“泛黄巨著”培育新人——尽管她自己或许都未参透其中奥义，却坚信萨尼亚必将承袭这份文明真谛。托尔斯泰《复活》与布尔加科夫《逃亡》人物的并置绝非偶然：救世主的养成，必以俄罗斯古典文化为温床。

在小说文本之上超然独立地存在着另一组意象：疯癫妇人、哑女与游方修士波尔菲里。这些加拉克季昂式的圣愚形象，与小说艺术空间中的“边界”概念紧密相连。

那位疯癫妇人在苏维埃年代日日守候清晨驶入斯图皮齐的列车，用警示性的呼喊迎接乘客：“她为这些人的未来命运痛哭流涕，在远处的艾草丛中捶胸顿足，在匆匆奔向新生活的人群周围盘旋咒骂——那些背着行囊包裹、怀揣共青团突击工程调令、沿着古老草原驿道前行的人们。‘傻瓜啊...都是些蠢货...你们在自寻死路！回去吧！现在还来得及...’”这段场景被初到小镇任教的年轻塔拉谢夫娜目睹。这位妇人始终与圣愚群体保持神秘联系，即便作为无神论者，她仍能

看见”三只白鸽以十字形掠过人类视线”——这预示着俄罗斯民族终将得救的神启。

消失于时光长河的疯癫妇人留下特殊印记：在她终日徘徊之处，如今竖立着由监狱铁栅搭建的站台，这座象征亚洲国家居民深恶痛绝的边界标识物。每日汹涌人潮都会本能地爆发愤怒，以惊人默契将其摧毁：“人群奔涌而来。数十双手——男人的、女人的、孩童的——抓住铸铁栅栏的棱纹，沉默而疯狂地摇晃整座建筑...直到铁栅在刺耳的金属摩擦声中轰然倾覆，跌入壕沟。”这个站台成为割裂俄罗斯与前苏联各加盟国的畸形界碑，这些将完整大地撕成碎片的疆界，永远承受着民众的恨意。

小说主题的变奏同样体现在哑女形象中。这个栖身三号房间（数字显然别有深意）却神秘失踪的女子，唯有塔拉谢夫娜始终牵挂。哑女如同贫民窟居民生命边界的守护者，在疯癫妇人消失后登场，恰似前者的进阶形态：从“肤色黝黑的疯癫美人”蜕变为“臃肿的哑女”，警示方式从呐喊退化为呜咽——时光已剥夺其言语能力。这个形象在叙事进程中不断衰微，终至消逝。哑女以惊悚的方式向纽罗奇卡预示灾祸：“‘我要是你’，臃肿的哑女捶打着自己的胸口，对着伊万挥动扭曲的手指，‘绝不会嫁给这种人！绝不！’她疯狂摇头。’可纽罗奇卡是美人啊！’”更关键的是，哑女成为小说核心寓言的信使——当俄罗斯民族偏离正途时，那只飞入亚洲草原的白鸽寓言。正是她用骇人的呜咽声将众人引向被撕碎的雏鸽残骸与浸血的羽毛堆。在将俄罗斯人引向末日征兆后，她永远消失在叙事中。

圣愚意象的集大成者当属游方修士波尔菲里。作者将其置于叙事尾声绝非偶然，这个需要漫长铺垫方能登场的人物，实为统摄全篇的至高力量——他是古罗斯精神的具象化身，重大事件的终极前兆。修士奔波于罗斯各境，背负整个民族的罪孽。他那件缀满补丁的法衣极具象征意味：“衣襟处缝着从童袜剪下的红布片，虽磨损却坚韧；右肋嵌着士兵旧军装的绿补丁；左肘部蓝布片则取自农妇褪色的头巾。”波尔菲里口中吐露着贯穿《悲伤的沉睡者》的双重箴言：既是对疆界本质的参悟——“确然！划清界限乃当务之急，需以学术之法缝合裂隙”，亦是对伪政权的洞察——“非承天命的权力终非吾主”。显然，修士仅是未来的先声，此刻尚在替众生赎罪。

小说尾声，修士为两千万无名亡灵点燃烛海，随后陷入沉睡——这睡眠恰是斯图皮齐民众挣脱沉疴般忧伤的前奏。在梦境中，他终获完成使命的许可，以沉睡换取民族的苏醒。

波尔菲里与萨尼亚的相遇同样意义深远：修士将婴孩命名为战士。”只需宣告：战士驻世，救主临天。战士必速达彼方...时机成熟时，真理自会显现。”正是修士的牺牲，使得萨尼亚最终能发出觉醒的呐喊。

若仅从形式分析，修士的突兀登场或被视为“机械降神”式的意识形态植入。但事实上，这位凌驾于文本之上的修士恰是叙事逻辑的必然结晶。疯癫妇人、哑女、波尔菲里、萨尼亚——这些超越世俗的先知型角色，实为小说核心思想的具象载体。他们游离于复杂的意象体系之外，却又统摄全局，使作品获得形而上的完整性。反复回荡的”

成长吧，萨尼亚”终于在修士的祝祷中得以确证，正是这道预言般的祝福，让读者确信：战士终将长成。

通过细致考察可以发现，小说看似双元的结构实则暗含三重维度，但这远非其叙事容量的极限。文本中跃动着众多溢出既定框架的角色，他们构成重构叙事体系的潜在基石。

若列斯的家族线索始终未被充分展开：其子马克西姆与戈尔基的命运恰似一代人的两种典型路径。长子酗酒殒命火场，次子深陷美国化泥淖更名加里克，却仍在暴戾商贩之妻——那个曾将若列斯赶至贫民窟、堪比布赫米娜式恶妇的”黑色斗鸡”身边日渐枯萎。

更值得关注的是蜷缩在废弃车间地下室的楚哈内流浪儿群体。其中被迫卖身的少女阿丽娜尤为醒目：她用肉体换取食物供养孩童，以残存气力守护幼弟。与之形成镜像的是塔拉谢夫娜虔诚温顺的孙女波琳娜，这个永远提前宽恕一切的居家信徒。若继续梳理，这样的意象链条可以无限延伸——通过不同角色的组合与关联，文本显露出惊人的阐释空间。

《悲伤的沉睡者》显然超越了任何理论范式的桎梏，这种”无法被概念牢笼禁锢”的特质，恰是其恢宏艺术图景的最佳注脚。当研究者试图用二分法或三分法解构小说时，总会有新的叙事脉络如春藤般攀援而出，证明这部作品始终比我们的认知框架更为辽阔。

正如小说纷繁的意象体系，作品的隐喻结构同样具有多重维度。《悲伤的沉睡者》中存在两种隐喻形态：显性的铺陈式隐喻与隐性的贯穿性隐喻。前者如浮光掠影般跃然纸上，甚至直接嵌入标题——”沉睡”在此具有双重意指：既指小镇居民的集体遗忘，更暗喻前苏联多民族深陷的恒久麻木。这种隐喻凌驾于文本之上，成为统摄全篇的母题。

隐性隐喻则如潜流般在文本深处持续涌动，其中最重要的贯穿性意象是”血液”，这个浸透整部小说的核心密码。首次出现时，血液作为母子纽带的具象呈现：”男人与孩子之间永远欠缺着必要剂量的血液、苦痛与磨难”。继而演变为知识传承的载体：纽罗奇卡企图通过血脉将智慧注入萨尼亚体内——”我赶在你出生前囫囵吞下这些典籍，让饱含知识的血液注入你的细小血管，即便这些真理于我而言如此仓促、如此狂热、如此难以承受”。

在存在论层面，血液意象在纽罗奇卡对”巢穴”权贵的质询式呐喊中达到高潮。这座距斯图皮齐十公里的奢华庄园里，统治阶层正举行血腥盛宴：”野兽！为何要吸食我们的鲜活生命？”母亲的提问坠入虚空。此处生理性贫血与象征性失血形成复调：纽罗奇卡的贫血症导致萨尼亚窒息降生，产后伤口因缺血难以愈合，而治愈所需的阳光与石榴汁，正被巢穴中的吸血者们攫取——他们”用高脚杯吸血鬼般啜饮着，以斑斓的光点调制迷幻鸡尾酒，在闪烁中不断搅拌东西方文明，熬煮成混杂着猩红、紫黑与暗褐的混沌浆液”。

这种双重吸血既指向物质掠夺：权贵们榨取民众赖以生存的资源，在堆满珍馐的宴席上狂欢；更隐喻精神阉割：被驱逐至边界之外的流亡者，正承受着血液枯竭的幽灵式生存。当统治者将石榴汁与光怪陆离的电子符号混酿成致幻剂时，被抽空的不仅是血色，更是整个民族的生命力。

随着叙事推进，血液意象持续嬗变。在小说最精妙的场景中，波尔菲里以隐喻方式向塔拉谢夫娜昭示突破黑暗的路径。面对老妇人的询问，修士将红酒注入玻璃杯：“她凝视着细流般的猩红液体。半杯绛红，四分之三暗紫，直至满溢成近乎墨色。修士沉默斟酒，老妇人错愕失语。酸涩劣酒漫过杯沿，玷污她精心浆洗的雪白桌布，而游方僧仍在倾倒！<...>“适可而止”这个词可还记得？抑或更沉重的“到此为止”——你能否辨识何时该说出这句话？”葡萄酒在此既象征人类忍耐的极限，也指代满溢的民族之血。

这种诠释导向最终极的意象蜕变。塔拉谢夫娜窗台上培育的茶菌，作为全书忍耐精神的象征，能在任何环境生长，却最喜喝老教师偶然滴落的泪水。布赫明惊恐发现，“膨胀的胶质中浮现紫红印记——某种鲜活而未显狰狞的生命体，如同鸡蛋里凝结的血斑。他见证着，在浩瀚如海的耐性深处，鲜血正在孕育...”这暗示着在民众无垠的忍耐之海中，俄罗斯式的暴烈反抗正如胚胎般滋长。

而塔拉谢夫娜目睹的草原天幕异象更具启示性：“茶菌罐上空，诡异的赤红正不断扩张——究竟是疾病在草原投下不祥霞光，还是死亡恐惧扭曲了老妇的视线？那道连接至亲的血脉细流，已然在文本土壤中蜿蜒成河。唯有孩童击碎玻璃器皿的举动，方能终止这宿命般的血流奔涌——这预示着新生代将打破循环的救赎可能。

加拉克季奥诺娃的散文具有独特的韵律结构。通过节奏性重复营造出摇篮曲般的单调感：纽罗奇卡不安的絮语贯穿始终，成为统摄全篇的律动脉搏。“成长吧，萨尼亚，成长吧”——母亲不断重复的咒语式低吟，抚慰着沉眠于忧伤的人们。每当沉睡者的记忆陷入泥沼，这种心跳般的节奏便再度响起。纽罗奇卡的话语构成了最绝望、最鲜明的节奏源泉：“我必须尽早告诉你太多事情...待你长大成人，终将质问那些裁决者——那些不断判定俄罗斯人是废物的主宰者...”此时叙述语调攀升至顶点，又戛然断裂转入其他场景。

当作者以描述性文字或带有政论色彩的话语介入这种机械重复时，文本便产生特殊的共鸣效果。加拉克季奥诺娃的语调突破句法界限，在回声中共振：“废弃的高层建筑矗立在山岗，破碎的窗口不再有风啸。它们在暗夜中无声张着巨口，没有呼吸。凛冽的寒气贴着地面疾驰。大地早已在严寒中石化。”这种延展性的语流使空间意象获得超现实的音响维度。

作品语言充满意象张力。加拉克季奥诺娃通过词语的多义性与层次性实现诗性表达：“‘你那里没有光明，在地下...这里也没有...世界末日到了，丽莎——每当掌控光明者切断电源，我们的末日就降临。所有的光明...世界的终结’”。借助“光明”与“世界”的语义双关，这段文字同时在现实与隐喻层面展开。

作家不仅擅长语言游戏，更具备构建视觉图景的非凡能力。例如对秋冬交替的动态描绘：“寒冬正在吞噬城市。它企图掀翻那些嚎叫的混凝土巨兽，让它们如火柴盒般旋转。天际不再有暗红瞳孔，唯有铅灰云团在风暴上方漂浮，轮廓渐失，终被呼啸的黑暗吞没。高处偶尔闪现的电光，恰似冬日细碎的闪电...”这种跃动的艺术空间具有生命感知，传递着荒芜与遗弃。

《悲伤的沉睡者》的世界对人物状态异常敏感，常以突发的意象闪回呼应情境。现实时而如魔幻翻涌：“走廊里散发着生肉气味的孙子正急促喘息，脚步声在木地板间游移。烟草的烟雾如浪潮般涌入，青灰色的长条在婴儿周围扭动，昂起蛇形头颅”；时而又凝缩为秩序象征：“圆桌中央的空盐罐折射着晦暗光线，盐粒早已耗尽。伊万与纽罗奇卡围坐着，凝视玻璃器皿中的虚空...”这种意象转换实为人物感知的镜像投射：若说纽罗奇卡乡村少女时期尚能触摸纯净的虚空，其苏联解体后的母亲身份则被幻象重重包裹。

《忧伤的沉睡者》犹如巨大的蛛网，每根丝线都与其他经纬交织，牵动着第三条脉络。这张精妙的网络拥有超越钢铁的韧性，更具备血肉的神奇属性——它由无数碎片构成，却形成不可分割的完整体。

小说呈现出宏大的艺术格局：错综的人物命运、繁复的意象体系、多层次的隐喻结构、精妙的语言运作。借助复杂的文本建筑术，加拉克季奥诺娃精准捕捉了转型时代的本质，其叙事既具有纪实的可信度，又蕴含纪念碑式的庄严。作品的创作形式本身，似乎正是混沌年代本质的必然产物。1990年代的俄罗斯充斥着整体性崩解后的原子化生存体验，个体的过往与未来形成剧烈断裂。这个时代不再有传统意义上的英雄，所有人都在生存挣扎中沦为反英雄。

然而植根于神话原型的叙事收束引发争议。当三只象征“神谕”的白鸽降临时，关于民族苦难的史诗戛然而止。科克舍尼奥娃认为这是有机的艺术出路：“作为杰出作家，薇拉不能让角色沉溺于末世哀伤——三只以十字形掠过斯图皮齐的白鸟，正是新生与希望的符码。”但象征逻辑在此取代了现实逻辑：塔拉谢夫娜停止指责女婿，若列斯的孙辈突然“匆匆遁入草原”，这些人物被作者专断地抹除叙事轨迹。当白鸽振翅的瞬间，艺术真实性的链条出现了可疑的裂痕——那些深入骨髓的创伤，不应被象征符号如此轻易消解。

《悲伤的沉睡者》中真正对抗“末世焦虑”的力量，在于贯穿全书的成长希望——聚焦于少年萨尼亚的未来。评论界对此达成共识：“净化虽被预示却遭延迟...希望与悲剧性并存。萨尼亚尚年幼，命运轨迹充满未知”；“这个角色近乎虚位，他是俄罗斯的‘可能性’，是复活过往荣光的最后契机。小说人物自身无力回天，唯有寄望于萨尼亚”。塔拉谢夫娜更将其视为民族救星：“我们培养异族领袖，却遗忘培育自己的守护者！这是全体教育者的失职！”但若命运发生偏差，“可能性”未能转化为“必然性”，沉睡者将永陷梦中，任何由“领袖”激发的革命行动终将沦为梦游式的虚妄。

在循环梦境中徘徊不等于觉醒。相较于将希望寄托于虚渺的“战士与守护者”，信任新生代作为血缘链条的延续显然更具现实根基。这不仅关乎萨尼亚这个“奇迹男孩”的救世神话——老教师孙女波琳娜坚持前往空荡的冬季学校，面对祖母“难道你能当总统？”的质问，她坚定回应“若需要，我会”；妓女阿丽娜以自我牺牲供养楚哈内孩童。这两个次要的“孩童”形象构成责任意识的两极：波琳娜与阿丽娜已然准备好肩负重担。她们的存在表明，这不是关于复仇领袖的史诗，而是通过新生代实现民族疗愈的寓言。按加拉克季奥诺娃的构想，

培育萨尼亚及其同辈人——使其成为平等者中的首位——才是集体使命。值得庆幸的是，时间还来得及：萨尼亚年仅十岁。

在一次访谈尾声，当被问及“最想回答却未被提及的问题”时，加拉克季奥诺娃不假思索道：“你们没有问，哪首最短的诗最能体现苏联解体时期的集体创伤。请听：

原以为我们一贫如洗
及至接连失去
日日竟成追悼
方谱写圣歌
颂扬神恩浩荡
追忆往昔丰饶

...这是安娜·阿赫玛托娃1915年的作品。看来我们的文学国度确有先知，女先知亦然。其余自会显现。”诚哉斯言。我们愿意相信，薇拉·加拉克季奥诺娃正是这样的先知。

（原载《崛起》杂志2019年第3期）

译者：王琳

ЮЙ ЦЮЮЭ

Юй Цююэ (1962 г.р., ж.) — китайский писатель-эссеист, председатель секции эссеистики Союза писателей г. Харбина, член Союза китайских писателей. Автор сборников «Сказ о дальнем пути», «Городские люди» и др. В центре ее творчества история и легенды Харбина и Северо-Востока Китая.

于秋月

于秋月（出生于1962年，女）-中国作家、散文家，中国作家协会会员，哈尔滨市作家协会散文专业委员会主任。著散文集《远行物语》、《城里的人们》等。她的文学创作以哈尔滨和东北历史和传说为主题。

СОЛНЕЧНЫЙ ОСТРОВ ОСЕНЬЮ

(эссе)

Писатель Лао Шэ в эссе «Цзинаньская осень» отмечал: «Осень и зима неотделимы друг от друга. Стоит осени немного задремать, и зима тут как тут. Но Небесному Владыке не хочется будить осень, и он по доброте душевной объединяет её с зимой, передавая Цзинань в их полное владение».

Если Небесный Владыка существует взаправду, то, когда он оказался на северо-востоке Китая, его, несомненно, посетила новая идея: осень здесь приходит и уходит всегда решительно, совершенно без колебаний.

Наступает сезон *Лицю*¹ — Становление осени — и воздух тут же наполняется прохладой. Захочешь вечером выйти на прогулку — без верхней накидки никак не обойтись. Что до зимы, то осень торжественно встретит ее, лишь когда цветы полностью раскроются, а листья с горы Ухуашань укроют землю парчовым ковром. Тогда зима, рука об руку со льдом и снегом, неся пронизывающий холод, вихрем ворвется на сцену. А осень во всем своем великолепии отвернется, чтобы уйти.

Осень на северо-востоке невероятно похожа на местных жителей — не тянет канитель и не мягкотельничает.

Нет во всём прекрасном Харбине места, что передавало бы очарование осени ярче, чем Солнечный остров у северного берега Сунгари. На этом с трех сторон окруженном водой острове красочно и романтично, спокойно и умиротворённо.

В осенний день, как далеко ни бросишь взор, всюду видится необъятный Солнечный остров, будто облаченный в пёструю накидку небожителя. Дунет ветер — и пёстрая накидка всколыхнётся, без конца меняя свой чарующий облик, точно в озорном танце. Здесь, между небом и землёй, осень раскрывается во всей своей красе.

С наступлением поздней осени блестящие, расправленные ветви радостно тянутся к солнцу, чтобы поведать ему о тепле, скрытом на сердце. В это время деревья стремятся слиться с солнцем, желая продлить счастливый миг любви. Они возбужденно трепещут и сбрасывают свой покров, принося его в дар земле. Ветер и облака — свидетели их любви.

Солнечные лучи, лаская деревья, не забывают украдкой проникать меж их танцующих стволов, проливая свою любовь на землю пёстрыми тенями. С ними перекликаются разноцветные листья: в этом безмолвном царстве ветер разносит их нежное перешёптывание — обещание нового свидания весной.

На Солнечном острове, среди деревьев и лужаек, разбросаны русские деревянные домики в разных стилях. Если пробраться к этим заморским строениям по толстому ковру из опавших листьев и заглянуть в обрамленные

¹ Один из двадцати четырех сезонов китайского сельскохозяйственного календаря, начинается с 7-9 августа.

наличниками окна, то слой пыли на полу подскажет, что здесь уже давно никто не бывал.

Иногда мимо проносятся весело смеющиеся юноши и девушки на двухместных велосипедах. Их радостный смех нарушает тишину и тревожит сонных птиц, которые испуганно разлетаются, хлопая крыльями.

Поздней осенью я часто навещаю остров, нахожу уединенную поляну, усаживаюсь и смотрю, как выются и стелются облака по небосводу, слушаю журчание Сунгари. На Солнечном острове, не ведающем городской суеты, царят тишина и умиротворение. В этом спокойствии среди редких ветвей и тонких теней медленно всплывают в памяти дела давно минувших дней, годы и месяцы жизненных бурь, которые пережил Солнечный остров...

Когда-то Солнечный остров был «раем» для чужеземцев. В начале прошлого века, с постройкой Китайско-Восточной железной дороги, в Харбин хлынул большой поток иностранцев, прежде всего — русских. Многим из них приглянулся этот живописно расположенный лакомый кусочек земли. Сюда стали приезжать ради пикников, прогулок на свежем воздухе и купаний, а еще здесь возвели церковь, строили дачи, открывали рестораны, пасли коров, сажали деревья... В общем, «превратили чужой край в родной», и так остров завоевал людские сердца.

Когда-то Солнечный остров был «красной землей».

Во время Войны сопротивления Японии русские домики, спрятанные среди деревьев, служили китайскому коммунистическому подполью и Северо-Восточной антияпонской объединённой армии укрытием для встреч, передачи информации и вооружения. В разные годы Ли Дачжао, Лю Шаоци, Ян Цзинъюй, Чжао Шанчжи¹ проводили на острове совещания. Чжао Имань² вместе с боевыми товарищами в одном из русских домов взяла в плен японского полицейского. Чэнь Бинцзюнь, Цзинь Цзяньсяо³ и другие представители прогрессивной молодёжи под видом охраны памятников печатали на острове агитационные материалы и книги. Боец сопротивления Северо-Восточной антияпонской армии Фэн Чжунъюн в перерыве между боями сыграл здесь свадьбу. В жизни острова оставили след и такие писатели, как Сяо Хун и Сяо Цзюнь⁴.

Харбинское «Общество гармоник», действовавшее во время «белого террора»⁵, арендовало на Солнечном острове деревянный дом русских

¹ Видные политические деятели, члены Коммунистической партии Китая.

² Чжао Имань (1905-1936) — женщина-боец сопротивления против Императорской армии Японии в Северо-Восточном Китае, находившемся под оккупацией японского марионеточного государства Маньчжоу-го.

³ Чэнь Бинцзюнь (1906-1988) — поэт, драматург, переводчик, видный деятель искусства в период Войны сопротивления Японии. Цзинь Цзяньсяо (1910-1936) — писатель, художник, драматург и режиссер маньчжурского происхождения, активный деятель коммунистического подполья.

⁴ Сяо Хун (1911-1942) — писательница и поэтесса, известна как одна из «четырёх талантливейших женщин Китайской Республики». Сяо Цзюнь (1907-1988) — писатель, эссеист, видный деятель литературы Северо-Восточного Китая.

⁵ Репрессивные меры, осуществлявшиеся японскими захватчиками после интервенции в Маньчжурию и создания марионеточного государства Маньчжоу-го, направленные на уничтожение антияпонских сил в регионе.

белоэмигрантов, чтобы скрываться от преследования спецслужб. Здесь члены общества обсуждали политическую ситуацию, планировали акции и тренировались в игре на губной гармонике.

В мае 1907 года первое в истории Китая празднование Международного дня труда прошло именно на Солнечном острове. В тот день тысячи китайских и русских рабочих, занятых на строительстве КВЖД, устроили забастовку. Они требовали введения восьмичасового рабочего дня, права на выходной для празднования Первомая и других улучшений. Эта масштабная забастовка потрясла правительство Российской империи.

В страшные, бушующие годы войны Солнечный остров стал тылом революционной деятельности Харбина, ее базой и главным опорным пунктом.

После образования КНР в одном из домиков на острове остановился писатель Чжоу Либо и за сорок шесть дней лета и осени завершил свой знаменитый роман «Ураган». Домик стоит на острове и по сей день, а величают его «Кабинетом Фэнсяна»¹.

Несколько лет назад в восточной части Солнечного острова был открыт Мемориал Северо-Восточной антияпонской объединённой армии, но, к сожалению, сейчас там только несколько статуй. Если бы на мемориале появились надписи, рассказывающие обо всех этих «красных историях», то люди смогли бы узнать о Солнечном острове и Объединенной армии гораздо больше.

Печали и радости, разлуки и встречи — Солнечному острову всё это знакомо.

Зимой 1997 года случился страшный пожар в ресторане, некогда носившем название «Миниатюр». Деревянное здание с изысканным резным декором, построенное в 1920-х годах евреем по фамилии Кац, сгорело дотла. Это была одна из красивейших построек острова.

Осенью 1966 года — в тот день, несомненно, небо заволочли свинцовые тучи — знаменитый драматург У Байсинь приехал на Солнечный остров, где частенько рыбачил. Незадолго до этого фильм «Гость на айсберге» по его сценарию подвергся критике и попал в «черный список» идеологически неправильного кино. Столкнувшись с такой несправедливостью, У Байсинь, оскорбленный и полный отчаяния, не мог оправдаться, да и никто не стал бы слушать его оправдания. Мужчина долго всматривался в воды Сунгари и в конце концов всю свою любовь подарил Солнечному острову, а журчащие воды реки проводили его в последний путь. У Байсиню было всего сорок шесть лет.

Спустя годы рядом с музеем истории Харбина на Солнечном острове установили статую У Байсиня — в память о поэте и авторе таких бессмертных произведений, как «Гость на айсберге» и «Свадьба нанайцев». Единственное, чего я не могу понять, — почему У Байсинь стоит спиной к

¹ Чжоу Либо (1908-1979), второе имя Фэнсян, — выдающийся китайский писатель. Лауреат двух Сталинских премий.

Сунгари; как бы мне хотелось осторожно развернуть его фигуру лицом к реке, к его любимому, ставшему теперь таким современным городу, тогда он наверняка смог бы отпустить обиды и разочарования и преисполниться радостью и надеждой.

Теперь всё это осталось далеко позади, как облака, исчезло в тумане воспоминаний, и лишь вековой куст сирени, приютившийся в «русской деревеньке», стоит на острове, как и прежде. Точно старик, хлебнувший горя на своем веку, он спокойно живет в своем уголке.

Говорят, сирень привёз из родных краёв один белорусский купец. Возможно, она согревала и спасала своего хозяина от одиночества, возможно, они были друг для друга опорой в трудные дни. К сожалению, когда сирень была совсем молода, хозяин покинул ее, оставил одну-единёшеньку стеречь эти места.

Человек, посадивший сирень, и подумать не мог, что благодаря этому, казалось бы, незначительному поступку, спустя сто лет по всему городу будет распространяться благоухание. Этот куст сирени считают первым в Харбине, кроме того, сирень стала символом города.

Это старое, столько всего повидавшее на своем веку растение — настоящее сокровище острова, его талисман.

Сирень провела на острове несметное число осеней: в эту пору она сбрасывает всё лишнее, зимой копит силы, а весной пышно цветёт. Она, как и мы, проживает осень за осенью и спешит навстречу новому сезону своей жизни.

У Лао Шэ осень рождается из ощущений, а осень на Солнечном острове складывается из опадающих листьев. Все они хранят собственные истории, и каждую нужно одну за другой, не спеша, прочитать.

秋天的太阳岛

(散文)

作家老舍写《济南的秋天》说：秋和冬是不好分开的，秋晚熟了一点便是冬，上帝不愿意把它忽然唤醒，所以做个整人情，连秋带冬全给了济南……

若是真有上帝，那他来到东北，一定又有了新的想法，因为东北的秋从来都是说来就来，说走就走，绝不含糊。

过了“立秋”，天马上就充满了凉意，若是晚上出去散步，非得披个外衣才可。至于冬天，那要等花儿绽放得透透的，五花山的落叶像织锦般铺满了大地，秋才用隆重的仪式迎接冬。那时，冬携着冰雪，裹着寒峭，带着龙卷风一般的速度入场。秋，华丽转身。

东北的秋像极了东北人，不拖泥带水、优柔寡断。

在北方美丽的哈尔滨，最能体现秋的魅力地方莫过于位于江心的太阳岛，三面环水的岛屿绚丽浪漫，宁静悠然。

秋日里，放眼望去，偌大的太阳岛，好似披着彩色的云裳，风吹过，云裳抖动，不断地变幻着迷人的风姿，像在顽皮地跳着舞蹈。秋日的美，就在这天与地之间尽情舒展开了。

而到了晚秋，树枝是舒朗的，它欢喜地伸展着，向着太阳表白心中的热情，这个时候，它是愿意和太阳缠绵的，它想留住那春宵一刻的快乐，在激动的颤栗中，它抖落了身上的羽毛，把它们奉献给大地，风和云，见证了它们之间的爱。

而阳光，在和树的厮磨中，不忘偷偷透过婆娑的树干，把它的爱洒下来，大地印下了它斑驳的影子。五色的叶子与它遥相呼应，在这个寂静的世界里，它们用风传播着悄悄话，商定着春日里的约会。

在太阳岛的树林和草坪里，坐落着不同风格的俄式木屋，踏过厚厚的落叶，走近这充满异域文化的房子，透过窗棂往里看，落着灰的地板提示着这里已有日子没有人过来了。

偶尔，有青年男女骑着双人的自行车嬉笑着从身边疾驰而过，欢快的笑声打破了空间的寂静，也惊动了昏昏欲睡的鸟儿，扑棱着翅膀惊慌失措地乱飞。

我经常在晚秋的日子去岛上，寻一处僻静的草地坐下，看天空云卷云舒，听松花江水汨汨流淌，去了繁锦喧嚣的太阳岛，更多的是安静与从容，在这份淡然中，太阳岛上那些经年往事，那些沧桑岁月，就从疏枝瘦影中慢慢地浮现出来……

曾经的太阳岛是外来者的“天堂”。上个世纪初，随着中东铁路的修建，大批的外国人特别是俄罗斯人涌入到哈尔滨，他们中许多人看好了太阳岛这块风水宝地，不仅经常在岛上野餐、野游、野浴，还在岛上建教堂、盖别墅、开餐厅、养奶牛、种果树……总之他们是把“它乡做故乡”了，从此岛上也有了人气。

曾经的太阳岛还是个“红色之地”。

抗战时期，隐没于树林中的俄式民宅曾经为中共地下党、东北抗联传递情报、转运武器、开会议事的隐蔽之地。李大钊、刘少奇、杨靖宇、赵尚志先后在岛上举行或召开过会议。赵一曼和她的战友们曾在岛上的一栋俄式木屋生擒过伪警察。塞克、金剑啸等进步青年经常以看守住屋的名义，在岛上印制宣传标语、书籍等。抗联战士冯仲云夫妇利用战斗的间隙在岛上举行了婚礼；萧红、萧军也曾在岛上留下足迹。

活跃于白色恐怖之下的哈尔滨“口琴社”，为了躲避特务机构的搜捕，就在岛上租了一间白俄木屋，他们在这里讨论国家形势，商议举行活动，练习口琴曲目。

1907年5月，中国第一次纪念“五一国家劳动节”的活动就是在太阳岛举行的。那天，上万名中俄铁路工人在太阳岛举行大罢工活动，他们向沙俄的中东铁路局提出8小时工作制，工人有权放假庆祝“五一”节等要求。这次大罢工震惊了沙皇俄国政府。

在那个充满恐怖，风雨飘摇的战争年代，太阳岛是哈尔滨进行革命活动的后方，是根据地，是大本营。

解放后，作家周立波曾经在岛上的一个小屋，从夏到秋，用了46天，完成了一部著名的小说《暴风骤雨》，如今当年的小屋仍在，被称作“凤翔书斋”。

几年前，在太阳岛的东侧开辟了一处“东北抗联纪念园”，可惜只有几个雕像，若是把这些背后的红色故事写上，定会让更多的人了解太阳岛，了解抗联。

太阳岛也有悲欢离合。

1997年的冬月，一场大火在太阳岛餐厅（原米娘久尔餐厅燃起），这座由犹太人卡茨建于二十世纪二十年代的木质装饰的雕花小楼毁于一旦，那是岛上最漂亮的建筑。

1966年的一个秋天，那天一定是阴云密布，著名剧作家乌白辛来到了他经常垂钓的太阳岛，他的作品《冰山上的来客》被点名批评是“黑”影片，遭受不公的他心中充满了委屈和绝望，他无法申辩，也没人听他的申辩，他久久地望着松花江水，他把最后的眷恋留给了太阳岛，呜咽的江水陪伴他走过了人生最后时光，那年他才46岁。

若干年后，人们在太阳岛的哈尔滨城史馆门前为乌白辛立了一座雕像，纪念这位留下不朽的《冰山上的来客》《赫哲人的婚礼》等作品的作家和诗人。只是我有些不理解，为什么乌白辛背对着松花江，我真想轻轻地，轻轻地把他转过来，一如他临行前的样子，看着松花江，看着这所他喜爱的，已经现代化的城市，我相信他会放下委屈和绝望，继而充满了欣慰和希望。

如今一切的一切都远去了，都变成了烟云，岛上只有一样老“物件”还在，那就是栖身在“俄罗斯风情小镇”的那棵百年丁香树。它像一个饱经风霜的老人，以一种淡然的姿势在角落里盘踞。

据说这棵丁香树是一位白俄罗斯商人从家乡带过来的。也许，它给主人孤独的日子带来了温馨；也许，他们曾经相依为命彼此依靠。可

惜，在它还幼小的时候，主人就离开了，留下它孤零零地守候在这里。

他的主人一定没想到，他一个小小的举动，却给这个城市带来了百年后的芳华，他的丁香树被认为是这个城市的第一棵丁香树，而且，丁香树还被推举为“市花”。

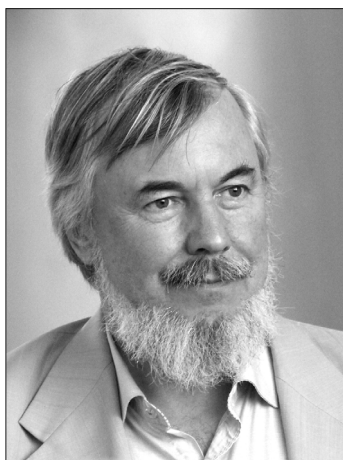
这棵历经沧桑的老树，是“镇岛之宝”啊。

阅历了太阳岛无数个“秋”的老丁香树，在秋天里轻装，在冬天里蓄积，等着在春天里勃发。就像我们一样，走过一个个“秋”，只为赶赴下一场风花雪月。

老舍笔下的秋是感受出来的，而太阳岛的“秋”是一枚一枚落叶组成的，每一片叶子都有故事，是要一点一点“读”出来的。

2025年2月1日

译者：格丽芭诺娃

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ

Казинцев Александр Иванович (1953-2020). Окончил факультет журналистики МГУ и аспирантуру журфака. С 1981-го стал сотрудником “Нашего современника”. Почти сорок лет своей жизни являлся заместителем главного редактора, вёл рубрику “Дневник современника”. В начале 1990-х регулярно участвовал в передаче “Пресс-клуб” на 1-м канале Останкино, где был единственным представителем патриотических СМИ. В 1995 году баллотировался в Госдуму РФ по списку Социал-патриотического движения “Держава”. Автор книг “Новые политические мифы”, “Россия над бездной”, “Симулякр, или Стеклозное царство”, “Возвращение масс”, “Имитаторы”. Лауреат Большой литературной премии России. Автор двух сотен публикаций в журналах “Наш современник”, “Литературное обозрение”, “Вопросы литературы”, “Октябрь”, газетах “Литературная газета”, “Литературная Россия” и др. Жил и работал в Москве.

亚历山大·卡津采夫

卡津采夫·亚历山大·伊万诺维奇（1953-2020）

卡津采夫毕业于莫斯科国立大学新闻系，并在新闻系研究生院完成学业。自1981年起，他成为《我们的同时代人》杂志的成员。在近四十年的时间里，他担任该杂志的副主编，并主持“当代人日记”专栏。在1990年代初，他定期参与奥斯坦金诺第一频道的“新闻俱乐部”节目，成为该节目中唯一的爱国主义媒体代表。1995年，他作为社会爱国主义运动“强国党”的候选人参加了俄罗斯国家杜马的选举。卡津采夫是俄罗斯作家协会理事会的成员，著有《新政治神话》（1990）、《深渊之上的俄罗斯》（1996）、《冒充者，抑或玻璃王国》（2004）、《群众的回归》（2010）和《模仿者》（2015）等书。他曾获得俄罗斯文学大奖（2011）。他在《我们的同代人》、《文学评论》、《文学问题》、《十月》等杂志以及《文学报》、《文学俄罗斯》等报纸上发表了数百篇文章。作者终生工作、生活在莫斯科。

ДНЕВНИК СОВРЕМЕННОГО

(отрывок)

Памяти Александра Ивановича КАЗИНЦЕВА

ДАО ТУН*

О КИТАЕ С ЗАВИСТЬЮ И ЛЮБОВЬЮ

Земля приподнялась и расступилась — и гигантский разлом заполнили могучие воды. Во всю ширь они золотятся на солнце, привольно обтекают полуостров Пудун и, легонько покачивая многопалубные корабли, устремляются на восток — в эстуарий Янцзы, к близкому — всем существом ощущаешь здесь — океану.

Набережная Хуанпу в Шанхае. Когда-то символ колониального могущества Запада: помпезное здание таможни с викторианской башней, увенчанной часами, дворцы иностранных консульств (в том числе и российского) и субтропический парк у самой воды, где в былые времена висела табличка: “Собакам и китайцам вход воспрещен”... Символ революционного Китая: памятник первому красному мэру Шанхая многопудовый образец социалистического монументализма — грузно застыл у парапета.

Сегодня набережная — символ Китая, победно вступающего в XXI век. Слева и справа, насколько охватит глаз, растут, громоздятся, рвутся в ослепительное южное небо небоскребы. Самый высокий, в 88 этажей, увенчанный островерхой, напоминающей силуэт пагоды кровлей, с грациозно загибающимися вверх краями, высится на полуострове Пудун — отделенном от старого “материкового” Шанхая особом районе, отданном западным банкам и производствам, крупнейшем после Гонконга финансовом центре, технопарке будущего.

Но и старый Шанхай с неожиданным для его многосотлетнего возраста задором откликается на вызов молодого города-двойника. Сойдите с приподнятой над дугою шоссе набережной, углубитесь в окрестные улицы. Вы убедитесь, что старый Шанхай не более чем легенда, выдумка подгулявших моряков, игра света и воды, фата-моргана, обычная в здешних широтах. Или условное название, измышленное лишь для того, чтобы отличить исторический центр от циклопических новостроек левобережья. Десятки улочек с двухэтажными серыми домами, крытыми красной черепицей, чьи дворики — сиреню, пылью, облупившимися стенами — живо напоминают дворики Замоскворечья; несколько скверов с разросшимися кустами самшита и фиолетовыми гроздьями глициний, живописно свисающими с ажурных навесов около псевдоготических колониальных соборов — вот все, что осталось от старого Шанхая, во всяком случае, здесь, на берегу Хуанпу. На глаз заметно, что этот исторический пяточок сокращается — буквально ежедневно. Тут и там летит вековая пыль, рушатся под натиском бульдозеров ветхие стены, а рядом, прямо из куч еще не убранного мусора, торчат железные пучки арматуры, растут остовы будущих небоскребов,

Вон сколько их встало вокруг — исполинские цилиндры, кубы, пирамиды, карими и аквамаринными зеркальными плоскостями отражающие

облака высоко над головой. А внизу гранитные ступени, золотые иероглифы и надменные английские названия — офисы крупнейших банков и трестов со всего мира. Тут же бесчисленные рестораны, магазины с приглушенной музыкой, с медлительными эскалаторами и стремительными лифтами, опускающими покупателей в чрево подземелий и возносящими на верхние этажи. Нанкин-стрит — сердце старого Шанхая.

Его сравнивают с Нью-Йорком, Парижем. Многие называют Шанхай западным городом. Но это не так, во всяком случае, не совсем так. Конечно, небоскребы, многоуровневые транспортные развязки, сумасшедшее движение... Но приглядитесь к этой круговерти вестернизированного мегаполиса — в ней угадывается иной, неповторимый восточный ритм. Вальяжный, с неожиданными паузами меланхолической задумчивости: приостановится посередине проспекта велосипедист или замрет на мгновение такси — и мощный боковой поток: легковушки, двухэтажные автобусы-империалы, полчища велосипедов плавно, чуть ли не любовно обтекают его.

А звуки! Резкие сигналы авто, рев моторов, крики уличных торговцев, стук молотков на бесчисленных стройках сливаются в неумолкающий и за полночь гул. Запахи Шанхая — аромат благовоний, курящихся в лавках и фешенебельных универмагах, запах соевого соуса и мяса, подрумянивающегося на жаровнях, поставленных у края тротуара, мощный дух нагретой земли на бульварах, бальзамическое благоухание глянцевиной зелени, зловоние подворотен. Краски: жемчужная дымка рассветов, томительное свечение раскаленных полуденным солнцем стен, фантастические пионы реклам в ночи. И сама ночная темнота — сладостная и тягучая, как черное рисовое вино.

И конечно же, тысячи и тысячи лиц, людской избыток, мощно плещущий в стены возведенных на западный манер зданий. Не просто множество людей — единый поток, река жизни. Сколько невообразимо выразительных, характерных лиц — унылый рабочий, тащащий тяжелый куль на спине, самодовольный чинуша, заправляющий в каком-нибудь доходном СП, прохода с масляными глазками, интеллектуал с аскетическим лицом в очках с тонкой оправой, влюбленные, стройные, как побеги бамбука, сомнамбулически бредущие, прижавшись друг к другу, старики в полинялых синих маоцзэдуновках, с недоумением вззирающие на торжество еще недавно запретной жизни. Здесь нет стертых лиц, полутонов в характерах и страстях: умный — умен, смешливый — смешлив, скаредный — скареден, влюбленный самозабвенен. И все эти ритмы, краски, голоса, лица сливаются в неповторимое единство. Огромное сердце, имя которому — Шанхай.

Шанхай не китайский Запад. Это Восток, овладевающий техникой Запада, секретами его бирж, глобальными концепциями и градостроительными идеями, чертежами новейших изделий, фасонами последней моды — всем, что может дать Запад, но остающийся самим собой. До поры: западная экспансия ощутима. Она борется с деловым напором строителей Поднебесной, пытаясь подчинить, а не удастся — приручить его, проникнуть в сердцевину и разложить изнутри. Обо всем этом мы еще поговорим.

* Передача пути (традиций). Понятие классической китайской философии.

Во всяком случае, сегодня Запад приходит сюда если не на поклон к Востоку, то как равный к равному. Шанхай — место первой встречи лидеров Америки и Китая. Кстати, здесь же — а не в Москве! — руководители Среднеазиатских республик и России смогли договориться между собой и подписать с председателем КНР Цзян Цзэмином декларацию о безопасности своих границ с Китаем. А в минувшем году в Шанхай съехались главы крупнейших корпораций мира, чтобы выработать общую стратегию. Какой контраст с нынешним положением России! Мы безумно гордимся, что в высокогорном швейцарском Давосе снисходят до обсуждения российских проблем. В Китае спокойно, хотя и не без понятной гордости говорят о том, как мировые проблемы решаются здесь, на берегу Хуанпу.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Прямая, как взлетная полоса, светлая дорога, слегка приподнимающаяся к северу, где невидимая дневным взорам лучится, царит в центре мироздания Полярная звезда. Ворота, арки, открытый алтарь, тремя мерными мраморными окружностями восходящий от земли, круглящиеся островерхие ротонды святилищ. А вокруг море китайских сосен — ветвистых, опущенных длинной мягкой хвоей, молчаливых. Храм Неба в Пекине.

В день зимнего солнцестояния сюда прибывал император, дабы совершить ежегодную молитву об урожае. Предшествующую ночь он проводил в Храме поста и покаяния. Перед рассветом при свете факелов он направлялся к Храму моления об урожае и преклонял колени перед Владыкой Неба.

Земледелие в Китае священо. Собственно, многие архаические культуры сакрализуют процесс вызревания зерна. Однако, пожалуй, только в Китае земледельческие обряды совершались на государственном уровне вплоть до XX века. Последний раз об умножении плодов земных молил уже не император — президент Китайской республики Юань Шикай. В 1914 году.

Коммунистическая власть, сокрушившая старый режим и тысячелетние обычаи, возродила традиционный культ земли и труда на ней. В новых формах, понятно. Сам Мао Цзэдун, чьи лозунги изо дня в день повторяла страна, провозгласил: “Сельское хозяйство — основа экономики”*. Удивительное заявление для верховного хранителя наследия Маркса, как известно, ставившего во главу угла промышленное производство и отдававшего первенствующую роль в социалистических преобразованиях отнюдь не крестьянству, а пролетариату. Характерно, китайские обществоведы не только не попытались смягчить этот дерзкий вызов автору “Коммунистического манифеста” (игнорировать высказывания Мао они, разумеется, не могли), но представили декларацию Председателя как “важное развитие Мао Цзэдуном Марксова учения”.

Сегодня главенствующая роль земледелия закреплена законодательно. Случай также, насколько мне известно, уникальный. В преамбуле Закона

* Здесь и далее цитаты из Мао Цзэдуна без ссылки на Собрание сочинений даны по книге: Бурлацкий Ф. Мао Цзэдун. М., 1976.

КНР о сельском хозяйстве определена его цель: “Гарантировать статус сельского хозяйства в качестве основы народного хозяйства” (цит. по: “Китайская Народная Республика в 1993—1994 гг. Политика, экономика, культура”. М., 1995).

Сейчас модно говорить о крестьянской цивилизации. Досушие публицисты готовы именовать так любое общество, отличное от западного. И хотя делается это, как правило, из благих побуждений, само понятие стирается, утрачивает конкретный смысл, жизненную наполненность и подлинность, превращается в своего рода культурно-историческое пособие для бедных. Народов, не возвысившихся до построения ответственного и действенного гражданского общества и увязнувших в киселе неких неформализованных связей, которые способен привести в движение разве что диктат властителя. Нет, крестьянская цивилизация — это не медяки для нищих, это величайшее достижение человечества! Чтобы понять, что это такое на самом деле, надо отложить умствования и отправиться в Китай — увидеть ее своими глазами.

Я далек от мысли дать систематизированное описание сложнейшего явления. Это задача научного трактата. К тому же крестьянская цивилизация предельно органична и плохо поддается формализации. **Моя цель — показать её в живой совокупности черт, как она явлена в новейшей истории Китая!**

Своеобразие старейшей из живых цивилизаций манило великих беглецов Запада — Германа Гессе, Рихарда Вильгельма, Альберта Швейцера. Один из них, французский поэт и дипломат Луи Клодель поселился в Китае в конце XIX века после многолетней работы в Соединенных Штатах. Пребывание в этом царстве торжествующей машинерии стало для него последним побудительным толчком к побегу на Восток — в те времена деянию не политическому, а духовному, возвращающему человека к “детскости сердца” (синь), “искренности” (чэн), “гуманности” (жэнь), “добру” (шань) — основополагающим понятиям китайской цивилизации.

“Клодель ушел из Европы на поиски первокорней человека, — писал его русский переводчик М. Волошин. — Утонченный представитель надламывающейся латинской культуры затаил в себе голод по тем корням человеческой души, в которых чувствуется острый и горький вкус сырой земли”. Искатель первозданной подлинности, автор книги “Познание Востока” глубже других западноевропейцев уразумел сакральный характер отношений китайцев с Землей (в данном случае уместно именно такое написание). Свои интуиции он воплотил в трагедии “Отдых седьмого дня”. В ее основе сюжет древнейших земледельческих мифов: герой — император Срединного царства опускается в толщу земли, чтобы молить о даровании урожая. “Трагедия заканчивается безмерным гимном земле, — пересказывает ее М. Волошин. — Торжествующая ясность плодоносной земли, бытие в настоящем, апофеоз летнего заката над созревающими полями” (Восток — Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1985).

Но прежде всего древний дух земли вдохновлял самих китайских мыслителей на постижение, обобщение и развитие глубоко своеобразного опыта своей цивилизации. Крупнейший китайский философ XX века Лян Шумин, “последний конфуцианец”, как почтительно именовали его коллеги,

в 20-е годы выдвинул оригинальную концепцию “аграрной реконструкции”. Согласно его учению, “деревня — опора государства”. Ему же принадлежит позаимствованное впоследствии Мао высказывание: “Сельское хозяйство — основа экономики”.

Лян Шумин считал неприемлемым для Китая путь промышленной революции. В стране отсутствовали и технические предпосылки для индустриализации. Зато имелись все условия (многочисленное население, обширная территория) для развития аграрного сектора. “Аграрная реконструкция”, по мнению философа, должна создать предпосылки для возрождения Китая.

Лян Шумин подверг острой критике западные теории — как левые, так и правые. Он отрицал “коммунистический коллективизм” как доктрину подавления личности, принесения ее в жертву ложно понятым общественным интересам. В то же время он отвергал буржуазный индивидуализм, ориентирующий индивида на удовлетворение в первую очередь материальных интересов. Лян Шумин — излагает его взгляды С. Белоусов, автор биографической статьи в словаре “Китайская философия” — “настаивал на безусловном превосходстве китайской культуры над западной. Первая всегда видела подлинный смысл бытия индивидуума в нравственном самосовершенствовании... “облагораживании национального духа” и моральной консолидации общества, то есть ставила... духовные ценности выше низменных материальных. Вторая, напротив, привержена утилитарному подходу к вопросам человеческого бытия”.

Духовным стержнем китайской цивилизации Лян Шумин считал конфуцианство. Особо выделяя в нем императив “свободного сотрудничества и равноправия”, соединяющий в одном процессе развитие личности (как члена семьи) и прогресс общества (как одной национальной семьи). “В то же время, — вновь приведу слова С. Белоусова, — он соглашался, что Китаю полезно заимствовать отдельные элементы западных институтов науки (как экономического фактора) и демократии (как фактора политического), но только при условии сохранения “преимущественных сторон китайской цивилизации”.

В сущности, тех же взглядов придерживались и другие ведущие китайские мыслители XX века. Не только профессиональные философы, но и политики (наиболее крупные — Сунь Ятсен, Чан Кайши, Мао Цзэдун, Дэн Сяопин известны и как идеологи, авторы многочисленных теоретических работ). Среди видных китайских философов только один — Ху Ши был западником. **Среди крупных политиков западников не было вовсе! В конечном счете именно этим объясняется самобытное развитие Китая, приведшее к успеху на рубеже столетий.**

Китайские коммунисты могли бы поспорить с Лян Шумином по отдельным вопросам, в частности, по поводу необходимости “демократии”, особенно в западном ее варианте, или об отношении к коллективизму, но основные его принципы они разделяли. Что, кстати, сказалось на судьбе философа — в отличие от Ху Ши, бежавшего на Тайвань, он остался в коммунистическом Китае и даже исполнял одно время почетную роль члена Народного политического консультативного совета Китая. Правда, избежать критики в ходе “борьбы против правых” (конец 50-х) ему не удалось.

Впрочем, гонениям — и куда более грозным — подверглись тогда и высокопоставленные коммунисты вплоть до членов Политбюро. Как бы то ни было, Лян Шумин пережил своих гонителей и спокойно умер на родине в 1988 году в возрасте 95 лет. Ведущие газеты страны поместили прочувствованные некрологи, отдавая дань “последнему конфуцианцу”.

Если сформулировать кратко, то **принципы, объединяющие крупнейших деятелей новейшей истории Китая, таковы: чувство национального превосходства — национализм; опора на историческую традицию, что характерно для крестьянских цивилизаций; патернализм — представление о государстве как попечителя всего общества; предпочтение, отдаваемое аграрному сектору и непосредственно деревне не только как хозяйственной и социальной единице, но как важнейшему институту национальной жизни.**

Символ борьбы за возрождение Китая Сунь Ятсен поставил “национализм” во главе своих “трех великих” или “трех народных принципов”. Два другие: “народовластие” и “народное благоденствие” (кстати, Мао в основополагающей работе “О новой демократии (1940)” заявлял, что компартия разделяет эти принципы). Сунь Ятсен считал необходимым использовать технические достижения промышленно развитых стран, но критиковал Запад за несовершенство общественного строя. Первый президент Китая стремился ввести государственный контроль над экономикой, частично над внешней торговлей и даже над определенными звеньями распределения.

Чан Кайши призывал к борьбе с западным влиянием, возрождению конфуцианских ценностей и морали. Согласно его концепции, цель китайской революции — подавление индивидуализма и эгоизма для осуществления “национальной реконструкции”. Предполагалось обязательное социальное партнерство в духе тезиса “Государство — одна семья”. Каждый был призван трудиться на общее благо. В экономической сфере осуществлялся синтез капитализма и социализма, рынка и плана. Ключевые отрасли промышленности передавались в ведение государства, разрешалось мелкое и среднее частное предпринимательство. При этом госпланирование охватывало как государственный, так и частный сектор. В политической сфере Чан Кайши предлагал “китаизацию демократии”: сочетание сильной центральной власти, даже диктатуры, с духовной свободой, отождествляемой с демократией*.

Рассматривая эти варианты развития, не слишком отличающиеся один от другого, приходишь к мысли о существовании рамок, направляющих искания китайских лидеров по сути в одно русло. Эти рамки — национальные особенности страны.

Было ощущение национального единства, вполне естественное перед лицом иностранной агрессии: “Страна-нация”, “нация-семья”. И порожденная этим чувством готовность к сотрудничеству, повиновению, жертвенность. Словом, у Китая был нравственный потенциал — если эту гамму напряженных искренних чувств можно охарактеризовать суховатым научным термином.

Такой потенциал и сам по себе многого стоил. Но в том-то и дело, что он существовал не сам по себе! Китайцев уже в 20-е годы было полмиллиарда.

* См. Сухарчук Г. Социально-экономические взгляды политических лидеров Китая первой половины XX века. М., 1983.

Это был нравственный потенциал великой нации, исполненной решимости обеспечить себе достойное будущее.

Еще немаловажный, а быть может, решающий фактор — богатейшая и славная история Китая. — История? Какой же это фактор развития? Мы смотрим на историю как на прошлое, навсегда ушедшее, отчужденное, отрезанное от нас. Китайцы воспринимают свою историю по-другому: как серьезный аргумент в борьбе за первенство. Даже если речь идет о таком сугубо техническом процессе, как выплавка стали. Вот почитайте у Мао Цзэдуна: “Мы страна с древнейшей историей, а по производству стали не можем сравниться с Бельгией”.

“История для Китая — это всё, — провозгласил уже в наши дни видный историк Лю Данянь. — История выше, чем идеология, выше, чем любая философская система” (цит. по: “Китайская народная республика в 1980 году. Политика, экономика, идеология”. М., 1984). Заметьте, в период торжества социализма написано: история — выше, чем идеология! В Китае воистину так.

“Ничего не вычеркни и не впиши”, — предписывает новогодняя молитва иудею. Историческое наследие предстает здесь как музейный экспонат, бесценный, но неживой, не способный к развитию. Другим народам иудеи постарались привить иное отношение к национальной истории. “Разрушим до основания, а затем”, если воспользоваться строчкой из гимна мирового пролетариата. И ведь рушили!.. У китайцев своя формула, с головокружительной простотой и изяществом соединяющая музейно-бережное и деятельно-преобразующее отношение: “Вернуться к истоку и открыть новое”. Вот почему все планы обновления Китая основывались не на западных вариантах, а на самобытных, глубоко укорененных в истории страны.

Уж какие бунтари марксисты (и западники, во всяком случае, в российском варианте), но и они не смели — да и не желали! (что характерно для Поднебесной) — игнорировать национальные особенности Китая. Ту же роль традиции.

<...>

Мао Цзэдун и крестьянство — особая тема, одна из важнейших в этой главе. Мы еще обратимся к ней. Но здесь я просто не мог не упомянуть о роли деревни, крестьянского начала — без этого невозможно понять Мао.

Признаюсь, только теперь, после поездки в Китай, чтения произведений Мао и литературы о нем я начал понимать эту своеобразную, противоречивую, но, безусловно, мощную натуру. Скорее, он националист. Я бы сказал — дважды националист: по воспитанию и по происхождению. Ибо крестьянин (в отличие от пролетария, которому “нечего терять...”) привязан к родной земле, рожден своею землей. Земледелец — стихийный националист.

За что, видимо, крестьянство не жаловали основоположники марксизма. Маркс не любил земли. Он называл ее... “машиной” (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. II, с. 84). К деревне он относился с нескрываемой неприязнью: “...Мы все же не должны забывать, что эти идиллические сельские общины, сколь безобидными они бы ни казались, всегда были прочной основой восточного деспотизма, что они ограничивали человеческий разум

самыми узкими рамками, делая из него покорное орудие суеверия, накладывая на него рабские цепи традиционных правил, лишая его всякого величия, всякой исторической инициативы” (там же, т. 9, с. 135).

<...>

Повторю, я пишу эту статью не только о Китае, но и о России, о наших проблемах и бедах.

<...>

В ходе социалистических преобразований Мао осуществлял политику прямо противоположную сталинскому курсу коллективизации. В СССР город реформировал деревню по своей воле и рецепту. В Китае деревня была призвана стать моделью общенационального реформирования. Такое разновекторное движение в рамках единой социалистической системы еще раз показывает, что, помимо социально-экономических моделей, существуют ц и в и л з а ц и о н н ы е — они-то и оказывают наиболее серьезное, решающее воздействие на судьбы народов и государств.

(Дано в сокращении)

现代人的日记

(节选)

道统*

嫉妒交加论中国

大地隆起又裂开，巨大的裂谷被汹涌的水流填满。阳光照耀之下，水面泛着金色的涟漪，自由地徜徉在浦东的滩边，轻轻摇晃着有几层甲板的楼船，滚滚东逝，延江入海，流向那近在咫尺的海洋，如你所感，真真切切。

上海外滩，这里曾几何时是西方殖民势力的象征：华丽的海关大楼，维多利亚风格的钟楼高耸入云，外国领事馆（包括俄罗斯领事馆），以及临水的亚热带公园，过去这里曾挂着一块牌子：“狗与华人不得入内”……如今，这里是新中国的象征：上海首任红色市长的纪念碑，一座厚重的社会主义纪念碑风格的雕像，沉重地矗立在栏杆旁。

今日的外滩是中国昂首迈入二十一世纪的象征。左右两侧，目之所及，摩天大楼拔地而起，层层叠叠，直插南方耀眼的天空。最高的建筑有88层，顶部是尖顶的塔状屋顶，边缘优雅地向上翘起，矗立在浦东半岛上——这片与老上海的母体隔江相望的特区，如今已成为西方银行和企业的聚集地，是继香港之后最大的金融中心，也是未来的科技园区。

与此同时，老上海也以其数百年罕见的活力，回应着这座年轻双子城所面临的挑战。从高架公路的弧形外滩走下，深入周围的街道，你就会发现，老上海不过是一个传说，是醉醺醺的水手们的幻想，是光影与水的游戏，是这一纬度常见的海市蜃楼。或者，它只是一个虚构的名称，用来区分历史中心与左岸的巨型新建筑。十几条街道上，两层高的灰色房屋覆盖着红瓦，庭院里种着丁香花，尘土飞扬，墙皮斑驳，让人不禁想起莫斯科城外的庭院；几处公园里，茂密的黄杨灌木丛和紫色的藤萝花簇从哥特式殖民教堂的镂空遮阳篷上优雅地垂下，这就是老上海仅存的痕迹，至少在外滩的黄浦江畔是如此。显而易见，这片历史遗迹正在缩小，而且的确是每天都在消失一点点。古朴的尘光荡漾，推土机推倒摇摇欲坠的墙壁，而从一旁尚未清理的垃圾堆中，钢筋铁骨就此拔地而起，未来摩天大楼的骨架正在生长。

周围矗立着无数这样的建筑——巨大的圆柱体、立方体、金字塔，深褐色和蓝绿色的镜面反射着高空的云彩。这彩云之下，花岗岩的台阶、金色的汉字和傲慢的英文——来自世界各地的大银行和信托公司汇聚于此。这里还有无数的餐厅、商店，播放着轻柔的音乐，缓慢的自动扶梯和疾速的电梯将顾客送入地下商场或送上高层。南京路就是老上海的心脏。

* 传统道路的传承，一种中国古典哲学中的概念

上海可以比肩纽约和巴黎，许多人称上海是一座西方化的城市。但事实并非如此，至少并不是完全如此。这里当然有摩天大楼、多层立交桥、疯狂的车流……但仔细观察这座西化大都市的喧嚣，你会发现其中隐藏着一种独特的东方节奏。悠闲中带着突如其来的忧郁沉思：如果自行车手在马路中间停下，或者出租车突然停住——强大的车流：小轿车、双层巴士、成群的自行车会流畅地、几乎是温柔地绕过它。

还有那声音！刺耳的汽车喇叭声、发动机的轰鸣、街头小贩的叫卖声、无数建筑工地上锤子的敲击声，汇成一股持续到深夜的喧嚣。上海的味道——店铺和豪华百货公司里飘出焚香的气味，酱油和在人行道边烤架上烤得焦黄的肉香，林荫道上被太阳晒热的大地的浓烈气息，光亮的绿叶散发出的芳香，还有小巷里的恶臭。还有那色彩：珍珠般的晨雾、正午阳光下炙热墙壁的耀眼反光、夜晚广告牌上梦幻般的牡丹图案。还有那夜色的黑暗——甜美而粘稠，就像黑米酒一般。

当然，还有那成千上万张面孔，人潮汹涌，猛烈地冲击着西式建筑的墙壁。不仅仅是人群，而是一股统一的洪流，一条生命的河。多少张难以想象的生动面孔，背着沉重麻袋的疲惫工人、在某个合资企业中趾高气扬的管理者、眼神狡黠的骗子、戴着细框眼镜、面容清瘦的知识分子、像竹笋一样纤细的情侣，梦游般地依偎在一起，还有穿着褪色蓝色中山装的老人，困惑地注视着不久前还被禁止的生活的胜利。这里没有模糊的面孔，性格和情感中没有过渡色调：聪明就是聪明，爱笑就是爱笑，吝啬就是吝啬，恋爱就是忘我。所有这些节奏、色彩、声音、面孔，融合成一个独特的整体。一颗巨大的心脏，它的名字叫上海。

上海并不是中国的西方。它是掌握了西方技术、证券之道、全球概念和城市规划理念、最新产品设计和时尚潮流的东方，但它仍然是它自己。到目前为止，西方的扩张仍是显而易见的。它与中国建设者的商业活力进行着斗争，并试图征服它，如果做不到这点，就至少驯服它，渗透到核心并从内部瓦解它。我们稍后再讨论这一点。

无论如何，今天西方来到这里，即便不是向东方卑躬屈膝，也至少是平等相待。上海是美国和中国领导人首次会晤的地方。顺便说一句，中亚各共和国和俄罗斯的领导人能够达成一致，并与中国国家主席江泽民签署了关于与中国边界安全的宣言，也正是在这里，而不是在莫斯科！去年，世界各大公司的首脑齐聚上海，制定共同战略。这与俄罗斯目前的处境形成了多么鲜明的对比！我们为在瑞士高海拔的达沃斯屈尊讨论俄罗斯问题而无比自豪。在中国，人们则是平静地，尽管也不无自豪地谈论着世界问题如何在黄浦江畔得到解决。

农业文明

有一条笔直如飞机跑道的光亮道路，微微向北延伸，那里在白昼的视线之外闪耀着北极星，它是宇宙中心的统治者。大门、拱廊、露天的祭坛，由三圈规整的大理石圆环从地面升起，圆顶尖顶的圆形神殿。周围是中国松树的海洋——一枝繁叶茂，长满柔软的松针，静默无声。这里是北京的天坛。

在冬至这一天，皇帝会到这里举行一年一度的祈谷仪式。前一夜，他在斋庙度过。黎明前，在火炬的照耀下，他前往祈年殿，向天穹之主跪拜。

农业在中国是神圣的。事实上，许多古老文化都将谷物成熟的过程神圣化。但或许只有中国一直到20世纪仍在国家层面举行农业仪式。最后一次祈求大地丰收的已不是皇帝——而是中华民国总统袁世凯。彼时是1914年。

推翻了旧政权和千年习俗的共产党政权，以新的形式复兴了对土地和耕作的传统崇拜。毛主席的口号日复一日地被全国传送，他曾亲自宣布：“农业是经济的基础”。（此处及以下引用的毛主席语录未注明出处的，均引自：毛泽东著，Φ.布尔拉茨基译，莫斯科，1976年。）对于马克思遗产的最高守护者来说，这是一个令人惊讶的声明。众所周知，马克思将工业生产置于首位，并在社会主义变革中赋予无产阶级而非农民以首要地位。值得注意的是，中国的社会科学家不仅没有试图缓和这一面向《共产党宣言》作者的大胆挑战（当然，他们不能忽视毛主席的言论），反而将主席的宣言描述为“毛泽东对马克思学说的重要发展”。

今天，农业的主导地位已被法律所确立。据我所知，这种情况也是独一无二的。《中华人民共和国农业法》的序言中明确了其目标：“保障农业作为国民经济基础的地位”（引自：《1993-1994年中华人民共和国：政治、经济、文化》，莫斯科，1995年）。

如今，谈论“农民文明”成为了一种时尚。闲散的评论家们乐于将任何不同于西方的社会都冠以这一称号。尽管这通常是出于善意，但这一概念本身却逐渐模糊，失去了具体意义、生命力和真实性，变成了一种为贫穷者准备的文化历史教材。那些未能建立起负责任且有效的公民社会、深陷于某种非正式关系泥潭中的民族，这些关系只能通过统治者的独裁来推动。不，农业文明不是打发穷人的铜板，它是人类最伟大的成就之一！要真正理解它的含义，必须放下空谈，前往中国亲眼见证。

我无意对这一复杂现象进行系统化的描述。这是科学论文的任务。此外，农民文明极具有机性，难以被形式化。**我的目标是展示它在最新中国历史中所呈现的鲜活特征！**

西方伟大的逃亡者——赫尔曼·黑塞、理查德·威廉、阿尔伯特·施韦泽——都被这一最古老且传承至今的文明所吸引。法国的诗人兼外交官路易·克洛代尔，在19世纪末结束了在美国多年的工作后，定居中国。在那个机器文明盛行的国度中的经历，成为他逃往东方的最后推动力——在那个时代，这种行为不是政治性的，而是精神性的，它让人回归“童心”（心）、“真诚”（诚）、“人本”（仁）、“良善”（善）——这些中国文明的基本概念。

他的俄语译者马克西米利安·沃洛申写道：“克洛代尔离开欧洲，去寻找人类的原始根源，这位拉丁文化衰落时期的代表人物，内心深处渴望着那些人类灵魂的根源，那里能感受到生土地的尖锐和苦涩味道。”作为原始真实性的探索者，《认识东方》的作者比其他西欧人更深刻地理解了中国人与大写的土地（在这种情况下，大写是恰当的）

之间关系的神圣性。他将自己的直觉体现在悲剧《第七日的安息》中。该剧的灵感来源于最古老的农耕神话：作为主人公的中央王朝的皇帝，深入田间，祈求丰收。“悲剧以对土地的无限赞美结束，”沃洛申总结道：“丰收大地的胜利光辉，当下的存在，夏日夕阳在成熟田野上的壮丽景象。”（《东方与西方：研究、翻译、出版物》，莫斯科，1985年）。

但首先，古老的土地精神激励着中国的思想家们去理解、总结和发展他们文明的独特经验。20世纪中国最重要的哲学家梁漱溟，被他的同事们尊称为“最后的儒家”，在20世纪20年代提出了“乡村建设”的原创理论。根据他的学说，“乡村是国家的支柱”。他还提出了后来被毛泽东引用的名言：“农业是经济的基础。”

梁漱溟认为，工业革命的道路对中国是不可取的。中国缺乏工业化的技术性前提。然而，它具备了发展农业部门的所有条件（人口众多，领土辽阔）。根据这位哲学家的观点，“乡村建设”应该为中国的复兴创造条件。

梁漱溟对西方理论（无论是左翼还是右翼）进行了尖锐的批评。他否定了“共产主义的集体主义”，认为它是一种为了被误解的公共利益而压制、牺牲个人的教条。同时，他也拒绝了资产阶级个人主义，因为它使个人追求物质利益的优先满足。正如《中国哲学词典》中传记文章的作者S. 别洛乌索夫所阐述的那样，“梁漱溟坚持中国文化对西方文化的绝对优越性。前者始终将个人存在的真正意义视为道德上的自我完善……‘提升民族精神’和道德团结，也就是说，它将……精神价值置于低级的物质价值之上。而后者则恰恰相反，它倾向于对人类存在问题采取功利主义的态度。”

梁漱溟认为，儒家思想是中国文明的精神核心。他特别强调其中的“自由合作与平等”原则，它将个人（作为家庭成员）的发展与社会的进步（作为一个民族大家庭）结合在同一个过程中。我要再次引用S. 别洛乌索夫的话，“同时，他认可中国借鉴西方科学（作为经济因素）和民主（作为政治因素）制度的个别元素，但前提是保留‘中国文明的优越之处’。”

实在而言，这样的观点在20世纪的中国思想家中还有广泛的支持者。而且不仅是职业哲学家，也包括一众政治家。（如孙中山、蒋介石、毛泽东和邓小平，他们不仅是意识形态的倡导者，也是诸多理论著作的作者。）在中国著名哲学家中，只有胡适是西化派。而在重要的政治家中，则完全没有西化派！归根结底，正是这一点解释了为什么会有中国特色的发展道路，并使其在世纪之交取得了成功。

中国的共产党人可能会在个别问题上与梁漱溟争论，特别是关于“民主”的必要性，又尤其是西方形式的民主，或者关于集体主义的态度，但他们认同他的基本原则。顺便说一句，这也影响了这位哲学家的个人命运——与逃往台湾的胡适不同，他留在了共产中国，甚至一度担任中国人民政治协商会议的荣誉成员。诚然，在“反右斗争”（50年代末）期间，他未能避免批判。不过，当时就连共产党的高级干部，包括政治局成员，也受到了更为严厉的迫害。无论如何，梁漱溟都比他的迫害者活得更久，并于1988年在家乡寿终正寝，享年95岁。

中国的主要报纸都刊登了深情的讣告，向“最后的儒家”致敬。

简而言之，将中国近代史上最要人物团结在一起的原则如下：民族优越感，即民族主义；依赖历史传统，这是农民文明的特征；家长式作风，即将国家视为整个社会的监护人；优先考虑农业部门和农村，即不仅将其视为经济和社会单位，更是将其视为民族生活的最重要机构。

中国复兴斗争的象征孙中山将“民族主义”置于他的“三大”或“三民主义”之首。另外两个是：“民权”和“民生”（顺便说一句，毛泽东在奠基性著作《新民主主义论》（1940年）中宣称，共产党支持这些原则）。孙中山认为有必要利用工业发达国家的技术成就，但批评西方社会制度的不完善。中国第一任总统试图引入国家对经济的控制，部分控制对外贸易，甚至控制分配的某些环节。

蒋介石呼吁抵制西方影响，复兴儒家的价值观和道德。根据他的观念，中国革命的目标是压制个人主义和利己主义，以实现“民族复兴”。设想在“国家是一个家庭”的精神下进行强制性的社会合作。每个人都被要求为共同利益而努力。在经济领域，实现了资本主义和社会主义、市场和计划的综合。关键工业部门被移交给国家，允许中小型私营企业。同时，国家计划涵盖了国有和私营部门。在政治领域，蒋介石提出了“民主的中国化”：将强大的中央权力，甚至是独裁，与等同于民主的精神自由相结合。（参见G. 苏哈尔丘克：《20世纪上半叶中国政治领袖的社会经济观点》，莫斯科，1983年。）

若仔细审视这些发展方案，会发现它们彼此之间并没有太大的区别，人们不禁想到一种框架的存在，他引导中国领导人的探索在本质上都朝着同一个方向前进。这种框架就是国家的民族特质。

在面对外国侵略时，据有这样一种民族团结的感觉，是非常自然的：“国家即民族”，“民族即家庭”。由此便会产生合作、服从和牺牲的意愿。如果可以用略显枯燥的科学术语来描述这种紧张而真诚的情感，那么简而言之，中国具有一种道德潜能。

这种潜能本身就很有价值。但关键在于，它并不是孤立存在的！早在20世纪20年代，中国就有五亿人口。这是一个伟大民族的道德潜能，这个民族决心为自己争取一个体面的未来。

还有一个相当重要，甚至可能是决定性的因素：中国丰富而辉煌的历史。历史？这怎么可能是发展的因素呢？我们将历史视为过去，永远逝去、疏离、与我们割裂的东西。但中国人会以不同的方式看待他们的历史：视其为争夺领先地位的严肃论据。即使是在事关炼钢这样的纯技术进程的事上也是如此。请读读毛泽东的话：“我们是一个历史最悠久的国家，但在钢铁生产方面无法与比利时相比。”

著名历史学家刘大年在我们这个时代宣称：“历史对中国来说就是一切，历史高于意识形态，高于任何哲学体系”（引自：《1980年中华人民共和国：政治、经济、意识形态》，莫斯科，1984年）。请注意，这是在社会主义胜利时期所写的：历史高于意识形态！在中国确实如此。

“不要删除或添加任何内容，”犹太人的新年祈祷中如此规定。历史遗产在这里被视为博物馆的展品，虽然无价，但也没有生命，无

法发展。犹太人试图向其他民族灌输对民族历史的不同态度。如果用世界无产阶级的赞美诗中的一句话来说就是：“旧世界打个落花流水”。而且他们确实摧毁了旧世界！……中国人有自己的公式，以令人眩晕的简单和优雅将博物馆式的保护和积极的改造态度结合在一起：“复本归源，开创新局。”这就是为什么中国所有的更新计划都不是基于西方的选择，而是基于植根于国家历史的独特选择。

马克思主义者（以及西方主义者，至少在俄罗斯的选项中）是多么得叛逆，但他们既不敢，也不想忽视中国的民族特点！传统的作用无非如此。

毛泽东与农业——这是一个独特的课题，也是重中之重。所以我们会再提到。但在此处，我还是无法不强调农村和农业原则的重要性，排除了这些便无法理解毛泽东。

我承认，直到现在，在访问中国、阅读毛泽东的作品和有关他的文献之后，我才开始理解这种独特、矛盾但无疑强大的个性。他更像是一个民族主义者。我甚至会说，他是一个双重的民族主义者：从教育和出身来看都是如此。因为农民（与“没有什么再可失去的……”的无产阶级不同）与他们的土地紧密相连，是他们的土地所孕育的。因此，农民是天生的民族主义者。

这可能是马克思主义创始人不喜欢农民的原因。马克思不喜欢土地。他称其为“机器”（卡尔·马克思，弗里德里希·恩格斯，《全集》，第46卷，第二部分，第84页）。他对乡村的态度中带有毫不掩饰的厌恶：“……我们不应忘记，这些田园牧歌般的乡村社区，无论它们看起来多么无害，始终是东方专制主义的坚实基础，它们将人类的理性限制在最狭窄的范围内，使其成为迷信的顺从工具，给它套上传统规则的奴隶枷锁，剥夺了它所有的伟大和所有的历史主动性。”

（同上，第9卷，第135页）

我重申，我写这篇文章不仅是关于中国的，也是关于俄罗斯的，关于我们共同的问题和困境。

……

在社会主义改造的过程中，毛泽东实施的政策与斯大林的集体化路线截然相反。在苏联，城市按照自己的意愿和方式改革农村。在中国，农村则被树立为全国改革的典范。这种在统一社会主义体系内的不同方向的运动再次表明，除了社会经济形态之外，还存在文明的形态，它们对民族和国家的命运产生最严重、决定性的影响。

（节选）

译者：柴旭东

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ

Стихи

* * *

*Удивительно пахнет дождём —
воздух соткан из влаги и воли,
жадно дышишь и веришь с трудом,
что сугробы мы перебороли.*

*А зима бесконечной была,
опостылело это убранство —
как посмертная маска, бела
затвердевшая маска пространства.*

*Девять месяцев — гипсовый гнёт,
воздух в струнку, деревья ни шагу,
и казалось, что кончится год,
и земля под снегами умрёт,
не всосав животворную влагу.*

*А теперь — до ростка, до комка
глинозёма — всё дышит весною,
и течёт, как ночная река,
в отраженьях асфальт подо мною.*

*И безумный, казённый, любимый,
город, вырванный из-подо льда,
и машины, летящие мимо,
одуревши, не зная куда,
в гром, в жару, где сирени в пыли, —
всё омыто прозрачной водою,
всё омыто водой молодой,
властным запахом мокрой земли.*

* * *

*Сколько тут домов снесли
под один замах,
лишь проплешины земли —
память о домах.*

*Взялся поздний снегопад
выбелить дотла
пустоту, где год назад
жизнь своя текла.*

*Паром дверь заволокло —
вход по одному —
застоялое тепло
плещется в дому.*

*Газовых конфорок пыл,
жар кухонных ссор.
А какой тут запах плыл
за окно во двор!*

*Коридорной лампы свет
жалко оголён.
На стене велосипед
косо закреплён.*

*В белом воздухе пустом
в двадцать пять венцов
высится снесённый дом
без своих жильцов.*

*Словно струи сквозь золу,
в землю, в корни трав,
все они ушли во мглу,
слова не сказав.*

* * *

*Сумерки на землю налегли,
даже небо отдано удушью,
зареву зелёное вдали
реет над асфальтовой сушью.*

*В темноте они ещё светлей —
ожиданье тягостной недели —
прутья на обрубках тополей
уплотнились и позеленели.*

*И уже гуляет над Москвой
среди туч, насупленных зловеще, —
лёгкою косынкой грозовой
эта зелень светлая трепещет.*

*Входит лето в каменный мешок,
опоздав и перепутав числа.
Тут любой не то что одинок,
а с самим собою разлучился.*

*Капли света бьются о стекло,
небо дышит духотой сырою.
На Москве обвисло тяжело
лето довоенного покроя.*

*Что же сердце полое щемит,
будто в пустоте его щербинка,
что же в небо тусклое летит
зелени прозрачная косынка?*

* * *

Моей жене

*День стоит за окном, словно куб световой,
к сердцевине мутнея от тяжести света.
Медногорло, насадно сияя листвою,
проплывает бульваром московское лето.*

*Громоздятся дома за открытым окном
в синеве, опустевшей без птичьего свиста.
Крутогорбые липы в чаду выхлопном
напоследок мерцают корой золотистой.*

*Воздух выпит дождями — нет, всё впереди,
ничего, ничего ещё не изменилось —
где-то к северу землю полощут дожди
и метут под подошвы древесную гнилость.*

*Ничего не изменится, слово даю,
не пойдёт под уклон равноденствие это —
будет света с избытком в полдневном раю —
целый город из камня, деревьев и света.*

亚历山大·卡津采夫

诗作

雨的气息令人惊奇——
空气由湿气和意志编织，
贪婪地呼吸，难以相信
我们已战胜了白雪深积。
冬天曾是那么凄厉，
这装饰已让人厌倦——
如同死后的面具般苍白，
凝固的空间面具。
九个月——石膏般的重压，
空气紧绷，树木无法移动，
似乎这一年就要结束，
大地将在雪下死去，
无法吸收生命的湿气。
而现在——从嫩芽到土地，
一切都散发着春天的芬芳，
脚下的沥青如夜河般流淌，
映照着倒影瑰丽。
疯狂的、假正经的、心爱的城市，
从冰下挣脱，
飞驰而过的汽车，
晕头转向，不知去向何方，
驶向雷声、热浪，那里紫丁香蒙尘——
一切都被透明的水洗净，
一切都被年轻的水洗净，
湿土弥漫强烈的气息。

多少房屋被拆除，
只一瞬间便了无，
只剩下光秃的土地——
是关于房屋的记忆。
晚来的大雪试图
将一切彻底抹除，
一年前，这片空地
还有那生活的痕迹。
蒸汽在门口环顾——
一次只一人进入——
滞留的温暖
在屋内涌溢。
煤气灶上的火光，

争吵热烈的厨房。
而那时，窗外的院子里
正飘散着怎样的芬芳！
走廊的灯光
可怜地徜徉。
墙上斜挂着
自行车一辆。
在白色的虚空中，
被拆除的房屋
把二十五顶桂冠戴上，
没有了它的居民也一样。
仿佛灰烬中的溪流，
渗入土地，渗入草莽，
他们全都消失在黑暗中，
沉默不语，只字不响。

暮色笼罩大地，
连天空也被闷热占据，
远处的绿色霞光
在干燥的沥青上游弋。
在黑暗中它们更加明亮——
对沉重一周的期待——
变得更加浓密和翠绿的
是枝条寄宿在杨树的残桩。
而它已在莫斯科上空游荡，
在阴沉的云层间——
如轻盈的雷雨头巾，
这明亮的绿色在惊慌。
夏天闯入石头的牢房，
不仅迟到，连日期也迷惘。
在这里，每个人不仅孤独，
甚至与自己道分鏖扬。
光的雨点敲打着玻璃窗，
天空呼吸着潮湿的闷热。
莫斯科上空沉重地悬挂着
夏天在战争前的模样。
为何空洞的心在抱恙，
仿佛空虚中有裂痕，
为何这透明的绿色头巾
向暗淡的天空飞翔？

致爱妻

伫立窗外，那白昼如光之立方，
逐渐浑浊，都只因那光的重量。
铜喉的夏天，疲惫地把树叶摇晃，
穿过莫斯科，沿着林荫道间漂荡。
高楼大厦在敞开的窗外堆放，
在无鸟鸣的蓝色中显得空旷。
陡峭的椴树泡在尾气的雾霭，
树皮最后一次闪烁金色的光。
空气被雨水饮尽——不，一切还未结束，
什么都没有改变，原模原样——
雨水冲刷着大地，在北方的某处，
将树木的腐朽扫到脚旁。
我向你保证，什么都不会改变，
这个秋分不会衰亡——
正午的天堂将充满过剩的光——
整座由石头、树木和光组成的城邦。

译者：柴旭东

Дорогие друзья!

Вы только что прочли на двух языках специальный выпуск журнала с работами российских и китайских писателей, изданный в рамках проекта «Российско-китайские созвучия». Надеемся, что он понравился вам. Нам так хотелось этого!

Китай и Россия встретились, удивляя мир и радуя своих друзей уверенностью в завтрашнем дне.

Ещё и ещё раз поздравляем вас с этим событием! Пусть крепнет и развивается дружба, взаимопонимание и сотрудничество наших народов-соседей!

Редакция «Нашего современника»

亲爱的朋友们!

呈现在大家面前的，是由“俄中文化的共鸣”项目精心打造的双语特刊，本刊荟萃了俄中两国作家的经典力作。我们衷心希望这本刊物能获得各位读者的喜爱！

中俄两国并肩向前，以对未来的坚定信念令世界为之瞩目，更让双方友人倍感欣喜。

值此特刊发布之际，我们再次表示祝贺！祝愿两国人民友谊长久稳固，相互理解不断加深，各领域合作持续加强！

《我们的同时代人》杂志编辑部

